

*Мы не искали крестов, мы не получали
медалей за храбрость, но мы кое-что сделали,
не щадя живота, о чем можно судить
индуктивно по тому вою целых стай
шакалов, которые тоскуют
о вырванной из их пасти
добыче.*

В. Д. Спасович

Н. А. Троицкий

Адвокатура в России

А. Александров ~ П. Александров
Андреевский ~ Андроников ~ Анисимов
Арсеньев ~ Бардовский ~ Барт-Лопатин
Беренштам ~ Бобрищев-Пушкин
Боровиковский ~ Буймистров ~ Винавер
Волькенштейн ~ Гаевский ~ Герард ~ Герке
Гольденвейзер ~ Гольдштейн ~ Гонтарев
Громницкий ~ Грузенберг ~ Дсмянов ~ Жданов
Жуковский ~ Зарудный ~ Иогансен ~ Казаринов
Кальманович ~ Карабчевский ~ Карякин ~ Кедрин
Коломнин ~ Корш ~ Куликов ~ Куперник
Ледницкий ~ Леман ~ Леонтьев ~ Линдфорс
Люстиг ~ Макалинский ~ Маклаков ~ Малянтович
Мандельштам ~ Матросов ~ Миронов ~ Муравьев
Никонов ~ Ольхин ~ Пассовер ~ Пергамент
Переверзев ~ Плевако ~ Полянский ~ Потехин
Пржевальский ~ Принтц ~ Рапп ~ Ратнер ~ Родичев
Самарский-Быховец ~ Сахаров ~ Н. Соколов
С. Соколов ~ Соколовский ~ Спасович ~ Стааль
Стасов ~ Танеев ~ Тесленко ~ Турчанинов
Унковский ~ Урусов ~ Утин ~ Хартулари
Холева ~ Черкесов ~ Шубинский
Языков

Н. А. Троицкий

**Адвокатура в России
и
политические процессы
1866–1904 гг.**

ТУЛА • АВТОГРАФ • 2000

*Рукопись подготовлена с финансовой помощью
Международного научного фонда
(грант № Z16000/573)*

На переплете:
Фрагмент фасада Московских судебных установлений
*(торжественно открыты 14 апреля 1866 года
императором Александром II)*

На форзаце:
Судебный процесс по делу 1 марта 1881 г.
Рисунок очевидца («The Graphic» 1881. 23 April. P. 392–393)

Оглавление

Введение	7
--------------------	---

Часть I

Адвокатура в России как юридический, политический и культурный феномен

Глава 1

Происхождение и статус российской адвокатуры	27
--	----

Глава 2

Корифеи адвокатуры «первого призыва»	61
--	----

Глава 3

«Молодая адвокатура» и ее корифеи	113
---	-----

Глава 4

Власть против адвокатуры	157
------------------------------------	-----

Глава 5

Адвокатура, общество, политика и культура	187
---	-----

Часть II

Адвокатура на политических процессах 1866–1904 гг.

Глава 1

Становление политической защиты в России (1866–1877)	229
---	-----

Глава 2

Адвокатура на политических процессах 1878–1882 гг.	267
---	-----

Глава 3

Участие адвокатуры в политических процессах 1883–1900 гг.	299
--	-----

Глава 4

Политическая защита на процессах участников массового движения 1901–1904 гг.	331
---	-----

Оглавление

Глава 5

Адвокатура на судебных процессах

1901–1904 гг. по делам политических партий 369

Заключение 406

Приложение

Российские адвокаты на политических

процессах 1866–1904 гг. 412

Условные сокращения 432

Указатель имен 434

Введение

1. Тема

Российская адвокатура была учреждена по Судебным уставам 1864 г. На политическом процессе она впервые выступила в 1866 г. (по делу о покушении Д. В. Каракозова на царя Александра II) и с тех пор участвовала в разбирательстве почти каждого политического дела; всего же за 1866–1904 гг. в России состоялось 420 политических процессов.

Вся судебная система пореформенной России была призвана охранять прежде всего устои самодержавия. Но по сравнению с дореформенным временем она заключала в себе качественно новое, *демократическое* начало, главными выразителями которого стали два института — суд присяжных и адвокатура. В правовом отношении адвокатура как постоянный противовес обвинению разоблачала, а при случае и обуздывала характерные для царского суда произвол и беззаконие. В политическом же отношении она составляла, если не явную, то скрытую либерально-демократическую оппозицию самодержавному режиму. Выступая на политических процессах в роли посредников между царизмом и его врагами, в роли представителей русской общественности, которая со временем все заметнее становилась враждебной царизму, адвокаты проявляли сочувствие и оказывали содействие освободительному движению, а иные из них сами активно участвовали в движении (включая даже акции революционного характера), подвергались за это репрессиям.

Предмет настоящего исследования — адвокатура в России как феномен и юридический, и политический. Разумеется, адвокатура вообще — учреждение юридическое, и как таковая

она считалась неременным, причем исключительно значимым атрибутом правового государства с незапамятных, античных времен. Более того, сильная, независимая, авторитетная адвокатура всегда была важным показателем силы и зрелости самого правового государства и даже человеческой цивилизации, а стало быть — и фактором не только юридическим, но также социальным, политическим, культурным.

Многовековой опыт, мощь и влияние адвокатуры в таких странах, как Франция, Англия, Италия, США, и многих других говорят сами за себя. Не случайно десятки премьер-министров и президентов этих стран вышли из адвокатов, а такие адвокаты, как Т. Джефферсон и А. Линкольн, М. Робеспьер и Ж. Дантон, И. Гёте и Вальтер Скотт, Д. Мадзини и Л. Кошут, Махатма Ганди и Бенито Хуарес, оставили яркий след в мировой истории и культуре.

Удивительно, что и российская адвокатура, едва родившись, с первых же дней поставленная в жесткие условия, сумела тем не менее поставить себя — и юридически, и даже политически — на необычайную для самодержавной страны высоту. Все-таки к 1914 г. в России было 16,5 тысяч адвокатов¹, т. е. на душу населения больше, чем к 1991 г. в СССР, в государстве «развитого социализма», как мы недавно еще говорили. Главное же, российские дореволюционные адвокаты завоевали национальное и международное признание своей самоуправляющейся корпорации (*присяжных поверенных*), выдвинув созвездие первоклассных юридических бойцов. Имена В. Д. Спасовича и Ф. Н. Плевако, Д. В. Стасова и Н. П. Карабчевского, П. А. Александрова и С. А. Андреевского, В. И. Танеева и А. И. Урусова, В. Н. Герарда и Л. А. Куперника, О. О. Грузенберга и А. С. Зарудного, Н. К. Муравьева и Н. Д. Соколова и многих других были известны всей стране и далеко за ее пределами, а длинный ряд (несколько десятков!) выигранных ими в борьбе за право и правду судебных процессов вызвал общероссийский и мировой резонанс. Достаточно вспомнить, как в 1878 г. П. А. Александров добился оправдания, казалось бы, обреченной по меньшей мере на ка-

---

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Пг., 1914. Т. 2. С. 260.

торгу, Веры Засулич, а в 1904 г. Н. П. Карабчевский спас от виселицы Егора Созонова. Блистательно проявили себя русские адвокаты на громких процессах нечаевцев, «50-ти», «193-х», морозовских ткачей, мултанских удмуртов, саратовских демонстрантов 1902 г. и якутских ссыльнопоселенцев 1904 г., по делам Г. А. Гершуни и М. Т. Бейлиса. Речи адвокатов на политических процессах в печати и списках распространялись по стране, а иные из них обходили и мировую прессу.

Можно ли назвать имя хоть одного советского или постсоветского адвоката, который имел бы пусть малую долю такого успеха и влияния, такой популярности? К сожалению, нет. В Советском Союзе, особенно с конца 20-х годов, роль и значение адвокатуры упали почти до нулевой отметки и остаются на ней сегодня. По числу адвокатов на душу населения СССР уступал даже странам Восточной Европы в 2–4 раза, а США — более чем в 15 раз¹. О юридическом и тем более политическом весе нашей адвокатуры трудно сказать что-либо. Лишь к 90-м годам началась у нас в противоборстве государственной и судебной бюрократии работа по созданию независимой и сильной адвокатуры. 24–25 февраля 1989 г. состоялся наконец учредительный съезд Союза адвокатов СССР (в царской России самоуправляющийся Союз адвокатов был создан еще в 1905 г.).

Начавшийся сегодня в нашей стране процесс формирования истинно правового государства с достойной его адвокатурой побуждает нас обратиться к опыту зарубежной и, особенно, русской дореволюционной адвокатуры, чтобы учесть и рационально использовать все лучшее из этого опыта. Отсюда явствует, сколь актуальна теперь история российской адвокатуры вообще, ее юридического статуса и политической роли в частности и ее выступлений на политических процессах в особенности.

---

¹ Стецовский Ю. И. Советская адвокатура. М., 1989. С. 100.

2. Литература

Сами русские адвокаты задолго до 1917 г. позаботились о собственной истории. Превосходные труды К. К. Арсеньева, П. В. Макалинского, Е. В. Васьковского, М. М. Винавера освещали возникновение, устройство и процессуальное функционирование адвокатуры¹. Были изданы биографические очерки о некоторых адвокатах (главным образом, о Ф. Н. Плевако)², а также сборники очерков о русских судебных ораторах, т. е. опять-таки исключительно об адвокатах (плюс один прокурор — А. Ф. Кони)³, мемуарно-исследовательские эссе самого А. Ф. Кони о В. Д. Спасовиче, К. К. Арсеньеве, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусове, С. А. Андреевском и А. Л. Боровиковском⁴, но политические процессы в этих изданиях замалчивались — из цензурных соображений.

С 1914 г. в трудных условиях мировой войны Советы присяжных поверенных, по инициативе Московского и Петроградского, предприняли издание 4-томной «Истории русской адвокатуры». Война не помешала адвокатам выпустить в свет за 1914–1916 гг. три первых тома⁵. Они содержат богатый материал об учреждении и статусе адвокатуры, деятель-

---

¹ Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875. Ч. 1–2; Макалинский П. В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб., 1889; Васьковский Е. В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1–2; Винавер М. М. Очерки об адвокатуре. СПб., 1902.

² Джанишев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894; Чубинский М. П. Памяти В. Д. Спасовича // Вестник Европы. 1909. № 1–2; Маклаков В. А. Ф. Н. Плевако. М., 1910; Доброхотов А. М. Слава и Плевако. М., 1910; Подгорный Б. А. Плевако. М., 1914; Руадзе В. П. Два судебных оратора [М. Г. Казаринов и Н. П. Карабчевский]. СПб., 1912.

³ Ляловецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897; он же. Характеристика известных русских судебных ораторов (Ф. Н. Плевако. В. М. Пржевальский. Н. П. Шубинский). СПб., 1902; Глинский Б. Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897; Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900.

⁴ Все они переизданы: Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5.

⁵ История русской адвокатуры. Т. 1: Гессен И. В. Адвокатура, общество и гос-во. М., 1914; т. 2–3: Сословная организация адвокатуры / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1916.

ность же ее (даже юридическая) отражена плохо: вовсе не упомянуты выступления адвокатов как юристов на политических процессах, не говоря уже о непосредственно политической их борьбе в составе разных партий. Четвертый том предполагалось составить из биографий адвокатов, часть которых согласился написать А. Ф. Кони¹, но в 1917 г. работа над томом была свернута. Не удалось московским адвокатам (М. Л. Мандельштаму, Н. В. Тесленко и др.) осуществить и задуманное в 1918 г. издание многотомника «Русская адвокатура в биографиях» с портретами и текстами защитительных речей².

В советское время присяжная адвокатура была упразднена (Декретом Совнаркома от 22 ноября 1917 г.), а ее история надолго предана забвению. Хуже того, сталинский террор вырубил уцелевшие в горниле революции и гражданской войны кадры мастеров старой адвокатуры. Среди прочих были расстреляны: защитник Вацлава Воровского и Петра Заломова П. Н. Малянтович, сын знаменитого Германа Лопатина Б. Г. Лопатин-Барт, защитник Михаила Фрунзе Б. М. Овчинников; загублен в тюрьме НКВД однокурсник Александра Ульянова, защитник Ивана Каляева и Николая Баумана М. Л. Мандельштам.

Первая в СССР монография о русской дореволюционной адвокатуре появилась совсем недавно³. Здесь подробно описан процесс становления корпорации присяжных поверенных в России, но — на бедной источниковой базе. Монография носит компилятивный характер: автор не потревожила ни одного архива и не прибавила почти ничего нового к трудам Е. В. Васильковского или К. К. Арсеньева 100-летней давности. Адвокатура как политический феномен у Н. В. Черкасовой вообще не рассматривается.

В последние годы, главным образом усилиями профессора В. И. Смоларчука, подготовлен ряд биографических трудов о

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 285–286, 443.

² ГАРФ. Ф. 827. Д. 5 (экземпляр программы многотомника, адресованный Н. П. Карабчевскому).

³ Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России (60–80-е годы XIX в.). М., 1987.

корифеях русской буржуазной адвокатуры¹ и очень удачный сборник «Гиганты и чародеи слова»² — тоже об адвокатах плюс А. Ф. Кони (которого, кстати сказать, флагманы нашей исторической и литературной журналистики «Вопросы истории» и «Новый мир» относят к «знаменитым адвокатам»³). В этих трудах рассматривается участие адвокатов и в политических процессах, но — лишь на отдельных примерах.

Русская адвокатура на политических процессах как исследовательская проблема остается поныне не то чтобы «белым пятном», но как бы пестрым полем с редкими изученными местами и многочисленными «белыми пятнами». В 1927 г. вышел «беглый очерк» (по определению самого автора) И. Н. Мошинского (он же Юзеф Конарский)⁴ — преимущественно о процессах после 1905 г., с краткими данными об адвокатуре. В 1971 и 1988 гг. увидели свет еще два «беглых очерка» — небольшие (12 и 13 с.) статьи Е. А. Скрипилева⁵, одна из которых посвящена адвокатуре 1917 г. (между Февралем и Октябрем), а другая, несмотря на широкое название, по существу хронологически ограничена 1905–1907 гг. В промежутке между очерками И. Н. Мошинского и Е. А. Скрипилева появился ряд книг — Н. Н. Полянского, М. П. Баторги-

---

¹ Смолярчук В. И. В. Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское гос-во и право. 1982. № 10; он же. Н. П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель // Там же. 1983. № 8; он же. Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989; Унковский А. М. А. М. Унковский (1828–1893). М., 1979.

² Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX вв. М., 1984.

³ Новый мир. 1978. № 10. С. 53; Вопросы истории. 1981. № 7. С. 89; 1990. № 2. С. 164. Впрочем, «знаменитых адвокатов» путают и друг с другом. Например, защитник Николая Кибальчича В. Н. Герард представлен «адвокатом Софьи Перовской» (Шелагинов В. К. Защита поручена Ульянову. М., 1977. С. 51) и «защитником Веры Засулич» (Воспоминания о П. И. Чайковском. Л., 1980. С. 366), тогда как в действительности Перовскую защищал Е. И. Кедрин, а Засулич — П. А. Александров.

⁴ Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927.

⁵ Скрипилев Е. А. Российская присяжная адвокатура после Февральской буржуазно-демократической революции // Труды Иркутск. ун-та. 1971. Т. 45. Сер. юрид. Вып. 8. Ч. 1; он же. Российская присяжная адвокатура в пореформенной России // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. Межвуз. сб-к научных трудов. Воронеж, 1988.

на, Б. В. Виленского, М. М. Глазунова и Б. А. Митрофанова¹. Из них для нашей темы наиболее значима монография Б. В. Виленского, где речь идет и об адвокатуре с пониманием ее политического смысла, деятельности и роли. Однако адвокатура здесь — сюжет побочный, и рассматривается он лишь между прочим, в связи с некоторыми выдающимися процессами только 1870-х годов, без выявления особенностей тактики адвокатов и ее соотношения с тактикой подсудимых. Из других книг можно почерпнуть отрывочные сведения об участии адвокатов в политических процессах: на Дону за 1903–1907 гг. (М. П. Баторгин), в военных судах (Н. Н. Полянский) и Особых присутствиях Сената и Петербургской судебной палаты (М. М. Глазунов, Б. А. Митрофанов) за 1905–1915 гг.

Вот фактически все, что есть в отечественной литературе по теме «Русская адвокатура на политических процессах», кроме ряда моих работ², которые можно считать подготовительными к настоящей монографии. Показательно, что в 3–5 томах фундаментальной «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернета, где обобщен материал о сотнях политических процессов 1876–1916 гг. (иные из них освещаются подробно), даже не упомянут ни один адвокат. То же надо сказать и о капитальных историко-революционных трудах П. А. Зайонч-

¹ Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958; Баторгин М. П. Перед судом царского самодержавия. М., 1964; Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Глазунов М. М., Митрофанов Б. А. По законам Российской империи. М., 1976; они же. Перед Особым присутствием. М., 1980; они же. Первые Советы перед судом самодержавия. М., 1985.

² Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1891) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968; Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. Гл. 4; Из воспоминаний адвоката С. А. Андреевского // Советские архивы. 1980. № 3; Корифей русской адвокатуры первого призыва // Советское гос-во и право. 1985. № 2, 9; Корифей отечественной адвокатуры (Жизнь и судьба Н. П. Карабчевского) // Вопросы истории. 1993. № 6; Адвокатура и общество в России (XIX — начало XX вв.) // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994; Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.

ковского, Б. С. Итенберга, С. С. Волка¹. Вообще, из монографий о русском революционном движении XIX–XX вв. только у М. Г. Седова (на примере двух процессов: Веры Засулич и «20-ти»)² и у Н. Б. Панухиной (на примере процесса «50-ти»)³ рассмотрены поведение и роль политической защиты. В 1990-е годы тема вообще не рассматривалась.

Малая осведомленность — одна из двух главных причин, объясняющих, почему советские историки и юристы, как правило, принижали русскую буржуазную адвокатуру. Вторая причина — их «пролетарская» неприязнь ко всему «буржуазному». Еще в 1922 г. на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции слышались голоса, что «адвокатура по существу своему — это лавочка». Н. В. Крыленко вступился тогда за адвокатуру: «Это неправда, имеются тоже заслуги и у адвокатуры»⁴. Семь лет спустя А. Я. Вышинский заклеил адвокатуру как «самое ярое контрреволюционное сословие»⁵. С тех пор сквозь всю нашу литературу, так или иначе касающуюся старой адвокатуры, проходил устойчивый дух порицания. Е. А. Скрипилев, например, акцентировал «антидемократическую» и «контрреволюционную» природу и деятельность адвокатуры, поставив ее в этом смысле рядом с Временным правительством и... Ставкой Главного командования⁶. Другие авторы осуждали преимущественно «нравственную нечистоплотность» и «демагогическую настроенность» российской

---

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965; Волк С. С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. Коллективная монография /Под ред. Б. С. Итенберга и др. М., 1983.

² Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 70, 313–314.

³ Панухина Н. Б. Процесс «50-ти» как акт революционной борьбы // История СССР. 1971. № 5.

⁴ Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1922. Вып. 16–17. С. 130, 132.

⁵ Вышинский А. Я. Адвокатура // Энциклопедия гос-ва и права. М., 1929. Т. 1. С. 40.

⁶ Скрипилев Е. А. Российская присяжная адвокатура после Февральской буржуазно-демократической революции. С. 44.

адвокатуры¹. Такие оценки опираются на хлесткий отзыв В. И. Ленина об адвокатах («эта интеллигентская сволочь часто паскудничает») из его письма к Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме от 19 января 1905 г.²

В рядах адвокатуры была, конечно, и «сволочь», которая «часто паскудничала», но не она определяла собою лицо и деятельность всей корпорации. Распространять слова, сказанные Лениным в сердцах об этой «сволочи», на буржуазную адвокатуру вообще можно только при малой компетентности и большой предвзятости.

Итак, если организация, статус, принципы функционирования российской присяжной адвокатуры изучены (большей частью еще в дореволюционной литературе) удовлетворительно, то *главное*, чем занимались адвокаты, их выступления на судебных процессах, политических в особенности, до сих пор ждут специального обобщающего исследования.

3. Источники

Обобщить выступления российской адвокатуры на политических процессах за все время ее существования трудно, но возможно. В качестве ценных пособий для решения этой задачи можно использовать уже накопленные исследования народнических процессов 1870–1880-х годов, а также почти исчерпывающий аннотированный перечень всех вообще политических процессов 1901–1905 гг.³ Главное же, к услугам современного исследователя — вполне достаточная источниковая база.

Все источники, которые были мобилизованы для работы

---

¹ Шаламов М. П. История советской адвокатуры. М., 1939. С. 11; Заславский Д. О. Вступ. статья к изд.: Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 15. С. 28; Каржанский Н. С. Московский ткач Пегр Алексеев. М., 1954. С. 100; Шелагинов В. К. Указ. соч. С. 102.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 171.

³ Политические процессы в России 1901–1917 гг. / Под ред. Л. И. Гольдмана. Ч. 1. (1901–1905). М., 1932.

над этой книгой, можно подразделить на пять основных групп: судебно-следственные материалы, документы официального делопроизводства, письма и дневники, воспоминания, публицистика. Из первой, самой важной для нас группы источников прежде всего задействованы *все* стенографические и неофициальные отчеты о судебных процессах с участием адвокатуры. В газетах такие отчеты с 1871 по 1881 гг. печатались почти обо всех крупных процессах. Тринадцать из них (плюс два нелегальных отчета о народовольческих процессах 1882 и 1887 гг.), т. е. всего 15 отчетов, были изданы отдельными книгами или в сборниках уже к 1906 г.¹ и еще четыре — в советское время². О политических процессах 1882–1904 гг. стенографические отчеты не печатались, но материалы самых громких из них (включая записи очевидцев о ходе судебных прений) издавались нелегально³.

Наряду с отчетами ценнейшим источником являются для нас защитительные речи адвокатов, которые не вошли в отчеты (как правило, по цензурным причинам) и печатались в разное время особо⁴. Не все адвокаты писали свои речи зара-

---

¹ Шесть из них (по делам С. Г. Нечаева, Долгушинцев, группы В. М. Дьякова, участников Казанской демонстрации, «50-ти» и «193-х») изданы в сб-ке «Государственные преступления в России в XIX в.» (СПб., 1906. Т. 1–3). Еще пять отчетов о процессах 1870-х годов вышли отдельными книгами: в 1879 г. — по делам А. К. Соловьева, В. А. Осинского, А. Я. Гобета, Н. Ф. Крыжановского и в 1906 г. — по делу Веры Засулич. Из процессов «Народной воли» даже в неполном виде удалось издать при царизме отчеты только о четырех: Процесс «21-го». Женева, 1888; Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906; Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906.

² 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927; Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. М., 1928–1930. Т. 1–2. Неофициальные отчеты о процессах «Южнороссийского союза рабочих» (1877 г.) и участников Морозовской стачки 1885 г. (1886 г.) см. в кн.: Морозовская стачка 7–13 (19–25) января 1885 г. М., 1923; Южнорусские рабочие союзы. М., 1924.

³ Суд над Карповичем и Лаговским. Женева, 1901; Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, 1902; Таганрогский процесс по делу о Ростовской демонстрации 2 марта. Женева, 1903; Процесс Гр. Гершуни. Баку, 1904; Якутский процесс. Женева, 1904. Вып. 1–3; Убийство трех министров (1901–1904). СПб., 1906 (материалы процессов П. В. Карповича, С. В. Балмашева, Е. С. Созонова).

⁴ Молодая адвокатура. СПб., 1908; *Хартулари К. Ф.* Итоги прошлого. СПб., 1891; *Спасович В. Д.* Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Бер-

нее. Иные из них (в том числе Ф. Н. Плевако и Н. П. Карабчевский) готовили тексты речей к публикации по репортерским записям или сами воссоздавали их заново уже *post factum*. Здесь важно учесть следующую мысль Карабчевского: «Лишь в течение весьма короткого времени (двух-трех дней) сам оратор, если речь его была сильна и всего его действительно захватила, в состоянии более или менее точно воспроизвести ее. Тогда она еще сама живет в нем... Но если упустить этот благоприятный момент переживания произнесенной речи... оратор тотчас же станет сочинять и то, что в действительности им сказано не было». Сам Карабчевский (так же, как, по его мнению, и Плевако) всегда старался не упустить первый момент¹.

Документы следующей группы источников, т. е. внесудебного официального делопроизводства (законодательные акты, высочайшие резолюции, межведомственные справки, жандармские циркуляры, доклады, обзоры, агентурные донесения), опубликованные сравнительно в небольшом числе², определяли в 1860–1900-е годы политическую конъюнктуру в стране, устройство, состав и функции карательных органов, соотношение администрации, суда и адвокатуры, а теперь помогают нам уяснить подспудную «механику» политических процессов, особенности поведения судей, подсудимых и адвокатов.

Очень обширна третья группа печатных источников — письма и дневники. Правда, источники этой группы, исходя-

---

лин, 1900; Плевако Ф. Н. Речи.— М., 1909–1910. Т. 1–2; Андреевский С. А. Драммы жизни (Защитительные речи). 5 изд. Пг., 1916; Карабчевский Н. П. Речи (1882–1914). 3-е изд. М., 1916; Волькенштейн Ф. А. В дореволюционных судах. Речи защитника. М.; Л., 1924; Грузенберг О. О. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944; Судебные речи известных русских юристов. М., 1958; Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в. Тула, 1997. В сб. «Ф. Н. Плевако. Избранные речи./ Сост. Р. А. Маркович. Отв. ред. Г. М. Резник. М., 1993», хотя и утверждается, что отобраны речи, «в основном ранее не публиковавшиеся...» (С. 4), все 39 речей перепечатаны из 2-томника 1909–1910 гг., причем без ссылки на него.

¹ ГАРФ. Ф. 827. Д. 30. Л. 3.

² Главным образом, в ПСЗ, «Собраниях узаконений и распоряжений правительства» за разные годы и в изд.: Судебные уставы за 50 лет. Пг., 1914. Ч. 1–2.

щие от самих адвокатов, печатались редко¹. Зато изобилуют ценными (иногда сокровенными) наблюдениями об условиях, в которых шли политические процессы, и о самих процессах дневники и письма царских министров (П. А. Валуева, Д. А. Милютина, К. П. Победоносцева, Е. А. Перетца, А. А. Половцова) и прочих лиц всех направлений — реакционных (А. А. Бобринского, Я. Г. Есиповича, А. В. Боданович), консервативных (А. В. Никитенко, А. С. Суворина, А. Ф. Тютчевой), либеральных (А. Ф. Кони, Н. А. Мельгунова, Е. А. Штакеншнейдер) и революционных (А. И. Герцена, А. Д. Михайлова, Е. С. Созонова). Особый интерес представляют отклики на политические процессы и характеристики адвокатов в письмах корифеев отечественной культуры: Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, Ф. И. Тютчева, П. И. Чайковского, И. Е. Репина, С. В. Ковалевской, В. В. Стасова, К. С. Станиславского.

Еще обширнее четвертая группа печатных источников по нашей теме — воспоминания. Наиболее ценны для нас, естественно, мемуары самих адвокатов, которые печатались и отдельными книгами², и в различных сборниках или периоди-

¹ В Д. Спасович в его последних письмах // Вестник Европы. 1906. № 11, Князь А. И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. Т. 1–3. М., 1907, Письма А. М. Унковского к Г. А. Джаншиеву // Голос минувшего. 1914. № 11, Предсмертное письмо Е. С. Семяновского к отцу // Былое. 1906. № 11, Письмо А. Л. Боровиковского к Ф. М. Достоевскому // Каторга и ссылка. 1927. № 4, Из дневника В. П. Гаевского (1883–1887) // Красный архив. 1940. Т. 3, «Хорошие силы гибнут зря» (письмо Л. А. Куперника к М. М. Стасюлевичу) // Советские архивы. 1988. № 5.

² Карабчевский Н. П. Около правосудия. 2 изд. СПб., 1908, он же. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 1–2, Беренштам В. В. В огне защиты. СПб., 1912, Ледницкий А. Р. Из прошлого. М., 1917, Малянтович П. Н. Революция и правосудие (Несколько мыслей и воспоминаний). М., 1918, Андреевский С. А. Книга о смерти. Л., 1924. Ч. 1. Ревель — Берлин, [б. г.]. Ч. 2, Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. 2-е изд. Париж, 1926, Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931, Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1933–1934. Т. 1–3, Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937, Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938, Маляков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954, Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989.

ческих изданиях¹. К сожалению, не успели написать воспоминаний погибшие в годы сталинщины корифеи т. н. «молодой адвокатуры» начала XX в., хотя один из них, Николай Константинович Муравьев, как бы предвидя их скорую гибель, призывал в октябре 1933 г. своих товарищей по секции политзащиты Всесоюзного общества политкаторжан поработать над воспоминаниями, «пока (цитирую его.— Н. Т.) не вымрут последние из нас»².

Воспоминания как исторический источник всегда в той или иной мере субъективны и тенденциозны, проникнуты «личными, групповыми, классовыми, национальными пристрастиями, симпатиями и антипатиями»³. Неизбежны в них и ошибки памяти, ретроспективные наслоения. Но свойственное им личностное начало имеет и сильную сторону: поскольку мемуарист свидетельствует о том, что он видел и слышал сам, «*de visu et auditu*»⁴, познавательная ценность его свидетельства неоспорима, даже если оно тенденциозно и нуждается в научном комментарии. Поэтому важны для нас, наряду с мемуарами адвокатов, и любые записки их современников, главным же образом революционеров, которые судились на политических процессах.

Специально о некоторых процессах написали воспоминания В. Н. Фигнер⁵, С. С. Глаголь, Н. А. Виташевский, В. С. Ефремов, Н. К. Бух, А. В. Прибылев, М. И. Дрей, П. И. Торгашов, А. И. Бычков, В. С. Панкратов, Г. Н. Добрускина, А. А. Спандони, В. И. Чуйко, И. Л. Манучаров, Р. А. Шмидова. Кроме того, попутно вспоминали о процессах десятки других мемуаристов-революционеров: И. А. Худяков, И. С. Джабадари, Н. А. Чарушин, С. С. Синегуб, Н. А. Морозов, М. П. Скверы, М. Р. По-

¹ Воспоминания Д. В. Сласова, Ф. Н. Плевако, В. И. Танеева, К. К. Арсеньева, П. А. Потехина, А. М. Унковского, М. Ф. Громницкого, Е. В. Корша, А. М. Александрова, И. Д. Зубарева, О. Б. Гольдовского, Н. В. Святицкого автобиография Б. Г. Лопатина-Барта

² ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 270 Л 10–11

³ Тарле Е. В. Значение архивных документов для истории // Вопросы архивоведения 1961 № 3 С 101

⁴ Буквально «глазами и слухом очевидца» (лат.)

⁵ Фигнер В. Н. Процесс «50 ти» М., 1927

пов, Е. Н. Ковальская, М. Ф. Фроленко, М. П. Шебалин, П. А. Моисеенко, И. Д. Лукашевич, Ф. Я. Кон, Г. А. Гершуни, Д. Ф. Сверчков, П. А. Заломов, Б. В. Савинков и многие другие.

По-иному тенденциозны сочинения мемуаристов либерального и особенно правительственного лагеря, интересные своей оригинальностью как с фактической, так и с идейной стороны. Таковы воспоминания А. Ф. Кони (важнейшие для нашей темы), а также других юристов — Н. С. Таганцева, Э. Я. Фукса, Н. М. Колмакова; ученых и публицистов — А. А. Кизеветтера, Г. К. Градовского, В. П. Мещерского, А. В. Тырковой, Е. И. Козлининой, Д. М. Герценштейна, А. Н. Баранова; писателей — В. Г. Короленко, Андрея Белого, В. В. Вересаева, Т. Л. Щепкиной-Куперник, И. И. Ясинского, А. Р. Кутеля; некоторых чиновников — С. Ю. Витте, К. Ф. Головина, Е. М. Феоктистова — и жандармов — В. Д. Новицкого, А. И. Дворжицкого, А. И. Спиридовича.

Пятую группу печатных источников составила публицистика. Использована русская нелегальная печать 1860–1900-х годов — от герценовского «Колокола» до ленинской «Искры», легальная пресса всех направлений (главным образом, газета «Право», которая издавалась с 1898 по 1917 гг.), ряд иностранных — английских, французских, немецких, австрийских и прочих — изданий с откликами на политические процессы в России, а также отдельные книги, брошюры, сборники выступлений публицистов (включая самих адвокатов) разных стран и убеждений, относящиеся, между прочим, и непосредственно к адвокатуре¹.

Восполняют недостаток печатных источников, а по ряду вопросов и заменяют их документы, извлеченные из 13 архивных хранилищ России и Украины². В частности, разысканы и впервые вводятся теперь в научный оборот:

1. Разнообразные биографические материалы (большей частью воспоминания и переписка) из личных фондов таких

¹ Невядомский Д. И. Вечные вопросы адвокатуры. М., 1886; Пикар Эдмонд. Об адвокате. М., 1898; Гольдштейн М. Л. Принципы организации адвокатуры. СПб., 1900; Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901). Лейпциг, 1903; Пергамент О. Я. Общественные задачи адвокатуры. Одесса, 1905; Марголин А. Д. В полосе ликвидации. СПб., 1911; Арсеньев К. К. За четверть века (1871–1894). Пг., 1915.

² Перечень их см. в оглавлении под рубрикой «Условные сокращения».

звезд российской адвокатуры, как Д. В. Стасов¹, Н. П. Карабчевский, А. И. Урусов, С. А. Андреевский, В. И. Танеев, К. К. Арсеньев, П. А. Потехин, А. Я. Пассовер, Л. А. Куперник, А. С. Зарудный, О. О. Грузенберг, В. А. Маклаков, и других юристов — А. Ф. Кони, Н. С. Таганцева, Н. В. Муравьева, А. Ф. Кистяковского, К. И. Палена.

2. Сохранившиеся в рукописях, гектографированных оттисках, списках полные тексты или изложения неопубликованных защитительных речей, с которыми выступали на политических процессах адвокаты П. А. Александров, Д. В. Стасов, Н. П. Карабчевский, В. Н. Герард, Е. И. Утин, Г. В. Бардовский, Е. И. Кедрин, С. С. Соколов и др.

3. Официальные и нелегальные отчеты о некоторых процессах с участием адвокатов, включая многотомный стенографический отчет о самом крупном политическом процессе за всю историю царской России — по делу «193-х», из которого печатались лишь отдельные части².

4. Секретные циркуляры властей против адвокатуры, проекты ограничения ее прав, материалы о судебных и административных репрессиях по отношению к адвокатам, документальные свидетельства крайней вражды и ненависти к ним со стороны таких воротил и трубадуров реакции, как Александр III, К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, И. Г. Щегловитов, В. К. Плеве, М. Н. Катков, В. П. Мещерский.

5. Агентурные доносы соглядатаев III отделения и Департамента полиции о негласной слежке за «политическими неблагонадежными» адвокатами: В. Д. Спасовичем, Ф. Н. Плевако, Д. В. Стасовым, П. А. Александровым, А. И. Урусовым, Л. А. Куперником, Е. И. Утиным, Н. Д. Соколовым, Н. К. Муравьевым, М. Л. Мандельштамом и др.

6. Воспоминания, доклады и материалы их обсуждений 1920–1930-х годов с участием Н. К. Муравьева, П. Н. Маляна-

¹ Собственно, фонд Д. В. Стасова входит частью в большой (4 200 ед. хр.) архив семьи Стасовых: ИРЛИ РО. Ф. 294.

² В 1878 г. группа адвокатов попыталась на свои средства опубликовать стенографический отчет о процессе «193-х», но первый же том этого издания (примерно 1/4 отчета) был запрещен и уничтожен цензурой. Уцелело лишь около 10 экземпляров, один из которых хранился у Н. П. Смирнова-Сокольского и описан им в «Рассказах о книгах».

товича, М. Л. Мандельштама, А. М. Александрова, Ф. А. Волькенштейна, Н. Н. Полянского, С. Е. Кальмановича и др., хранящиеся в архиве секции политических защитников Всесоюзного общества политкаторжан.

Ценные сведения и материалы биографического характера любезно предоставили мне для работы над книгой дочери Н. К. Муравьева (Татьяна Николаевна Волкова), П. Н. Малянтовича (Галли Павловна Шелковникова) и Б. Г. Лопатина-Барта (Елена Бруновна Лопатина), внуки Н. П. Карабчевского (Нина Анатольевна Винберг), В. И. Танеева (Елена Павловна Танеева) и Н. Н. Полянского (Марина Рувимовна Краевская). Чрезвычайно признателен им, а также вдове академика А. Д. Сахарова Елене Георгиевне Боннэр за сведения о жизни И. Н. Сахарова — деда Андрея Дмитриевича.

4. Задачи исследования

Центральная задача предлагаемого исследования заключается в том, чтобы раскрыть юридический и политический смысл выступлений адвокатуры на процессах 1866–1904 гг. по делам о государственных преступлениях и близких к ним, проанализировать общие принципы и тактические особенности ее поведения в зависимости от условий, места и времени. Адвокаты выступали перед царскими судами всех уровней — от Верховного уголовного до мирового, противоборствовали самодержавному произволу в годы революционных ситуаций и торжества реакции, защищали дворян и разночинцев, крестьян и рабочих, народников и социал-демократов, эсеров и кадетов. Все это будет рассмотрено последовательно, в развитии, как исполнение профессионального долга, с юридической стороны, и оппозиция существующему режиму — со стороны политической.

Речь пойдет об адвокатуре на *политических* процессах, но — с одним уточнением. Само понятие «политический процесс» обычно (и справедливо) прилагают у нас к «делам о действиях, направленных прямо или косвенно на уничтожение, подрыв, ослабление, изменение существующего строя

или образа правления»¹. В моей книге это понятие несколько расширено за счет таких дел, как, например, об участниках знаменитой Морозовской стачки 1885 г., где не было посягательств на самый образ правления, но имели место сопротивление властям и даже требования отдельных законодательных перемен. В. Д. Спасович называл такие дела «псевдополитическими»². Думается, точнее считать их политическими отчасти, с некоторой долей условности, с политическим оттенком. С другой стороны, естественно, не будут рассматриваться те политические процессы (например, громкое дело Фрумы Фрумкиной в Киеве 14 июня 1903 г.), на которых подсудимые отказались от защиты.

Такова первая, главная проблема исследования. Она решается совокупно с другими, по крайней мере четырьмя проблемами.

Вторая проблема: статус адвокатуры и ее корифеи. Здесь рассматривается место адвокатуры в судебной системе пореформенной России, ее происхождение, разновидности («казенная» и частная), процессуальные права и организационная структура. Читателю будут представлены и подробно охарактеризованы — не только как судебные деятели и ораторы, но и как деятели общественные, политические, литературные и пр. — корифеи адвокатуры «первого призыва» (В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, Ф. Н. Плевако, П. А. Александров, А. И. Урусов, В. И. Танеев, Н. П. Карабчевский, С. А. Андреевский и др.) и, в сравнении с ними, лидеры «молодой адвокатуры» (О. О. Грузенберг, Н. Д. Соколов, А. С. Зарудный, Н. К. Муравьев, П. Н. Малянтович, Н. В. Тесленко, М. Л. Мавдельштам, В. А. Маклаков и др.) с оценкой мировоззрения, партийной принадлежности, профессионального уровня, личных дарований каждого из них.

Третья проблема: власть и адвокатура. Здесь будет показано, как царизм, искалечив адвокатуру при самом ее рождении Судебными уставами 1864 г., продолжал калечить ее и далее, вновь и вновь ущемляя ее права, чтобы, если не упразднить,

---

¹ *Медведь Н. Т.* Материалы периодической печати о политических процессах конца XIX — начала XX вв. в России. Автореф. канд. дис. ист. наук. М., 1968. С. 7.

² *Спасович В. Д.* Застольные речи. С. 74–75.

то всеобъемлюще стеснить ее и тем самым свести к нулю способность адвокатов фрондировать против власти, и как адвокатура, со своей стороны, противостояла этому давлению «сверху», боролась не только за сохранение, но и за расширение прав, предоставленных ей Уставами 1864 г.

Четвертая проблема: адвокатура и российское общество. Отношение российского общества к адвокатуře определилось не сразу. В книге предпринята попытка исследовать эволюцию взглядов разных слоев населения страны на отечественную адвокатуру, а также причастность к адвокатуře выдающихся представителей науки, литературы, искусства народов России — таких, например, как Лев Толстой и Леонид Андреев, Максим Ковалевский и Петр Ткачев, Ян Райнис и Леонид Собинов, Франциск Богушевич и Нико Николадзе.

Пятая проблема: адвокатура и политическая борьба. Здесь исследуются самые разнообразные (идейные, деловые, личные, даже родственные) связи адвокатуры с освободительным движением: сочувствие, укрывательство, материальная помощь, конспиративное содействие, а нередко и прямое участие в борьбе с царизмом, за что иные из адвокатов сами оказывались на скамье подсудимых, томились в тюрьмах, шли в ссылку, на каторгу и под расстрел.

Проблемный принцип исследования сочетается в книге с хронологическим. В первой части будут рассмотрены общие вопросы: происхождение и статус адвокатуры, ее корифеи, взаимоотношения с властью, обществом, революционным лагерем. Вторую часть составит последовательно-хронологическое освещение борьбы адвокатов за право и правду на политических процессах 1866–1904 гг. Хронологические рамки исследования — от первого выступления адвокатуры на политическом процессе в России (по делу Д. В. Каракозова в 1866 г.) до первой русской революции 1905–1907 гг.

Часть I

Адвокатура в России

как
юридический, политический
и культурный феномен

Наше сословие сделалось громадным убежищем, вроде Сечи Запорожской... Мы сочлены в государстве, в котором вообще не разрешено сочленяться, соединяться, а сочленяемость достигается разве в виде исключения.

В. Д. Спасович

Происхождение и статус российской адвокатуры

Русская профессиональная (т. н. присяжная) адвокатура была самой молодой в Европе. Она конституировалась лишь в результате Судебной реформы 1864 г. К тому времени в передовых странах Европы адвокатура уже имела многовековую историю и слабые традиции: в Италии ее представляли античные гении Цицерон и Цезарь, а в новое время — К. Гольдони и Д. Мадзини, во Франции — М. Робеспьер и Ж. Дантон, в Англии — Т. Мор и Вальтер Скотт, в Германии — И. Гёте и Ф. Лассаль, в США — Т. Джефферсон и А. Линкольн, в Испании — Ф. Пи-и-Маргаль, в Венгрии — Л. Кошут, в Голландии — Г. Гроций, в Швейцарии — Ф. Лагарп, в Ирландии — Д. О'Коннель, в Мексике — Б. Хуарес, позднее в Индии — М. Ганди, на Кубе — Х. Марти. В России же не только адвокатура как таковая, но и какие-либо (устные ли, письменные) толки о ней считались, по разумению власти, предосудительными.

Собственно, допетровская Русь едва ли и знала что-нибудь вообще об адвокатуре. Петр I в 1698 г. приехал в Англию и, увидев там на суде адвокатов, будто бы (как сообщала английская газета того времени «Book of the days») спросил: «Что это за народ и что они тут делают?» Ему ответили: «Это все законники, ваше величество». «Законники? — удивился Петр. — К чему они? Во всем моем царстве есть только два законника, и то я полагаю одного из них повесить, когда вернусь домой»¹. Так впервые был высказан тот сугубо отрица-

---

¹ ИРА. Т. I. С. 26.

тельный взгляд на адвокатуру, которому следовали далее все российские самодержцы до середины XIX в. Например, Екатерина II в письме к Ф. Гримму от 25 июня 1790 г. прямо объясняла свои успехи в управлении страной отсутствием адвокатов (а заодно и прокуроров). «Главная тому причина, что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуют и никогда законодателями не будут, пока я жива»¹. Николай I, считавший, что именно адвокаты в конце XVIII в. «погубили Францию», вторил своей бабке такими словами. «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»². Не случайно николаевская цензура вычеркнула примечание, которое А. С. Пушкин сделал в «Заметках к "Истории Пугачева"» о полковнике повстанческой армии Т. И. Падурове «как депутате» Уложенной комиссии 1767 г.: «Казнь сего злодея противузаконна (вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов)»³.

Впрочем, «необходимость адвокатов» для России доказывали и до Пушкина, и после него многие передовые умы: А. Н. Радищев, декабристы, петрашевцы, революционные демократы 1850–1860-х годов. Радищев подавал в Комиссию сочинения законов при Александре I особое мнение о праве «судимых» выбирать себе защитника («судимому или обвиняемому в преступлении дозволено избрать себе для совета кого он хочет, а если никого не имеет, то такого человека дать ему от суда»)⁴. «Нет адвоката, чтоб говорить за дело», — как один из пороков дореформенного суда отмечал декабрист М. С. Лунин⁵. Словно продолжая эту мысль, декабрист Н. И. Тургенев готов был признать судопроизводство в России нормальным только при условии, «когда будут у нас адво-

---

¹ Сборник императорского Русского исторического общества СПб., 1878 Т. 23 С. 489, 497

² Колмаков Н. М. Старый суд // Русская старина 1886 № 12 С. 536

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 9 т. М., Л., 1936 Т. 8 С. 582

⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М., Л., 1952 Т. 3 С. 249

⁵ Лунин М. С. Письма из Сибири М., 1987 С. 24 «Я убежден в том, что если бы у нас были адвокаты, — вспоминал декабрист Н. И. Лорер, — то половина членов (тайного общества — Н. Т.) была бы оправдана и не была бы сослана на каторжную работу» (Лорер Н. И. Записки декабриста Иркутск, 1984 С. 159)

каты»¹. Та же мысль выражена и в конституционных проектах идеологов декабризма. Правда, П. И. Пестель настороженно относился к «адвокатскому красноречию», полагая, что оно «великое может иметь влияние» на судей в отрицательном смысле, а именно помешает им «отделить существо дела от цветов красноречия», но в подготовительных материалах к Русской Правде он тоже признавал необходимым для судебного разбирательства наличие «судьи-защитника» («адвоката обвиняемого»), который «ищет доказательств в невинности» своего подзащитного². Что же касается Н. М. Муравьева, то он в третьем, окончательном варианте своей «Конституции» записал безоговорочно: «В каждом уездном городе, в областных и в столице полагается особое сословие адвокатов, в которое поступают люди, получившие в университетах аттестаты в том, что они имеют надлежащие сведения в юридических и словесных науках»³. Позднее М. В. Бугашевич-Петрашевский, сам находясь под следствием, просил объявить царю, что «России нужно, весьма нужно введение адвокатов»⁴.

Царизм, однако, воспринимал все эти суждения как еретическую химеру отдельных злоумышленников, о которой гласно «нельзя было и заикаться»⁵. Лишь после смерти Николая I, который, по выражению Герцена, «держал 30 лет кого-то за горло, чтобы тот не сказал чего-то», в условиях обозначившейся политической «оттепели» русское общество сравнительно громко и широко — не только устно, но и печатно — стало обсуждать и ставить в порядок дня, наряду с другими вопросами, и вопрос об учреждении адвокатуры. В письме к А. И. Герцену от 11 ноября 1857 г. наблюдательный литератор Н. А. Мельгунов отметил уже как явление, характерное для России, «печатные толки о необходимости ввести у нас суды присяжных и сословие адвокатов»⁶. Два года спустя

---

¹ Дядькин Л. А. Судебно-процессуальные воззрения декабриста Н. И. Тургенева // Вопросы истории государства и права Саратов, 1977 Вып. 1 С. 66

² Восстание декабристов Документы М., 1858 Т. 7 С. 224, 314, 356

³ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев М., 1933 С. 361

⁴ Дело петрашевцев М., Л., 1937 Т. 1 С. 29

⁵ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы М., 1914 С. 80

⁶ Н. А. Мельгунов — А. И. Герцену Публ. Н. Н. Захарьина // Литературное наследство 1955 Т. 62 С. 369

Н. А. Добролюбов подчеркнул, что «молодое общество» (революционеров) «желает вести серьезную речь об адвокатуре, гласности и пр., но только считая их не более как *средствами*, при помощи которых можно прийти к другим, высшим целям», тогда как «пожилые мудрецы» (либералы) усматривают в адвокатуре, гласности и пр. вполне достаточную цель¹. Как бы то ни было, к концу 1850-х годов в пользу адвокатуры выступало в России уже многоголосое общественное мнение, в котором звучали отнюдь не только прогрессивные голоса. Вот что печатно провозглашал в 1859 г. консервативный профессор Московского университета, позднее жесточайший гонитель русской адвокатуры (и всякой демократии вообще) К. П. Победоносцев: «Только при помощи адвокатов судебное состязание может достигнуть полноты и живости, а эта полнота и живость необходимы для того, чтобы судья мог обозреть дело со всех сторон, проникнуть в самую сущность его и составить себе твердое убеждение»².

Именно с конца 50-х годов под воздействием нараставшего демократического подъема, частью которого являлось неслыханно для России осмелевшее общественное мнение, в преддверии первой в стране революционной ситуации царизм был вынужден заняться подготовкой крестьянской и других назревших реформ, включая Судебную реформу, оказавшуюся наименее убогой из всех. В русле судебной реформы готовилось и учреждение адвокатуры. Оно предусматривалось исходными проектами 1857–1859 гг., авторами которых были энтузиаст судебной реформы, помощник статс-секретаря Государственного совета С. И. Зарудный, сенатор кн. Д. А. Оболенский и президент Академии наук, бывший министр внутренних дел и будущий председатель Комитета министров Д. Н. Блудов. Эти проекты³ легли в основу документа под названием «Основные положения по судоустройству». Он был выработан чиновниками Государственной канцелярии с участием юристов, высочайше утвержден 29 сентября 1862 г. и, в свою очередь, послужил основой для

---

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 76.

² ИРА. Т. 1. С. 34.

³ Подробно о них см.: ИРА. Т. 1. С. 37–61.

Судебных уставов 20 ноября 1864 г., согласно которым адвокатура и получила «свое юридическое бытие»¹. Поскольку же Судебные уставы вступили в действие 17 апреля 1866 г., именно этот день считается фактическим *днем рождения* адвокатуры в России. 29 сентября 1862 г. и 20 ноября 1864 г. прозвучали как бы: «два первых свистка на собирающемся отчалить пароходе» русской адвокатуры, но только «по третьему свистку пароход снялся с места. И этот третий свисток раздался 17 апреля 1866 г.»².

Первый по значению адвокат России В. Д. Спасович так определил своеобычность возникновения национальной корпорации адвокатов: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в первичное самозарождение организма <...> У нас имеется пример именно такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы вышли не ex ovo (из яйца. — Н. Т.), мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени»³. Действительно, русская адвокатура учреждалась в результате Судебной реформы 1864 г. заново и не имела ничего общего по составу, функциям и организации со своими дореформенными предтечами.

В дореформенной России роль (точнее, некое подобие роли) адвокатов исполняли стряпчие и поверенные (ходатаи), функции которых законодательно не были регламентированы. Свод законов Российской империи фиксировал только, что стряпчие комплектуются и действуют при коммерческих судах по усмотрению этих последних⁴, а ходатаи являются вольнопрактикующими, причем таковыми «могут быть вообще все те, коим законом сие именно не воспрещено»⁵. Словом, закон не упорядочил ни статуса, ни состава ходатаев и стряпчих. «Тут,— вспоминал о них известный адвокат П. А. Потехин,— были дворяне, прожившиеся помещики, разорившиеся купцы, были приказчики, которые прежде вели

¹ ИРА. Т. 1. С. 115.

² Спасович В. Д. Две речи. Берлин, 1892. С. 5–6.

³ Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 85.

⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2. Ст. 1291–1296.

⁵ Там же. Т. 10. Ч. 2. Ст. 185.

дела своих хозяев; тут были отставные военные, даже сидельцы кабаков и пивных лавок, были чиновники, выгнанные со службы <...> и т. д., всех не перечислить»¹. Поэтому составители «Истории русской адвокатуры» были вправе заявить, что дореформенные «адвокаты» «не существовали у нас в качестве юридического института»². Не имевшие, по признанию Государственного совета, «никаких сведений юридических — ни теоретических, ни практических»³, они пользовались дурной славой хищников и мошенников («крапивное семя» — говорили о них в народе)⁴. Приспосабливаясь к порокам одиозного дореформенного суда⁵, сами заражаясь, а то и щеголяя этими пороками, стряпчие и ходатаи XIX в. по примеру средневековых подьячих ловчили, ябедничали, мошенничали за любую мзду. «Берут по двугривенному и штофу водки за сочинение просьбы,— писал о них в 1860 г. авторитетный юрист А. В. Лохвицкий,— по пяти и десяти целковых за фальшивый паспорт; есть у них и такса за фальшивое свидетельство, за фальшивую подпись и проч. <...> В одно и то же время пишут бумаги и истцу и ответчику и, конечно, с обоих берут деньги»⁶.

Типы дореформенных ходатаев и стряпчих картинно увековечены в русской литературе. Таковы Могилицев из

---

¹ Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. № 47. С. 2217.

² ИРА. Т. 1. С. 3.

³ Васильковский Е. В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1. С. 316.

⁴ Потехин П. А. Указ. соч. С. 2217. «В этом названии,— пишет здесь Потехин,— казался русский человек, легко и метко отыскивающий клочки. Действительно, крапива растет на всяком мусоре, около заборов, не нуждается в хорошей почве, очень раскидиста, имеет довольно хорошую зелень, но соприкосновение с нею опасно: она так жжет, колет и оставляет такие занозы, что сравнение подобных адвокатов старого времени с крапивным семенем совершенно верно».

⁵ Даже шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в 1842 г. докладывал Николаю I, что в русских судах издавна царят «продажность <...>, удобство и простор ябеде и злоупотреблению» (ГАРФ. Ф. III отд. Оп. 223. Д. 7. Л. 203). «В судах черна неправдой черной», — писал о дореформенной России основоположник славянофильства (Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 136).

⁶ Лохвицкий А. В. О наших ходатаях по делам... // Русское слово. 1860. № 2. С. 44–45.

«Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина, Сысой Псоич Рисположенский из пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» и, особенно, неподражаемый «юрисконсулт» из 2-го тома гоголевских «Мертвых душ», который «всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться <...> Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было»¹.

От родства с такими предшественниками русские адвокаты, естественно, отреклись категорически. «Мы народились не из них,— заявлял П. А. Потехин,— мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди; ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться»². Принципиально иным, по сравнению с дореформенными стряпчими и ходатаями, был прежде всего правовой, *буржуазный* статус адвокатуры, которая родилась в качестве полноценного юридического института.

По Судебным уставам 1864 г. адвокаты объединялись в самоуправляющуюся корпорацию, сословие *присяжных поверенных*³. Могли быть присяжными поверенными только лица, имеющие, во-первых, высшее юридическое образование и, во-вторых, не менее чем 5-летний стаж службы по судебному ведомству (ст. 354 Уставов). При этом Уставы перечисляли 8 категорий возможных соискателей адвокатуры, которые заведомо в сословие не допускались: 1) не достигшие 25-летнего возраста, 2) иностранцы, 3) состоящие на службе у правительства, 4) осужденные, 5) находящиеся под следствием и др. (ст. 355).

Права и обязанности присяжных поверенных (в отличие

---

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 7. С. 117–118. Здесь уместна сентенция выдающегося русского адвоката В. И. Жуковского: «В нелепом общественном строе все печальное смешно, а все смешное печально» (Судебные речи известных русских юристов. Изд. 3-е. М., 1958. С. 324).

² Потехин П. А. Указ. соч. С. 2220.

³ Об организации, правах и обязанностях сословия присяжных поверенных см.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с рассуждениями, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3. Разд. 9. Гл. 2. Ст. 353–406.

от ходатаев и стряпчих) были строго регламентированы. Уставы 1864 г. гласили, что присяжные поверенные «состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, в деле участвующих, а также по назначению, в определенных случаях, Советов присяжных поверенных и председателей судебных мест» (ст. 353). Уголовную (включая политическую) защиту присяжный поверенный мог принимать на себя и по соглашению с обвиняемым, и по назначению суда, но не имел права «отказаться от исполнения данного ему поручения, не представив достаточно для сего причин» (ст. 393–394).

Ряд статей Уставов 1864 г. явно противопоставлял присяжных поверенных дореформенным стряпчим, декларируя, что адвокат «не может не только быть в одно и то же время поверенным обеих спорящих сторон, но и переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой» (ст. 402); «не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оногo и даже после окончания дела» (ст. 403); «за умышленные ко вреду доверителей действия присяжные поверенные по жалобе тяжущихся и по исследовании их вины могут, сверх взыскания с них убытков, быть подвергнуты уголовному суду» (ст. 405).

Вступая в сословие, каждый присяжный поверенный давал по узаконенной форме «Клятвенное обещание» «хранить верность» царю, «исполнять в точности» законы и «охранять интересы» своих доверителей, памятуя о том, что за все это он должен «дать ответ пред Законом и пред Богом на страшном суде его»¹. Чтобы подчеркнуть отличие присяжных поверенных от всех лиц, не принадлежащих к их сословию, Государственный совет 22 января 1866 г. учредил для них особый знак (серебряный, с изображением герба судебного ведомства в дубовом венке), который полагалось носить в петлице на левой стороне фрака².

---

¹ Текст «Клятвенного обещания» на типографски отпечатанном листе с грифом «Для присяжных поверенных» см.: ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 25. Л. 97.

² ИРА. Т. 1. С. 116.

Наряду с сословием присяжных поверенных и в качестве его рассадника Судебные уставы 1864 г. учредили своеобразный институт помощников присяжных поверенных, но не определили его статуса: ни возрастной и образовательный ценз, ни служебный стаж, ни права и обязанности помощников в Уставах даже не упоминались. Помощники присяжных поверенных, таким образом, сразу попали в беспризорное положение: «по вине законодателя остались “вне закона”»¹. Лишь к середине 70-х годов эти «несовершеннолетние члены адвокатской корпорации»² обрели зачаток собственного устройства, который, однако, сделал их положение хотя и более определенным, зато не менее тягостным и к тому же двусмысленным: Закон 25 мая 1874 г. уравнивал их с категорией *частных поверенных*, только что, по тому же закону, конституированной «как бы в виде необходимого суррогата к присяжной адвокатуре»³. Частными поверенными считались лица, получившие особые свидетельства от судебных мест (кроме лиц с высшим образованием, таковым мог быть каждый, кто выдерживал специальную проверку его юридических познаний на экзамене в каком-нибудь суде). Частные поверенные тоже получили право хождения по судебным делам, но, как правило, малой значимости; к участию в политических делах они не допускались. Все они были приписаны к тем судам, где сдавали экзамен; никакого самоуправления не имели, а находились в прямой зависимости от «своих» судов и, разумеется, от Министерства юстиции⁴. В ту же зависимость отныне были поставлены и помощники присяжных поверенных, сверх того, что они по Уставам 1864 г. оставались подведомственны Советам присяжных поверенных, правомочным наказывать их и отстранять от участия в судебных делах.

Петербургский и, пожалуй, еще в большей степени Московский советы старались укрепить институт помощничества: ходатайствовали об упорядочении его статуса, привлекали

¹ Тома. Среди трибунов. «Юридические младенцы». СПб., 1906. С. 11.

² Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875. Ч. 1. С. 46.

³ Выражение министра юстиции Н. В. Муравьева (*Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности*. СПб., 1900. Т. 2. С. 524.)

⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 49. Отд. 1. С. 832–834.

наиболее активных помощников к участию в самых ответственных судебных делах, включая политические. В 1877 г. В. И. Танеев, бывший тогда председателем Московского совета, побудил записаться в число помощников присяжных поверенных целую группу очень авторитетных ученых-профессоров: М. М. Ковалевского, В. А. Гольцева, С. А. Муромцева, А. И. Чупрова, И. И. Янжула. М. М. Ковалевский позднее вспоминал, что эта инициатива Танеева имела целью «поднять престиж сословия» адвокатов¹. 4 февраля 1878 г. тот же В. И. Танеев провел через Московский совет более рациональные и прогрессивные, по сравнению с Законом 25 мая 1874 г., Правила организации помощников присяжных поверенных², которые, однако, не нашли поддержки у судебных «верхов», упорно отклонявших все ходатайства в пользу ближайшего резерва адвокатуры³.

Пока здесь только упоминались Советы присяжных поверенных. О них (в первую очередь о Петербургском и Московском советах), конечно же, следует говорить особо и подробно. Именно они руководили сословием адвокатов, представляли и защищали его интересы перед властью, оберегали репутацию сословия, развивали сильные и обезвреживали слабые стороны его самоуправления.

Первый по времени и значению, Петербургский совет образовался почти одновременно с возникновением сословия присяжных поверенных. 29 октября 1865 г. Александр II написал «быть по сему» на Положении о введении в действие Судебных уставов 1864 г., но первый акт этого «действия» по отношению к адвокатуре последовал лишь через пять месяцев: 14 марта 1866 г. в Петербурге предусмотренный Уставами «Комитет для принятия и рассмотрения прошений лиц, желающих вступить в присяжные поверенные», печатно, через газе-

---

¹ ИРА. Т. 1. С. 288.

² Джанишев Г. А. Ведение неправых дел (Этюд по адвокатской этике). М., 1887. С. XXVII.

³ Подробно о помощниках присяжных поверенных см.: ИРА. Т. 3. Гл. 3: «Помощники присяжных поверенных. Их организация»; Ломницкий С. Ю. Забытое сословие. Заметки о положении сословия помощников присяжных поверенных. Одесса, 1890.

ты, пригласил «всех желающих и имеющих право» подавать такие прошения¹. Первое прошение уже на следующий день подал бывший стряпчий коммерческого суда П. А. Андреев. Он опередил К. К. Арсеньева, В. П. Гаевского (17 марта), В. Д. Спасовича, Д. В. Стасова, В. И. Танеева (21 марта)². Всего в Комитет было подано 68 прошений. Из них 12 Комитет отклонил, а 56 — передал на утверждение министру юстиции Д. Н. Замятнину. 11 апреля министр утвердил *первых в России* 27 присяжных поверенных³. Еще 29 прошений были представлены ему 22 апреля, но так как 17 апреля торжественно открылись в Петербурге новые судебные учреждения, министр распорядился, чтобы впредь такие прошения утверждались окружным судом — до образования Совета присяжных поверенных. Окружной суд, однако, не успел утвердить ни одного прошения, как уже организовался Петербургский совет присяжных поверенных, и все прошения, еще не рассмотренные министром юстиции, были переданы ему⁴.

Выборы в Петербургский совет присяжных поверенных состоялись 2 мая 1866 г. Первым председателем Совета был избран Д. В. Стасов, а членами — К. К. Арсеньев, В. П. Гаевский, А. Н. Турчанинов, В. В. Самарский-Быховец, Г. Г. Принтц⁵. Московский совет образовался вскоре, 16 сентября 1866 г., под председательством М. И. Доброхотова, а следующий, третий в России Совет присяжных поверенных, Харьковский, — только 6 мая 1874 г. (председатель — М. В. Жученко)⁶. Более того, 5 декабря 1874 г. последовал царский Указ о временной приостановке открытия новых Советов, сохранявший силу до 1904 г.⁷ Таким образом, в течение почти 40 лет со дня учрежде-

¹ ИРА. Т. 1. С. 127, 130–131.

² Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры». Пг., 1914. Прил. 1.

³ Из выдающихся адвокатов среди них были: Д. В. Стасов, В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев, В. И. Танеев, В. П. Гаевский, А. Н. Турчанинов, К. Ф. Хартулари, В. В. Самарский-Быховец, Г. Г. Принтц.

⁴ ИРА. Т. 1. С. 132.

⁵ Состав Петербургского совета за все годы с 1866 по 1914 см.: Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры». Прил. 3.

⁶ ИРА. Т. 1. С. 229.

⁷ Там же. С. 239–240, 442.

ния русской адвокатуры она имела лишь три (в первые 8 лет — даже два) Совета на 11 судебных округов, хотя Уставы 1864 г. предусматривали образование Совета присяжных поверенных в *каждом* судебном округе.

Между тем в самодержавной стране Совет для присяжных поверенных был крайне необходим как гарантия их жизнеспособности. «Где нет Совета,— говорил В. Д. Спасович на собрании петербургских адвокатов 3 мая 1898 г.,— там нет и настоящей адвокатуры, а только обманчивое ее подобие»¹. Исключительная роль Совета в жизни и в самом статусе русской адвокатуры определялась законом. Судебные уставы 1864 г. наделили его широкими правами: он ведал приемом новых адвокатов и контролировал всю деятельность сословия присяжных поверенных (следил за соблюдением законов, правил, обязанностей; распределял участие в судебных делах и т. д.), а за нарушения норм адвокатской профессии наказывал провинившихся разными мерами — от выговора до исключения из адвокатуры и предания уголовному суду².

Советы присяжных поверенных были полновластными, но в то же время сравнительно демократичными органами корпорации. Состав их ежегодно обновлялся (именно «ввиду той обширной и отчасти дискреционной власти, которою облечен Совет и которую он мог бы употреблять во зло, если бы пользовался ею слишком долго и безотчетно»³), причем все члены и председатель любого Совета выбирались простым большинством голосов, а при равенстве голосов у нескольких кандидатов избранным считался тот, кто был раньше записан в корпорацию⁴. Председателями Советов избирались обычно самые принципиальные и авторитетные адвокаты. Так, в Петербургском совете председательствовали: Д. В. Стасов (1866–1867 гг.), К. К. Арсеньев (1867–1873, 1874–1875), В. Д. Спасович (1873–1874, 1883–1885, 1886–1889), А. М. Унковский (1875–1876), В. О. Люстиг (1881–1883, 1885–1886, 1889–1897),

---

¹ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 72.

² Судебные уставы 1864 г. отводили Советам присяжных поверенных 12 специальных статей (ст. 367–378).

³ Арсеньев К. К. Указ. соч. Ч. 1. С. 65.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ст. 360.

А. Н. Турчанинов (1897–1900, 1904–1905), П. А. Потехин (1900–1902), В. Н. Герард (1902–1903)¹.

Несмотря на то, что царизм вскоре после учреждения русской адвокатуры уже начал злоумышленно тормозить ее развитие (приостановив 5 декабря 1874 г. более чем на четверть века открытие новых Советов присяжных поверенных), адвокатура численно росла из года в год. Только в округе Петербургской судебной палаты присяжных поверенных было в 1866 г. 27, в 1875 г. — 127, в 1885 г. — 269, в 1895 г. — 399, в 1905 г. — 629, в 1914 г. — 1 166². Всего по России в 1886 г. было 1 617 присяжных поверенных, в 1895 г. — 2 149, в 1905 г. — 3 709, в 1913 г. — 5 658³. Еще быстрее росла численность помощников присяжных поверенных: в 1886 г. — 700, в 1895 г. — 1 203, в 1905 г. — 2 550, в 1913 г. — 5 489⁴. Внушительные сами по себе эти цифры, однако, крайне малы по сравнению с Англией (в 1867 г. — 17 119 адвокатов), Францией (18 889 адвокатов в 1863 г.)⁵ и США (в начале XX в. — уже 75 тыс. адвокатов)⁶, особенно в пропорции к общей численности населения: 21,2 млн. чел. в Англии в 1867 г., 37,3 млн. во Франции в 1863 г., 76,2 млн. в США к 1900 г., 124,6 млн. в России на 1897 г.

Особенности устройства сословия присяжных поверенных закрепляли его корпоративную сплоченность. «Наше адвокатское православие», — с гордостью говорил В. Д. Спасович⁷. Действительно, в самодержавной стране, даже с учетом Судебной реформы 1864 г., самоуправляющаяся корпорация адвокатов выглядела необычно и вызывающе, как белая ворона. Зато у нее оказалось много общего с адвокатурой пере-

¹ Н. П. Карабчевский возглавил Петербургский совет в 1914 г. и оставался его председателем вплоть до 1917 г.

² Справочный указатель по программе издания «История русской адвокатуры». Прил. 2. С. 91–92.

³ ИРА. Т. 2. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Пестржецкий А. А. Об адвокатуре у римлян, во Франции и в Германии. М., 1876. С. 104.

⁶ Гольденвейзер А. С. Преступление как наказание, а наказание как преступление. Этюды, лекции и речи на уголовные темы. Киев, 1908. С. 94.

⁷ Речь В. Д. Спасовича // Русская мысль. 1891. № 5. С. 155–156.

довых стран Запада, откуда творцы Судебных уставов 1864 г. немало позаимствовали для статуса русской адвокатуры. М. М. Ковалевский прямо свидетельствовал, что сословие присяжных поверенных и его Советы в России «были созданы по образцу уже существовавших во Франции учреждений этого рода»¹. Однако юридические права и общественный авторитет русской адвокатуры, по сравнению с французской или, например, американской, с самого начала были намеренно (и естественно) сужены.

На Западе адвокатура занимала немыслимое для самодержавной России по своей высоте и значимости положение. Достаточно назвать премьер-министров и президентов Франции² и США³ только XIX века из адвокатов. В. Д. Спасович с чувством, которое соединяло и гордость и грусть, в 1896 г. заметил на собрании своих петербургских коллег: «Помню, как при мне сказал бельгийский король Леопольд II: “Все мои министры были адвокаты”»⁴. В России что-либо подобное могло возыметь место только после свержения царизма (из шести министров юстиции Временного правительства пятеро — А. Ф. Керенский, П. Н. Переверзев, А. С. Зарудный, А. А. Демьянов, П. Н. Малянтович — были адвокатами). Поэтому царизм, не желая и боясь возможного, по примеру Запада, политического возвышения адвокатуры, заведомо ограничил ее даже в тех началах, которые по необходимости заимствовались у западных образцов.

Именно это соображение продиктовало царским законодателям 30-летнюю приостановку открытия восьми из одиннадцати Советов присяжных поверенных. Под тем же углом зрения юридический стаж для подготовки к адвокатуре был

---

¹ Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений в России. СПб., 1908. С. 189. О том же: Пестржецкий А. А. Указ соч. С. 4; Арсеньев К. К. Указ. соч. Ч. 1. С. 65 и сл.; Слиозберг Г. Б. Дореволюционный строй России. Париж, 1933. С. 161.

² Ж. Мартиньяк, О. Барро, А. Тьер, Э. Оливье, Ж. Дюфор, Ж. Ферри, Л. Гамбетта, М. Рувье, Ж. Греви, Ш. Флоке, А. Рибо. В XIII в. один из французских адвокатов Ги Фуко стал даже Папой Римским под именем Климента IV.

³ Т. Джефферсон, Д. Мэдисон, Дж. К. Адамс, Э. Джексон, М. Фимор, Ф. Пирс, Д. Бьюкенен, А. Линкольн, Д. Гарфилд, Ч. Артур, Б. Гаррисон, У. Мак-Кинли.

⁴ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 68.

установлен в 5 лет (а не в 3 года, как во Франции, Англии, США), причем ходатайство Петербургского совета присяжных поверенных, возбужденное 15 марта 1869 г., о сокращении такого стажа именно до 3 лет «осталось без всяких последствий»¹. Оно и понятно: чем выше служебно-подготовительный стаж, тем уже круг кандидатов в адвокатуру. Думается, в связи с этим надо рассматривать и вопрос об участии женщин в русской адвокатуре.

На Западе в большинстве стран этот вопрос был решен положительно. Французы, известные своей галантностью, допустили женщин в адвокатуру раньше всех — еще в XVIII в., до Великой буржуазной революции². Примеру Франции последовали Англия, США, Дания, Норвегия, Швейцария, Румыния и другие страны, хотя и не все: например, законы Германии, Австрии, Италии женщин в адвокатуру не допускали³. В России вплоть до 1911 г. женщины не имели доступа к высшему юридическому образованию. Поэтому вопрос об их участии в адвокатуре отпадал сам собой, хотя Судебные уставы 1864 г., в отличие от законодательства Италии, Австрии и Германии, формально не запрещали женщинам быть адвокатами и могли считаться более лояльными к прекрасному полу. Но после того, как 11 ноября 1911 г. был принят закон, дозволивший женщинам получать высшее юридическое образование, и Государственный совет стал обсуждать вопрос «О допущении женщин в адвокатуру», большинство царских сановников выступило против такого допущения, причем один из членов Государственного совета сослался на изначальную неполноценность женщины, ибо Господь сотворил Еву всего лишь из ребра Адама⁴.

По сравнению с адвокатурой стран Запада русская адвокатура оказалась не только более узкой, но и менее правомочной корпорацией. Главным образом, она отставала в правах

---

¹ Арсеньев К. К. Указ. соч. Ч. 2. С. 16–17, 20–22.

² См.: Frank L. La femme — avocat en cause de m-elle J. Chauvin. Paris, 1898.

³ Зинченко Н. А. Женщина-адвокат. СПб., 1898. С. 12–16, 25, 26.

⁴ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 507 (этим членом Государственного совета был протоиерей Т. И. Буткевич). Только после Февральской революции 1917 г. русские женщины были допущены в адвокатуру.

от западной на предварительном следствии. Хотя специальная комиссия под председательством одного из главных деятелей Судебной реформы — Н. А. Буцковского, разработавшая в 1863 г. проект Устава уголовного судопроизводства, единогласно предложила допустить защиту к предварительному следствию, Государственный совет отверг это предложение, так как, мол, «трудно поставить защитника в должные границы и предупредить сокрытие им следов преступления»¹. Судебные уставы 1864 г. формально не запрещали, но и не разрешали допуск адвокатов к следственному производству, которое, кстати сказать, применительно к политическим делам по закону от 19 мая 1871 г. заметно «обеззаконивалось», поскольку предварявшее его дознание было изъято у следователей и передано жандармам².

Между тем во Франции еще в 1789 г. революционное правительство декретировало участие защиты в предварительном следствии³. Правда, Наполеон I в 1808 г. лишил французскую адвокатуру этого права, и только в 1897 г. оно было ей возвращено⁴. Более того, когда Россия готовила Судебные уставы 1864 г., в большинстве европейских стран адвокатура не допускалась к предварительному следствию, но уже в ближайшие десятилетия почти все эти страны выработали новые уставы уголовного судопроизводства, открывшие защите доступ к *любым* следственным действиям. Австрия сделала это в 1873 г., Германия — в 1877, Испания — в 1882, Норвегия — в 1887, Швейцария — в 1891, Венгрия — в 1896, Италия и Бельгия — в 1901 г.⁵ «Что касается нашего законодательства,— признавал в связи с этим реакционный деятель царской юстиции И. Г. Щегловитов⁶,— то в области предвари-

---

¹ Джанишев Г. А. О защите на предварительном следствии. М., 1894. С. 4–5.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. Отд. 1. С. 591–594.

³ Щегловитов И. Г. Современное положение вопроса о защите на предварительном следствии в западноевропейских законодательствах // Право. 1901. № 34. С. 1525.

⁴ Там же. С. 1525, 1528.

⁵ Там же. С. 1525–1533.

⁶ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — министр юстиции в годы судебных репрессий (1906–1915). Ранее, в 1887 г., «наблюдал» за исполнением смертного приговора Александру Ульянову, а в 1905 г. истребовал у суда смертный приговор Ивану Каляеву. Расстрелян по приговору Ревтрибунала.

го следствия оно сильно отстало от тех усовершенствований, которые в настоящее время достигнуты большинством иностранных государств¹.

Главное здесь — даже не в иностранных «усовершенствованиях». Русские юристы сами настойчиво обосновывали жизненную необходимость законодательной санкции на допуск адвокатуры к предварительному следствию². 17 октября 1877 г. Петербургский совет присяжных поверенных, истолковав соответствующий пункт Уставов 1864 г. в смысле «что не воспрещено — следует считать дозволенным», принял специальную резолюцию о том, что «присяжные поверенные могут оказывать юридическое содействие подсудимым во время производства о них предварительного следствия по делам, составляющим предмет обвинения, причем содействие это не должно ограничиваться подачею и поддержкою на суде за подсудимых частных жалоб на действия судебного следователя, а может выразиться и во всякой другой форме»³. Однако царизм быстро пресек инициативу адвокатов. Уже 26 октября 1877 г. Сенат официально «разъяснил», что участие в предварительном следствии для защиты исключено⁴.

Юристы на этом не успокоились. Очень многие авторитеты, в том числе А. Ф. Кони, Г. А. Джаншиев, авторы почти всех учебников по уголовному праву (И. Я. Фойницкий, В. К. Случевский, М. В. Духовской и др.) оспаривали «разъяснение» Сената⁵. Уже в 1886 г. В. В. Измайлов в «кандидатском рассуждении» на тему «Вопрос о защите при предварительном следствии в русской литературе» резюмировал: «В принципе, необходимость введения защиты при предварительном следствии установлена в русской юридической литературе

¹ Щегловитов И. Г. Указ. соч. С. 1534.

² См., напр.: Александров П. А. О защите на предварительном следствии // Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. 18. Ч. 2; Макалинский П. В. В каком виде можно допустить защиту на предварительном следствии? // Там же.

³ ЦГИА СПб. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 8. Л. 349 (курсив мой. — Н. Т.).

⁴ Щегловитов И. Г. Судебные уставы императора Александра II. Устав уголовного судопроизводства. 9 изд. СПб., 1907. С. 395.

⁵ См. об этом: Цыпкин А. Л. Вопрос о защите на предварительном следствии в дореволюционном русском уголовном процессе // Учен. зап. Саратовского юрид. ин-та. 1957. Вып. 6. С. 393–396.

твердо и непоколебимо»¹. Трижды (в 1894, 1901 и 1908 гг.) создавались даже различные комиссии с участием А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича, И. Я. Фойницкого, которые вырабатывали хитроумные проекты с целью помочь адвокатам как-нибудь просочиться сквозь жандармский кордон предварительного следствия, но тщетно².

В 1900 г. на судебном процессе по громкому уголовному делу братьев Скитских один из самых выдающихся адвокатов Н. П. Карабчевский публично и резко порицал отстранение русской адвокатуры от участия в предварительном следствии: «На скрижалях Судебных уставов разве не начертано: обвинение и защита равноправны? Вот ходячее заблуждение, которое не вызовет улыбки только потому, что вызывает грусть. В конце концов действительно защиту впускают в “храм правосудия”, но — надолго ли и в какой момент? Разве в самые сокровенные и трудные для обвиняемого, а нередко и для истины, моменты она не находится в жалком положении оглашенного, изгнанного, бессильно томящегося у преддверия храма? Ее впускают тогда, когда затеянная в глубокой тайне, сотканная в тиши и выполненная в раздумье вся творческая работа обвинения, в сущности, готова — окончена совершенно. Ей предоставлено только критиковать или даже разрушать это “творчество”, класть свои мазки на законченную картину, “портить” ее или рвать холст, на котором она нарисована, но не давать ничего своего, законченного и цельного <...> Ведь краеугольным камнем уголовного процесса является предварительное следствие, куда защита не допускается. Предварительное следствие — тот фундамент, без которого немисливо построить ничего, а его-то защите и недостает...»³ Но, как бы то ни было, вплоть до свержения царизма адвокатура в России к предварительному следствию не была допущена.

Почему же царизм так упорно отстранял защиту от участия в предварительном следствии? Видимо, коренная причи-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 136. Л. 27.

² Цыпкин А. Л. Указ. соч. С. 378–381, 389–392.

³ Карабчевский Н. П. Речи (1882–1902). Изд. 2. СПб., 1902. С. 523–524.

на заключалась в общем недоверии правящих верхов к самому институту присяжной адвокатуры. А между тем предварительное следствие являло собой такую стадию судопроизводства, которую административная и судебная власть предпочитала держать в стороне от гласности. Мало того, что там могли открыться какие-нибудь непредвиденные «случайности» или «оплошности», компрометирующие царизм. Там, не по закону, а по традиции, допускалась при случае пытка.

«Устав воинский» Петра I от 30 марта 1716 г., который определял собою уголовный процесс в России до 1864 г., открыто узаконивал пытку не только для обвиняемых, но и для свидетелей: «Когда свидетель <...> в сказке своей оробеет или смутится, или в лице изменится, то пытан бывает»¹. Александр I Указом от 27 сентября 1801 г. формально отменил пытку, «чтоб, наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»². Но фактически пытка применялась и после 1801, и после 1861 гг. — даже в расследованиях политических дел (хотя установить такие факты с точностью очень трудно). Во всяком случае, П. А. Кропоткин свидетельствовал со слов жандарма, участника пытки, что Д. В. Каракозова пытали до суда лишением сна³. Позднее М. Н. Гернет обнаружил косвенные подтверждения этой и другой (лишением пищи) пыток, которым был подвергнут Каракозов по указанию председателя Чрезвычайной следственной комиссии графа М. Н. Муравьева с санкции царя. «Запирательство преступника, — откровенно докладывал Муравьев царю 8 апреля 1866 г., — вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания»⁴. М. Н. Гернет отметил и свидетельство И. А. Худякова о том, что следователи передавали ему «повеление Александра II применить к нему пытку»⁵.

Следы пыток на следствии по политическим делам обна-

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 5. С. 404.

² Там же. Т. 26. С. 797–798.

³ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 236–237.

⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2. С. 364, 365.

⁵ Там же. С. 366.

руживаются и в 1870-е, и в 1880-е годы. Тот же П. А. Кропоткин утверждал: «Мне достоверно известно, что в Петропавловской крепости, по крайней мере в одном случае, а именно в 1879 г., Адриану “Сабурову” давали одуряющее пойло»¹. Ипполит Мышкин на процессе «193-х» прямо заявил, что в ходе предварительного следствия его пытали, заковывая в кандалы, лишая свиданий, книг, воды, но председатель суда одернул его: «Это предмет, не подлежащий обсуждению суда». «То есть и пытки?» — возмутился Мышкин. «Не подлежат обсуждению суда», — цинично повторил председатель². Позднее в революционных кругах и в обществе ходили упорные слухи о том, что пытали обвиняемых по делу 1 марта 1881 г.³ Реакционный публицист Б. М. Маркевич 14 марта 1881 г. не без удовольствия информировал М. Н. Каткова, что Софью Перовскую и ее товарищей «к понуждению их говорить» пытали «гальваническими батареями тока, которых не в состоянии долго выдержать никакой организм»⁴. После процесса «20-ти» в феврале 1882 г. газета «Народная воля» объявила вполне определенно: «Установлен факт, что Исаева⁵ пытали, — не давали спать и есть»⁶.

Понятно, что в условиях, когда предварительное следствие использовалось «для доведения преступника до сознания» любыми, хотя бы и неблагоприятными, противозаконными способами, царизм старался никоим образом не допустить к участию в нем постоянно жаждущих гласности адвокатов. И не допустил. В любом из политических процессов 1866–1917 гг. защита могла знакомиться с делом только перед

---

¹ Кропоткин П. А. Указ соч. С. 237 (имеется в виду Алексей Оболенев, судившийся в 1880 г. на процессе «11-ти» под фамилией «Сабуров», или его сопроцессник Адриан Михайлов)

² Революционное народничество 70-х годов XIX в. М., 1964. Т. 1. С. 389

³ Литература партии «Народная воля» М., 1930. С. 177, Любатович О. С. Далекое и недавнее М., 1930. С. 108, Попов И. И. Минувшее и пережитое М., 1933. С. 94

⁴ РГБ РО Ф. 120. Папка 33. Л. 204

⁵ Исаев Григорий Прокофьевич (1857–1886) — член Исполнительного комитета «Народной воли». По делу «20-ти» осужден на смертную казнь, замененную вечной каторгой

⁶ Литература партии «Народная воля» С. 180

самым началом судебного разбирательства, уже после составления обвинительного акта (как правило, крайне тенденциозного) Свидетельство С. М. Кравчинского, будто к материалам следствия по делу «14-ти» защитники были допущены лишь за два часа до начала суда¹, возможно, грешит преувеличением. Но тот факт, что по делу «21-го» присяжный поверенный С. А. Андреевский получил возможность ознакомиться с материалами следствия за *один день* до открытия процесса, удостоверен документально².

Изначальное стеснение присяжной адвокатуры сказалось и в том, что ей при самом ее рождении отчасти был противопоставлен институт кандидатов на должности по судебному ведомству. Так назывались по Судебным уставам 1864 г. лица с высшим юридическим образованием, которые поступали на государственную службу без штатного жалования и получали за свои труды лишь единовременные пособия от министра юстиции. «Кандидаты,— читаем о них в Уставах,— занимаются в судебных местах и у прокуроров или их товарищей по распоряжению и *под непосредственным наблюдением* председателя, прокурора или товарища прокурора, к которому они назначены», а «при недостатке присяжных поверенных председатели судебных мест могут возлагать на кандидатов защиту подсудимых по делам уголовным»³. Всецело подчиненные судье или прокурору, «к которому они назначены», лишенные корпоративной организации и той (пусть относительной) свободы действий, которую имела присяжная адвокатура, кандидаты на судебные должности в тех случаях, когда суд поручал им обязанности защитников, действовали робко, с оглядкой на своих патронов, и не столько помогали, сколько вредили самому делу адвокатуры и ее престижу. Профессиональный уровень кандидатов на судебные должности как защитников от излишка «непосредственного наблюдения» за ними со стороны суда и прокуратуры не повышался, а от недостатка защитительного опыта страдал.

¹ Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей М., 1964 С. 127.

² РГВИА Ф 1351 Оп 4 Д 298 Т. 2 Ч 1 Л 191

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ст. 413, 416 (курсив мои — Н Т)

Между тем в присяжной адвокатуре сразу обозначилась тенденция к профессиональному совершенствованию, которая развивалась по мере накопления опыта и углубления специализации адвокатов — в области гражданского права (цивилистов) или уголовного (криминалистов). Различие между теми и другими очень метко, хотя и несколько утрированно, охарактеризовал в блестящей лекции «Об уголовной защите» один из лучших адвокатов России С. А. Андреевский: «Юристами можно назвать только знатоков *гражданского права* <...> В этой области нужно превосходно знать как общую систему, так и все ее подробности. Иное дело — *криминалисты*. Все они — дилетанты, люди свободной профессии, потому что даже Уголовный кодекс, с которым им приходится орудовать, есть не более как многоречивое, а потому шаткое и переменчивое разматывание на все лады основных десяти заповедей Божиих, известных каждому школьнику. Поэтому от уголовных защитников не требуется ровно никакого ценза. Подсудимый может пригласить в защитники кого угодно. И этот первый встречный может затмить своим талантом всех профессионалов. Значит, уголовная защита прежде всего — не научная специальность, а искусство, такое же независимое и творческое, как все прочие искусства, т. е. литература, живопись, музыка и т. п.»¹.

Действительно, адвокаты-цивилисты (в особенности такие величины, как С. А. Муромцев, А. В. Лохвицкий, Г. Б. Слиозберг, М. М. Винавер) почти всегда блистали правовой эрудицией, а то и бравировали ею, как это подметил на живом примере автор любопытной книги «Столичная адвокатура», укрывшийся за псевдонимом «С». Слушалось гражданское дело. Присяжный поверенный З., оперируя на четырех языках (!) аналогиями из древнеримского, французского, немецкого и сардинского кодексов, казалось, уже решил исход дела в свою пользу, когда его оппонент, «адвокат дореформенного образования, “не обучавшийся языкам”, произнес, и весьма отчетливо, загадочную тираду: “Фи, мыюкун-над-ио-чин-фу!”». Остановленный председателем и спрошенный по поводу доз-

---

¹ Андреевский С. А. Драмы жизни. Пг., 1916. С. 3–4.

воленной им себе выходки, адвокат <...> объяснил, что он делает ссылку на *китайский* свод законов, который, по его убеждению, не меньше, чем разные там *сардинские* своды, может быть авторитетным для действующего на русской территории суда»¹.

Впрочем, защитники, которые специализировались по гражданским делам, к нашей теме прямого отношения не имеют. В политических делах выступали почти исключительно адвокаты-криминалисты, и было бы неправильно считать их всех (следуя полемической гиперболе С. А. Андреевского) юристами-дилетантами. Сам Андреевский не столько по недостатку правовой эрудиции, сколько по особому складу своего судебно-ораторского искусства, обычно предпочитал юридическому анализу дела психологический. Но его коллеги по участию в политических делах, как правило, отличались и глубочайшей юридической компетентностью, и умением извлечь из нее наибольшую пользу в каждом конкретном деле, и сознанием всегдашней необходимости такого ее использования. Образцовыми прежде всего именно с юридической точки зрения всегда были защитительные речи В. Д. Спасовича, Д. В. Стасова, П. А. Александрова, К. К. Арсеньева, А. И. Урусова, В. Н. Герарда, А. Я. Пассовера, П. А. Потехина, Н. П. Карабчевского, В. И. Жуковского, О. О. Грузенберга, А. С. Зарудного, П. Н. Малянтовича, Н. К. Муравьева. Что же касается дилетантов в точном смысле этого слова, которые выступали иногда защитниками на уголовных и даже политических процессах (например, издатель Н. М. Щепкин — по делу «193-х», писатель В. Г. Короленко — по Мултанскому делу), то они, хотя и добивались большого успеха, все-таки не могли «затмить своим талантом всех профессионалов». Другое дело, что криминалисты слабее ориентировались в гражданском, а цивилисты — в уголовном праве. Специализация по цивилистике и криминалистике проводилась как в суде, так и в адвокатуре столь резко, что А. В. Лохвицкий не без оснований съязвил: «В России *криминалистами* принято считать тех, кто ничего не понимает в гражданском праве,

---

¹ С. Столичная адвокатура. М., 1895. С. 8.

а цивилистами тех, кто ничего не смыслит в уголовных законах»¹.

Как бы то ни было, профессиональный уровень адвокатуры в России первого же ее десятилетия был едва ли значительно ниже, чем на Западе. Еще до Судебной реформы 1864 г., когда она только готовилась, а в особенности сразу после нее русская интеллигенция необычайно заинтересовалась вопросами права, столь мало значимого в дореформенной России и потому вдвойне ценимого теперь. Люди, избравшие своей профессией адвокатуру, увлеченно штудировали цивилистику и (может быть, точнее сказать — или) криминалистику, включая иностранные законодательства. Мало того, в адвокатуру первого призыва шли квалифицированные юристы — и теоретики, и практики. Так, В. Н. Герард, прежде чем стать адвокатом, был членом Петербургского окружного суда, А. А. Герке — товарищем председателя Херсонской судебной палаты, Д. В. Стасов, В. М. Пржевальский и В. В. Самарский-Быховец — обер-секретарями различных департаментов Сената, А. Я. Пассовер — магистром государственного, а В. Д. Спасович — доктором уголовного права (адвокаты из бывших прокуроров будут перечислены далее).

Правда, юная русская адвокатура поначалу далеко отставала от европейской и американской с точки зрения защитительного опыта. Но один из ее основателей К. К. Арсеньев резонно отмечал, что в молодости русской адвокатуры налицо и слабость ее, и сила: «Слабость — потому, что она не имеет ни прочного положения, ни всеми признанных, бесспорных прав, ни твердо установившихся традиций; сила — потому, что она меньше опутана рутиной, меньше усвоила себе шаблонных приемов. Compliments судьям и присяжным, чрезмерные восхваления подсудимых, мольбы об оправдании или снисхождении, идущие от имени родителей, детей или жены подсудимого, стремление подействовать на слабые стороны суда, заранее рассчитанные и подготовленные призывы к божественному правосудию — все это настолько же необычно у нас, насколько заурядно во Франции. Отсюда еще не следу-

---

¹ Цит. по: Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 242.

ет, конечно, чтобы наша адвокатура стояла выше французской,— заключал Арсеньев,— она только отражает в себе свойства русской натуры, условия русской действительности»¹. С. А. Андреевский шел дальше К. К. Арсеньева в этом сравнении русской адвокатуры с французской. «Французские образцы для нас совсем не пригодны,— говорил он в лекции “Об уголовной защите”.— Если бы французская адвокатура, создавшая в прошлом столько чудесных ораторов, предстала перед нашим “судом совести”, то она оказалась бы “старой крысой”. В ней действительно есть много архаического <...> Приемы увертливые, отдающие тонкой кляузой <...> Слог совсем особенный, ненатуральный, с каким-то специфическим профессиональным запахом, каким, например, обдает вас в аптеке, с ее латинскими снадобьями»².

Вообще специалисты сравнивали русскую адвокатуру главным образом именно с французской, которая считалась наиболее искушенной и авторитетной в Европе и не зря послужила для корпорации русских адвокатов преимущественным образцом. Кроме того, что в русской адвокатуре — конечно, не столь организованной, свободной и правомочной, как французская,— все-таки меньше было рутины и шаблона, она выигрывала еще, по крайней мере, в двух отношениях. Во Франции К. К. Арсеньев констатировал «почти совершенное отсутствие враждебных столкновений между обвинителями и защитниками»³. Там адвокатура жила в мире и согласии с магистратурой. Кстати, то же самое русские юристы фиксировали и в Англии («английский адвокат — брат судьи и ближайший советник его»⁴), и в США («между адвокатурой и магистратурой — самые живые отношения»⁵). В России же с самого начала адвокатура отчасти была поставле-

¹ Арсеньев К. К. Французская адвокатура и ее слабые и сильные стороны // Вестник Европы. 1886. № 1. С. 282–283.

² Андреевский С. А. Драмы жизни. С. 24.

³ Арсеньев К. К. Французская адвокатура... С. 258.

⁴ Стоянов А. Н. Английская адвокатура // Юридический вестник. 1880. № 8. С. 608.

⁵ Гольденвейзер А. С. Преступление как наказание, а наказание как преступление. С. 93.

на (юридически), отчасти встала сама (политически) в оппозицию к магистратуре как марионеточной прислужнице существующего строя. При самодержавии такая оппозиция затрудняла функционирование адвокатуры, но зато поднимала ее общественно-политическую репутацию (подробно речь об этом пойдет в следующих главах). Здесь, конечно, нельзя забывать, что французские или английские адвокаты действовали в условиях демократических свобод, а потому они, в отличие от их русских собратий, не имели сугубой нужды фрондировать против своих режимов, но, как бы то ни было, «братские» отношения с магистратурой в мире социального неравенства притупляли политическую зоркость адвокатуры, развращали ее, усиливали в ней черты рутины, шаблона, мелкотравчатости.

Второе преимущество русской адвокатуры, которое проявилось, можно сказать, с первого же ее шага, а именно с сенсационной защитительной речи 23-летнего А. И. Урусова по делу М. Е. Волоховой в Московском окружном суде 11 февраля 1867 г., специалисты усматривали в ее стремлении и умении дать (конечно, наряду с юридическим) *психологический* анализ дела — обстоятельств, улик, самой личности обвиняемого. Характеризуя с этой стороны французскую адвокатуру, С. А. Андреевский опять-таки не без полемических преувеличений говорил: «В особенности, ее бы поразили наши работы в исследовании души преступника. Ведь психология французских адвокатов не идет далее одной стереотипной фразы, повторяемой решительно в каждом деле: “Посмотрите на подсудимого: разве он похож на вора, убийцу, поджигателя и т. д.?” Но ссылка на внешность подсудимого, как на лучший довод в его пользу, равносильна сознанию, что его внутренний мир совершенно недоступен для защитника»¹. Более сдержанно это преимущество русской адвокатуры перед французской отмечал и К. К. Арсеньев².

Итак, если юридический статус адвокатуры в России всегда был гораздо уже, чем на Западе, то профессиональный

---

¹ Андреевский С. А. Драммы жизни. С. 25.

² Арсеньев К. К. Французская адвокатура... С. 281, 283.

уровень и политическая репутация, по крайней мере, ее основного ядра оказались вскоре едва ли менее, а может быть, в чем-то и более высокими. То же самое можно сказать и о нравственном уровне молодой российской корпорации адвокатов.

«Ни одна профессия не представляет для нравственности занимающихся ею лиц таких соблазнов, как адвокатура», — писал крупнейший знаток истории и этики адвокатского дела Е. В. Васьяковский, причем выделял следующую парадоксальную особенность профессии адвоката: «В прочих профессиях политика честности — самая выгодная политика. Врач, известный тем, что имеет привычку нарочно затягивать лечение; архитектор, обнаруживший свою небрежность и недобросовестность; ленивый учитель, продажный литератор — все они рискуют навлечь на себя осуждение общественного мнения и остаться в конце концов без работы <...> Но адвокат, приобретший репутацию искусного кляузника, пускающего в ход все средства, чтобы доставить победу своему клиенту, не только не останется без практики, а напротив, привлечет многочисленную клиентуру. Кто начинает процесс, тот хочет его выиграть. В большинстве случаев тяжущиеся не разбирают, каково их дело с нравственной точки зрения и какие средства нужно употребить, чтобы одержать верх над противником. Само собой понятно, что, выбирая адвоката, они из двух одинаково знающих и талантливых отдадут предпочтение тому, который лучше соблюдает их интересы, то есть будет менее совестлив и разборчив в способах ведения дела. Поэтому адвокату выгодно быть нечестным»¹.

Законодатели и принципалы адвокатуры, должно быть, понимали это всегда и везде. Поэтому они старались (с разной мерой искренности и действенности) нейтрализовать заложенную в самом институте адвокатуры безнравственную потенцию и укрепить адвокатскую этику на принципах честности, справедливости, правды. Еще в Древнем Риме законо-

---

¹ Васьяковский Е. В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб., 1895. С. I, II—III (курсив мой. — Н. Т.).

дательно поддерживались эти принципы¹. В Англии уже «Зерцало правосудия» Эдуарда II (XIII век) требовало от адвоката «посвящать все свои заботы интересам клиентов, не искажать истины, поддерживать только правые дела, воздерживаться от лжи»². Горячо пеклась (по крайней мере, в теории) о своей нравственной репутации и французская адвокатура «Если в слог — весь человек, то в честности — весь адвокат, — гласит своеобразный кодекс французских адвокатов XIX века. — Можно даже утверждать, что в ней заключаются все качества, необходимые адвокату: назначение его — убеждать, а убедить может только честный человек»³. Словом, на Западе адвокатское сословие к середине XIX в. уже имело богатейшие (хотя, разумеется, и далеко не всегда соблюдавшиеся) традиции профессиональной этики. В России же адвокатам 1860-х годов приходилось начинать хуже, чем с нуля, — *вопреки* тому нравственному капиталу, который оставили им в наследство дореформенные ходатаи и стряпчие. Присяжной адвокатуры «нельзя было и думать воспользоваться духовным наследием своих предшественников. Напротив, она должна была употребить всяческие усилия, чтобы заставить всех, как можно скорее, забыть об их гнусных традициях, чтобы нейтрализовать пагубное влияние тех из своих сочленов, которым не чужды были эти традиции»⁴.

Созидателями и стражами нравственных устоев русской адвокатуры выступили Советы присяжных поверенных. Они ревниво блюли авторитет своей корпорации и, случалось, отказывали в приеме в адвокатуру лицам, которые удовлетворяли формальным требованиям (высшее юридическое образование плюс необходимый служебный стаж), но не внушали доверия своей «нравственной физиономией»⁵. Только за 1866–1873 гг. один Петербургский совет отказал в приеме

---

¹ Васильовский Е В Организация адвокатуры Ч 1 С 64–65

² Полянский Н Н Правда и ложь в уголовной защите М, 1927 С 27

³ Молло М Правила адвокатской профессии во Франции М, 1894 С 2 Оттом же Фавр Ж Адвокатские идеалы М, 1880, Пикар Эдмонд Об адвокате М, 1898

⁴ Джанишев Г А Ведение неправых дел (Этюд по адвокатской этике) М, 1887 С 56

⁵ ИРА. Т 2 С 233

24 лицам и четырех исключил из сословия по соображениям и дисциплинарным, и нравственным¹. По воспоминаниям К. К. Арсеньева, Петербургский совет сразу же, «не колеблясь, признал, что снисходительность, особенно в начале деятельности сословия, была бы опаснее строгости», и чуть ли не первым своим актом демонстративно, после специального разбирательства, подверг взысканию одного из присяжных поверенных именно за этический проступок. «Дело шло о “благодарности”, предложенной присяжным поверенным судебному приставу. Необходимо было решительно восстать против перенесения в новый суд одного из самых печальных обычаев старого времени — и Совет не остановился перед применением к виновному суровой дисциплинарной меры: запрещения на время адвокатской практики»².

Вообще, первым Советам довелось «вырабатывать одновременно и приемы адвокатской техники, и правила адвокатской этики» так, «чтобы другим, на то глядячи, *повадно* было так делать»³. Они твердо следовали тому, что В. Д. Спасович формулировал как «главные правила, которых приходится пуще всего держаться», а именно — «полной племенной, национальной и религиозной терпимости», с одной стороны, и «великой и строгой нетерпимости этической», «нравственной безгласности», с другой стороны⁴.

Встав на этот путь, Петербургский, в первую очередь, а также другие Советы присяжных поверенных уже не сворачивали с него, хотя им нелегко было преодолевать и силу инерции дореформенных нравов, и неблагоприятные последствия проникновения в адвокатуру «отрицательных типов, посвятивших себя исключительно наживе и делецкой юркости»⁵, и

---

¹ Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. Ч. 2. С. 28, 155.

² Арсеньев К. К. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 120.

³ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 144.

⁴ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 39, 43.

⁵ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 17. А. Я. Пасков в 1876 г. публично переадресовал адвокатуре слова Ф. Шиллера о науке «Для одного она — величая, недостижимая богиня, для другого — дойная корова, которая довольствуется молоком, маслом, творогом» (Ляховецкий Л. Д. Характеристики известных русских судебных ораторов с приложением избр. речи каждого из них. СПб., 1897. С. 208–209).

недоверие общества (как русского, так и зарубежного) к самой возможности адвокатской и вообще судебной этики в России. Чрезвычайно показателен такой факт, засвидетельствованный А. Ф. Кони. Когда, в 1875 г., в Петербурге был отдан под суд за поджог мельницы собственного компаньона купец-толстосум С. Т. Овсянников, состояние которого оценивалось в 12 млн. руб., «немецкая сатирическая печать даже не хотела верить, чтобы *двенадцатикратный* (zwölffache) миллионер Овсянников мог быть арестован, а если бы это и случилось, то выражала уверенность, что на днях станет известным, что *одиннадцатикратный* (elffache) миллионер Овсянников выпущен на свободу»¹. Миллионер, однако, был признан виновным и сослан в Сибирь на поселение. В этом сказались, конечно, дух новых Судебных уставов, а решающую роль сыграли два лица, имена которых украшают историю русской адвокатуры: правда, один из них (В. И. Жуковский), тогда еще служивший в прокуратуре, выступал обвинителем, а другой (В. Д. Спасович) — гражданским истцом.

Разумеется, вытравить из адвокатской корпорации все черты дореформенного стряпчества с его подъяческим отношением к делу Советы не могли. Пожалуй, наиболее живучей из этих черт оказалась тяга к наживе, специфический культ гонорара. Но здесь очень многое объясняет и существенно оправдывает адвокатуру следующее изречение Ф. Н. Плевако: «Богатый уголовный клиент платит не за себя одного, а за тех, кого его адвокат защищает бесплатно»². Действительно, в первых, неумеренные куши, полученные от богатых уголовных клиентов, адвокаты не всегда клали себе в карман. Так, А. Л. Боровиковский, взяв у С. Т. Овсянникова 5 тыс. руб. за текст двух жалоб, внес эти деньги в благотворительный фонд помощи нуждающимся студентам³. Далее, не все адвокаты поклонялись гонорару. Например, знаменитый П. А. Александров был совершенным бессребреником и вообще не умел «рвать куши» («Возьмешь много,— отшучивался он,— толь-

---

¹ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 45.

² Цит. по: Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 293.

³ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 39–40.

ко работа, все о деле думаешь да думаешь! То ли дело, когда гонорар маленький, взял, истратил и забыл...»¹). Он так и не скопил достаточного капитала и умер в славе, но в бедности, «оставив семью почти без средств»².

Главное же, многие адвокаты очень часто защищали своих клиентов бесплатно. Это было правилом по отношению к т. н. «лицам, пользующимся на суде правом бедности»³ и обвиняемым в государственных преступлениях. В политических защитах русские адвокаты считали своим долгом отказываться от гонорара, даже если их клиенты или родственники клиентов предлагали им таковой⁴. Вообще, по наблюдению (весьма резонному) одного из корифеев «молодой адвокатуры» в России О. О. Грузенберга, «никакая другая профессия, даже врачебная, не знала такого громадного процента бесплатной помощи: защиты по назначению от суда, постоянные юридические консультации (кабинеты по оказанию юридической помощи беднейшей части населения), бесплатные советы у себя на дому, требовавшие нередко большого напряжения сил. Затем работа в качестве руководителей в юридических конференциях помощников присяжных поверенных»⁵.

Как бы то ни было, отнюдь не высокие гонорары и, разумеется, не бесплатная юридическая помощь влекли в адвокатуру, помимо неискушенной, только начинавшей жизнь молодежи, еще и зрелых, вполне сложившихся юристов, среди которых нередко оказывались... прокуроры. В первые же полтора десятилетия после Судебной реформы 1864 г. перешли в сословие адвокатов товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената П. А. Александров, товарищ председа-

---

¹ Карбачевский Н. П. Около правосудия. СПб., 1908. С. 160.

² Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1933. Т. 1. С. 240. Отслужив 40 лет во славу адвокатуры и тоже «не оставив после себя никаких средств», умер и А. Н. Турчанинов (Русская мысль. 1907. № 12. С. 220).

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. ... Ст. 397.

⁴ Корш Е. В. Брызги памяти // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 887; Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 144.

⁵ Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж. 1938. С. 42.

теля Петербургского окружного суда кн. В. А. Кейкуатов, товарищи прокурора того же суда С. А. Андреевский, В. И. Жуковский, А. И. Урусов, А. Л. Боровиковский, А. А. Герке, прокурор Московского окружного суда М. Ф. Громницкий, товарищ прокурора Харьковского окружного суда С. Ф. Морошкин, товарищ прокурора Владимирского окружного суда А. Я. Пассовер. Все они сознательно отказывались от преимуществ прокуратуры перед адвокатурой, которые А. Л. Боровиковский пародировал, становясь в позу прокурора, так (под лермонтовского «Пророка»):

Чинопочтение храня,
Мне так покорна тварь земная.
Жандармы слушают меня,
Усами радостно играя¹

Уже в 1876 г. агентура III отделения с беспокойством доносила «наверх»: «Лучшая (на жандармский взгляд, стало быть.— Н. Т.) часть общества тревожно и крайне неодобрительно смотрит на то обстоятельство, что более даровитые представители прокуратуры мало-помалу, покидая свою деятельность, переходят в сословие присяжных поверенных»², а в 90-е годы «почтенные служаки» магистратуры сами признавались в собственном оскудении: «Много ли у нас не то что талантливых, но просто хотя бы только способных прокуроров? Один-два, и обчелся... Все, что получше, в адвокаты идут»³. Кстати, самый талантливый из прокуроров дореволюционной России А. Ф. Кони считал, что он тоже «был создан» для адвокатуры, и в 1884 г. подумывал уйти в присяжные поверенные, но «не без внутренней борьбы» остался в магистратуре: «Старая привычка служить государству и любовь к судебному ведомству взяли верх»⁴. И в следующие годы способные юристы «мало-помалу» переходили из прокуратуры в

---

¹ ИРЛИ РО Ф 134 Оп 4 Д 400 Л 16

² ГАРФ Ф 109 Секр архив III отд Оп 3 Д 260 Л 1

³ Баранов А Н Из воспоминаний о Мултанском деле // Вестник Европы. 1913 № 9 С 154

⁴ Кони А Ф Собр соч В 8 т Т 2 С 245, 246, Т 8 С 96

адвокатуру. В их числе был даже товарищ обер-прокурора... Святейшего Синода А. А. Леонтьев¹.

Чем же объяснялось такое, по существу одностороннее², перемещение юридических дарований? Думается, главная причина заключалась в том, что независимые, вольнолюбивые умы не могли примириться с предвзято-карательным назначением царской прокуратуры, особенно в политических делах³. «Господствующее направление нынешней прокуратуры,— писала 10 декабря 1880 г. газета “Молва” в передовой статье под названием “Судебная гвардия”,— выражается так: побольше розыска, улова и хватания», «лучше девять невинных наказать, нежели одного виновного упустить»⁴. Эта «разнузданность прокуратуры», «не раз вдохновлявшей самыми изуверскими статьями “Московских ведомостей”»⁵, отталкивала от себя честных юристов, которые воспринимали ее не только по отношению к политическим делам, но и вообще как «судебный разбой»⁶. А. Я. Пассовер сделал обиходной злую метафору по адресу прокурора, который, мол, поддерживает обвиняемого (в том, что обвиняемый сам признает), «как веревка поддерживает повешенного»⁷.

Между тем адвокатура привлекала к себе именно вольнолюбивые, независимые умы судебного мира возможностью хотя бы относительного противодействия, даже в условиях самодержавного режима, беззаконию, карательному пристра-

---

¹ Дело по обвинению потомственных дворян Сергея Муромцева, князя Петра Долгорукова, Николая Гредескула, князя Дмитрия Шаховского и др. СПб., 1908 С 8 Просился в адвокатуру и бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин, но не был принят (*Савинков Б. В. Избранное* М., 1990 С 283)

² Случалось, и адвокаты переходили в прокуратуру (например, те же А. Л. Боровиковский и М. Ф. Громницкий), но крайне редко

³ А. Ф. Кони как прокурор в политических процессах никогда не участвовал. Более того, вступая в должность обер-прокурора Сената, он взял с министра юстиции Н. А. Манасеина честное слово, что ему «не придется ни в коем случае выступать обвинителем по политическим делам» (*Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони* М., 1981 С 121)

⁴ За эту статью против газеты было возбуждено преследование (ИРЛИ РО Ф 559 Д 25 Л 77–78), и в 1881 г. она была закрыта навсегда

⁵ Судебная гвардия // *Молва* 1880 10 декабря

⁶ Правительствующий Сенат // *Право* 1904 № 8 С 517

⁷ *Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет* Берлин, 1937. С. 151.

тию, «белому» террору. «Наше сословие,— говорил В. Д. Спасович в застольной речи на собрании адвокатов 1873 г.,— сделалось громадным убежищем <...> вроде Сечи Запорожской. Здесь мы стоим и с радостью подаем братски руки беглецам, которые по красноватому цвету своих убеждений найдены неподходящими к Министерству юстиции, всегда щеголяющему белизною»¹. Люди с убеждениями «красноватого цвета» возлагали на адвокатуру не только правовые, но и политические надежды. В. И. Танеев, например, вступая одним из первых в присяжные поверенные, рассчитывал, «что в России в скором времени должна быть революция, и сословие адвокатов будет играть такую же роль, как во время французской революции конца XVIII века»².

Наверное, не один Танеев из числа присяжных поверенных 1860–1870-х годов так оценивал возможности русской адвокатуры. Однако жизнь доказала неправомерность этой оценки. Революция в России совершилась далеко не в скором времени, а сословие адвокатов (как и вся буржуазно-демократическая интеллигенция) не сумело найти ни сил, ни решимости, ни желания для активного участия в ней.

---

¹ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 4.

² Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 698. Адвокатами были такие лидеры Великой французской революции, как М. Робеспьер, Ж. Дантон, Ж. Бийо-Варенн, К. Демулен, Ж. Кутон, Ф. Леба, Б. Барер, П. Верньо, Ж. Петيون, А. Барнав, А. Жансонне, Ж. Туре, П. Приер (из Марны), Ж. Гара, А. Тибодо. Половину состава т. н. «Великого» Комитета общественного спасения 2-го года Республики (июль 1793 — июль 1794) составляли адвокаты. См. состав Комитета: Булазю В. Комитет общественного спасения (10 июля 1793 г.—27 июля 1794 г.) // Французский ежегодник (1966). М., 1967. С. 28.

Корифей адвокатуры «первого призыва»

Дореволюционные юристы расточали хвалу русской адвокатуры за то, что она буквально со дня рождения изобиловала талантами, но не вдавались в научное объяснение этого факта. «Точно благословение Божие пало на вновь вспаханную ниву русского суда», — умилялся М. М. Винавер¹. Истинная причина была, однако, более реальной, чем Божье благословение. Демократический подъем 1860-х годов, рост общественной активности русской интеллигенции — вот что толкало образованных и талантливых людей в адвокатуру, тем более что адвокатура, со своей стороны, влекла к себе своей, хотя и относительной, но все-таки большей, чем где бы то ни было из легальных институтов, а с первого впечатления казавшейся абсолютной, *гласностью*. В. Д. Спасович на всю жизнь запомнил тот «восторг», который он и его единомышленники испытали, когда к ним «явилась, точно Афродита из пены морской, другая богиня, нагая, беломраморная и не стыдящаяся своей наготы, — гласность»².

Люди свободомыслящие, но не настолько передовые и активные, чтобы подняться на решительную борьбу против деспотизма, шли в адвокатуру с расчетом использовать дарованную ей свободу слова для изобличения пороков существующего строя. Тот же В. Д. Спасович в 1873 г., когда царизм еще не начал кромсать права адвокатуры и были еще живы

---

¹ Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Изд. 2. Париж, 1926. С. 35.

² Речь В. Д. Спасовича // Русская мысль. 1891. № 5. С. 156.

все иллюзии адвокатов «первого призыва», имел основания заявить от имени своей корпорации: «Мы до известной степени рыцари слова живого, свободного, более свободного ныне, чем в печати,— слова, которого не утомняют самые рьяные свирепые председатели, потому что пока председатель обдумает вас остановить, уже слово ускакало за три версты вперед и его не вернуть»¹.

В результате русская адвокатура оказалась средоточием выдающихся юристов, которые могли соперничать и с европейскими знаменитостями. Уже в год учреждения адвокатуры (1866) присяжными поверенными стали такие звезды первой величины русского судебного мира, как В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов, К. К. Арсеньев, В. И. Танеев, А. М. Унковский, А. Н. Турчанинов, В. П. Гаевский, А. И. Языков, К. Ф. Хартулари, В. В. Самарский-Быховец, А. Н. Матросов, Г. Г. Принтц; в 1867 г.— П. А. Потехин, В. С. Буймистров; в 1868 г.— В. Н. Герард, А. Л. Боровиковский, А. А. Герке, Н. М. Соколовский, в 1869 г.— А. А. Ольхин. Не менее блистательное пополнение адвокатура получила в 70-е годы: Ф. Н. Плевако, П. А. Александров, С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, А. Я. Пассовер, Л. А. Куперник, В. И. Жуковский, Е. И. Утин, М. Ф. Громницкий, В. О. Люстиг, В. М. Пржевальский, Г. В. Бардовский, П. Г. Миронов, Е. И. Кедрин, А. С. Гольденвейзер, Е. В. Корш, П. В. Макалинский, В. Ф. Леонтьев, Н. П. Шубинский, В. М. Бобрищев-Пушкин, С. С. Соколов, К. П. Леман, А. А. Черкесов, А. Ф. Линдфорс, А. П. Коломнин. В самом начале 80-х годов столь внушительный ряд первоклассных адвокатов пополнил Н. И. Холева.

Поскольку все перечисленные адвокаты (причем иные многократно: Герард — 12, Карабчевский — 13, Турчанинов — 16, Спасович — 17 раз) выступали на политических процессах 1866–1904 гг.², познакомимся с ними поближе.

---

¹ Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901) Лейпциг, 1903 С 5

² В И Жуковский, который не участвовал в «чисто» политических делах из принципиальных соображений (поскольку его брат был политическим эмигрантом), принял участие в деле о «беспорядках» в г Крожи (1894) с политическим оттенком

Больше всех участвовал в политических делах до начала XX в. самый именитый из адвокатов — Владимир Данилович Спасович (1829–1906). Современники единодушно признавали его «королем адвокатуры»¹. «Талант из ряда вон, сила», — отзывался о нем Ф. М. Достоевский², который адвокатов терпеть не мог. Ученый «с неограниченным кругозором»³, криминалист и литературовед, историк и философ, доктор прав, автор первого в России учебника по уголовному праву, бывший профессор Петербургского университета, Спасович как никто другой умел разбить и унизить обвинение, полагаясь не столько на краски острословья, сколько на силу логики и научного анализа. М. Е. Салтыков-Щедрин ставил ему в заслугу то, что он «не допускает чувствительности и бесплодных набегов в область либерального бормотанья»⁴.

Вместе с тем Спасович был и вдохновенным оратором, виртуозом колоритного, часто неправильного, далеко не элегантного, но всегда меткого и образного слова⁵. В молодости он, по наблюдению В. И. Танеева, отличался «невероятным

¹ Васильевский Е В Организация адвокатуры СПб, 1893 Ч 1 С. 336, Андреевский С А Драмы жизни Пг, 1916 С 615, Винавер М М Указ соч С 2, Грузенберг О О Вчера Воспоминания Париж 1938 С 44

² Достоевский Ф М Полн собр соч В 30 т М, 1981 Т 22 С 57 См также об уме и таланте Спасовича Салтыков Щедрин М Е Полн собр соч М, 1940 Т 15 С 369, Тургенев И С Полн собр соч и писем Письма Л, 1967 Т 12 Кн 2 С 58, М М Стасюлевич и его современники в их переписке СПб, 1912 Т 4 С 109 (отзыв И А Гончарова)

³ Родичев Ф И В Д Спасович // Право 1901 № 23 Стб 1127 Отдельные положения магистерской диссертации Спасовича «О правах нейтрального флага и нейтрального груза» закреплены в актах Парижского конгресса 1856 г как международные законы (см об этом Спасович В Д Соч СПб, 1890 Т 3 С 1)

⁴ Салтыков-Щедрин М Е Полн собр соч Т 15 С 369–370

⁵ Беспринципного человека он называл «флюгером», писательское многословие — «литературным поносом», пустую теорию — «онанизмом мысли», примером «исторического мифа» объявил Священную Римскую империю, которая, по его словам, «не была ни священной, ни римской, ни империей» А вот характерный штрих из воспоминаний А Ф Кони (его собр соч в 8 т М, 1966 Т 1 С 44) на процессе по обвинению миллионера С Т Овсянникова в преднамеренном поджоге защитник подсудимого упрекнул Спасовича (выступавшего гражданским истцом) в том, что тот строит выводы на косвенных уликах, чертах и черточках «Ну, да! Черты и черточки!» — отвечал Спасович — Но ведь из них складываются очертания, а из очертаний — буквы, а из букв — слоги, а из слогов возникает слово, и это слово “Поджог”!»

косноязычием», «как бы выжимая из себя каждое слово, помогая себе руками, ногами, головой, всем корпусом», но «благодаря постоянному упорному труду, страшным усилием, как Демосфен, выработал из себя первого русского оратора»¹. Легкости слова, которая отличала, например, Ф. Н. Плевако или Н. П. Карабчевского, Спасович так и не достиг; и в зрелые годы почти каждую речь он начинал тяжело, «заикаясь и переваливаясь... в потугах и муках борьбы», под «шепот недоумения» слушателей, но всякий раз уже по ходу речи преображался и развертывал перед слушателями «дивную художественную поэму», столь же красочную по форме, сколь глубокую по содержанию². «Как часто,— вспоминал А. Ф. Кони,— приходилось представлять себе кого-либо, пришедшего в первый раз послушать в суде знаменитого Спасовича и сначала удивленно вопрошающего себя: "Как? Неужели это Спасович? Не может быть..."»; говорящего себе затем, через несколько минут: "А ведь, пожалуй, это и он..." — и восклицającego, наконец, с восторгом: "Да, это он! Он и никто другой!"»³.

Такой адвокат, конечно, был страшным противником для любого обвинителя. В дни процесса нечаевцев (июль 1871 г.) небезызвестный журналист и агент III отделения И. А. Арсеньев доносил шефу жандармов: «Без преувеличения можно сказать, что в одном Спасовиче больше ума и научных сведений, чем во всем составе суда и прокуратуры»⁴.

По своей общественной репутации Спасович в 70–90-е годы был едва ли не самой влиятельной фигурой в русском судебном мире.

Он царь-пушка красноречья,
Он царь-колокол суда,—

можно было сказать о нем словами Д. Д. Минаева. «Вся администрация — министры, сенаторы и прокуроры,— вспоми-

¹ Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 364, 365.

² Ляховецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897. С. 235.

³ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 113.

⁴ Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов. М.; Л., 1931. С. 186.

нал С. А. Андреевский,— поневоле смотрели на него снизу вверх»¹.

Немудрено, что выступления Спасовича на уголовных и тем более политических процессах (гласных в особенности) приобретали важное общественное значение. Власти следили за этими выступлениями, боялись их. Специальные агенты заблаговременно доносили в III отделение о том, какие козни против сильных мира готовит «король адвокатуры»: то он намеревается взять на себя уголовный иск к герцогам Лейхтенбергским и придать делу широкую огласку (октябрь 1870 г.)², то подкапывается под графа Д. А. Толстого и «желает учинить скандал Министерству народного просвещения» (июнь 1876 г.)³.

Спасович был последовательным либералом. В письме к М. М. Стасюлевичу от 25 августа 1906 г. (за полтора месяца до смерти) он так формулировал свое кредо, которому был верен всю жизнь: «За всякий прогресс, но легальный, за всякую эволюцию, но не революцию, за установление порядка по соглашению всех партий на арене парламента — без кровопролития и убийств...»⁴. Однако, не в пример многим либералам, Спасович был смел и стоек в своих убеждениях, непримирим к произволу и мракобесию. «Я антицерковник, антинационалист и антигосударственник», — публично заявлял он о себе⁵. «Вольнолюбцами мы родились, вольнолюбцами мы будем», — возглашал он от имени присяжных поверенных Петербурга⁶. Как вольнолюбец, он в 1861 г. ушел из Петербургского университета в знак протеста против расправы над студентами. Возвеличивая всякую свободу — личности, убеждений, слова, — Спасович и в жизни, и в литературе больше всего презирал «лакейство», считал, что «официоз — это человек, говорящий по вдохновению извне, <...> он хуже публичной женщины»⁷.

¹ Андреевский С. А. Драмы жизни. С. 615.

² ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 1742. Л. 3–4.

³ Там же. Оп. 3. Д. 1045. Л. 1–2.

⁴ В. Д. Спасович в его последних письмах // Вестник Европы. 1906. № 11. С. 393.

⁵ Спасович В. Д. Соч. СПб., 1909. Т. 9. С. 270.

⁶ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 41.

⁷ Спасович В. Д. Соч. СПб., 1894. Т. 6. С. 367, 369.

Спасович всегда сторонился революционных «крайностей» (по его разумению), вроде I Интернационала¹ или партии «Народная воля»², но еще более нетерпим был он к идеологам и главарям реакции. В речи на собрании петербургских адвокатов 27 апреля 1880 г. он произнес темпераментную отходную графу Д. А. Толстому («пропадай его дух, его намерения, его предание!») и анафему М. Н. Каткову, но поднял бокал за арестованного Д. В. Стасова и помянул добрым словом Г. В. Бардовского — адвоката, близкого к революционному подполью, который в июле 1879 г. был арестован и доведен тюремщиками до психического расстройства. «С беспредельною грустью,— говорил Спасович,— вспоминаю еще об одном лице, безвозвратно пропадающем, таком добром, таком сердечном, то был человек-душа. Вы знаете, о ком я говорю. о Григории Васильевиче Бардовском!»³

Поборник «величайшей терпимости для всех честных убеждений, равноправности для всех состояний и национальностей»⁴, считавший даже, что «всякий порядочный человек — более или менее социалист»⁵, Спасович, естественно, имел личные, деловые, идейные связи с революционерами, тем более что ему часто доводилось защищать их на суде. Эти его (так же, как и других адвокатов) революционные связи будут рассмотрены особо далее — в 5-й главе. Здесь же отметим, что в правительственных кругах Спасович слыл «неблагонадежным». Особая, высочайше утвержденная комиссия в 1863 г. запретила его учебник уголовного права, обнаружив в нем 36 мест, где «содержались враждебные мысли»⁶. III отделение бдительно надзидало за «королем адвокатуры» (слежку вела целая группа агентов, был подкуплен домашний слуга

---

¹ Танеев В И Указ соч С 366

² Спасович В Д Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887) Берлин [1900] С 158

³ Спасович В Д Застольные речи С 24, 26

⁴ Там же С 25

⁵ Танеев В И Указ соч С 373 Ср Спасович В Д За много лет (1859–1871) СПб, 1872 С 432

⁶ Смолярчук В И В Д Спасович ученый юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право 1982 № 10 С 94

Спасовича)¹, но собрать улики, достаточные для того, чтобы учинить расправу над столь видной фигурой, так и не смогло.

Сам «король», впрочем, не только не огорчился своей, опальной в глазах правительства, репутацией, но и отчасти гордился ею. «Есть ослалы,— заявил он публично в 1878 г.,— которые честнее чинов, орденов, знаков отличия»².

Спасович выступал защитником на десяти крупных политических процессах (нечаевцев, долгушинцев, «50-ти», «193-х», «20-ти», «17-ти», «14-ти», польской партии «Пролетариат», «21-го», «22-х»), не считая больше полудесятка малых (например, в 1871 г. он защищал П. Н. Ткачева, преданного суду за перевод книги Э. Бехера «Рабочий вопрос» и за публикацию в приложении к ней написанного К. Марксом Устава I Интернационала). Однако многие из подсудимых революционеров недолюбливали Спасовича и предпочитали ему других адвокатов, так как он ради смягчения участи своих подзащитных часто принижал размах и значение революционного дела. Например, «Всероссийскую социально-революционную организацию» 1875 г. («москвичей») он сравнивал с муравейником, задавшимся целью разрушить Монблан, а «Народную волю» середины 80-х годов уподобил «стаду без пастырей»³.

Правда, Спасович мог и возвыситься перед царскими судьями самых одиозных, как они считали, подсудимых. «Крупный, мощный, влиятельный человек,— говорил он на процессе «17-ти» о народовольце М. Ф. Грачевском.— <...> Перед вами он изобразил себя во всей силе своих непоколебимых убеждений... Выдающееся по уму и энергии лицо»⁴. Главное же, Спасович понимал и, как никто из адвокатов, умел показывать историческую обусловленность, национальное своеобразие, политическую рациональность и психологическую живу-

---

¹ См. ГАРФ Ф 109 Секр архив III отд Оп 1 Д 1742 Л 1-1 об. В этом деле собраны агентурные донесения о наблюдении за Спасовичем в 1869-1870 гг. В других делах (Там же Оп 1 Д 888, оп 3 Д 1045) хранятся подобные же донесения за 1876-1879 гг.

² Спасович В Д Застольные речи С 17

³ Спасович В Д Соч Г 6 С 148-149

⁴ Спасович В Д Семь судебных речей С 92, 93, 96

честь освободительного движения в России. Поэтому его речи на политических процессах всегда были так впечатляющи. Одну из них — в защиту А. К. Кузнецова на процессе нечаевцев — такой авторитет в области судебного красноречия, как почетный академик К. К. Арсеньев, в 1871 г. назвал «непревзойденным до сих пор образцом русского ораторского искусства» и через 40 лет подтвердил этот отзыв¹.

**Стасов
Дмитрий
Васильевич**
(1828–1918)

Если В. Д. Спасович был вождем русской буржуазной адвокатуры 1860–1890-х годов, то Д. В. Стасов — первый председатель первого (Петербургского) Совета присяжных поверенных — ее совестью. Сын зодчего В. П. Стасова, брат выдающегося деятеля русской культуры В. В. Стасова, отец революционерки-большевички Е. Д. Стасовой Дмитрий Васильевич Стасов (1828–1918) отличался разнообразными талантами и необычайной широтой интересов. Высокообразованный правовед, ревнитель народного просвещения, публицист, большой знаток литературы, музыки, живописи, скульптуры, сам хороший пианист, он был видным общественным (музыкальным, в частности) деятелем с авторитетом и связями как в России, так и в Европе. Его друзьями были классики национальной и мировой культуры — М. И. Глинка и М. П. Мусоргский, И. Е. Репин и В. В. Верещагин², Г. Берлиоз и Р. Шуман. Он один из учредителей и автор устава первой в России Петербургской консерватории. В Петербурге пореформенных десятилетий не было такого общественного начинания, в котором Стасов не принял бы участия. Александр II однажды выругался: «Плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова»³.

Но все-таки прежде всего Стасов был юристом, адвокатом. Он первым (17 апреля 1866 г.) вступил в сословие присяжных

¹ ИРА. Т. 1. С. 197.

² И. Я. Гинцбург вспоминал о Д. В. Стасове: «Дмитрий Васильевич по скромности своей никогда не заказывал своего портрета, хотя он был знаком со многими художниками, которые, с о близко зная, написали бы хорошо с него портрет» (Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964. С. 138). В. А. Серов написал известный портрет Дмитрия Васильевича по заказу Петербургского совета присяжных поверенных.

³ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 13.

поверенных и оставался в нем до конца своей долгой жизни, т. е. все время существования присяжной адвокатуры в России от первого и до последнего ее дня. Сохранившаяся в его архиве книга записей¹ позволяет установить, что он как адвокат провел 821 дело — едва ли не больше, чем кто-либо другой из русских адвокатов. «Он обладал всеми качествами выдающегося дебатера,— вспоминал о нем К. К. Арсеньев,— быстрою соображения, находчивостью, умением отличать существенное от несущественного, раскрывать противоречия, переходить от обороны к наступлению, твердо и всесторонне обосновать окончательный вывод»². Как оратор Стасов заметно уступал Спасовичу и некоторым другим корифеям русской адвокатуры. Мало сказать, что его ораторская манера была лишена внешних эффектов,— ей недоставало и масштабности, и образности, и эмоциональности. Стасов всегда говорил просто, невозмутимо и строго по существу дела, без философских и лирических отступлений. Но каждая его речь была сильна логикой, стройностью, мобилизацией всех защитительных ресурсов, доказательностью. Поэтому он сразу занял почетное место в ряду лучших адвокатов России, а свойственные ему гражданское мужество и нравственная безупречность обеспечили ему репутацию одного из самых надежных столпов адвокатуры, блюстителя ее первозданной чистоты.

С молодых лет Д. В. Стасов проникся демократическими убеждениями и оставался верен им всю жизнь, хотя и осуждал революционные «крайности», вроде царевубийства 1 марта 1881 г. Его причастность к революционному подполью на протяжении более полувека от А. И. Герцена до В. И. Ленина, должным образом еще не исследованная (речь о ней впереди, в 5-й главе), неоспорима и многозначительна. Е. Д. Стасова вспоминала об отце: «Он имел на меня огромное влияние, и ему я обязана очень и очень многим»³.

Неудивительно, что царизм считал Стасова крайне «не-

¹ ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 362.

² Там же. Д. 419. Л. 6.

³ Стасова Е. Д. Автобиография // Деятели СССР и революц. движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 701.

благонадежным», почти «красным». III отделение держало его под неусыпным секретным надзором¹. Он неоднократно подвергался репрессиям. Еще в 1861 г. его арестовали за содействие студенческим волнениям и уволили с государственной службы (в Сенате), в 1879 г. он был вторично арестован, а в 1880 г., после третьего ареста за сношения с революционерами, выслан в Тулу². В 1881–1882 гг. пресловутая «Святая дружина», разыскивая членов Исполнительного комитета «Народной воли», «подозревала в качестве такового» и Д. В. Стасова³. Наконец, уже в 1900 г. Особый отдел Департамента полиции обнаружил в квартире Стасова многолюдное «собрание лиц, давно известных своею крайнею политической неблагонадежностью», признав, однако, что «за последние годы он, ввиду преклонного возраста, несколько поотстал и сделался осторожнее»⁴.

С 1866 до 1883 г. Д. В. Стасов пять раз выступал на крупных политических процессах (ишутинцев, нечаевцев, «193-х», И. М. Ковальского, «17-ти»). Участвовал он и в маловажных, негромких делах (например, политических «фальшивомонетчиков» в 1869–1870 гг. и сельского учителя, народника В. И. Телье в 1876 г.). Революционеры высоко ценили талант Стасова-адвоката, его честность и уважительное отношение к ним и поэтому охотно выбирали его своим защитником, как это сделали, в частности, В. Н. Фигнер на процессе «14-ти»⁵ и А. И. Баранников на процессе «20-ти»⁶. Но судебные власти, учитывая «крайнюю неблагонадежность» Стасова, не всегда соглашались с таким выбором (и Фигнер, и Баранникову были назначены другие защитники)⁷.

¹ ГАРФ Ф 109 Секр архив III отд Оп 1 Д 888 Л 1–9 Ср Архив «Земли и воли» и «Народной воли» М, 1932 С 177

² РГИА Ф 1282 Оп 1 Д 640 Л 33

³ ИРЛИ РО Ф 661 Д 19 Л 8 (Лемке М К «Святая дружина»)

⁴ ГАРФ Ф 102 00 1900 Д 1130 Л 9

⁵ РГВИА Ф 1351 Оп 3 Д 51 Ч 1 Л 104

⁶ Народоволец А И Баранников в его письмах М, 1935 С 119

⁷ В архиве Д В Стасова сохранилось письмо к нему Веры Фигнер от 19 января 1917 г., в котором старая революционерка поздравляла престарелого адвоката с 89-летием и благодарила его за «благородно проведенную жизнь» (ИРЛИ РО. Ф 294 Оп 4 Д 281 Л 1)

**Александров
Петр
Акимович**
(1836–1893)

Пожалуй, самым дерзким из корифеев русской буржуазной адвокатуры, ее первым бойцом был Петр Акимович Александров (1836–1893). Карьера его необычна: сын священника из Орловской губернии, к 1861 г. — всего лишь уездный пристав следственных дел, он за 10 лет дослужился до высокой и очень перспективной должности прокурора Петербургской судебной палаты, а с 1874 г. был уже товарищем оберпрокурора уголовного кассационного департамента Сената, но в январе 1876 г. в знак протеста против гонений на печать демонстративно уволился в отставку и вступил в сословие присяжных поверенных. Известный и многообещающий прокурор стал безвестным и, казалось, малозначащим адвокатом. Однако первое же выступление Александрова как адвоката на политическом процессе («193-х») принесло ему общероссийскую славу, а следующее (в защиту Веры Засулич) — сделало всемирно знаменитым.

Александров был одним из лучших судебных ораторов в России, оратором-громовержцем. Бедный внешними данными (щуплая фигура, странно усеченное лицо, напоминавшее «обгрызанную селедку»¹, угловатый жест, сильный, но излишне «режущий» и несколько гнусавый голос), он в достатке владел редчайшим качеством, которое называют «внутренним электричеством», был проницателен и принципиален, а главное, сочетал в себе дар фундаментального научного анализа (как у В. Д. Спасовича) с ядом сарказма (как у В. И. Жуковского, слывшего «петербургским Мефистофелем»). Поэтому Александров не знал себе равных из числа русских судебных ораторов в умении «пригвоздить» своего противника на том самом месте и в том именно положении, в котором застал его на «нехорошем деле»².

Александров соглашался защищать только такие дела, которые не могли показаться ему заведомо неправыми. Зато, уверовав в правоту взятого на себя дела, он буквально соединял собственное «я» с личностью своего подзащитного, даже «иначе и не говорил, как: “Мы обвиняемся”, “Нас обвиняют”,

¹ Кугель А. Р. Литературные воспоминания. Пг., М., 1923. С. 30.

² Карабчевский Н. П. Около правосудия. СПб., 1908. С. 157.

“Мы докажем, что мы не воры и не растратчики и подлогов не делали” и т. д.»¹. При этом иную защиту, особо важную или близкую его разуму и сердцу, он вел, как сражение, бился за победу, как воин. Однажды «он и закончил свою речь, обращаясь к присяжным заседателям, такими словами: “С тыла, справа, слева — мы окружены. Один только передний фронт наш свободен... Мы к вам идем, вы нас не оттолкните!”»².

По убеждениям Александров был крайне левым, «розовым» либералом (пожалуй, точнее даже радикалом) с талантом и темпераментом обличителя. Вместе с тем он досконально знал и виртуозно использовал чисто процессуальные возможности для любого обличения. «Будучи вышколен на службе юристов,— вспоминал о нем С. А. Андреевский,— он всегда умел сделать себя неуязвимым с формальной стороны, на какую бы боевую позицию ни отваживался, и поэтому самые рискованные выходы в судебных прениях удавались ему вполне, без малейших остановок или придиорок»³. Используя это свое умение, он, как никто другой из адвокатов, «вполне свободно <...> критиковал чиновничество всех видов за промахи, недомыслие, отсталость и вредоносность»⁴.

На политических процессах все достоинства такого адвоката, естественно, сказывались в пользу обвиняемых и к невыгоде, а то и к позору обвинителей, что создавало Александрову соответствующую репутацию как у царских властей, так и в оппозиционных кругах. И те и другие считали его «наиболее сильным политическим оратором»⁵ и внимательно прислушивались к тому, как он с присущей ему дерзостью провозглашал перед царским судом рискованные сентенции: «Ни одно правительство не может правильно управлять, не имея оппозиции»; «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым

---

¹ Там же, с. 160. Такова же была манера знаменитого французского адвоката Шэ д'Эст-Анжа (Судебные ораторы во Франции. Избранные речи. М., 1888. С. 98, 107).

² Карачевский Н. П. Указ. соч. С. 159.

³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

подвигом гражданской доблести»¹ и т. п. Но реагировали на это «сверху» и «снизу», конечно, по-разному. Все радикалы относились к Александрову с уважением и доверием. Зато царские власти злобствовали на язвительного адвоката и не доверяли ему. III отделение зарегистрировало его в списке «неблагонадежных»², следило за ним³.

Мало того, что Александров «обладал умом мыслителя и словом острым, как бритва»⁴. Самым выдающимся из его личных качеств было «мужество воина»⁵. В этом качестве А. М. Унковский ставил его выше всех русских адвокатов⁶. Александров и умер мужественно, саркастически усмехнувшись над самим собой: за считанные часы до смерти, приближение которой он уже ощутил со всей непреложностью, «спросил себе газеты и желал непременно прочесть “сегодняшние”, чтобы “не предстать недостаточно осведомленным”»⁷.

В ряд самых замечательных русских судебных ораторов входил и князь Александр Иванович Урусов (1843–1900), племянник государственного канцлера А. М. Горчакова. Внешне он представлял собой полную противоположность Александрову (осанистая фигура, изысканные манеры, выразительные черты «породистого» лица, пленительный «бархатный» голос), но был очень близок к нему по своим бойцовским качествам. Человек высокой культуры и (несмотря на аристократическое происхождение) передовых взглядов, почитатель Герцена и друг Чехова, талантливый публицист, литературный и театральный критик⁸, правдолюб, убежденный в том,

**Урусов
Александр
Иванович
(1843–1900)**

¹ Судебные речи известных русских юристов. Изд. 3. М., 1958. С. 31, 67.

² Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 195.

³ ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 728. Л. 3–4.

⁴ Грузенберг О. О. Указ. соч. С. 44.

⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 16. Л. 2 (отзыв С. А. Андреевского); Карабчевский Н. П. Около правосудия. С. 156; Ляховецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов. С. 11.

⁶ Письма А. М. Унковского к Г. А. Джаншиеву // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 248.

⁷ Карабчевский Н. П. Указ. соч. С. 160.

⁸ Глубочайший знаток творчества Г. Флобера, Урусов заслужил в России и Франции репутацию «первого русского флорбериста» (Венгерова З. Парижский архив А. И. Урусова // Литературное наследство. 1939. Т. 33–34. С. 593).

что «свыше совести человека нет силы в мире»¹, к тому же на редкость искусный полемист, «неотразимый диалектик»², Урусов защищал подсудимых революционеров мастерски, во всеоружии своих дарований, и пользовался заслуженной популярностью в демократических кругах. Уже к концу 60-х годов он, по словам Герцена, «стал любимой знаменитостью русской адвокатуры»³.

Современники называли Урусова «русским Демосфеном»⁴, видели в нем нового Петрония⁵. Действительно, «красота, блеск, архитектурная гармония» его речей⁶ эффектно сочетались с тонкой, язвительной, порою убийственной, но всегда облеченной в безукоризненно вежливую форму иронией. Европейски образованный и воспитанный, джентльмен по натуре и в то же время настоящий художник, маэстро слова, Урусов владел удивительным чувством меры и никогда, даже в самых острых судебных прениях, не терял ни художественного вкуса, ни полемической обходительности. Характерным для него был случай, когда он служил прокурором. Возражая на суде защитнику, который муссировал безденежье обвиняемого, побуждавшее-де его зарезать спутника, Урусов вдруг «замолк в каком-то колебании — и перешел к другой стороне дела». В перерыве он объяснил А. Ф. Кони: «Мне чрезвычайно захотелось сказать, что я совершенно согласен с защитником в том, что подсудимому деньги были **НУЖНЫ ДО ЗАРЕЗУ**, — и я не сразу справился с собою, чтобы не допустить себя до этой неуместной игры слов»⁷.

В крайних случаях Урусов мог и ответить на резкость резкостью, но — в «джентльменских» выражениях. Так он, будучи адвокатом, парировал нападки прокурора на защиту бир-

---

¹ Нос А. Е. Замечательные судебные дела. Сб. процессов, характеризующих современный быт общества. М., 1869. Кн. 2. С. 144.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 14. С. 245.

³ Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1960. Т. 19. С. 233.

⁴ Солодова А. И. Воспоминания о кн. А. И. Урусове // Исторический вестник. 1910. № 5. С. 459.

⁵ Ледницкий А. Р. Из прошлого. М., 1917. С. 27. Автор «Сатирикона» Гай Петроний слыл в Древнем Риме «арбитром изящества».

⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 132.

⁷ Там же. С. 125.

жевой игры по делу о злоупотреблениях в Кронштадтском банке: «Есть, господа присяжные заседатели, более опасная игра, о которой не упомянул господин прокурор, это — игра НА ПОВЫШЕНИЕ»¹ Вообще, он не любил защищать, но, и в качестве прокурора и как адвокат, с удовольствием обвинял сильных мира, если мог изобличить их в беззаконии. Очень характерна для него гневная тирада, с которой он обратился к присяжным заседателям по делу Н. Н. Кострубо-Карицкого в 1871 г.: «Щадите слабых, склоняющихся перед вами свою усталую голову. Но когда пред вами становится человек, который, пользуясь своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд — действительная сила, сила разума и совести,— и согните ему голову под железное ярмо закона!»²

Власти считали Урусова «неблагонамеренным», следили за ним и преследовали его. Еще в 1861 г. он исключался из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях³, а в 1872 г. был уличен в «преступных сношениях» с революционерами, осужденными по делу нечаевцев, арестован и выслан из Москвы в захолустный латышский городишко Венден под надзор полиции, причем Александр II на полях всеподданнейшего доклада о высылке Урусова пометил: «Надеюсь, что надзор за ним будет действительный, а не мнимый»⁴. Царь, конечно, знал: по данным III отделения, Урусов среди самых неблагонадежных студентов «считается за “диктатора”, и они, рассчитывая на его способности и достоинства, убеждены в том, что он станет во главе народного движения и вполне сыграет роль Гамбетты, от чего князь Урусов не отказывается»⁵. Лишь в 1876 г. Урусова освободили из ссылки при условии, что он сложит с себя звание присяжного

¹ Гольдовский О. Б. Воспоминания о кн. А. И. Урусове // Вестник права 1903 № 9–10. С. 214–215.

² Урусов А. И. Речи М., 1901. С. 130.

³ ДРД. Т. 1. Ч. 2. Стб. 415.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 320. Л. 14.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. 3 экзп. 1870. Д. 51. Ч. 2. Л. 6 об. Адвокат Леон Гамбетта был тогда лидером буржуазных республиканцев во Франции.

поверенного и поступит на государственную службу. Пять лет после этого он прослужил товарищем прокурора в окружных судах Варшавы и Петербурга, но в 1881 г все-таки вновь (теперь уже навсегда) вернулся в адвокатуру.

Как адвокат, судебный оратор, А. И. Урусов имел, конечно, и слабости — главным образом, чрезмерное внимание к форме речи, к словесному облачению мысли¹. Это сказывалось и в его литературных симпатиях: он поклонялся Г. Флоберу, но не любил Г. Мопассана, а М. Горького посчитал (в 1900 г.) «бездарным»². Но изощренное (даже сверх меры) чувство прекрасного именно и окрыляло его, служило источником его неиссякаемого жизнелюбия. До конца своих дней, истерзанный предсмертной болезнью, совершенно оглохший, почти лишенный возможности двигаться, он сохранял интерес к «зрелищу жизни», тянулся к прекрасному. Как и П. А. Александров, он, по словам поэта К. Д. Бальмонта, «мужественно встретил самую страшную для людей гостью, смерть, он и ей сказал “нет”, когда она вздумала принизить его...»³.

Плевако
Федор
Никифорович
(1843–1908)

Если В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров адвокатствовали большей частью в Петербурге, то А. И. Урусов — в Москве. Здесь же одновременно с Урусовым блистал, а во многом и соперничал с ним поистине легендарный «московский златоуст» Федор Никифорович Плевако (1843–1908)⁴.

Сын литовского и украинского дворянина и крепостной киргизки⁵, Плевако, в отличие от «европейца» и «барина» Урусова, был по натуре «русским человеком до мозга костей» и притом «демократом-разночинцем»⁶, хотя, к концу жизни, и в чине действительного статского советника. Далеко не

¹ «Его речи более красивы, чем содержательны», — читаем в указ соч Л Д Ляховецкого (с 276)

² А И Урусов Статьи Письма Воспоминания о нем М, 1907 Т 3 С 382

³ Там же С 294

⁴ Сравнительный анализ их деятельности см в превосходном очерке А Ф Кони «Князь А И Урусов и Ф Н Плевако» Собр соч В 8 т М, 1968 Т 5 С 123–137

⁵ Смолярчук В И Адвокат Федор Плевако Челябинск, 1989 С 11–12 Другие версии сын поляка и башкирки (Мамлаков В А Ф Н Плевако М, 1910 С 37), «литвина и калмычки» (Подгорный Б А Плевако М, 1914 С 6–7).

⁶ Кони А Ф Собр соч.: В 8 т Т 5 С 124, 136

такой эрудит, как Урусов или Спасович, он зато был силен житейской смекалкой и хваткой, «народностью» истоков своего ораторского дарования. Его терпимость, добродушие, простота в обхождении с кем бы то ни было, выше или ниже себя, и безучастие ко всякой «политике» сочетались настолько естественно, что обращение Плевако уже на склоне лет к политической деятельности (с 1907 г. он стал депутатом Государственной думы от партии октябристов) было воспринято современниками как неожиданность, а неудача его политической карьеры — как закономерность¹. Действительно, октябристский мандат плохо соответствовал его убеждениям — не вполне отчетливым, вообще либеральным (с тенденцией к поправению), но отчасти и демократическим. Ближе к демократизму был, конечно, молодой Плевако, состоявший в 1872–1873 гг. под «самым строгим наблюдением» московских жандармов². Но и в зрелые годы он оставался, по его выражению, «человеком шестидесятых годов»³. Гласно, перед царским судом, обличал он всякого рода злоупотребления, чинимые духовными ли воротилами «под покровом рясы и обители»⁴, или (под команду властей «Ату его!») «собаками» полицейского сыска⁵, а главное, «беззастенчивую эксплуатацию» крестьян и «белых невольников» — рабочих⁶.

Оратором Плевако был уникальным — что называется, милостью Божией. Правда, в отличие от Урусова (но под стать Александрову и Спасовичу), он имел довольно невзрачную внешность. «Скуластое, угловатое лицо калмыцкого типа с широко расставленными глазами, с непослушными прядями длинных темных волос могло бы назваться безобразным, если бы его не освещала внутренняя красота, сквозившая то в общем одушевленном выражении, то в доброй, львиной

---

¹ См. *Майлаков В. А.* Указ соч. С. 37.

² ГАРФ. Ф. 109. 3 экзп. 1872. Д. 198. Л. 8 об. — 9.

³ РГАЛИ. Ф. 912. Оп. 4. Д. 168. Л. 1 (Ф. Н. Плевако — Ф. И. Шаляпину 9 января 1902 г.).

⁴ *Плевако Ф. Н.* Речи. М., 1910. Т. 2. С. 62–63.

⁵ Там же. Т. 1. С. 161, 175.

⁶ Там же. С. 309, *Моисеенко П. А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 106.

улыбке, то в огне и блеске говорящих глаз. Его движения были неровны и подчас неловки; неладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призыванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе»¹. Секрет ораторской неотразимости Плевако был не только и даже не столько в мастерстве слова. «Главная его сила,— вспоминал В. В. Вересаев,— заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской заразительности чувства, которым он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы»². Очень подходит к Плевако афоризм Ф. Ларошфуко «В звуке голоса, в глазах и во всем облике говорящего заключено не меньше красноречия, чем в выборе слов»³.

Плевако-оратор был подчеркнуто (как никто другой) индивидуален. Уступая Спасовичу в глубине научного анализа, Стасову — в логике доказательств, Александрову — в дерзости, Урусову — в гармонии слова, он превосходил их всех в заразительной искренности, эмоциональной мощи, ораторской изобретательности. Насколько непредсказуемы были защитительные находки Плевако, видно из двух его выступлений, о которых в свое время ходили легенды: в защиту священника, отрешенного от сана за крупное воровство⁴, и старушки, укравшей жестяной чайник. Во втором случае прокурор, желая заранее парализовать эффект защитительной речи Плевако, сам высказал все возможное в пользу старушки (сама она бедная, кража пустяковая, жалко старушку), но подчеркнул, что собственность священна, нельзя посягать на нее, ибо ею держится все благоустройство страны. Поднялся Плевако: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все пре-

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 124.

² Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 131.

³ Ларошфуко Ф. Мемуары Максими Л., 1971. С. 170.

⁴ См. об этом деле рассказ Л. Р. Шейнина «Пари» Огонек, 1963. № 38.

одолела Россия, только крепла и росла от испытания. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно»¹. Старушку оправдали.

Разумеется, красноречие Плевако отличалось и живописностью слова. Хотя на бумаге его речи многое потеряли, они все-таки остаются выразительными и сильными. Плевако был мастер на картинные СРАВНЕНИЯ (о назначении цензурь: это — щипцы, которые «снимают нагар со свечи, не гася ее огня и света»)², АНТИТЕЗЫ (о русском и еврее: «Наша мечта — пять раз в день поесть и не затяжелеть, его — в пять дней — раз и не отощать»)³, эффектные ОБРАЩЕНИЯ (к тени убитого коллеги: «Товарищ, мирно спящий во гробе!..»; к присяжным по делу Прасковьи Качки. «Раскройте ваши объятия — я отдаю ее вам!»)⁴.

К недостаткам ораторской манеры Плевако критики относили композиционную разбросанность и, особенно, «банальную риторику» отдельных его речей⁵. Оригинальность его дарования импонировала не всем. Так, не любили его Л. Н. Толстой и М. Е. Салтыков-Щедрин⁶, хотя В. И. Суриков и М. А. Врубель, Ф. И. Шаляпин и К. С. Станиславский дружили с ним⁷. Д. Д. Минаев, признав еще в 1883 г., что Плевако — адвокат, «давно известный всюду, яко звезда родного зодиака», шаржировал его в такой эпиграмме:

Бросает в краску, точно рака,
Врага — речей его атака
Проврется ль где-нибудь писака,
Случится ль где в трактире драка,

¹ Вересаев В В Указ соч С 132

² Плевако Ф Н Речи Т 2 С 67, Телешов Н Д Записки писателя. М., 1953. С 196

³ Плевако Ф Н Речи Т 1 С 97, 108

⁴ Там же С 43, 164

⁵ Тимофеев А Г Судебное красноречие в России СПб, 1900 С 151, 154

⁶ Маковицкий Д П У Толстого (1904–1910) Яснополяские записки М, 1979 Кн 2 С 570, М Е Салтыков Щедрин в воспоминаниях современников М, 1975 Т 2 С 175

⁷ Коровин К А Плевако (Из воспоминаний) РГАЛИ Ф 2712 Оп 1 Д 108. Л 22, Смолярчук В И Адвокат Федор Плевако С 209

На суд ли явится из мрака
Воров общественных клоака,
Толкнет ли даму забияка,
Укусит ли кого собака,
Облает ли зоил плевака,
Кто их спасает всех? — ПЛЕВАКО ¹

В революционных кругах большого интереса к Плевако не было, поскольку на крупных политических процессах он не выступал². Зато либералы (по крайней мере московские), а еще более обыватели, простонародье ценили его выше всех адвокатов как «великого оратора», «гения слова»³, «старшего богатыря» и даже «митрополита» русской адвокатуры⁴. Сама фамилия Плевако вырастала в синоним адвоката экстра-класса. «Найду другого “Плеваку”, — говорили и писали без всякой иронии»⁵.

Для тех политических (безоговорочно или с оговорками) процессов, на которых выступал защитником Ф. Н. Плевако⁶, его «богатерская» слава оказывалась важным стимулятором общественного интереса к делу и тяжело ложилась на чашу весов в пользу обвиняемых против любого обвинения.

Среди крупнейших русских адвокатов XIX века много было таких, которые, подобно В. Д. Спасовичу, Д. В. Стасову или А. И. Урусову, не довольствовались судебным поприщем и с большим успехом выступали на ниве просвещения, науки, литературы, искусства, общественной деятельности. Иные из них (С. А. Андреевский, А. Л. Боровиковский, А. А. Ольхин, А. И. Языков, Н. П. Карабчевский) печатались как поэты. Первым по значению поэтом из адвокатов и первым адвокатом среди поэтов был Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918).

Андреевский
Сергей
Аркадьевич
(1847–1918)

---

¹ Минаев Д. Д. Не в бровь, а в глаз. СПб, М, 1883. С. 155.

² Исключая процесс участников Морозовской стачки 1885 г., который не был политическим в строгом смысле слова.

³ Муравьев Н. К. От редактора // Плевако Ф. Н. Речи. Т. 1. С. II.

⁴ С. Столичная адвокатура. М., 1895. С. 108, Вольский А. В. Правда о Плевако (РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 11).

⁵ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 4.

⁶ Кроме Морозовского, — Охотнорядское 1878 г., Люторичское 1880 г., Барановское и кн. В. П. Мещерского 1904 г. дела.

Юрист по призванию и поэт по натуре, очень эффектный внешне («красавец, слегка печоринской складки»¹), с элегантными манерами и чарующим, «до самой старости необыкновенно звучным и гибким голосом»², златоуст, способный чуть ли не «из камней исторгать слезы»³, Андреевский привнес в искусство судебной защиты невиданную ранее (даже у такого эстета, как А. И. Урусов) художественную красочность «Как бы живая виолончель адвокатуры», — говорили о нем современники⁴.

Идеалом защитника (которому он следовал сам) был, в представлении Андреевского, «говорящий писатель»⁵. У классиков мировой литературы Андреевский-юрист учился мастерству психологического анализа, опирался в судебных речах, наряду с примерами из жизни, и на литературные примеры. Одна из его речей, по наблюдению А. Г. Тимофеева, была оснащена ссылками на Данте, Шекспира, Гете, Ришпена, Достоевского, Л. Толстого, Чехова⁶. Иные шедевры художественной классики Андреевский считал более полезными для юристов, чем специально-юридические трактаты. В лекции для помощников присяжных поверенных «Об уголовной защите» он так оценил рассказы А. П. Чехова «Злоумышленник» и «Беда»: «Чехов — не юрист. Но кто же, даже самый лучший из нас, по тем двум обвинениям, которые я назвал (крестьянин Григорьев в «Злоумышленнике» по ст. 1081, а купец Авдеев в «Беде» — по ст. 1154 Уложения о наказаниях — Н. Т.), когда бы то ни было произнес в суде что-нибудь,

---

¹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М., 1926. С. 133. Вот как описывал С. А. Андреевского М. М. Винавер: «Строинная, высокая фигура с матовым лицом, черными, как смоль, волосами, высоко поднятою головою. Темно карие, широко открытые, с каким-то колющим блеском, глаза всегда устремлены вперед. Нельзя представить себе этой спины сгорбленную, этих глаз опущенными» (Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Изд. 2. Париж, 1926, С. 123).

² Винавер М. М. Указ. соч. С. 123.

³ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 100.

⁴ Отзыв об Андреевском А. Л. Волынского в кн. А. И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. Т. 3. С. 278.

⁵ Андреевский С. А. Драммы жизни. Пг., 1916. С. 13.

⁶ Тимофеев А. Г. Указ. соч. С. 113.

до такой степени яркое и простое, до такой степени обезоруживающее всякую возможность преследования этих двух преступников (Григорьева и Авдеева), как то, что написал Чехов в этих двух коротеньких рассказах? А в чем же тайна? Только в том, что Чехов правдиво и художественно нарисовал перед читателем бытовые условия и внутреннюю жизнь этих двух, выражаясь по-нашему, своих «клиентов»¹.

Именно так — «правдиво и художественно» — старался адвокат Андреевский раскрывать в защитительных речах внешние условия жизни и внутренний мир своих подзащитных. Не уходя от юридического анализа, он тем не менее акцентировал психологическую сторону дела, самую личность доверившегося ему «клиента», как бы говоря присяжным: «Загляните в его душу и в то, что неотвратимо вызвало подсудимого на его образ действий!»².

При этом Андреевский захватывал слушателей (не исключая присяжных) картинностью речи, наглядностью определений, аналогий, сентенций. Так, присяжных заседателей он мог уподобить таможне («Мы — стороны — провозим через вас человеческий товар, и здесь может проскочить контрабанда»³), а обвинителей без должной опоры на доказательства — «воздухоплавателям»⁴. Колоритны его определения аффекта («мгновенное исчезновение сознания, когда, по выражению одного ученого, у человека “не может быть совещания с самим собой”»⁵) и «русского типа» любви («адская смесь острой водки и святой воды»⁶), изящна и зла обрисовка ветреных барышень: «Подобные головы созданы для модной шляпки с широкими полями, которая запрокидывается сама собою навстречу первому ветерку»⁷.

Художественность как самая сильная сторона ораторского дарования Андреевского обращалась и в главную его сла-

---

¹ Андреевский С. А. Указ соч. С. 8

² Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 175

³ Андреевский С. А. Защитительные речи. СПб., 1891. С. 123–124.

⁴ Там же. С. 181

⁵ Судебные речи известных русских юристов. С. 146

⁶ Там же. С. 154

⁷ Там же. С. 141

бость, поскольку, увлекаясь ею, он недостаточно углублялся в чисто юридическую сторону дела¹, не исчерпывал всех улик, а опровергал лишь основные — в пунктах, наиболее выигрышных для защиты. «В каждом деле, — несколько утрировал этот недостаток защитительных речей Андреевского Л. Д. Ляховецкий, — его интересует кое-что и речь его касается поэтому лишь кое-чего из дела»².

Тем не менее Андреевский как защитник был очень близок к его собственному идеалу «говорящего писателя» и, по совокупности своих достоинств (не только с художественной, но и с юридической, а также с общественной стороны), занял одно из первых мест в ряду корифеев русской адвокатуры³. Всю жизнь он руководствовался тем определением смысла судебной защиты, которое сформулировал чуть ли не в самой ранней из своих защитительных речей (по делу Павла Зайцева в 1878 г.) и которое вполне современно звучит донныне: «Общественное возмездие, прежде чем покарать, должно одуматься. Оно обязано взвесить свой тяжелый шаг и выслушать против себя все возможные возражения, какие только может создать человеческая мысль. Если после таких возражений оно ничуть не поколеблется, ни от одного своего вывода не откажется, ни в одном своем чувстве не смягчится, то, что бы мы ни думали о решении, мы назовем его обдуманым, взвешенным»⁴.

Достоинства, которыми отличался С. А. Андреевский как адвокат, отчасти налицо и в его литературном творчестве. Современник писал о нем:

Поэзии жрец и Фемиды левит,
Везде и во всем успевает.

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 175.

² Ляховецкий Л. Д. Указ. соч. С. 45. О том же см. Тимофеев А. Г. Указ. соч. С. 116.

³ «Для меня, — писал Андреевскому 25 декабря 1891 г. А. П. Чехов, — речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двоякий интерес. В них я ищу, во первых, художественных достоинств, искусства и, во вторых, — того, что имеет научное или судебно-практическое значение» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма М., 1976. Т. 4. С. 335).

⁴ Андреевский С. А. Защитительные речи. С. 6.

В стихах его — голос защиты звучит,
Речь — пламенем станса пылает¹.

Лучшие из оригинальных стихотворений и переводов, критических этюдов, литературных портретов Андреевского², как и его защитительные речи, подкупают меткостью наблюдений, искренностью чувств, изяществом формы. Их высоко ценили выдающиеся деятели русской культуры. И. Е. Репин ставил Андреевского в ряд «блестящих умов»³, И. С. Тургенев еще в 1878 г. отметил его «несомненный талант» поэта⁴, а К. С. Станиславский в письме к Андреевскому от 9 марта 1908 г. выразился даже таким образом: «Я ценю Вас как художника и критика выше всех»⁵.

О политических убеждениях Андреевского свидетельствуют его оригинальные мемуары под названием «Книга о смерти»⁶ и едва ли не единственное в его наследии гражданское стихотворение «Петропавловская крепость» (1881) с авторским комментарием к нему 1917 или 1918 г.⁷ Гуманист и правдолюб, Андреевский держался в стороне от «политики» в прямом смысле этого слова и не имел ни определенности, ни устойчивости в своих (по общему тону либеральных) взглядах. С одной стороны, он мог жалеть о царе-вешателе Александре II как о «человеке добром и либеральном» и допускать, что «крамольники»-цареубийцы, убоясь собственной жестокости, «клянут свои деянья». С другой стороны, ему виделось, что народовольческая «крамола» «была по-своему героична, исполняя какую-то (?) необходимую историческую миссию,

¹ Мартынов П. К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь альбом русских деятелей XIX в. Изд. 3 СПб, 1893 С 11

² Андреевский С. А. 1) Стихотворения (1878–1885) СПб, 1886, 2) Литературные чтения СПб, 1891, 3) Литературные очерки Изд. 4 СПб, 1913

³ Репин И. Е. Избр. письма В 2 т М, 1969 Т 2 С 381

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем В 28 т. Письма М–Л, 1966 Т 12 Кн 1 С 322

⁵ Станиславский К. С. Собр. соч. В 8 т М, 1960 Т 7 С 382

⁶ Кн 1 Л, 1924, Кн 2 Ревель — Берлин Б. г. «Книга о смерти» изобилует мудрыми афоризмами. Вот один из них «Жизнь есть право, а смерть — обязанность» (Т 2 С 179)

⁷ Поэты 1880–1890-х гг. Л, 1972 С 280, 281, 669. Далее цит. этот источник

сулящую неведомые (??) блага в будущем». Поэтому строка из его «Петропавловской крепости» с написанием «о подвиге, задавленном впотьмах», обретала почти «крамольный» смысл.

Пожалуй, самым скромным поэтом из адвокатов был Николай Платонович Карабчевский (1851–1925) — как адвокат один из наиболее выдающихся. Впервые он заявил о себе еще на процессе «193-х» одновременно с П. А. Александровым (хотя и не так громко), в 80-е годы был уже знаменит, но и в начале XX века, когда корифей русской адвокатуры «первого призыва» большей частью отступили на второй план или ушли со сцены и вообще из жизни, Карабчевский оставался звездой первой величины¹, а последние 10 лет существования буржуазной адвокатуры (после того как в 1907 г. устранялся от ее дел и в 1908 г. умер Ф. Н. Плевако) был самым авторитетным и популярным адвокатом России².

**Карабчевский
Николай
Платонович
(1851–1925)**

Личность Карабчевского импонирует, прежде всего, разносторонностью интересов и дарований. Даже современным ценителям он «кажется почти невероятно многогранным»³. В этом преувеличении есть большая доля правды: творческое наследие Карабчевского включает в себя стихи, художественную прозу и критику, переводы, судебные очерки и речи, публицистику, мемуары⁴. Поклонник и знаток искусства, Карабчевский дружил с К. А. Варламовым и Л. В. Собиновым, В. Ф. Комиссаржевской и О. Л. Книппер-Чеховой. В его домашнем театре по субботам собирались для репетиций и благотворительных концертов все артистические знамени-

¹ В 1904 г. журнал «Нива» (№ 52 С. 1058) писал о нем «В настоящее время невозможно указать другого такого же могучего словом и духом судебного деятеля и оратора»

² Ср. Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней Париж, 1934 Т. 3 С. 72, Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах Записки защитника М., 1931 С. 158. Подробно о Карабчевском см. Троицкий Н. А. Корифей отечественной адвокатуры // Жизнь и судьба Н. П. Карабчевского // Вопросы истории 1993 № 6

³ Михайловская Н. Г., Одинцов В. В. Искусство судебного оратора М., 1981 С. 13

⁴ См. Карабчевский Н. П. 1) Речи СПб., 1901 и 1902 Пг., М., 1916, 2) Около правосудия СПб., 1902 и 1908, 3) Приподнятая завеса (Проза и стихи) СПб., 1905 и др.

тости Петербурга¹, ставил новаторские спектакли В. Э. Мейерхольд².

Все это помогало и карьере, и репутации Карабчевского, но по натуре и призванию он был юрист, судебный оратор, «адвокат от пяток до маковки»³. В нем почти идеально сочетались самые выигрышные для адвоката качества. Высокий, импозантный, красивый, «Аполлон, предмет оваций», как шутливо рекомендовали его коллеги⁴, Карабчевский отличался правовой эрудицией⁵, даром слова и логического мышления, находчивостью, силой характера, темпераментом бойца. Специалисты особо выделяли его «стремительность, всеограшающую энергию нападения, всегда открытого и прямого, убежденного в своей правоте»⁶.

Подобно П. А. Александрову и А. И. Урусову, Карабчевский держался такого правила: «Вся деятельность судебного оратора — деятельность боевая»⁷. Он мог заявить прямо на суде, что в его лице защита «пришла бороться с обвинением»⁸. Главная его сила и заключалась в умении опровергнуть даже, казалось бы, неоспоримую аргументацию противника.

Карабчевский чуть ли не первым из адвокатов понял, что нельзя полагаться только на эффект защитительной речи, ибо мнение суда — в особенности присяжных заседателей — складывается еще до начала прений сторон, и поэтому «выявлял свой взгляд на спорные пункты дела еще при допросе свидетелей»⁹. Допрашивать свидетелей он умел как никто. Вот характерный фрагмент из судебного отчета по делу С. И. Мамонтова. Идет допрос свидетелей. Только что задали свои во-

---

¹ Л В Собиннов М, 1970 Т 2 С 174

² Мейерхольд В Э Переписка (1896–1939) М, 1976 С 385, 388

³ Ляховецким Л Д Указ соч С 130

⁴ Судебные драмы 1902 № 2 С 396

⁵ С 1902 по 1905 гг Н П Карабчевский вместе с Л Д Ляховецким редактировал еженедельник «Юрист» и сам часто выступал на его страницах по актуальным вопросам права

⁶ Н В Рец Н П Карабчевский Речи (1882–1901) // Право 1901 № 22 Стб 1119

⁷ Карабчевскии Н П Речи (1882–1902) Изд 2 СПб, 1902 С VI

⁸ Там же С 4

⁹ Грузенберг О О Вчера Воспоминания С 47

просы Ф. Н. Плевако и В. А. Маклаков. «К свидетелю обращается Карабчевский. В зале водворяется тишина. Этот защитник, как видно из ряда громких процессов, где он участвовал, необыкновенно умело ставит вопросы свидетелям, причем ответ на них сам по себе уже не важен. Самый вопрос своей формой, постановкой оказывается всегда, как справедливо заметил один из корреспондентов, чем-то “вроде ярлыка, точно и ясно определяющим факт”, которым заинтересована защита»¹.

Ораторская манера Карабчевского была своеобразной и привлекательной. Б. Б. Глинский писал о нем, что, по сравнению с С. А. Андреевским, он «лишен беллетристической литературности, того поэтического колорита, которым блещет его коллега, но зато в его речах больше эрудиции, знакомства с правовыми нормами и широты социальной постановки вопросов»². Карабчевский говорил легко и эффектно, но «это не была только красивая форма, гладкая закругленная речь, струя быстро текущих слов»³. В речи Карабчевского было творчество — не прежнее, вымученное в тиши кабинета, это было творчество непосредственной мысли. Когда Карабчевский говорил, вы чувствовали, что лаборатория его, духовная и душевная, работает перед вашими глазами, и вы увлекались не столько красотой результата работы, сколько мощью самой этой работы»⁴.

Критики Карабчевского находили, что в его красноречии «больше голоса, чем слов», «сила пафоса» вредит «ясности стиля», встречаются рассуждения «без всякой системы», поэтому на бумаге речи его «не звучат»⁵. Эти упреки не совсем справедливы. Речи Карабчевского хорошо «звучат» и на бумаге: в них есть и пластичность (из речи в защиту братьев Скитских: «Русло проложено — следствие течет и журчит, убаюки-

¹ Дело Мамонтова // Судебные драмы 1900 № 9 С. 49

² Глинский Б. Б. Русское судебное красноречие СПб, 1897 С. 81

³ «Речь его мчится быстро и лихо, словно русская тройка» (Ляховецких Л. Д. Указ соч. С. 131)

⁴ Слиозберг Г. Б. Дела давно минувших дней Т. 3 С. 72

⁵ А. И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем Т. 3 С. 280, Ляховецких Л. Д. Указ соч. С. 131, Тимофеев А. Г. Указ соч. С. 137

вая и усыпляя»¹), и экспрессия (концовка речи 1901 г. за пересмотр дела Александра Тальмы, осужденного в 1895 г. на 15 лет каторги по обвинению в убийстве: «Господа сенаторы, из всех ужасов, присущих нашей мысли и нашему воображению, самый большой ужас — быть заживо погребенным. Этот ужас здесь налицо... Тальма похоронен, но он жив. Он стучится в крышку своего гроба, ее надо открыть!»²). Но, разумеется, живая речь Карабчевского, соединенная с обаянием его голоса, темперамента, внешности, звучала и воздействовала на публику, судей, присяжных заседателей гораздо сильнее.

Едва ли хоть один адвокат в России так влиял на судебные приговоры по уголовным и политическим делам, как это удавалось Н. П. Карабчевскому. Он добился оправдания почти безнадежно уличенных в убийстве Ольги Палем в 1895 г. и братьев Скитских в 1900 г., во многом предрешил оправдательные приговоры по Мултанскому делу 1896 г. и делу М. Т. Бейлиса 1913 г. Осужденному в 1904 г. на смертную казнь Г. А. Гершуни царь заменил виселицу каторгой не без воздействия искусной защиты и просьбы Карабчевского (от его собственного имени) о помиловании осужденного, а Е. С. Созонов (убийца могущественного царского сатрапа В. К. Плеве) в том же 1904 г. не был даже приговорен к смерти, «отделавшись» пожизненной каторгой. Сам Карабчевский гордился тем, что ни один из его подзащитных не был казнен³.

Гуманист, таивший в себе «неиссякаемый источник отвращения к смертной казни»⁴, Карабчевский, однако, сторонился (подобно С. А. Андреевскому) «политики» и даже бравировал своим аполитизмом. «Я, господа,— заявил он на процессе по делу Бейлиса,— не политик и сознаюсь, что ни в каких политических организациях и партиях вполне сознательно не принимаю участия. Я есть, был и умру судебным деятелем»⁵.

¹ Карабчевский Н. П. Речи (1882–1902) С. 528

² Там же С. 560

³ Карабчевский Н. П. Маленькие речи. Речь пятая (О смертной казни) // Юрист 1904 № 19 Стб 714

⁴ Там же Стб 713

⁵ Карабчевский Н. П. Речи (1882–1914) Изд. 3. Пг., М., 1916 С. 579

Как внепартийный юрист, он сочинял иронические эпиграммы обо всех партиях — и социал-демократов, и эсеров, и кадетов¹. В революционном движении он не видел «никакой практической пользы»², но бедствием для России считал не столько революцию, сколько реакцию, и в 1905 г. печатно выступал за «поголовную чистку и смену лиц, стоящих во главе современной бюрократии, вконец дискредитированной, вконец потерявшей»³.

Немудрено, что с 1869 г., когда 18-летний Карабчевский был арестован за участие в студенческих беспорядках⁴, он, по крайней мере до 1905 г., оставался под жандармским подозрением и надзором как «неблагонадежный». В 1878 г. жандармы инкриминировали ему участие в антиправительственной панихиде по народнику Г. П. Сидорацкому⁵, в 1899-м — сбор средств в пользу нелегального «Красного Креста»⁶, в 1900 и 1903 гг. — «неуместные суждения о действиях администрации» на судебных процессах с политическим оттенком⁷.

Из числа адвокатов-поэтов, пожалуй, третьим по значению адвокатом, после С. А. Андреевского и Н. П. Карабчевского, был Александр Львович Боровиковский (1844–1905) — юрист большого диапазона, теоретик и практик, криминалист и цивилист, принятый в чиновную аристократию⁸, но оставшийся демократом по убеждениям, вольнодумец и ост-

**Боровиковский
Александр
Львович
(1844–1905)**

¹ Тексты этих эпиграмм см. в архиве Н. П. Карабчевского ГАРФ Ф 827 Оп 1 Д 27 Л 1

² *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели? Ч 2 (Революция и Россия) Берлин, 1921 С 5 Октябрьскую революцию Карабчевский, находившийся тогда за границей, воспринял как разрушительную «краиность» и не вернулся на родину. Он умер в 1925 г. в Риме

³ *Карабчевский Н. П.* Маленькие речи Речь 12-я // Юрист 1905 № 28 Стб 996

⁴ *Карабчевский Н. П.* Первая защита (из воспоминаний адвоката) // Русское богатство 1901 № 5 С 106

⁵ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1878 Д 68 Ч 1 Л 111

⁶ Там же Ф 102 00 1901 Д 938 Л 1

⁷ Там же Ф 102 00 1902 Д 1479 Л 10, 11 об

⁸ В 90-е годы Боровиковский, оставив к тому времени адвокатуру, занимал высокие должности на государственной службе: с 1894 г. — помощник статс-секретаря Государственного совета, с 1895 г. — обер-прокурор гражданского кассационного департамента Сената, с 1899 г. — сенатор

рослов, друг М. Е. Салтыкова-Щедрина. По мнению В. В. Вересаева, Боровиковский — «в семидесятых годах лучший после Некрасова поэт “Отечественных записок”, очень несправедливо забытый»¹. Именно в 70-е годы, будучи адвокатом, он написал замечательные стихотворения «К судьям» и «Ессе homo!»² с призывом к читателю отдать весь пыл сердца «несчастливым братьям на служенье. где слышишь стон — туда иди!», а также ряд других антиправительственных стихов, по поводу которых сам подтрунивал над собой:

За свои стихотворенья
Ты куда же мнишь попасть:
В олимпийские ль селенья?
В полицейскую ли часть?³

Как адвокат Боровиковский был силен именно редким сочетанием правовой учености, демократизма и гражданской смелости с поэтичностью своей натуры, остроумием, юмором, жизнелюбием.

Ольхин
Александр
Александрович
(1839–1897)

Еще один поэт-адвокат — Александр Александрович Ольхин (1839–1897) — вошел в историю русской литературы как автор песенного варианта знаменитой «Дубинушки»⁴. В качестве адвоката он только с 1871 по 1878 гг. выступал на восьми политических процессах (нечаевцев, по делу о Казанской демонстрации, «50-ти» и др.) и зарекомендовал себя искушенным юристом, энергичным и смелым оратором.

Сын генерал-лейтенанта, Ольхин, прежде чем стать адвокатом, был и дипломатом и мировым судьей, но только на поприще судебного оратора проявил свои демократические, очень близкие к революционным, убеждения. Агенты царского сыска выслеживали Ольхина, прислушивались к его защитительным речам на политических процессах. Справка III отделения от 7 апреля 1877 г. гласит, что он «принял на себя

¹ Вересаев В. В. Собр. соч. В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 490. Сам Н. А. Некрасов в 1877 г. восхищался «просго чудо стихи Боровиковского» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 11. С. 412).

² «Се человек» (лат.).

³ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 164.

⁴ См. Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968. С. 757.

роль защитника молодого поколения», на которое оказывает «крайне вредное влияние»¹. 8 апреля 1879 г. Ольхин был арестован и административно выслан в г. Яренск Вологодской губернии под надзор полиции², но осенью того же года, когда выяснилось, что он пытался укрыть народника Л. Ф. Мирского, по высочайшему повелению был доставлен из ссылки в Петербург и вместе с Мирским предан суду (15–17 ноября 1879 г.) по обвинению в принадлежности к «социально-революционному сообществу»³. Доказать обвинение не удалось, и суд оправдал Ольхина. Тем не менее Ольхин вскоре после суда (20 ноября 1879 г.) был вновь отправлен в административную ссылку, которую отбывал до 1887 г. Стихи он писал и в ссылке, но его адвокатская деятельность арестом 1879 г. была пресечена.

Наконец замечен был в ряду адвокатов-поэтов Александр Языков Языков Александр Иванович (1841–1886) — автор поэмы «Старый портрет» и ряда стихотворений, в которых он проводил демократические идеи, хотя и высмеивал «квасное» «сближение с народом»:

Сладок нам сермяжный дух,
И мужик нам первый друг.
Квасу жаждем, луку,
Дай, мужик, нам руку!⁴

Как адвокат Языков отличался искренностью и психологической зоркостью. В. Д. Спасович считал его «бесподобным» оратором по «теплоте сердечной»⁵.

Рядом с поэтами подвизались в адвокатуре такие ценители и деятели искусств, как А. А. Герке, В. П. Гаевский, Л. А. Курперник.

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1874 Д 144 Ч 264 Л 1–3

² Там же Л 73–74

³ Досье о привлечении А. А. Ольхина к суду см. в РГИА Ф 1405 Оп 534 Д 1129

⁴ Языков А. И. Поэма «Старый портрет» и мелкие стихотворения. Ялта, 1903 С 86

⁵ Спасович В. Д. Застольные речи. С 98. Известным адвокатом был и Владимир Николаевич Языков (шурин писателя В. А. Слепцова), не выступавший, однако, на политических процессах.

**Куперник
Лев
Абрамович
(1845–1905)**

Лев Абрамович Куперник (1845–1905) был страстным театралом и меломаном. Он много меценатствовал, возглавлял Киевское драматическое общество, в котором начали творческий путь выдающиеся актрисы Е. К. Лешковская и М. А. Потоцкая, был членом дирекции одесского отделения Русского музыкального общества, дружил с корифеями оперной сцены (Ф. И. Шаляпиным, И. В. Тартаковым, М. Е. Медведевым, Е. П. Кадминой), с П. И. Чайковским и Н. Г. Рубинштейном. Его жена, Ольга Петровна (внучка М. С. Щепкина), была пианисткой, любимой ученицей Н. Г. Рубинштейна, дочь, Т. Л. Щепкина-Куперник, — сначала актрисой, потом известной писательницей, заслуженным деятелем искусств РСФСР.

Блестяще одаренный (Киевскую гимназию окончил в 15 лет, Московский университет — в 19) и разносторонне образованный, Куперник с начала 1870-х годов и до конца жизни был одним из самых активных¹ и популярных адвокатов, особенно в Киеве, где он царил над местной адвокатурой и вообще был «любимцем всех киевлян»². Как судебный оратор он выделялся эрудицией и остроумием. «Его речи искрились чисто гейневским юмором (недаром Гейне был одним из его любимых писателей)»³, а в умении допрашивать свидетелей он соперничал с Н. П. Карабчевским.

По убеждениям Куперник был демократом, проникнутым, как он писал о себе дочери, «живым духом борьбы с современным военно-капиталистическим, человеконенавистническим <...> порядком вещей»⁴. Жандармские власти всегда считали его «сугубо неблагонадежным»: в 1879 г. киевская агентура⁵, а с 1898 по 1905 гг. Особый отдел Департамента полиции

---

¹ «Нет ни одного окружного суда в России, где бы не выступал покойный» (Куперник Л. А. [некролог] // Исторический вестник 1905 № 11 С 770)

² Смирнова Н. А. Воспоминания М., 1947 С 144 Впрочем, и ранее в Одессе о нем уже говорили «Одесский адвокат Куперник — известный всех Плевак со перник» (ГАРФ Ф Р-8420 Оп 1 Д 5 Л 11)

³ Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни М., 1928 С 63

⁴ Там же С 68

⁵ См. ЦГИА Украины Ф 442 Оп 829 1879 Д 29 Л 34–35

надзирали за связями Куперника, перлюстрировали его переписку¹.

Незаурядной фигурой в мире искусств был и Виктор Павлович Гаевский (1826–1888) — директор Русского музыкального общества, ученый-пушкинист и литературный деятель (один из основателей «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», иначе «Литературного фонда»), друг И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

**Гаевский
Виктор
Павлович
(1826–1888)**

Один из первых в России и очень авторитетных адвокатов², Гаевский с успехом выступал на политических процессах 70-х годов (особенно ишутинцев и долгушинцев), а с 1886 г. по состоянию здоровья оставил адвокатуру. Умер он действительно статским советником, но до конца жизни сохранял верность демократическим идеалам 60-х годов — того времени, когда он сотрудничал в «Полярной звезде» и «Колоколе» А. И. Герцена и даже судился по громкому процессу «32-х» (1862–1865) за «сношения с лондонскими пропагандистами»³. В 1881 г. он с риском для своей карьеры ходатайствовал перед властями об освобождении Н. Г. Чернышевского⁴.

Август Антонович Герке (1841–1902) — сын профессора Петербургской консерватории А. А. Герке, друг П. И. Чайковского⁵ и А. Г. Рубинштейна — тоже активно участвовал в жизни Русского музыкального общества.

**Герке
Август
Антонович
(1841–1902)**

Как адвокат он был «по силе — воин Челубей»⁶, но излишняя чувствительность вредила его адвокатской прак-

¹ См. ГАРФ Ф 102 00 1898 Д 14 Ч 6 Л 3 об, 1900, Д 386 Л 1, 18, 20–21. В одном из перлюстрированных писем времен русско-японской войны Куперник восклицал: «Хотя бы эти военные неудачи привели к крушению режима Второго, как севастопольские неудачи сократили режим Первого» (там же 1900 Д 386 Л 20).

² См. Мартынов П. К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. Изд. 3 С 67.

³ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды» М., 1966 (ук. имен), ДРД Т 1 Ч 2 Стб 73. В П. Гаевский был женат на дочери известного историка и журналиста Н. А. Полевого, которая, в свою очередь, приходилась теткой скандально знаменитому народовольцу-провокатору С. П. Дегаеву.

⁴ Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки М., 1978 С 156.

⁵ П. И. Чайковский посвятил Августу Герке пьесу для фортепиано «Нежные упреки».

⁶ Мартынов П. К. Указ. соч. С 74.

тике¹, что сказывалось и на политических процессах с его участием (нечаевцев, долгушинцев, первоапрельцев 1881 и 1887 гг. и др.). Зато Герке был безупречен как филантроп, возглавлявший множество благотворительных учреждений — от судебного ведомства до родовспомогательного приюта для женщин.

**Унковский
Алексей
Михайлович
(1828–1893)**

Из адвокатов, преуспевших в качестве общественных деятелей, выделялся Алексей Михайлович Унковский (1828–1893) — самый близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, его же и Н. А. Некрасова душеприказчик. Еще в 1858 г., будучи председателем Тверского губернского комитета по крестьянскому делу, он подготовил наиболее радикальный из помещичьих проектов освобождения крестьян², а в 1861–1862 гг. возглавлял тверскую либеральную оппозицию против самодержавия, за что был арестован и заключен в Петропавловскую крепость³. В. И. Ленин называл его в одном ряду деятелей освободительного движения 60-х годов с Герценом и Чернышевским⁴.

III отделение, естественно, считало Унковского лицом неблагонамеренным. С 1862 г. он был под секретным надзором полиции, который сохранялся и до 1879 г.⁵, если не дольше.

Как адвокат Унковский не блистал красноречием, но гармонично соединял в себе ученого-юриста и психолога, говорил всегда просто, остроумно и душевно, а главное, «служил живым и наглядным, целостным воплощением адвокатской этики»⁶. Его личные качества В. И. Танеев (вообще судивший о людях очень строго) считал почти идеальными: «Не я один смотрел на Унковского как на лучшего из людей. Все смотрели на него как бы с благоговением»⁷.

¹ См. об этом *Спасович В. Д.* Застольные речи. С. 94

² См. о нем *Джанишев Г. А.* М. Унковский и освобождение крестьян М., 1894

³ *Унковский А. М.* М. Унковский (1828–1893) М., 1979 С. 84

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5 С. 61

⁵ Архив «Земли и воли» и «Народной воли» С. 206, 221

⁶ *Джанишев Г. А.* Указ. соч. С. 184

⁷ *Танеев В. И.* Русский писатель М. Е. Салтыков (Езоп) // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников М., 1975 Т. 2 С. 218

Активным общественным деятелем (хотя и гораздо меньшего калибра, чем Унковский) был Николай Иосифович Холева¹ (1858–1899). Он был почетным мировым судьей в Керчи и секретарем Комиссии для собирания народных юридических обычаев при отделении этнографии Русского географического общества в Петербурге, издавал — с 1883 по 1892 гг. — газету «Ростовский-на-Дону листок». Близок он был и к миру искусств. Именно он ввел в художественные круги Петербурга свою горничную Настю (А. Д. Вяльцеву), ставшую вскоре популярнейшей артисткой эстрады и оперетты².

**Холева
Николай
Иосифович**
(1858–1899)

В качестве адвоката Холева почти всегда имел громадный успех благодаря своему таланту криминалиста, мастерству слова и счастливой наружности («был красив, гибок, строен, глаза у него были что две греческие маслины»³). Правда, ему недоставало огня и блеска, но этот недостаток он компенсировал образцовым отношением к делу. «Беззаветно добросовестный», по мнению его патрона Н. П. Карабчевского⁴, Холева изучал каждое дело досконально и умел извлечь из него в пользу своего «клиента» максимум возможного. Он и умер скоропостижно, за работой, «пал, как загнанная лошадь, в упряжке, на полном ходу»⁵.

Некоторые адвокаты громко заявили о себе на просветительском и даже парламентском поприще. Александр Александрович Черкесов (1839–1913) был издателем и книготорговцем, а Евгений Иванович Кедрин (1851–1921) и Николай Петрович Шубинский⁶ (1853–1920) — думскими деятелями. Все они в разное время состояли под надзором полиции, а двое первых и подвергались репрессиям за антиправительст-

¹ В разных источниках фамилия его пишется по разному Холева и Холев. На именных бланках самого адвоката значилось Николай Иосифович Холева (ГАРФ Ф 827 Оп 1 Д 1137 Л 1)

² Ср. Кугель А. Р. Литературные воспоминания. Пг., М., 1923. С. 155, *Дне пров М. И. Полвека в оперетте*. М., 1961. С. 99, Шнейдер И. И. Записки старого москвича. М., 1970. С. 135

³ Кугель А. Р. Указ. соч. С. 154

⁴ Карабчевский Н. П. Около правосудия. С. 149

⁵ Там же. С. 150

⁶ Муж Марии Николаевны Ермоловой

**Черкесов
Александр
Александрович**
(1839–1913)

**Кедрин
Евгений
Иванович**
(1851–1921)

**Шубинский
Николай
Петрович**
(1853–1920)

венную деятельность. Черкесов дважды арестовывался и даже судился (вместе с В. П. Гаевским) по процессу «32-х» — в молодые годы (1865 и 1869)¹, а Кедрин тоже два раза был арестован (в 1905 и 1906 гг.) и однажды предан суду (в 1907 г., по делу о Выборгском воззвании)² — уже на склоне жизни. В 1903 г. Департамент полиции перлюстрировал одно из писем Шубинского и выявил таким образом его «неисправимое отвращение к административным властям в России»³. Вскоре, однако, Шубинский поправел и в III–IV думах был депутатом от октябристов, за что Ленин назвал его «буржуазным лакеем Николая Кровавого»⁴.

Как адвокаты Кедрин и особенно Черкесов, может быть, не принадлежали к звездам первой величины, но оба они отличались правовой эрудицией, опытом, предприимчивостью, гражданским мужеством. Кедрин, в частности, доказал это как защитник Софьи Перовской и Александра Михайлова. Что касается Шубинского, то он был виртуозом адвокатского дела и слова⁵, хотя ему и вредило отчасти «упоение собственным ораторским искусством»⁶.

**Арсеньев
Константин
Константинович**
(1837–1919)

Блестящим трехзвездием адвокатов «первого призыва» была представлена русская публицистика. Самым авторитетным из адвокатов-публицистов был Константин Константинович Арсеньев (1837–1919) — ведущий сотрудник, а в 1908–1916 гг. редактор журнала «Вестник Европы», неутомимый поборник свободы печати, играющей, на его взгляд, «такую же роль в общественной жизни, как свет — в жизни органического мира»⁷, он же литературовед и политик (в 1906–1907 гг. один из руководителей либерально-буржуазной «Партии демократических реформ») с высокой нравственной

¹ См ДРД Т 1 Ч 2 Стб 446–447

² Государственная дума 1-го созыва Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов М, 1906 С 76, Выборгский процесс СПб, 1908 С 21

³ ГАРФ Ф 102 00 1903 Д 2006 Л 1–2

⁴ Ленин В И Полн собр соч Т 19 С 228

⁵ См о нем Ляховецкая Л Д Характеристики известных русских судебных ораторов (Ф Н Плевако В М Пржевальский Н П Шубинский) СПб, 1902

⁶ Файко А М Записки старого театральщика М, 1978 С 119

⁷ Кони А Ф Собр соч В 8 т Т 5 С 153.

репутацией, «безупречный и чистый, как кристалл», по выражению А. Ф. Кони¹. Сын академика К. И. Арсеньева (известного географа, историка и статистика), К. К. Арсеньев с 1900 г. был почетным членом Петербургской академии наук. Кстати, именно он 1 декабря 1901 г. первым выдвинул в почетные академики Максима Горького².

Вступив в адвокатуру одним из первых (17 апреля 1866 г.), Арсеньев почти все время был председателем Петербургского совета присяжных поверенных, возглавляя только родившееся и год от году крепнущее сословие, пока сердечный невроз не заставил его в августе 1874 г. отказаться от беспокойной адвокатской деятельности³. Его капитальная работа о правовых и нравственных устоях сословия присяжных поверенных под скромным названием «Заметки о русской адвокатуры» (СПб., 1875) «приобрела силу катехизиса русской адвокатуры»⁴. Один из создателей адвокатской этики в России, Арсеньев убедительно подкреплял собственное слово об этике делом. «Самый блестящий гонорарий не заставит его взяться за дело нечистое», — писал о нем современник⁵.

Несмотря на быстротечность своей адвокатской карьеры, Арсеньев занял почетное место в ряду основоположников и классиков русского судебного красноречия. Его речь была чужда какой-либо вычурности. Она впечатляла ясностью, логикой, необыкновенной чистотой слова. В. Д. Спасович и А. Ф. Кони сравнивали ее с полноводной рекой, которая разливается, «ломающая в своем неотвратимом течении преграды противника»⁶.

---

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 171

² Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958. Вып. 1 (1868–1907). С. 354

³ «Вы были кормчий нашей шхуны», — говорил В. Д. Спасович на прощальном обеде адвокатов в честь К. К. Арсеньева (Спасович В. Д. Застольные речи. С. 86)

⁴ Ляховецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов. СПб., 1897. С. 78

⁵ Незнакомец. Недельные очерки и картинки // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 18(30) июля. С. 2

⁶ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 142, Спасович В. Д. Застольные речи. С. 87

Либерал по убеждениям, Арсеньев осуждал «белый» террор царизма¹ и административный произвол его служителей², клеймил официозную печать как «русскую литературную полицию»³, но делал это, так строго держась законности, в такой корректной форме, что каратели не сочли возможным подвергнуть его каким-либо репрессиям.

Танеев Владимир Иванович (1840–1921) — старший брат композитора С. И. Танеева — ни в адвокатуре, ни в публицистике не был столь авторитетным, как К. К. Арсеньев, но не потому, что уступал Арсеньеву в дарованиях, а по своей оригинальности, которая, между прочим, выразилась и в том, что он считал Арсеньева «бездарностью»⁴ (кстати, Лев Толстой, на взгляд Танеева, был «неграмотным и тупым фарисеем»⁵).

Радикальный демократ и философ-материалист, почитатель Н. Г. Чернышевского и друг П. Л. Лаврова, преклонявшийся перед революционерами-народниками 70-х годов (мечтал написать 2 тысячи их биографий)⁶, В. И. Танеев оставил настолько заметный след в истории русской общественной мысли, что лишь по недоразумению до середины 1950-х годов советские люди не имели о нем «никакого представления»⁷.

Танеев не только осуждал крепостничество и самодержавие. Он приветствовал деятельность I Интернационала и Парижской Коммуны (в специальном очерке 1871 г. «Междуна-

---

¹ Арсеньев К. К. За четверть века (1871–1894) Пг, 1915 С 52

² Там же С 3, 7

³ Там же С 12

⁴ Танеев В. И. Русский писатель М. Е. Салтыков (Езоп) С 235

⁵ Бельи А. На рубеже двух столетий М, 1989 С 159 Дневник П. И. Чайковского 1873–1891 гг М, Пг, 1923 С 36–37

⁶ Оболенская С. В. В. И. Танеев об истории Франции // Французский ежегодник (1973) М, 1975 С 38

⁷ Козьмин Б. П. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева // Из истории социально-политических идей М, 1955 С 664 После статьи Б. П. Козьмина предпринято издание трудов Танеева и началось углубленное исследование его взглядов См. Танеев В. И. Детство Юность Мысли о будущем М, 1959, Шкуринов П. С. Философские взгляды В. И. Танеева, М, 1962, Оболенская С. В. Указ соч

родное общество рабочих»¹, который позволяет считать Танеева первым русским историком Интернационала). В 1870 г. в Лондоне Танеев познакомился с К. Марксом. Год спустя Маркс прислал ему свою фотокарточку с дружеской надписью², а в 1877 г. писал о нем М. М. Ковалевскому: Танеева «...я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа»³.

По воспоминаниям Андрея Белого (думается, несколько утрированным), Танеев публично называл своими кумирами Робеспьера и Пугачева и «высказывал сногшибательные сентенции о том, что надо не оставить камня на камне» от царского режима, но жандармы, хотя и следили за ним, не беспокоили его, воспринимая «танеевские потрясения» как «барское чудачество»⁴.

Танеев действительно был (или представлялся) человеком со странностями⁵, что, может быть, помогало ему оберегать от соглядатаев и карателей свои воинствующе-демократические убеждения. Октябрьскую революцию он встретил с удовлетворением. Советская власть ценила его как передового мыслителя и заботилась о нем. 26 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписал охранную грамоту, которая обязывала все советские учреждения «оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества»⁶.

О Танееве-адвокате и об его участии в политических процессах известно пока очень мало. Но его почти бессменное, с 1867 по 1871 гг., членство в Петербургском совете присяжных поверенных, а после переезда в Москву (1872) и председатель-

---

¹ Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. С. 482–501.

² Там же. С. 699.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 185.

⁴ Белин А. Указ. соч. С. 152–153.

⁵ Экстравагантный в манерах и суждениях, с внешностью Дона Базилио, он часто влюблялся (четыре года отроду уже «был влюблен в жену владимирского губернатора» Танеев В. И. Детство. С. 60), но неизменно был верен жене — шотландке Макиэб Скотт, обожал книги, но терпеть не мог музыку, от звука рояля, на котором играл его брат Сергей Иванович, ему «делалось дурно» (Белин А. Указ. соч. С. 158).

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 383.

Утин
Евгений
Исаакович
(1843–1894)

ство в Московском совете, а также выступление в качестве защитника на процессе нечаевцев характеризуют его как авторитетного, талантливого, яркого и очень смелого адвоката.

Выдающимся адвокатом-публицистом был и Евгений Исаакович Утин (1843–1894) — младший брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина, автор книги «Франция в 1871 г.», благожелательной к Интернационалу¹. Смолоду «ревностный поклонник Герцена»², Е. И. Утин еще в 1861 г. отсидел два месяца в Петропавловской крепости за участие в студенческих волнениях³, а в 70-е годы неоднократно выказывал перед III отделением свою неблагонадежность: например, 5 апреля 1878 г. участвовал в антиправительственной панихиде по Г. П. Сидорацкому⁴, а в июле 1879 г. помогал скрыться террористу Л. Ф. Мирскому⁵.

Как адвокат Утин был инициативен и неутомим: «Перебывал и состязался во всех почти судебных центрах России, от Петербурга до Одессы и от западных окраин до Екатеринбурга»⁶. Часто выступал он и на политических процессах (нечаевцев, долгушинцев, «193-х», «21-го» и др.). При этом даже враги Утина «никогда не пытались набросить тень на его адвокатскую добросовестность <...> Он брал на себя только те дела, в правоте которых был вполне уверен»⁷. Боец по натуре, темпераментный и смелый, он был очень красноречив, «заботился об изяществе речи»⁸, хотя иной раз чересчур увлекался и мог злоупотребить «высоким слогом», «трескучими фразами»⁹. Подобно Холева, он умер внезапно, с увлечением готовясь к очередному делу, — за несколько часов до смерти был еще «здоров и весел»¹⁰.

¹ Книга вышла в Петербурге в 1872 г., но была задержана и уничтожена царской цензурой (*Итенберг Б. С.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. С. 94).

² *Стасов В. В.* Н. Н. Ге. Его жизнь, произведения и переписка. М., 1904. С. 174.

³ ДРД. Т. 1. Ч. 2. Стб. 420.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 68. Ч. 1. Л. 111, 115.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 881. Л. 6.

⁶ *Спасович В. Д.* Над могилой Е. И. Утина. Соч. Т. 8. С. 320.

⁷ *Арсеньев К. К.* Е. И. Утин // Вестник Европы. 1894. № 9. С. 433.

⁸ Там же. С. 435.

⁹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1981. Т. 23. С. 11, 12.

¹⁰ *Спасович В. Д.* Над могилой Е. И. Утина. С. 319.

Корш
Евгений
Валентинович
(1851–1913)

Еще один популярный в 1870-е годы адвокат — Евгений Валентинович Корш (1851–1913), сын известного журналиста В. Ф. Корша и внук видного филолога, академика Ф. Е. Корша — в 1877–1878 гг. издавал либерально-оппозиционную газету «Северный вестник» в Петербурге, но как публицист проявил себя главным образом с 80-х годов в сибирской ссылке, куда он неожиданно попал за «легкомысленную расстрату»¹. Он был редактором и ведущим сотрудником газеты «Сибирский вестник» и, кроме того, сотрудничал в «Сибирской газете»² — с либеральных позиций.

Адвокатом Корш пробыл всего несколько лет, однако благодаря своим природным способностям, трудолюбию, красноречию, привлекательной внешности (отчасти, может быть, и фамилии) успел составить себе громкое имя — особенно выступлениями на политических процессах «50-ти» и «193-х».

Итак, мы познакомились с теми корифеями русской адвокатуры «первого призыва», которые успешно сочетали судебное поприще с другими — общественным, литературным, публицистическим и пр. Но исследователи, полагающие, что вообще «никто из выдающихся русских юристов не был только юристом»³, ошибаются. Разве П. А. Александров не был «только юристом»? А рядом с ним можно назвать еще по меньшей мере десяток адвокатов — «только юристов», не уступавших дарованиями и авторитетом почти никому из тех, кто уже представлен читателю. Это — В. Н. Герард, А. Я. Пасовер, П. А. Потехин, В. И. Жуковский, А. Н. Турчанинов, В. М. Пржевальский, В. О. Люстиг, М. Ф. Громницкий, П. Г. Миронов, В. В. Самарский-Быховец, К. Ф. Хартулари, П. В. Макалинский, А. С. Гольденвейзер, Г. В. Бардовский. Каждый из них заслуживает хотя бы нескольких похвальных слов.

Пожалуй, первым среди равных в этом ряду был Владимир Николаевич Герард (1839–1903) — с юных лет близкий

¹ Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965. С. 834. О суде над Е. В. Коршем см.: Правительственный вестник. 1880. № 186–187.

² Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. Ч. 1. С. 157.

³ Михайловская Н. Г., Одинцов В. В. Искусство судебного оратора. М., 1981. С. 11.

**Герард
Владимир
Николаевич**
(1839–1903)

друг П. И. Чайковского¹, первоклассный криминалист и оратор-художник, рыцарь адвокатуры, блюститель ее нравственной чистоплотности, тот самый, кто в ответ на славословия по его адресу заявил: «Секрет моего успеха очень прост. Я всегда относился строго к выбору дел, брал исключительно дела, которые я должен был выиграть или, по крайней мере, такие, за которые не краснел бы, если бы и проиграл»².

Д. Кеннан справедливо назвал Герарда «одним из самых смелых защитников»³. А. М. Унковский считал, что по «гражданскому мужеству» Герард «выше всех адвокатов», кроме П. А. Александрова⁴. «Борец по природе»⁵, Герард, однако, в отличие от Александрова, всегда был джентльменски корректен, — он, как никто другой, умел облечь даже самый губительный для противника выпад в безукоризненно учтвую форму⁶.

Бойцовское начало уживалось в характере Герарда с артистическим: он тонко понимал музыку и поэзию, красиво говорил, со вкусом одевался (может быть, даже уделяя этому слишком много внимания), в совершенстве владел пластикой жеста⁷. Обаяние всей его личности, благородство, органичес-

---

¹ 10 сентября 1862 г. Чайковский писал о Герарде: «Я и папаша его любим, как брата» (*Чайковский П. И.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 5. С. 74).

² *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1905. С. 831.

³ *Кеннан Д.* Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. СПб., 1906. С. 22–23.

⁴ Письма А. М. Унковского к Г. А. Джаншиеву // *Голос минувшего*. 1914. № 11. С. 248.

⁵ *Арсеньев К. К. В. Н. Герард* // *Право*. 1903. № 51. Стб. 2889.

⁶ Ярко обрисовал Герарда в речи на собрании петербургских адвокатов 16 марта 1893 г. В. Д. Спасович: «Вы человек светский, из всех знакомых мне собратьев ваших самый изящный, наиболее ровный в этом изяществе. Если я указываю на эти качества, то разумею их в самом лучшем смысле и значении, — не только внешность, не одни хорошие манеры, но само существо вашей натуры, ее благородство, то, что в прежние века называлось рыцарственностью. Вы представляете из себя образец типа, который французы изображают неподражаемым словом “*galant homme*”» (*Спасович В. Д.* Застольные речи. С. 97).

⁷ И. Е. Репин писал о своей работе над портретом Герарда: «Он как артист, актер и чтец, с эффектом выступавший на сцене, был очень грациозен, прекрасно понимал ритм движений, а потому сразу принял такую позу, что любо-дорого. И я с места в карьер взялся за холст и ничего не менял, ничего не искал — так мне нравилась его натура» (*Репин И. Е.* Избранные письма в 2-х т. М., 1969. Т. 2. С. 266–267).

ки присущее его взглядам, поведению, даже внешности, «служило на пользу подсудимого»¹ (если не участи его, то чести), будь то мирные пропагандисты, которых Герард защищал на процессах «50-ти» и «193-х», или такой его подзащитный, как «цареубийца» Н. И. Кибальчич на процессе по делу 1 марта 1881 г.

Власти же относились к Герарду настороженно и враждебно, III отделение шпионило за ним², и не без успеха: 5 апреля 1878 г. он был выслежен как участник антиправительственной панихиды в память о народнике Г. П. Сидорацком³.

Джентльменом, причем именно английского склада, был и Александр Яковлевич Пассовер (1840–1910), который далеко уступал Герарду в артистизме, но зато превосходил его ученостью. Редкостный эрудит и полиглот с европейским образованием (учился в Гейдельбергском, Лейпцигском, Тюбингенском университетах, знал в совершенстве почти все европейские языки), чопорный и чудаковатый педант, никогда не имевший ни семьи, ни друзей, законченный «ученый сухарь», отличавшийся к тому же почти сверхъестественной памятью, Пассовер заслужил репутацию «одного из утонченнейших астрономов по части слога»⁴. Его судебные речи сочетали в себе научную основательность, интуитивный расчет и безошибочное чувство меры. «Это не однообразное, хотя и искусное, соло виртуоза,— вспоминал о них Н. П. Карабчевский,— это скорее исполнение пьесы целым оркестром в управлении гениального маэстро»⁵.

От «политики» Пассовер всегда был в стороне, но как европейски образованный юрист, англоман, он не мог сочувствовать царскому режиму. Скептически оценивал он и консти-

**Пассовер
Александр
Яковлевич
(1840–1910)**

¹ Люстиг В. О. Памяти В. Н. Герарда // Право. 1903. № 51. Стб. 2892.

² Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 222.

³ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 68. Ч. 1. Л. 111, 115.

⁴ Андреевский С. А. Драмы жизни. С. 26.

⁵ Карабчевский Н. П. Около правосудия. С. 144. Подробно о Пассовере см.: Винавер М. М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926. С. 84–122; Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 148–151. Троицкий Н. А. Находка в архиве А. Ф. Кони // Отечественные архивы. 1999. № 2.

туционные претензии кадетов, называл этих последних «головастиками»¹.

Потехин Павел Антимонович
(1839–1916)

Рядом с такими «джентльменами», как Герард и Пассовер, контрастно выглядел отнюдь не уступавший им по таланту адвоката Павел Антимонович Потехин (1839–1916) — провинциальный самородок из костромских лесов, с истинно русской бескорыстной натурой, простонародной внешностью, уникальным по силе и экспрессии громовым басом² и самобитым ораторским даром, о котором говорили, что это «не скальпель Пассовера и не звучная лира Андреевского, и не рубенсовская кисть Спасовича, а топор — здоровый, хорошо отточенный, никогда не тупеющий, ловко к руке прилаженный, стальной топор»³.

Жуковский Владимир Иванович
(1838–1899)

Все корифеи русской адвокатуры «первого призыва» были не просто талантливы, но и оригинальны, каждый в своем роде. Таков был и «петербургский Мефистофель» Владимир Иванович Жуковский (1838–1899) — брат революционера-эмигранта, члена I Интернационала Н. И. Жуковского, друг юности Д. И. Писарева, в 1862 г. — узник Петропавловской крепости по одному делу с Писаревым, а в 70-е годы — политический поднадзорный⁴. Современники считали его «самым остроумным человеком в адвокатской корпорации»⁵. В частной жизни добрый, отзывчивый, на суде он становился мефистофельски язвительным и жестоким, буквально уничтожая противника ядом своего «фамильного» сарказма. Сам похожий на Мефистофеля — худой, бледнолицый, с заостренной бородкой, тонкими ядовитыми губами и желчным взглядом

¹ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели? Ч. 2. С. 13. Троицкий Н. А. Находка в архиве А. Ф. Кони. С. 90.

² «Одного только оратора в мире я слышал с голосом, подобным этому: то был Жорес» (Винавер М. М. Указ. соч. С. 313).

³ Винавер М. М. Указ. соч. С. 316. «Умница из умниц, П. А. Потехин... был драчлив и беспощаден, как полемист: не дай бог задеть его — искрошит и испепелит» (Грузенберг О. О. Указ. соч. С. 44).

⁴ ДРД. Т. 1. Ч. 2. Стб. 127.

⁵ Ляховецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избр. речи каждого из них. СПб., 1897. С. 111. «Речь его была сплошное остроумие, — вспоминал о Жуковском В. Д. Спасович. — Он острил, никого не щадя, даже своего клиента, даже себя» (Спасович В. Д. Застольные речи. С. 74).

из-под изогнутых, словно в насмешке, бровей — он не только опровергал обвинение, но и высмеивал его, издевался над ним, позволяя себе намеренно оскорбительные выпады против обвинителей. Так, защищая Л. М. Гулак-Артемовскую, он назвал обвинительную речь против нее «художественной лепной работой прокурора, который, вычерпав с подонков дела всю грязь, слепил из этой грязи бюст Артемовской»¹.

Таковы же были: Александр Николаевич Турчанинов (1838–1907) — классик адвокатуры, 40 лет неизменно оставшийся в строю самых энергичных и авторитетных политических защитников, бесребреник, в котором «гармонически сочетались два редко совместимых достоинства: он был не только добродетельный, но и пленительный человек»², один из главных творцов адвокатской этики в России; Владимир Михайлович Пржевальский (1840–1900) — младший брат великого ученого-путешественника, адвокат-аналитик и оратор-диалектик, который «не ослеплял эффектными ракетами, но убеждал последовательными доводами»³; Вильгельм Осипович Люстиг (1843–1915) — брат народовольца Ф. О. Люстига, осужденного на 20 лет каторги по делу «20-ти», сам отсидевший два месяца в Петропавловской крепости за участие в студенческих волнениях 1861 г.⁴, внешне тоже (как и Пржевальский) малоэффективный, но очень умный, знающий и опытный, искушенный в бесконечных тяжбах с тузами судебного ведомства за интересы адвокатуры, «*praeses magnificus*»⁵

**Турчанинов
Александр
Николаевич**
(1838–1907)

**Пржевальский
Владимир
Михайлович**
(1840–1900)

**Люстиг
Вильгельм
Осипович**
(1843–1915)

¹ Судебные речи известных русских юристов. С. 303.

² Шклявер С. Я. Памяти А. Н. Турчанинова // Русская мысль. 1907. № 12. С. 219.

³ Ляховецкий Л. Д. Характеристики известных русских судебных ораторов. СПб., 1902. С. 70. «Кто не помнит, кому довелось его лично видеть и слышать, высокого, немножко согбенного, неуклюжего, с орлиным носом, с лухим голосом народного витии, тяжелой поступью приближающегося к пюпитру, точно медведь, идущий на рогатину, силой своей логики, исключительным анализом исследуемых событий как бы под себя подбирающего своего противника и всей мощью своей фигуры его уничтожающего, — кто забыл Владимира Михайловича Пржевальского?» (Ледницкий А. Р. Из прошлого. М., 1917. С. 10).

⁴ ДРД. Т. 1. Ч. 2. Стб. 225.

⁵ «Великодушный страж» (лат.). В. О. Люстиг чаще, чем кто-либо (11 раз), избирался председателем Петербургского совета присяжных поверенных.

- Громницкий Михаил Федорович** (1833–1907?) (по выражению В. Д. Спасовича) адвокатского сословия¹; Михаил Федорович Громницкий (1833–1907?) — талантливый юрист, который после Судебной реформы 1864 г. «сразу занял не только выдающееся, но и бесспорно первое место в рядах русской прокуратуры»², а в 1874 г. перешел в адвокатуру, где оказался очень кстати как один из лучших судебных ораторов, блиставших «железной силой логики» и «суровой красотой скупого слова и щедрой мысли»³; Петр Гаврилович Миронов (1852–1905) — темпераментный и яркий судебный оратор («не адвокат — певец, в суде — Мазини сам!»⁴) с большим запасом юридических знаний, опыта и адвокатской изобретательности; Владимир Васильевич Самарский-Быховец (1837–1902) — образованнейший правовед, один из зачинателей русской адвокатуры, авторитетный в демократических кругах, друг И. С. Тургенева, семей В. В. и Д. В. Стасовых, Н. К. Михайловского; Константин Федорович Хартулари (1841–1897) — превосходный знаток юридической казуистики царизма и солидный, чуждый всякой напыщенности, оратор, «тонкое словесное кружево» которого ценил А. Ф. Кони⁵; Павел Васильевич Макалинский (1834–1899) — «великий грузеник»⁶ и один из первых историков русской адвокатуры; Александр Соломонович Гольденвейзер (1855–1915) — юрист широкого профиля и большого таланта, долго возглавлявший (наряду с Л. А. Куперником) киевскую адвокатуру.
- Бардовский Григорий Васильевич** (1848–1907) Трагическая судьба Григория Васильевича Бардовского (1848–1907) побуждает сказать о нем особо. Сын педагога В. С. Бардовского и брат революционера П. В. Бардовского, казненного царскими палачами за участие в польской социалистической партии «Пролетариат», друг землевладельцев В. Н. Фигнер, О. С. Любатович, И. А. Морозова, он завоевал себе на судебных процессах второй половины 1870-х годов

¹ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 102.

² Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 189.

³ Там же. С. 190.

⁴ Миртвяков П. К. Цвет нашей интеллигенции. С. 181.

⁵ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 130.

⁶ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 74.

(по делам о Казанской демонстрации 1876 г., «50-ти», «193-х», И. М. Ковальского) славу одного из лучших в России политических защитников. III отделение следило за ним, что называется, в оба¹, пока 25 июля 1879 г. он не был арестован с личным: дома при обыске у него нашли пачку номеров журнала «Земля и воля»². В тюрьме впечатлительный Бардовский не вынес тягот палаческого режима и потерял рассудок. Жизнь его пошла отныне как бы на холостом ходу, хотя продолжалась еще долго: он умер 8 сентября 1907 г.³

Всего Бардовский прожил 58 лет. Четыре года его жизни (1875–1878) — это яркий взлет из начинающих адвокатов в корифеи русской адвокатуры, а все, что было до и после этого, — скромный пролог и трагический эпилог: первые 27 лет он готовил себя к тернистой стезе политического защитника, а последние 27 лет (после ареста) угасал в муках безумия.

Разумеется, перечень адвокатов «первого призыва», которые высоко поднимались над средним уровнем адвокатуры, можно было бы продолжить. Например, аристократ-постепеновец Густав Густавович Принцц и радикал-разночинец Владимир Феоктистович Леонтьев, «живописный и эффектный оратор»⁴ Владимир Михайлович Бобрищев-Пушкин и мастер «содержательного и веского слова»⁵ Владимир Степанович Буймистров, благонамереннейший Алексей Петрович Коломнин (зять А. С. Суворина) и «неблагонамеренный» Николай Михайлович Соколовский, поднадзорные Константин Павлович Леман (один из одиннадцати детей декабриста, генерал-майора П. М. Лемана) и Александр Федорович Линдфорс и лояльный Сергей Семенович Соколов тоже были незаурядными адвокатами. Но самые выдающиеся деятели русской адвокатуры XIX в., ее истинные корифеи теперь представле-

¹ См. Архив «Земли и воли» и «Народной воли» С 206, 219, 220, 223

² ГАРФ Ф 94 Оп 1 Д 30 Л 13.

³ Петербургский некрополь СПб, 1912 I 1 С. 142. Лишь по недоразумению принято считать год сумасшествия Бардовского (1880) датой его смерти ДРД Т 2 В. 1. Стб 83, Советская историческая энциклопедия Г 2 Стб 131.

⁴ Карачевский Н. П. Речи (1882–1902) С 3

⁵ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т 4 С. 130

ны читателю все, кроме нескольких лиц (С. А. Муромцева, А. В. Лохвицкого, Г. Б. Слиозберга), которые не участвовали в политических процессах.

* * *

Итак, из мастеров русской адвокатуры ее первых двух десятилетий представлены читателю сорок пять наиболее выдающихся. Разумеется, по ним нельзя судить обо всей адвокатуре, которая к 1886 г. насчитывала более двух тысяч человек (как, впрочем, нельзя судить об адвокатуре по рядовым и тем более несостоятельным адвокатам без учета заслуг корифеев). Но корифеи имели перед адвокатурой и вообще перед Россией свои, особенные заслуги.

Они были очень разные: ученые (В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев, А. Я. Пассовер), художники (А. И. Урусов, С. А. Андреевский, В. Н. Герард), трибуны (Д. В. Стасов, В. И. Танеев, Л. А. Куперник), бойцы (П. А. Александров, Н. П. Карабчевский, П. А. Потехин); ораторы, потрясавшие стихийной мощью, импровизацией (Ф. Н. Плевако, В. И. Жуковский, В. М. Пржевальский) и покорявшие обдуманностью, трезвым расчетом (А. М. Унковский, А. Н. Турчанинов, М. Ф. Громницкий). При этом внешне невзрачные Спасович, Александров, Плевако, Жуковский, Пассовер, Пржевальский производили на слушателей и зрителей не меньшее впечатление, чем одаренные эффектной наружностью Урусов, Андреевский, Карабчевский, Герард, Холева, Громницкий.

По-разному и готовили они свои судебные речи. Спасович каждую речь заранее полностью записывал, «чем довольно коварно пользовались некоторые его противники, ограничиваясь кратким изложением оснований обвинения и выдвигая свою тяжелую артиллерию уже после того, как Спасович сказал свою речь, причем его возражения — конечно относительно — бывали слабы»¹. Писал тексты своих речей и Андреевский. Ссылаясь на опыт этих ораторов, а также на авторитет Цицерона, П. С. Пороховщиков (Сергеич) заключал:

---

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 153

«Люди знающие и требовательные и в древности и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца»¹.

Однако не менее «знающие и требовательные» из судебных ораторов как на Западе², так и в России импровизировали свои речи без текстов. Александров ставил (иной раз на «манжетке» своей крахмальной сорочки) лишь «кое-какие кабалистические значки и отметки»³, а Урусов⁴ и Куперник⁵ записывали на отдельных листках только опорные идеи защиты. Не писали заранее свои речи Плевако и Карабчевский, Арсеньев и Пассовер⁶.

Важно, что все эти замечательные ораторы — и «пишущие», и «говорящие» — коллективными усилиями создали в 60–70-е годы XIX века такой феномен, как русское судебное красноречие.

Тезис о том, что «ораторы-юристы в сущности создали русское ораторское искусство»⁷, нуждается в уточнении. Нельзя забывать ни о М. М. Сперанском с его трактатом «Правила высшего красноречия», ни о Т. Н. Грановском и Н. И. Костомарове (а позднее — В. О. Ключевском) с их умением передать словами в университетской лекции зрелищность истории, ни об ораторах революции (Петре Алексееве, Софье Бардиной, Ипполите Мышкине, Андрее Желябове), которые произносили вдохновенно-программные речи со скамьи подсудимых. Все они участвовали в создании русского ораторского искусства. Но *судебное* красноречие в России со-

---

¹ Сергеев П Искусство речи на суде М, 1960 С 306

² Из корифеев французской адвокатуры всегда писали свои речи заранее П Мари, Ж Фавр, не писали — А Дюпен Старший, Э Аллу (Аллу Р, Шени Ш Великие адвокаты XIX в М, 1898 С 23, 132, Жюль Фавр // Судебные драмы 1901 № 6 Прил С 120, Аллу // Судебные драмы 1902 № 7 Прил С 31)

³ Карабчевский Н П Около правосудия С 158

⁴ Гольдовский О Б Воспоминания о кн А И Урусове // Вестник права 1903 № 9–10 С 215

⁵ Щепкина Куперник Т Л Дни моей жизни С 64

⁶ По разному готовились к судебным прениям не только адвокаты, но и прокуроры Н В Муравьев заранее писал свои речи, А Ф Кони — нет (Кони А Ф. Собр соч В 8 т Т 4 С 152, 153)

⁷ Михайловская Н Г, Одинцов В В Искусство судебного оратора С 10

здавалось действительно ораторами-юристами¹, и притом почти исключительно адвокатами (рядом с ними здесь можно поставить только А. Ф. Кони).

Главными достоинствами русского судебного красноречия такие авторитеты, как К. К. Арсеньев и А. Г. Тимофеев, считали искренность и простоту, выгодно отличавшие русских «от французских и итальянских ораторов, мысли которых часто исчезают в потоке слов, красивых фраз и риторических украшений всякого рода», и «от неуклюжести и сухости, превращающих речь в длинные и скучные реляции по делу, какими часто бывают, например, речи немецких адвокатов»². «Русский судебный оратор, наиболее близкий к идеалу русского судебного красноречия,— читаем у К. К. Арсеньева,— не становится на ходули, не надевает на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, невысоко ценит громкие, трескучие фразы. Он <...> обращается больше к здравому смыслу, чем к фантазии присяжных; ему стучается, конечно, апеллировать к их чувству, но не к их чувствительности. Он не чуждается украшений речи, но не в них ищет и находит главный источник силы. Он никогда не говорит только для публики, никогда не забывает о деле, к разъяснению которого он призван, никогда не упускает из виду, что от его слов зависит, в большей или меньшей степени, судьба человека»³. Были, конечно, среди русских адвокатов и ораторы-фразеры, пустые говоруны, краснобаи⁴, но не они определяли собою национальные особенности судебного красноречия в России.

Сильной стороной красноречия лучших представителей русской адвокатуры была также их вооруженность разносторонними (общественно-политическими, естественно-науч-

---

¹ Красноречие революционеров, выступавших в стенах суда, было все же по политическим, а не судебным

² Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России. СПб., 1900. С. 174–175

³ Арсеньев К. К. Русское судебное красноречие // Вестник Европы. 1888. № 4. С. 810

⁴ О наигранном пафосе таких ораторов хорошо сказал Андрей Белый: «Когда говорят, что днем светло, а ночью темно, дрожа от чувства, наливаясь кровью от напряжения, хочется выкрикнуть “Неправда!”» (Мир искусства. 1903. № 15. С. 159)

ными, литературно-художественными) познаниями. Именно это имел в виду Н. П. Карабчевский, когда он говорил о судебном ораторе: «Следовало бы сравнить предъявляемые к нему требования с современными требованиями, предъявляемыми к организаторским способностям полководца. И там, и здесь во имя той же внешней задачи — *победить в нужную минуту* — приходится и в мирное время питать огромное количество войска, иметь все роды оружия...»¹

Корифы русской адвокатуры «первого призыва» в полной мере владели только что рассмотренными достоинствами и как ораторы поднимались до самых высоких образцов судебного или парламентского красноречия на Западе. «Речи К. К. Арсеньева, — утверждал Б. Б. Глинский, ссылаясь на «одно вполне компетентное лицо», — могли бы с величайшим успехом явиться истинным украшением любой западноевропейской парламентской трибуны»². А. И. Урусов в 1891 г. выступал как защитник в суде Парижа, где славились адвокаты, почитавшиеся «великими» (А. Дюпен и Н. Беррье, Л. Шэ д'Эст-Анж и Ж. Фавр), и выдержал сравнение с ними³.

Богатые талантами и опытом, сильные характером, лучшие адвокаты России к тому же неустанно заботились о своей нравственной репутации, понимая, что «авторитет есть нечто цельное, как заговор: если в одном пункте его провалить, он провалится и во всей своей цельности»⁴. Наиболее выдающиеся из них, например, В. Д. Спасович или Н. П. Карабчевский, приближались к тому идеалу адвоката, который один из грандов французской адвокатуры М. Паие определял таким образом: «Дайте человеку все качества ума, дайте ему всю силу характера, заставьте его все видеть, все изучить, все запомнить; пусть он неутомимо работает в течение 30 лет своей жизни, пусть он сразу будет и литератором, и критиком, и

¹ Карабчевский Н. П. Около правосудия. С. 89–90.

² Глинский Б. Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897. С. 44.

³ А. И. Урусов. Стагги Письма. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1. С. 13, Т. 3. С. 469–470. Кстати, князь А. И. Урусов лично знал Жюля Фавра и подарил ему свой портрет с надписью «Un prince avocat au prince des avocats» («Князь-адвокат князю адвокатов»). Там же. Т. 3. С. 246.

⁴ Спасович В. Д. Соч. Т. 6. С. 196.

моралистом, пусть у него будет опыт старца, пыл юноши, неизгладимая память дитяти; заставьте, наконец, всех фей по очереди приходить к его колыбели и одарять его всеми дарами и тогда, может быть, вы сумеете образовать совершенного адвоката»¹.

В целом сорок пять присяжных поверенных, о которых идет речь, представляли собой авангард и цвет своей корпорации. Они благотворно воздействовали на всю адвокатскую «громаду», служили для нее примером, вели ее за собой, хотя, разумеется, не могли помешать проникновению в ее ряды бездарных или нечистоплотных дельцов с корыстным отношением к долгу. Более того, иные из них (например, Н. П. Шубинский или даже Ф. Н. Плевако) сами грешили политической, а отчасти и этической неустойчивостью. Тем не менее все они шли впереди своего сословия как его общепризнанные столпы и лидеры, «положившие основание традициям русской адвокатуры, предрешившие в значительной степени ее дальнейшее развитие, создавшие, если можно так выразиться, ее оригинальную физиономию»².

---

¹ Аллу Р., Шени Ш. Великие адвокаты XIX в. С. 123

² Арсеньев К. К. В. Н. Герард // Право. 1903. № 51. Стб. 2887.

«Молодая адвокатура» и ее корифей

В первые же годы XX в. сложились — главным образом в горниле именно политической защиты — кадры т. н. «молодой адвокатуры». Так условно стали называть небольшой сравнительно с общей численностью российской адвокатуры отряд защитников, которые даже объединялись в особые группы (кружки) политзащиты везде, где функционировали Советы присяжных поверенных, преимущественно в Петербурге и Москве. Как правило, это были уже адвокаты нового, по сравнению с «первым призывом», поколения, хотя и не всегда молодые в строгом смысле слова по возрасту. «“Молодыми”, очевидно, мы считались не по годам, а по направлению», — резонно заметил М. Л. Мандельштам¹, примкнувший к московскому кружку политзащиты уже 37-летним и достаточно опытным адвокатом.

Вся деятельность и само возникновение «молодой адвокатуры» несли на себе печать своего времени. То было время преддверия революции. Страну захлестывал небывалый ранее шквал массовых рабоче-крестьянских выступлений. Росла антиправительственная оппозиция в обществе. Начали формироваться нелегальные политические партии — эсеров, социал-демократов, «освобожденцев» (т. е. членов «Союза освобождения», будущих кадетов). Сама адвокатура, устояв в 90-е годы после ряда попыток царизма полуупразднить ее²,

---

¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 54.

² См. об этих попытках в следующей главе.

продолжала численно расти и крепнуть: только в округе Петербургской судебной палаты количество присяжных поверенных в 1895 г. составило 399, в 1905 г. — 629, в 1914 г. — 1166, а помощников присяжных поверенных — соответственно 299, 608, 1138¹. Все это стимулировало профессиональную и политическую активность адвокатуры.

К началу XX в. корифеи российской адвокатуры первого призыва на две трети уже вышли из строя. Умерли до 1900 г. П. А. Александров, А. И. Урусов, Е. И. Утин, В. И. Жуковский, А. М. Унковский, Н. И. Хотева, В. П. Гаевский, К. Ф. Хартулари, В. М. Пржевальский, П. В. Макалинский, А. А. Ольхин, А. И. Языков, А. Н. Матросов, К. П. Леман, А. Ф. Линдфорс, А. П. Коломнин; в 1902 г. — В. В. Самарский-Быховец, в 1903 г. — В. Н. Герард. Потерял рассудок в царской тюрьме Г. В. Бардовский. Одряхлели и не выступали больше на политических процессах В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, Г. Г. Принтц, С. С. Соколов. Уволились из адвокатуры К. К. Арсеньев, А. Л. Боровиковский, М. Ф. Громницкий, В. С. Буймистров, А. А. Герке, В. М. Бобрищев-Пушкин.

Таким образом, «молодой адвокатуры» предстояло не только продолжить в новых условиях традиции предшественников, но и поддержать завоеванный ими авторитет корпорации. К чести «молодых», они решали обе эти задачи достойно. Правда, их очень поддерживали, а иногда и вели за собой оставшиеся в строю «старые» корифеи — Н. П. Карабчевский и Ф. Н. Плевако, С. А. Андреевский и А. Н. Турчанинов, Л. А. Куперник и П. А. Потехин, П. Г. Миронов и В. О. Люстиг. Сами же по себе «молодые» звезды уступали светилам «старой» адвокатуры по масштабам дарований, творчества и влияния.

Отчасти поэтому (наряду с другими причинами) о корифеях «молодой адвокатуры» мы знаем гораздо меньше, чем о «старых». Кроме опубликованных в эмиграции материалов о М. М. Винавере, О. О. Грузенберге и В. А. Маклакове², ни об

---

¹ Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры» Пг., 1914. Прил. 2. С. 92.

² М. М. Винавер и русская общественность начала XX в. Сб. статей / Под ред. П. Н. Милюкова и др. Париж, 1937, *Цитрон И. Л.* Жизненный путь О. О. Грузенберга // *Грузенберг О. О.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944, *Адамович Г. В.* В. А. Мак-

одном из «молодых» адвокатов — даже таких выдающихся, как Н. К. Муравьев, П. Н. Малянтович, А. С. Зарудный, Н. Д. Соколов, Н. В. Тесленко, М. Л. Мандельштам, — нет специального исследования или хотя бы биографического очерка, а судьбы целого ряда из них теряются в катаклизмах сталинщины 1930-х годов. К тому же, в отличие от знаменитостей «старой» адвокатуры, лишь единицы из «молодых» (главным образом те же М. М. Винавер, О. О. Грузенберг, В. А. Маклаков) оставили публикации своих речей и воспоминаний.

К счастью, и в мемуарах адвокатов, и в историко-юридической литературе подробно освещено начало «молодой адвокатуры» — ее организационное оформление и первые шаги деятельности. Все началось в Москве, где уже в 1895–1896 гг.¹ группа молодых помощников присяжных поверенных во главе с Н. К. Муравьевым, В. А. Маклаковым, П. Н. Малянтовичем и Н. В. Тесленко образовала т. н. «бродячий клуб» (названный так, «потому что он не имел постоянного помещения») с целью «поднять профессиональный и общественный уровень адвокатуры»². К основателям клуба примкнули М. Л. Мандельштам, А. Ф. Стааль, М. Ф. Ходасевич (брат поэта Владислава Ходасевича), С. А. Балавинский, Л. С. Биск, П. П. Коренев, большевики В. Л. Шанцер (Марат) и Д. И. Курский, эсер П. С. Ширский³. Они старались проявить себя во всех начинаниях московской адвокатуры: ввели бесплатные юридические консультации для рабочих и крестьян, строго следили за «нравственностью сословия», обеспечивали квалифицированное, как правило коллективное, участие в защитах (включая выездные) по делам уголовным, с политическим оттенком и, главное, чисто политическим. Их кружок, по воспоминаниям Мандельштама, «был учреждени-

---

лаков Политик, юрист, человек Париж, 1959, *Шевырин В. М.* Российский Мирабо — Василий Алексеевич Маклаков // Россия и современный мир 1997 № 3, *Будницкий О. В.* Нетипичный Маклаков // Отчужденная история 1999 № 2–3

¹ Свидетельство П. Н. Малянтовича 1АРФ Ф 533 Оп 1 Д 284 Л 41

² ИРА 1 1 С 382–393

³ *Мандельштам М. Л.* Указ соч. С 52, *Мошинский (Конарский) И. Н.* Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал М., 1927. С 44–45

ем беспартийным он был объединен одной идеей — идеей борьбы с самодержавием, а потому в него входили представители всех оппозиционных и революционных партий и, конечно, беспартийные». Но в условиях революции 1905–1907 гг. «наступил момент, когда беспартийные организации, в том числе и кружок политических защитников, должны были уступать место более совершенным формам борьбы — партиям. Умер и наш кружок, а почти все мы разбрелись по партиям, начиная от правых кадетов и кончая большевиками»¹.

Одновременно с кружком Н. К. Муравьева и др. в Москве действовал еще один кружок политических защитников. Его возглавили А. Р. Ледницкий и И. Н. Сахаров. К ним присоединились В. А. и Н. М. Ждановы, Я. И. Лисицын, С. Н. Шамолин. Некоторое время и в этом кружке участвовал М. Л. Мандельштам. Кружок Ледницкого — Сахарова, вместо того чтобы наладить сотрудничество с кружком Муравьева — Тесленко, вступил с ним в конфликт и тем самым повредил себе и своей репутации², поскольку располагал меньшими силами и возможностями.

В Петербурге чуть позже, к самому концу 90-х годов, «инициаторами и руководителями нового движения» стали братья В. В. и М. В. Беренштамы³. Они тоже начали с юридической помощи рабочим, создавая бесплатные консультации в разных районах города, а затем перешли к организации коллективных защит в столице и с выездом в другие города по делам, преимущественно политическим. Так сложился кружок, в котором на первый план выдвинулись А. С. Зарудный и Н. Д. Соколов, а число только активных участников определить трудно: Б. Г. Барт, Ф. А. Волькенштейн, Л. Н. Андроников, П. Н. Переверзев, А. А. Демьянов, Г. Д. Сидамонов-Эристов, Л. А. Хоментовский, В. С. Елпатьевский (сын известного писателя), А. А. Исаев, В. Н. Новиков, позднее А. Ф. Керенский, А. Д. Марголин, Ф. С. Врублевский, переехавший из

---

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 52, 57

² Там же С. 52

³ ИРА Т 1 С. 387

Саратова Е. С. Кальманович и др.¹ Этот кружок впервые заявил о себе на Максвельском процессе 1899 г. в Петербурге, после чего включился в политические защиты по всей стране, вплоть до Якутска (А. С. Зарудный и В. В. Беренштам в 1904 г.).

На периферии аналогичные кружки стали возникать в первые же годы XX в. под влиянием и в связи с петербургским и московскими кружками. Так, в Киеве местную группу политзащиты возглавили Л. А. Куперник и М. Б. Ратнер, в Харькове — Е. И. Рапп, Б. П. Куликов и Г. Г. Гонтарев, в Саратове — Е. С. Кальманович и А. А. Никонов, в Екатеринославе — А. М. Александров, в Воронеже — Г. Л. Карякин, в Одессе — О. Я. Пергамент, в Смоленске — А. А. Иогансен, в Курске — С. С. Анисимов. «Во всех крупных городах,— читаем в специальном очерке И. Н. Мошинского,— к столичным группам примыкали провинциальные защитники, скоро связавшиеся с Питером или с Москвой и самостоятельно обслуживавшие свои районы. Благодаря такой самопроизвольно сложившейся сети ячеек, тяготевших к столичным группам, дело скоро было поставлено на широкую ногу. По каждому процессу, представлявшему крупный политический или общественный интерес, провинциалы списывались с Москвой или с Питером, или, наоборот, центр списывался с провинцией, и на место ожидаемого судебного разбирательства по мере необходимости направлялись свободные члены группы для политических защит. По делам, представлявшим исключительный общественный интерес, столичные группы привлекали к участию лучшие силы адвокатуры»².

Тот же И. Н. Мошинский сообщает об источниках материальных средств петербургского кружка: «Благодаря связям в либеральных кругах и при поддержке некоторых меценатов (вроде Морозовых, Хатисова и других), Н. Д. Соколову и другим руководителям группы удавалось собирать значительные средства. Нередко бывали случаи, когда само рабочее население

---

¹ ИРА Т 1 С 387, *Мандельштам М Л* Указ соч С 53, *Мошинский (Конарский) И Н* Указ соч С 45—46

² *Мошинский (Конарский) И Н*. Указ соч. С. 45

ние собирало деньги на покрытие расходов по командированию защитников. В некоторых случаях требовались — например, на поездку в Якутск для защиты по известному делу о сопротивлении ссыльных (Романовка) или на защиту ленских забастовщиков (Бодайбо) — очень крупные суммы, которые собирались специально»¹. Надо полагать, такими же источниками средств пользовались и другие кружки политзащиты, в Москве и провинции.

Все кружки согласовывали между собой юридические, политические и этические нормы поведения, а также конкретные приемы защиты. «Прежде всего требовалась полная идейная солидарность, как бы отождествление защиты с подсудимыми. Отсюда вытекало солидарное ведение защиты всеми участниками ее, полное единство фронта перед царским судом»². «В своих судебных выступлениях, — вспоминал М. Л. Мандельштам, — мы иногда солидаризировались с обвиняемыми так, что трудно было провести демаркационную линию, отделяющую скамью подсудимых от кресел защитников»³. Участники коллективной защиты заранее распределяли между собой роли по квалификации и особенностям дарований каждого к наибольшей выгоде для своих подзащитных. Так, Н. Д. Соколову часто доверялись речи, заявления, протесты «в качестве официального представителя партийной программы и тактики», Н. К. Муравьеву — «общий анализ юридических основ обвинения», Г. Л. Карякину и П. Н. Переверзеву — «лирическая и художественная обработка темы» и г. д.⁴

Разумеется, полной солидарности во взглядах у адвокатов с их подзащитными на политических процессах не было и быть не могло, как не было ее у самих подзащитных даже внутри одних и тех же партий (у большевиков и меньшевиков в РСДРП, у эсеров, энесов, максималистов и пр.). «Поли-

---

¹ Мошинский (Конарский) И. Н. Указ. соч. С. 47–48

² Там же С. 48–49. См. также Марголин А. Д. В полосе ликвидации. СПб., 1911. С. 78, 79; Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958. С. 218

³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 46

⁴ Мошинский (Конарский) И. Н. Указ. соч. С. 48

тическое лицо адвокатуры было сложным. Оно отражало полигическое лицо русской интеллигенции», — справедливо констатировал Б. С. Утевский¹. Добавлю от себя: в диапазоне от октябристов до большевиков. Но, как бы то ни было, *антисамодеждавая* общность интересов «молодой адвокатуры» и ее «клиентов» на политических процессах 1901–1904 гг. проявлялась постоянно и с нарастающей силой. Сами адвокаты поэтому были вправе уподобить кружки политзащиты тех лет «санитарному обозу революции»² и «летучим отрядам Красного Креста на полях военных действий»³.

Познакомимся теперь поближе с каждым из корифеев «молодой адвокатуры», выступавших на политических процессах до 1905 г. Среди тех, кто уже в 1895–1896 гг. возглавлял первый по времени, московский кружок политических защитников, пожалуй, наиболее авторитетным был Николай Константинович Муравьев (1870–1936). Потомственный московский дворянин, окончивший 1-ю Московскую гимназию и Московский университет, из которого, кстати сказать, он дважды (в 1891 и 1894 гг.) исключался за участие в студенческих «беспорядках»⁴, Муравьев всю жизнь был связан с Москвой⁵, но в качестве адвоката по уголовным и политическим делам объездил всю Россию. Только за 1900–1904 гг. он выступил на 12 политических процессах, чаще, чем кто-либо из адвокатов. Быстро заслужив репутацию первоклассного юриста-криминалиста, он в тех случаях, когда защита была коллективной (за 1900–1904 гг. — почти всегда), брал на себя самую трудную, хотя и наименее эффектную часть общей задачи — доказывал юридическую несостоятельность обвинения. При этом он не избегал и политических обличений суда, прокуратуры, царского режима.

По своим убеждениям Н. К. Муравьев, так же, как и его товарищ по московскому кружку П. Н. Малянтович или пе-

Муравьев
Николай
Константинович
(1870–1936)

¹ Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 141.

² Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 50.

³ Мошинский (Конарский) И. Н. Указ. соч. С. 70.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 362. Л. 1 об., 7–7 об.

⁵ Он жил в Москве на Пречистенке. Адрес для телеграмм на его именном бланке выглядел так: «Москва. Никому».

тербуржцы А. С. Зарудный, Н. Д. Соколов, В. В. Беренштам, Ф. А. Волькенштейн, Л. Н. Андроников, стоял «на крайнем левом фланге» политической защиты¹. «Внефракционный социал-демократ» — так определил в 1905 г. его идейные позиции большевик С. И. Мицкевич². Именно Муравьев «ввел в ряды московской организации» РСДРП адвоката-большевика В. А. Тарарыкова³. Но как демократ широкого диапазона взглядов Муравьев сотрудничал и с меньшевиками, эсерами, трудовиками, кадетами. Нетерпим он был только к правительственной реакции — ее деятелям, агентам и лакеям, и за это трижды подвергался обыскам и арестам, состоял под надзором полиции.

Высокий профессионализм, демократизм, искренность Муравьева («Парень — ясный», — писал о нем в 1901 г. А. М. Горький⁴) сделали его популярным в передовых кругах русского общества. На него обратил внимание Л. Н. Толстой. Муравьев ездил к нему в Ясную Поляну «рассказать про политические суды», и под впечатлением его рассказов Толстой написал в 1908 г. знаменитую статью «Не могу молчать». Секретарь Толстого Д. П. Маковицкий сделал такую запись: «При Муравьеве-адвокате Л. Н. сказал, что прежде действия революционеров возмущали, а теперь, сравнивая с теми ужасами, которые Муравьев рассказывал про военные суды, смертные казни, он видит, что революционеры в сравнении с ними — святые люди»⁵.

Зато старый идеолог самодержавия К. П. Победоносцев говорил о Муравьеве и его товарищах-адвокатах: «Их надо повесить»⁶.

Именно Н. К. Муравьев составил завещание Толстого. Не-

---

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 55.

² Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940. С. 358.

³ Будко В. В. Большевик В. А. Тарарыков // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 33.

⁴ Горький и русская журналистика начала XX в. Неизданная переписка // Литературное наследство. 1988. Т. 95. Переписка с Н. К. Муравьевым. С. 611.

⁵ Маковицкий Д. П. У Толстого (1904–1910). Яснополяние записки. М., 1979. Кн. 3. С. 78, 86, 139.

⁶ Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 299.

большой архив Муравьева (41 дело) хранится сегодня в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

После Февральской революции юридический и политический кредит Муравьева был уже настолько высок, что он стал председателем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима¹. Он же возглавил — вместе с Н. П. Карабчевским — комиссию по пересмотру накопившихся за 1870–1900-е годы ограничений адвокатуры.

В советское время, как явствует из «Автобиографической заметки» Н. К. Муравьева², он служил юрисконсультom различных учреждений, включая Наркомат внешней торговли, куда был приглашен лично наркомом Л. Б. Красиным — своим «близким знакомым с 1905 г.». В 1922 г. по предложению Л. Б. Каменева и Д. И. Курского Муравьев принял участие в разработке статуса новой адвокатуры (термины «коллегия защитников», «президиум коллегии» принадлежат Муравьеву). В 1930 г. по представлению бывших подзащитных Муравьева (Е. Д. Стасовой, Г. И. Петровского, Н. А. Семашко и др.) ему была назначена персональная пенсия.

Однако сталинский террор не пощадил семью Муравьева. Его жена и обе дочери с мужьями были арестованы и сосланы в лагеря ГУЛАГа. Сам Николай Константинович умер 31 декабря 1936 г. в больнице т. н. Института лечебного питания на Яузском бульваре в Москве³, что, может быть, и спасло его от более горькой участи товарищей по московскому кружку политзащиты — П. Н. Малянтовича и М. Л. Мандельштама, загубленных через два-три года.

Павел Николаевич Малянтович (1870–1940) известен как последний министр юстиции Временного правительства России, арестованный вместе с другими «временными» в ночь исторического штурма Зимнего дворца. Но к тому времени

**Малянтович
Павел
Николаевич
(1870–1940)**

---

¹ Членами этой комиссии были еще два адвоката — Н. Д. Соколов и Ф. И. Родичев, а также акад. С. Ф. Ольденбург, проф. П. Е. Щеголев и др., редактором — поэт А. А. Блок.

² Копия этого документа получена мною от дочери Муравьева Т. Н. Волковой. Частично опубликован в сб. «Л. Н. Толстой и его близкие» (М., 1986).

³ Все эти данные сообщила мне Т. Н. Волкова в письмах от 4 и 31 марта 1980 г.

(25 сентября 1917 г.), когда он стал министром, в его активе была уже яркая карьера и высокая репутация адвоката. Окончив гимназию в Смоленске, он стал студентом Московского университета, но в 1889 г. был выслан из Москвы как неблагонадежный и получил диплом юриста уже в Дерптском университете¹, после чего вступил в московскую адвокатуру (1898 г.). Только до 1905 г. он принял участие в восьми политических процессах, позднее защищал таких известных революционеров, как Л. Д. Троцкий и В. В. Воровский.

Смолоду «крайне левый», как и Н. К. Муравьев, по взглядам, Малянтович до осени 1917 г. не вступал ни в какие партии, хотя сочувствовал и содействовал всякой оппозиции против самодержавия. В 1905 г. его квартира в Москве служила явкой для Московского комитета РСДРП. Сам Малянтович вместе с Л. Б. Красиным и А. М. Горьким участвовал в литературно-финансовой секции этого комитета. Адвоката-большевика В. Я. Восходова он познакомил с Л. В. Собиновым, от которого Восходов получил «дар в 1000 руб. для партии»². Именно Малянтович выиграл по суду у наследников фабриканта С. Т. Морозова 100 тыс. рублей, которые Морозов завещал М. Ф. Андреевой для партии большевиков³. С видным большевиком В. Л. Шандером (Маратом) Малянтович был в дружеских отношениях: устроил Шандера к себе помощником присяжного поверенного, помогал ему материально, когда тот был и на воле, и в сибирской ссылке, а после гибели Шандера много лет поддерживал его семью, взял на воспитание двух его детей⁴. Не случайно такие разные люди, как большевик Ф. Ф. Раскольников и меньшевик О. А. Ерманский считали Малянтовича до 1917 г. большевиком⁵. В действительности же он всегда оставался беспартийным и, только

---

¹ По данным дочери Малянтовича Г. П. Шелковниковой.

² Л. В. Собинов М., 1970 Т. 1 С. 719

³ См. М. Ф. Андреева Переписка Воспоминания Статьи Документы. 3-е изд. М., 1968 С. 134, 611

⁴ Виноградов С. Ф. Его звали Маратом 2-е изд. М., 1980 С. 67, Ваксберг А. И. Царица доказательств Вышинский и его жертвы М., 1992 С. 29

⁵ Ерманский О. А. Из пережитого (1887–1921), М., Л., 1927 С. 117; Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе Л., 1989. С. 269

принимая должность министра юстиции, вступил в партию меньшевиков¹.

Как министр юстиции и одновременно Верховный прокурор России Малянтович, следуя букве тогдашних законов, в октябре 1917 г. подписал приказ об аресте В. И. Ленина. Среди тех, кто заботился тогда об исполнении этого приказа, был председатель Якиманской районной управы в Москве, тоже меньшевик А. Я. Вышинский, которого летом 1915 г. преуспевавший Малянтович вызволил из нужды, взяв его, безработного, неприкаянного, к себе в помощники². Вышинскому этот факт сталинские опричники не напоминали, Малянтовичу же много лет спустя припомнили.

Сам Ленин, конечно же, осведомленный о заслугах Малянтовича-адвоката перед партией и революцией, не поставил в вину министру Малянтовичу его октябрьскую служебную акцию. Напротив, как только Малянтович вместе с другими министрами Временного правительства был арестован, Ленин предложил Петроградскому совету немедленно освободить Малянтовича из крепости, что и было сделано³. После этого Малянтович служил юрисконсультom в Президиуме ВСНХ под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского, участвовал в организации советской адвокатуры и был избран в первый состав президиума Всероссийской коллегии адвокатов⁴. Но в 30-е годы он стал жертвой сталинщины.

1 ноября 1937 г. П. Н. Малянтович был арестован, и только теперь, благодаря разысканиям А. И. Ваксберга, мы узнаем, как он провел последние, воистину страшные годы своей жизни. «Его бросили на Лубянку, оттуда в камеру пыток Лефортовской тюрьмы, потом в Бутырку. Было намерение объявить его руководителем «заговора» в московской адвокатуре < .> Тяжелобольной, 68-летний арестант героически выдержал все пытки и ни в чем виновным себя не признал.

¹ Ваксберг А. И. Указ соч. С. 28

² Там же С. 26–27

³ Там же С. 29–30. Об аресте министров Временного правительства см. Малянтович П. Н. В Зимнем дворце 25–26 октября 1917 г. // Былое. 1918. № 12.

⁴ По данным Г. П. Шелковниковой.

Его истязали более двух лет — и все напрасно¹. Что давало тогда силы Малянтовичу? Должно быть, сознание своей невиновности и надежда профессионального юриста на правовые гарантии Советской власти, а также на помощь со стороны А. Я. Вышинского «Малянтович верил в то, что его бывший помощник, человек, которого он вытащил из беды, ставший, как некогда и он, во главе прокуратуры страны, не даст свершиться расправе. Писал Вышинскому он сам — из тюрьмы. Писала жена <...> Писала дочь <...> Прокурор СССР А. Я. Вышинский повелел не отвечать на эти письма <...> 22 января 1940 г. после 15-минутного рассмотрения дела Малянтовича расстреляли. Вместе с ним погибли два его сына, брат (известный адвокат В. Н. Малянтович.— Н. Т.) и семья брата»².

После смерти Сталина ряд старых большевиков и юристов, Е. П. Пешкова, С. Я. Маршак вместе с Г. П. Шелковниковой долго боролись за восстановление доброго имени П. Н. Малянтовича. В 1959 г. он был формально реабилитирован, но, как справедливо констатирует А. И. Ваксберг, «имя этого выдающегося деятеля российской демократии замалчивается до сих пор»³.

Судьбу Малянтовича разделил еще один лидер московского кружка политзащиты Михаил Львович Мандельштам (1866–1939). Он был сыном известного в Казани детского доктора⁴, однокурсником по Петербургскому университету и близким знакомым А. И. Ульянова⁵, участником (вместе с А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым и другими народолюбцами) на шумевшей в Петербурге т. н. «добролюбовской» демонстрации 17 ноября 1886 г., за что был арестован и выслан «на родину»⁶. После этого Мандельштам стал для властей су-

**Мандельштам
Михаил
Львович
(1866–1939)**

---

¹ Ваксберг А. И. Указ соч. С. 30

² Там же С. 30–31

³ Там же С. 31

⁴ Отец Мандельштама лечил юного Н. Э. Баумана, которого сам Мандельштам через много лет (в 1905 г.) защищал на судебном процессе. Защитник Н. Э. Бауман (По воспоминаниям его защитника) // Былое. 1926. № 1. С. 110.

⁵ Ленин в Самаре (1889–1893) М., 1933 С. 95

⁶ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М., Л., 1927. С. 103–105.

губо неблагонадежным, в 1888 г. был вновь арестован и надолго оказался под негласным надзором полиции¹.

В молодые годы Мандельштам пережил увлечение сначала народничеством, а затем марксизмом. На одной из его нелегальных лекций в Казани впервые услышал о К. Марксе 17-летний В. И. Ленин². Позднее Мандельштам эволюционировал вправо, стал кадетом, был избран в ЦК конституционно-демократической партии, но оказался там излишне левым и вышел из ЦК «в связи с несогласием с тактикой»³. После Октябрьской революции он эмигрировал, но вскоре вернулся в СССР. В А. Маклаков помянул его в своих мемуарах таким образом: «Очень левый Мандельштам, который потом добровольно ушел к Советской власти»⁴.

Блестяще эрудированный юрист, Мандельштам к тому же еще со студенческих лет имел репутацию выдающегося оратора⁵. Рослый, статный, красивый, с бурным темпераментом и могучим голосом он был зажигательно красноречив и производил сильное впечатление на любую аудиторию. Своей оппозиции к самодержавию никогда не скрывал, скорее даже бравировал ею. Поэтому «государственные преступники» охотно выбирали его защитником. Только до 1905 г. он успел выступить на восьми политических процессах.

В советское время Мандельштам служил юрисконсультom, участвовал в работе Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, писал мемуары. Его книга «1905 год в политических процессах. Записки защитника» (М., 1931) вызвала большой интерес⁶. Но 9 июня 1938 г. 72-летний Ман-

---

¹ См. данные секретных наблюдений с 22 мая 1900 г. по 6 марта 1906 г. в специальном деле «О присяжном поверенном Михаиле Львове (Моисее Лейбове) Мандельштаме» ГАРФ Ф 102 00 1900 Д 387

² Из рассказов тов. Ленина о его вступлении в революционное движение // Рабочая Москва. 1924. 22 апреля

³ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 317

⁴ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 325

⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 204; Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 413

⁶ См. Чужак Н. Ф. Путеводитель по Мандельштаму // Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 7–10.

дельштам был арестован сталинскими карателями как «враг народа» и, по данным КГБ СССР, 5 февраля 1939 г. умер в тюрьме «от упадка сердечной деятельности»¹.

Если М. Л. Мандельштам был левым кадетом, то два других лидера московского кружка политзащиты — В. А. Маклаков и Н. В. Тесленко — правыми. Судьбы их сложились тоже непросто, но более благополучно. Оба они остались в эмиграции и умерли там своей смертью.

Маклаков
Василий
Алексеевич
(1869–1957)

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — сын профессора А. Н. Маклакова и брат министра внутренних дел 1913–1915 гг., черносотенца Н. А. Маклакова, расстрелянного в 1918 г. агентами ВЧК², — широко известен как политический, а особенно думский деятель, член ЦК партии кадетов, по мнению В. И. Ленина, «наиправейший из кадетов», «полуктохрист», после Февральской революции 1917 г. — комиссар Государственной думы при Министерстве юстиции, с июля — русский посол во Франции, после Октября — белоэмигрант. Печать кадетизма и эмигрантщины, жесткие ленинские оценки (в 1913 г. Ленин назвал Маклакова «душителем думской свободы»³) определили крайне негативное отношение к советской литературе к Маклакову как политику. Адвокат же Маклаков советских историков и юристов не интересовал, ибо воспринимался попросту как другая, равно одиозная сторона одной с политиком Маклаковым медали. Между тем и политик, и особенно адвокат В. А. Маклаков во многом заслуживает нашего доброго слова.

Достоинством Маклакова как политика была его «борьба за культурные формы власти и законности»⁴. Он считал несчастьем России отсутствие в ней законности. «Я не собира-

---

¹ Письмо ко мне заместителя начальника Центрального архива КГБ СССР А. Т. Жадобина от 22 мая 1991 г. Подробнее о Мандельштаме см.: Троицкий Н. А. Судьбы российских адвокатов (М. Л. Мандельштам) // Общественная мысль, политические движения и партии в России XIX–XX вв. Брянск, 1996.

² По наблюдению современника, Н. А. Маклаков «при всяком удобном случае старался показать, что он не имеет ничего общего со своим либеральным братом» (Вержелис А. А. 16 стран, включая Монако. М., 1982. С. 103).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 178, Т. 24. С. 183.

⁴ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 101. Подробно о Маклакове-политике см.: Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2–3.

юсь доказывать, что законность процветает в России. Это могло бы быть темой одной юмористики,— говорил он в публичной лекции на тему “Законность в русской жизни” 17 марта 1909 г.— Не буду утверждать и того, что ее нет. Это, к несчастью, слишком известно <...> Главный нарушитель законности у нас — сама власть, ее представители. Беззакония властей составляют главную, самобытную черту русской государственности»¹. Однако, веруя и провозглашая, что «ничто хорошее, ничто правовое с самодержавием не совместно»², Маклаков усматривал выход не в революции, а в том, чтобы власть вняла оппозиции и «склонилась перед законом»³. Ради этой идеи он не столько обличал и требовал, сколько убеждал царское правительство быть терпимым к инакомыслию, прекратить массовые репрессии, заявить, что «позора военно-полевого убийства в России больше не будет!»⁴ и т. д.

Адвокатом Маклаков стал не вполне по призванию. Он окончил в Московском университете исторический факультет, и его учитель, крупнейший историк акад. П. Г. Виноградов рекомендовал оставить его на кафедре «для подготовки к профессорскому званию», но этому воспротивился попечитель учебного округа Н. П. Боголепов, для которого Маклаков был неуютен как «подвергавшийся», т. е. бывший под арестом за участие в студенческих волнениях. «Виноградов обнаруживал Маклакова: “Такой дурак, как Боголепов, долго попечителем не пробудет”. Предсказание оправдалось, но в несколько иной форме, чем думал Виноградов: дурак был назначен министром народного просвещения»⁵. После этого Маклаков простился с надеждами на профессуру, сдал экстерном экзамены за юридический факультет и стал адвокатом: в 1896 г.— помощником присяжного поверенного⁶, а с 16 мая 1901 г.— присяжным поверенным⁷.

¹ ГИМ ОПИ Ф 31 Д 148 Л 89 об., 93

² Там же. Л 77 об

³ Там же Л. 108.

⁴ Адамович Г. В В А Маклаков Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С 162.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Маклаков В. А. Из воспоминаний С 230.

⁷ ЦИАМ. Ф. 1697 Оп. 1. Д. 25. Л 48

Как юрист Маклаков особо не выделялся среди звезд «молодой адвокатуры», но как оратор был из самых выдающихся. Некоторые современники считали его вообще «лучшим русским оратором своего времени»¹. Он и в Государственной думе подвизался прежде всего как оратор, «думский Демосфен»², каждая речь которого составляла «парламентское событие» не только по содержанию, но и по форме. «Голос не обнаруживает ни малейшего напряжения,— вспоминал о Маклакове-ораторе известный юрист И. В. Гессен,— и речь, отличающаяся изящной простотой и искренностью, несется так стремительно, что кажется, будто оратор сам не в силах справиться с kloчочущим потоком аргументов, и это держит слушателя в состоянии напряженного внимания и сочувствия»³.

Слабой стороной Маклакова — и политика и адвоката — была его беспринципность. Правый кадет, умереннейший либерал, он мог из конъюнктурных соображений щегольнуть «левизной» или, напротив, сблизиться с консерваторами; более того, «мог говорить очень убедительно и трогательно даже о том, в чем сам вовсе не был убежден»⁴. Эта его черта шокировала Льва Толстого, который сказал о нем в ноябре 1907 г.: «Маклаков никакого убеждения не имеет»⁵. Можно согласиться с Б. С. Утевским в том, что Маклаков и как адвокат «в выборе дел был неразборчив — им руководили исключительно размеры гонорара»⁶, но при многозначном исключении: в политических делах (до 1905 г. их на счету Маклакова — 6) он по неписаному уставу кружков политзащиты выступал безвозмездно.

Маклаков был, конечно, яркой и крупной, хотя и противоречивой личностью. «Высокий, ловкий, широкоплечий, с ли-

---

¹ Тыркова Вильямс А. В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 350, Адамович Г. В. Указ соч. С. 67.

² Миркелов К. Покушение на цареубийство в 1907 г. // Былое. 1925. № 3. С. 169.

³ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 170.

⁴ Иорданский Н. М. Записки (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 84-6. Л. 114).

⁵ Маковицкий Д. П. Указ соч. Кн. 2. С. 570.

⁶ Утевский Б. С. Указ соч. С. 172.

цом некрасивым, но подвижным и выразительным», «веселый, сильный» (таким запомнила его А. В. Тыркова)¹, он, наряду с разнообразными талантами, воздействовал на окружающих и природным обаянием. Благотворно сказалось на нем общение с такими людьми, как Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, Ф. И. Шаляпин и К. А. Коровин. В 1901–1902 гг. он пережил бурный роман с М. Ф. Андреевой (Желябужской). В архиве Маклакова хранятся нежные и страстные письма Андреевой к нему за те годы. Одно из них, от 28 сентября 1902 г., кончается поцелуями и восклицанием: «Люблю, люблю, люблю тебя!!» За ним наступило девятимесячное молчание, а следующее письмо, от 16 июля 1903 г., Андреева пишет Маклакову сдержанно, на «вы», без поцелуев и любви, как доброму товарищу² — за время между этими двумя письмами место Василия Маклакова в ее жизни занял Максим Горький. Маклаков же так до конца дней своих и не женился.

Советскую власть Маклаков ненавидел пуще самодержавия, но Россия и в белой эмиграции оставалась дорога ему как Отечество. Поэтому он возглавил группу эмигрантов, посетивших 12 февраля 1945 г. советское посольство в Париже, «чтобы приветствовать победы Красной Армии» над гитлеровскими захватчиками³.

Друг и единомышленник Маклакова Николай Васильевич Тесленко (1870–1942) — тоже член Государственной думы и ЦК партии кадетов (даже товарищ, т. е. заместитель председателя ЦК П. Н. Милюкова) — был едва ли не лучшим из адвокатов организатором. Именно он главным образом решал самые сложные вопросы мобилизации и распределения сил в первом московском кружке политических защитников, на коллективных защитах с участием этого и других кружков, в подготовке 1-го Всероссийского съезда адвокатов 1905 г., где он был избран председателем⁴.

**Тесленко
Николай
Васильевич
(1870–1942)**

¹ Тыркова-Вильямс А. В. Указ соч. С. 351

² ГИМ ОПИ Ф. 31. Д. 5. Л. 36, 69, 79. Биографам М. Ф. Андреевой эти письма и вообще ее роман с В. А. Маклаковым неизвестны

³ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 200, 201

⁴ Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Второй созыв (1907–1912). 2-е изд. М., 1907. С. 188

Справка особого отдела департамента полиции «О приятном поверенном Николае Васильеве Тесленко» от 19 февраля 1901 г. фиксирует, что Тесленко участвовал в «студенческих беспорядках» 1890 г. и в «организации студенческого съезда» 1893 г., был арестован по делу московского «Рабочего союза» 1897 г., но освобожден за недостатком улик, а теперь, т. е. в 1901 г., «находится в постоянных сношениях с лицами крайнего революционного и преимущественно социал-демократического направления»¹. Авторы справки явно преувеличили оппозиционность Тесленко: как адвокат он действительно имел «постоянные сношения» с лицами разных направлений, но сам никогда социал-демократом и «крайним революционером» не был. Правый кадет, он подобно Маклакову выступал, причем более последовательно, чем Маклаков, лишь за «культурные формы» государственных преобразований. Диктатуру пролетариата он воспринял как анархистский содом, эмигрировал после Октября и на чужбине боролся против Советской власти (в 1923 г. вместе с другими белоэмигрантами разрабатывал «обвинительный акт» против нее²).

**Стааль
Алексей
Федорович**
(1872–1949)

Н. К. Муравьев, П. Н. Малянтович, В. А. Маклаков, М. Л. Мандельштам и Н. В. Тесленко были признанными лидерами первого московского кружка политзащиты. Другие кружковцы уступали им во всех отношениях, хотя и среди них были талантливые и популярные адвокаты — в первую очередь, пожалуй, Алексей Федорович Стааль (1872–1949). Юрист широкого профиля (при Временном правительстве — прокурор Московской судебной палаты), он был и видным общественным деятелем, одним из лидеров Крестьянского союза 1905 г., членом его Центрального бюро. Кстати, он тогда, по воспоминаниям Андрея Белого, «демонстрировал свое сочувствие меньшевикам»³, а после Октября эмигрировал во Францию.

¹ ГАРФ Ф 102 ОО 1900 Д 680 Л 10 (в этом деле хранятся документы о секретном наблюдении за Тесленко 1900–1910 гг.)

² Шваренков Л. К. Указ соч. С 56

³ Белый А. Начало века. М., 1990. С 504

Стааль имел большой круг знакомств и с мастерами отечественной культуры, в частности, с писателями Л. Н. Андреевым и В. В. Вересаевым, художником В. А. Серовым, который в 1910 г. написал два портрета жены Стааля Анны Марковны (1875–1960)¹.

В другом московском кружке политзащиты самой крупной фигурой был основатель и лидер кружка Александр Робертович Ледницкий (1866–1934) — член ЦК партии кадетов, депутат I Государственной думы, судившийся в 1907 г. вместе с другими думцами по громкому делу о Выборгском воззвании, с 1918 г. — представитель польского Регентского совета в РСФСР². Вместе с Ледницким возглавлял кружок Иван Николаевич Сахаров (1860–1918), дед академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

**Ледницкий
Александр
Робертович**
(1866–1934)

До недавнего времени, пока не увидели свет (в 1990–1991 гг.) воспоминания А. Д. Сахарова и особенно заметки Е. Г. Боннэр о родословной Сахаровых³, адвокат И. Н. Сахаров оставался для нас почти в полной неизвестности. Только теперь установлены основные вехи его биографии, включая точные даты рождения и смерти. С 1884 г., окончив Московский университет, он служил помощником присяжного поверенного у Н. П. Шубинского и Ф. Н. Плевако (с 1889 г. — присяжный поверенный). В 1886 г. вместе с женой — М. П. Домуховской (Матерно)⁴, близкой к народолюбцам, Сахаров был арестован, отбыл два месяца тюремного заключения и отдан под надзор полиции как политически неблагонадежный. До конца 1899 г. он оставался поднадзорным.

**Сахаров
Иван
Николаевич**
(1860–1918)

И в дальнейшем Сахаров всегда был в оппозиции к царскому режиму. Он вступил в конституционно-демократи-

¹ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников Л., 1971. Т. 2. С. 352.

² В 1914 г. В. Я. Брюсов посвятил А. Р. Ледницкому стихотворение «В Варшаву» (Брюсов В. Я. Избр. соч. М., 1980. С. 333).

³ Боннэр Елена. Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова. М., 1996. С. 79–125.

⁴ И. Н. Сахаров и М. П. Домуховская жили в гражданском браке с 1881 г. (обвенчались в 1899 г.), имели 6 детей, четвертым из них был Дмитрий Иванович (1889–1961), физик, доктор педагогических наук, отец А. Д. Сахарова.

ческую партию (кадетов) и весной 1906 г. издал — вместе с М. Н. Гернетом и О. Б. Гольдовским — сборник статей «Против смертной казни», который был немедленно запрещен властями, но потом освобожден от запрета и в 1907 г. переиздан. Февральскую революцию 1917 г. Сахаров встретил с удовлетворением. Он был избран председателем Московского юридического собрания, активно участвовал в делах адвокатуры и своей партии. Октябрьская революция положила конец его деятельности и ускорила его смерть. В начале 1918 г., опасаясь репрессий со стороны большевиков, Сахаров уехал с женой на юг и 5 декабря того же года умер в Харькове.

**Жданов
Владимир
Анатольевич
(1869–1934)**

Из других участников кружка Ледницкого — Сахарова самым заметным был Владимир Анатольевич Жданов (1869–1934). До 1905 г. он в «молодой адвокатуре» особо не выделялся и его даже путали с другим адвокатом Ждановым — Николаем Митрофановичем. Знаменитым он стал после своей яркой и смелой речи на процессе И. П. Каляева, которого защищал вместе с М. Л. Мандельштамом. Впрочем, преуспевал адвокат В. А. Жданов недолго. В 1906 г. он был арестован и на 10 лет оказался в положении ссыльнокаторжного. 18 октября 1907 г. Московский военно-окружной суд приговорил его за принадлежность к РСДРП и участие в революционных акциях к четырем годам каторги, которую он отбывал в Александровском центре под Иркутском, после чего оставался в Сибири до Февраля 1917 г. на поселении. Октябрьскую революцию он, как юрист старой школы, встретил настороженно, усмотрев в ней опасность для правовых норм жизни. А. В. Луначарский в 1919 г. упомянул Жданова с чувством уважения и сожаления: «так печально, но так героически выступивший против нас (после Октябрьского переворота)»¹. Советский нарком имел в виду «докладную записку» В. А. Жданова управляющему делами СНК от 11 июля 1918 г. В ней «гражданин Жданов», как он себя назвал, смело, хотя и в корректной форме, с правовых позиций осудил беззакония ВЧК и сделал вывод, что «деятельность Чрезвычайной комис-

---

¹ Луначарский А. В. Великий переворот. Пб., 1919. Ч. 1. С. 25

сии необходимо будет являться сильнейшим дискредитированием Советской власти»¹.

Необычное положение в московской адвокатуре занимал Николай Николаевич Полянский (1878–1961). Блестящий юрист, он, по собственному признанию, «не был адвокатом по профессии, но числился присяжным поверенным и изредка выступал в политических процессах»². В кружки политзащиты он не входил. Главным для него смолоду стал удел юриста-исследователя и педагога. В историю отечественной юриспруденции он вошел как видный ученый, автор более 300 научных трудов, доктор государственных и правовых наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР³.

**Полянский
Николай
Николаевич
(1878–1961)**

Обратимся теперь к составу петербургского кружка политзащиты. В нем выделялись два лидера — А. С. Зарудный и Н. Д. Соколов.

Александр Сергеевич Зарудный (1863–1934) был старшим сыном одного из главных деятелей Судебной реформы 1864 г. — тайного советника и сенатора С. И. Зарудного. Через родную сестру, художницу Екатерину Сергеевну Зарудную-Кавос, он был связан с миром искусств, через двоюродную сестру Наталию Егоровну Старицкую (жену акад. В. И. Вернадского) — с научным миром. Брат А. С. Сергей Сергеевич был арестован и сослан в Сибирь за причастность к делу о покушении на цареубийство 1 марта 1887 г., а племянник Александр Сергеевич предан военному суду за участие в революции 1905 г.⁴

**Зарудный
Александр
Сергеевич
(1863–1934)**

В адвокатуру Зарудный пришел уже искушенным юристом. Окончив в 1885 г. Училище правоведения в Петербурге, он долго служил прокурором в разных городах (Кременчуг,

¹ Поликарпов В. В. О чем предупреждал гражданин Жданов // Московские новости. 1989. 2 апреля.

² Полянский Н. Н. Судебное дело Либавской организации социал-демократии Латышского края // Учен. зап. Латв. ун-та. 1964. Т. 62. Вып. 2. С. 37.

³ См. о нем: Строгович М. С. Заслуж. деятель науки РСФСР проф. Н. Н. Полянский // Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М., 1969.

⁴ Подробно см.: Муравьев Н. К. Семья А. С. Зарудного. РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13; Троицкий Н. А. Судьбы российских адвокатов. А. С. Зарудный, сын С. И. Зарудного // Археографический ежегодник (1998). М., 1999.

Полтава, Петрозаводск)¹, а затем членом Петербургской судебной палаты, и лишь 27 сентября 1902 г. записался в присяжные поверенные². Тем не менее только за 1903–1904 гг. он успел выступить на восьми политических процессах, а всего до 1917 г. в его активе 300 защит, включая общеуголовные и гражданские, в том числе и крупные политические дела — лейтенанта П. П. Шмидта, Петербургского совета рабочих депутатов, М. Т. Бейлиса, о покушении на Николая II.

По компетентному мнению О. О. Грузенберга, Зарудный как адвокат «занял сразу место в первом ряду <...> Оратор был он превосходный, Божьей милостью <...> Диапазон его ораторских возможностей был широк, но неровен: Зарудному случалось трепыхаться на земле, но нередко он подымался на такую высоту, которая впору только орлам. Отсюда разноречивой оценке его сил: те, которым не довелось слышать его орлиного клекота, не знали подлинного Зарудного»³. «Небольшого роста, невидный человек» с «несколько глуховатым» голосом, Зарудный в момент защитительной речи обычно испытывал душевный подъем и на глазах слушателей преображался: фигура словно вырастала, голос обретал звонкость и силу, слова и жесты — красочную выразительность, особенно же впечатляли его «вдохновенные глаза, дивные глаза пророка»⁴.

Среди корифеев «молодой адвокатуры» Зарудный был едва ли не самым авторитетным. Одно его имя (сын С. И. Зарудного!) «сразу приковывало внимание судей, внушая уважение одним и вызывая негодование других»⁵. Главное же, он воз-

---

¹ С прокурорами Зарудный не уживался, в частности, из за их карьеристских вождлений. В рукописной тетради его стихов есть насмешливые строки об этих вождлениях (РГАЛИ Ф 210 Оп 1 Д 1 Л 3 об.)

Важный я пост занимаю в надежде
Более важный еще получить

² Список присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты к 31 января 1914 г. СПб, 1914 С 47

³ Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938 С 205. Это замечание Грузенберга объясняет, почему холодно отзывался о Зарудном ораторе Н. П. Карабчевский (Карабчевский Н. П. Что глаза мои видят. Берлин, 1921 Ч 2 С 20)

⁴ РГАЛИ Ф 210 Оп 1 Д 13 Л 9 об — 10, Д 39 Л 1, 3 (воспоминания В. В. Беренштама и Н. К. Муравьева)

⁵ Муравьев Н. К. Семья А. С. Зарудного Л 3

действовал на окружающих исключительной порядочностью, бескорыстием, «кристаллической чистотой во всем — в побуждениях, в целях, которые он себе ставил, и в способах их достижения»¹.

Будучи «крайне левым» среди адвокатов по своим убеждениям, в молодости даже пострадавшим (вместе с братом) за личное знакомство с народовольцами из группы Александра Ульянова, Зарудный вплоть до Февральской революции не вступал ни в какие партии. Лишь после Февраля он примкнул к народным социалистам (энесам), когда принял должность товарища министра юстиции Временного правительства с намерением «вправить в революционную законность вывихнутую царским режимом из всех суставов даже старой законности российскую юстицию»².

Не поладив с А. Ф. Керенским, Зарудный в мае 1917 г. ушел в отставку. «Потом ему пообещали, что не будут мешать, и 25 июля он вернулся в правительство уже министром юстиции», но через месяц окончательно разочаровался в Керенском и 2 сентября оставил должность министра. В советское время он был рядовым членом коллегии защитников в Ленинграде, юрисконсультom местного отделения Всесоюзного общества политкаторжан. Умер Зарудный 30 ноября 1934 г., за считанные дни до начала массовых репрессий (в ответ на убийство С. М. Кирова), жертвами которых стали его друзья и коллеги

Вместе с А. С. Зарудным петербургскую группу политзащитников возглавлял Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928). «Связанные между собой теснейшими узами личной дружбы и многолетней совместной работы,— писал о них Н. К. Муравьев,— эти два замечательных адвоката <. .> остались непревзойденными по самоотверженности и безграничной преданности делу политических защит»³.

**Соколов
Николай
Дмитриевич
(1870–1928)**

---

¹ Муравьев Н. К. Семья А. С. Зарудного Л 5, Утевский Б. С. Указ соч. С 200. Диссонирует с такими отзывами о Зарудном только полная класговая ненависть оценка его большевиком Ф. Ф. Раскольниковым как «тюремщика и палача» (Раскольников Ф. Ф. Указ соч. С 220, 221).

² Здесь и далее цит. воспоминания В. Д. Перазича о Зарудном: РГАЛИ Ф 210 Оп 1 Д 12 Л 11–12.

³ Муравьев Н. К. Семья А. С. Зарудного Л 1–1 об.

Сын известного протоиерея и придворного священнослужителя, бывшего «духовником царской фамилии»¹ и автором учебника по Закону Божьему, Соколов стал ярким врагом царизма, «диким революционером, без всяких задерживающих мотивов», как выразился с преувеличенным испугом его коллега и недруг². В юности товарищ Ю. О. Мартова по Петербургскому университету, «тогда блестящий, изящный и красивый жгучий брюнет небольшого роста»³, неперменный участник студенческих волнений 1890 г. и шелгуновской демонстрации 1891 г., народоправец, а затем социал-демократ, он к 1896 г. трижды привлекался к жандармским дознаниям (в том числе — по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»)⁴ и был очень популярен среди радикальной молодежи. «...Он в наших юных глазах являл собой воплощение революции,— вспоминал о нем Ю. О. Мартов.— Когда же мы видели его с эффектной аккуратно подстриженной черной бородой, с озабоченным, деловым и несколько таинственным видом проходившего по университетскому коридору, мы не сомневались, что перед нами — один из революционных вождей, который когда-нибудь введет нас в святая святых»⁵.

Соколов, однако, воздержался от активной революционной деятельности, вступил (16 февраля 1898 г., помощником присяжного поверенного) в адвокатуру⁶ и очень скоро проявил себя как «обязательный лидер и участник всех крупных политических процессов»⁷. Правда, он остался в РСДРП и участвовал в работе ее *меньшевистских* организаций, причем с таких радикальных позиций, что его, как и П. Н. Маляна

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 48

² Слюзберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 3. С. 359.

³ Левицкий (Цедербаум) В. О. За четверть века. Революционные воспоминания 1892–1917 М., Л., 1926. Т. 1. Ч. 1. С. 28

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 318. Л. 5–5 об. (справка департамента полиции о Н. Д. Соколове)

⁵ Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. Берлин — Пб. — М., 1922. Кн. 1. С. 70

⁶ Список присяжных поверенных при Петербургской судебной палате и их помощников к 1 февраля 1901 г. СПб., 1901. С. 57

⁷ Мошинский (Конарский) И. Н. Указ соч. С. 58

товича, случалось, принимали за большевика¹. В Феврале 1917 г. он стал членом Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов и получил широкую известность как автор знаменитого Приказа № 1 по армии², хотя, по рассказам очевидцев, Соколов сочинял этот приказ чуть ли не с голоса масс: ему «не то диктовали, не то подсказывали <...> сидевшие, стоявшие и навалившиеся на стол солдаты»³. Но главной сферой приложения сил и необыкновенной энергии Соколова с 1898 г. стала адвокатура.

До 1905 г. Соколов выступал на политических процессах не часто, но за один 1905 г. успел провести 20 политзащит и в дальнейшем защищал преимущественно обвиняемых в государственных преступлениях, включая важнейшие дела Петербургского Совета рабочих депутатов, социал-демократической фракции IV Думы, о покушении на Николая II и др. «Прямолинейный, мужественный и стойкий» адвокат⁴, боец по натуре, он в каждом деле именно боролся за своих подзащитных против обвинения, суда, правительства и всего существующего строя. Как юрист он был виртуоз, а как оратор, подобно А. С. Зарудному, неровен. Думается все же, Н. П. Карбачевский судил его необъективно, находя, что «докторально-самоуверенный, сухо-повелительный тон» речи Соколова «раздражал слушателей до полной нетерпимости»⁵. Если бы Соколов как оратор был нетерпим, «молодая адвокатура» не считала бы его одним из своих «обязательных лидеров».

В советское время Соколов оказался фактически не у дел, довольствуясь ролью ординарного служащего, юрисконсульта различных контор Наркоминдела и Наркомвнешторга.

Н. Д. Соколов и А. С. Зарудный возглавляли петербург-

---

¹ Лрманский О А Указ соч С 115

² Карбачевский Н П Указ соч С 19, Заварзин П П Жандармы и революции онеры Воспоминания Париж, 1930 С 82

³ Суханов Н И Записки о революции Берлин — Пб — М, 1922 Кн 1 С 265, Падерин А Н Письмо в редакцию // Пролетарская революция 1924 № 8–9, С 401, Скобелев М И Памяти Н Д Соколова // Правда 1928 28 июля

⁴ Мандельштам М Л Указ соч С 48

⁵ Карбачевский Н П Указ соч С 19

ский кружок политзащиты. Основателями же кружка были два других выдающихся адвоката — братья В. В. и М. В. Беренштамы, сыновья известного на Украине педагога и общественного деятеля стагского советника Вильяма Людвиговича Беренштама (1839–1904)¹.

**Беренштам
Владимир
Вильямович
(1870–1920)**

Владимир Вильямович Беренштам (1870–1920), окончив 2-ю Киевскую гимназию, поступил в Петербургский университет и там вместе с братом активно включился в студенческие «беспорядки», «играя роль коноводов движения»², за что в январе 1895 г. оба брата были исключены из университета. В октябре того же года Владимир Беренштам вернулся в университет, следующей весной окончил его и с 6 июня 1896 г. стал помощником присяжного поверенного. Будучи адвокатом, он продолжал антиправительственную деятельность, в 1897 и 1898 гг. арестовывался и привлекался к дознаниям о революционной пропаганде среди рабочих и неизменно пребывал под надзором полиции³, хотя, по собственному признанию, «никогда не был членом какой бы то ни было партии»⁴.

Оба Беренштама были «честными, идейными, благородными людьми и работниками»⁵, талантливыми и смелыми адвокатами, яркими ораторами. Правда, до 1905 г. Владимир Вильямович выступил только на трех политических процессах, а Михаил Вильямович — на одном. И тот и другой обрели всероссийскую известность уже в последующие годы.

**Барт
Бруно
Германович
(1877–1938)**

Одним из интереснейших во всех отношениях участников петербургского кружка политзащиты был самый молодой среди них Бруно Германович Барт (1877–1938). Он родился в Париже, где его отец Герман Александрович Лопатин (1845–1918) — друг К. Маркса и Ф. Энгельса, первый переводчик Марксова «Капитала» на русский язык, член Генерального со-

¹ См о нем Памяти В Л Беренштама Киев, 1906

² ГАРФ Ф 102 00 1898 Д. 352 Л 1 об, 3 (справка департамента полиции о В В Беренштаме)

³ Там же Л 4, 1901 Д 938 Л 1 об, *Левицкий (Цедербаум) В О* Указ. соч С 111

⁴ *Беренштам В В* В боях политических защит Л, М, 1925 С 89

⁵ *Утевский Б С* Указ соч С 145

вета I Интернационала и лидер партии «Народная воля» — жил тогда нелегально по документам английского подданного Барта. Поэтому ребенок был записан в метрике тоже как английский подданный Бруно Барт. «Впоследствии,— читаем в автобиографии Бруно Германовича,— я продолжал все время жить под этой фамилией, так как вследствие состоявшегося приговора о моем отце¹ и содержания его в Шлиссельбурге восстановить мое происхождение при царском режиме представлялось невозможным. После Февральской революции 1917 г. особым постановлением Временного правительства, на основании совместного заявления моего отца и моего, мне разрешено было именоваться Лопатин-Барт»².

Раннее детство Б. Г. Барт провел за границей. Россию он увидел впервые в 1887 г., после осуждения отца, когда мать привезла его в Петербург. С 1889 по 1901 гг. он последовательно окончил немецкое Екатерининское училище в Петербурге, немецкое же Петропавловское училище в Москве и Московский университет (в 1899 г. был исключен из университета за участие в студенческих волнениях, но затем принят обратно). Только по окончании университета он принял российское подданство и с 27 апреля 1902 г. стал адвокатом, помощником присяжного поверенного у Н. П. Карабчевского. До 1905 г. он успел выступить лишь на четырех политических процессах (на двух из них, очень громких — Г. А. Гершуни и А. В. Тырковой — Е. В. Аничкова,— вместе с Карабчевским), но в дальнейшем его послужной список как политического защитника стал одним из самых внушительных в стране. «С 1902 по 1915 гг.,— отметил он в автобиографии,— мною проведено свыше 300 защит по политическим делам»³.

---

¹ 5 июня 1887 г. по делу «21-го» Г. А. Лопатин был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой

² Автобиография Б. Г. Лопатина-Барта // Харченко Л. И., Винклер А. В. *Мятежная жизнь* 2-е изд. Ставрополь, 1979 С. 325 Подробно о нем см. Троицкий Н. А. Судьбы российских адвокатов (Б. Г. Лопатин, сын Г. А. Лопатина) // Клио 1998 № 3 (6).

³ Автобиография Б. Г. Лопатина-Барта. С. 325.

Европейски воспитанный и образованный, наделенный эффектной внешностью, силой духа, широчайшей эрудицией, даром слова, прирожденно-лопатинским обаянием¹, Барт к тому же многому научился у своего патрона Карабчевского и мог бы стать в ряд самых выдающихся адвокатов России, но драматические изгибы его судьбы не позволили ему реализовать все его возможности. При царизме он, как сын «каторжника», вольнодумец и бунтарь, подвергался надзору и гонениям (в 1914 г. был даже приговорен Петербургским окружным судом к тюремному заключению за организацию протеста против возбуждения провокационного дела М. Т. Бейлиса), а после Октября, подобно многим своим коллегам, знаменитостям и «старой» и «молодой» адвокатуры, оказался на подозрении как «бывший». Два десятилетия он служил юрисконсультom, как правило, третьестепенных учреждений (Ленинградского торгового порта, рабочего кооператива, кустарьсоюза, Ленпромторга)², а затем пал жертвой сталинщины.

11 февраля 1938 г. Бруно Германович был арестован по обвинению в причастности к «террористическим методам борьбы с руководством ВКП(б) и Советского правительства»³. Его товарищ по Лефортовской тюрьме известный историк-востоковед И. Д. Амусин, чудом выживший, рассказывал потом дочери Лопатина-Барта Елене Бруновне, что ее отец держался в заточении, на допросах, под пытками героически. 8 июня 1938 г. Бруно Германович был приговорен особой тройкой УНКВД Ленинградской области к расстрелу и 18 июня расстрелян. Через 19 лет, 12 августа 1957 г., военный трибунал Ленинградского ВО отменил постановление особой

---

¹ В 1925 г. Б. Г. Лопатин-Барт был «красивый, высокий, очень стройный и элегантный пожилой человек», «типичный англичанин по внешности, с обаятельным гласирующим “р” в речи» «Пел он великолепно, с большим темпераментом, зажигательно. А как он любил и понимал любимую музыку!» (Федорова Н. А. Воспоминания // Харченко Л. И., Винклер А. В. Указ соч. С. 328)

² Лишь в 1922–1925 гг. Б. Г. Лопатин-Барт занимал ответственную должность юрисконсульта советской акционерной компании Аркос в Лондоне

³ Цит. справка из подлинного дела Б. Г. Лопатина-Барта, копия с которой получена мною от Е. Б. Лопатиной.

тройки «за отсутствием состава преступления», но прошло еще *более 30 лет*, прежде чем Б. Г. Лопатин-Барт был реабилитирован в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Только 26 марта 1990 г. Ленинградская военная прокуратура выдала Елене Бруновне Лопатиной реабилитационную справку, из которой дочь впервые узнала точную дату смерти своего отца.

Гораздо более счастливой оказалась судьба Луарсаба Николаевича Андроникова (Андроникашвили) (1872–1939) Уроженец кахетинского селения Ожо близ Телави, сын царского офицера и отец советского писателя народного артиста СССР Ираклия Андроникова, Л. Н. Андроников был «человеком совершенно необъемлемой учености»¹. Окончив Тифлисскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета, он продолжал образование на философских факультетах Страсбургского и Гейдельбергского университетов в Германии². 18 октября 1899 г. он вступил помощником присяжного поверенного в петербургскую адвокатуру³ и вскоре занял видное место на ее «крайнем левом фланге», в ряду «честных, идейных, благородных людей и работников»⁴. По утверждению Б. С. Утевского, «Андроников никогда не выступал в уголовных делах: вступив в адвокатуру, он решил, что посвятит себя защите только по политическим делам. И это правило он соблюдал неотступно»⁵. В биографической

**Андроников
Луарсаб
Николаевич
(1872–1939)**

¹ ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 274 Л 15 (Ф А Волькенштейн — о Л Н Андроникове) Подробно об Андроникове см. *Троицкий Н А Судьбы российских адвокатов (Л Н Андроников) // История Общество Личность Саратов, 1998 Ч 1*

² Биографическая справка о Л Н Андроникашвили, любезно предоставлен пая мне М Н Кавтария — сотрудником Института рукописей АН Грузии, где хранится личный архив Андроникашвили (Ф 59)

³ Список присяжных поверенных при Петербургской судебной палате и их помощников к 1 февраля 1901 г С 51 Присяжным поверенным Андроников стал 7 января 1906 г

⁴ *Мошинский (Конарский) И Н Указ соч С 55, Утевский Б С Указ соч С 145*

⁵ *Утевский Б С Указ соч С 164*

справке о Л. Н. Андроникашвили подсчитано, что он участвовал более чем в 150 политических процессах — главным образом, уже после 1905 г.

Ираклий Андроников нисколько не преувеличивал, замечая, что его отец «считался выдающимся судебным оратором»¹. Красноречие Луарсаба Николаевича в сочетании с его «необъемлемой ученостью» и самоотверженностью выдвинуло его в ряд признанных корифеев «молодой адвокатуры». Это стало очевидным на первых же политических процессах с его участием 1902–1904 гг., включая многозначные дела о демонстрациях в Ростове-на-Дону и Батуми.

Л. Н. Андроников «приветствовал Февральскую революцию»² и принял Октябрьскую. После 1917 г. он занимался по преимуществу научно-педагогической работой. Ему принадлежит заслуга организации юридического факультета в Тбилисском университете, где он и преподавал с 1921 г. до конца своих дней в должности профессора. Как авторитетнейший в Грузии юрист он «принимал участие в составлении почти всех важнейших законодательных актов Закавказской Федерации и Грузинской ССР»³. Шквал сталинских репрессий, по счастью, миновал Андроникова. Он умер 19 декабря 1939 г. от саркомы ноги⁴ и похоронен в Пантеоне общественных деятелей Грузии.

**Переверзев
Павел
Николаевич
(1871–1944)**

В числе самых авторитетных и притом «крайне левых» молодых адвокатов заставил говорить о себе еще до 1905 г. Павел Николаевич Переверзев (1871–1944) — помощник присяжного поверенного с 26 апреля 1897 г. и присяжный поверенный с 4 мая 1901 г. Подобно Андроникову, он «не вел ни гражданских дел, ни уголовных», выступал только как политический защитник; «в этом качестве он был принципиаль-

¹ Андроников И. Л. Избр. произведения. В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 5–6.

² Утевский Б. С. Указ соч. С. 165.

³ Некролог Л. Н. Андроникашвили (РГАЛИ. Ф. 131. Д. 88. Л. 1 об. 2), Биографическая справка о Л. Н. Андроникашвили.

⁴ Точную дату и причину смерти Л. Н. Андроникашвили сообщил мне М. Н. Кантария. В указ соч. Б. С. Утевского (с. 168) ошибочно говорится, что Л. Н. умер в 1950 г.

ным, смелым и мужественным»¹. Департамент полиции, следивший за ним с его студенческих лет, уделял ему сугубое внимание и как адвокату 6 января 1904 г. Переверзев был арестован и вскоре выслан в Архангельскую губернию за «преступную агитацию» против царских властей, но и северная ссылка не остудила его радикальных взглядов: начальник Архангельского ГЖУ доносил в департамент полиции, что Переверзев «стоит во главе противоправительственного движения в г. Архангельске» и что он там «руководил враждебной правительству демонстрацией и вел (sic! — Н. Т.) преступную агитацию»².

Зато Февраль 1917 г. Переверзев воспринял как венец возможного для России и стал ревностным поборником нового режима. Он был вторым (после А. Ф. Керенского) из шести министров юстиции Временного правительства (с 5 мая по 6 июля 1917 г.), а после Октября эмигрировал.

В отличие от Переверзева, Федор Акимович Волькенштейн (? — после 1935) до конца оставался верен радикальным воззрениям юности. Племянник маститого адвоката-цивилиста М. Ф. Волькенштейна, бывшего патроном В. И. Ленина, двоюродный брат искусствоведа и драматурга В. М. Волькенштейна, Федор Волькенштейн с 4 ноября 1900 г. был помощником присяжного поверенного у П. Н. Карабчевского (присяжным поверенным он стал 9 февраля 1906 г.), уже в 1902 г. издал под редакцией Карабчевского книгу «Прения сторон в уголовном процессе» и занял видное место в «молодой адвокатуре» как криминалист, оратор «с красивой, хотя несколько книжно построенной речью»³, и неукротимый боец за право и правду.

Октябрьскую революцию Волькенштейн встретил сочувственно. В 20–30-е годы он был юрисконсультom Всесоюзного общества почиткаторжан и ссыльнопоселенцев и гордился тем, что по представлению «одного из членов Советского

**Волькенштейн
Федор
Акимович**
(? — после 1935)

¹ Утевский Б. С. Указ соч. С. 199

² ГАРФ. Ф. 102.00.1902. Д. 1479. Л. 10, 14, 17 (справка департамента полиции о П. Н. Переверзеве)

³ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 67

правительства» — его подзащитного — СНК СССР назначил ему персональную пенсию¹.

Вместе с участниками петербургского кружка политзащиты часто выступали на политических процессах адвокаты, не входившие в этот кружок, но тем не менее представлявшие собою цвет «молодой адвокатуры». Среди них выделялись талантами и популярностью три сверстника — О. О. Грузенберг, М. Г. Казаринов и А. А. Демьянов.

Грузенберг
Оскар
Осипович
(1866–1940)

Оскар Осипович Грузенберг (1866–1940) был, бесспорно, одним из крупнейших в России адвокатов XX века. Сын купца 2-й гильдии, выпускник 4-й Киевской гимназии и Киевского университета, он еще в 1889 г. записался в помощники к присяжному поверенному П. Г. Миронову и быстро зарекомендовал себя как юрист экстра-класса. Однако из-за его еврейского происхождения судебные власти 16 лет держали его в помощниках, хотя он был уже знаменитым на всю страну адвокатом². Лишь 10 января 1905 г., на следующий день после начала первой русской революции (символическая деталь!) Грузенберг получил звание присяжного поверенного³.

Как и большинство других корифеев «молодой адвокатуры», Грузенберг придерживался либерально-демократических взглядов. Он был поклонником А. И. Герцена⁴, дружил с А. М. Горьким и народовольцем-шлиссельбуржцем Н. А. Морозовым, устраивал в своей квартире литературные вечера, сбор с которых «шел в пользу революционных организа-

---

¹ ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 274 Л 10

² Беренштам В В В огне защиты 2 с изд СПб, 1912 С 138 «В уголовном праве он знает все,— читаем здесь же о Грузенберге — Нет сенатора, нет профессора, который знал бы практику суда лучше его Он на лету ловил кассационные поводы Когда нас, несколько товарищей, защищавших по одному и тому же делу, берутся составить кассационную жалобу, мы находим два-три повода, он — двенадцать И умест так обставить их, сделать такими серьезными, что мы только недоумеваем, как могли не заметить таких юридических слонов»

³ Список присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г СПб, 1914 С 62

⁴ ГИА СПб Ф 2093 Оп 1 Д 182 Л 25 об 26 (О О Грузенберг — П Г Миронову 5 июля 1894 г)

ций»¹. Своему коллеге А. В. Бобрищеву-Пушкину после его инсинуаций против революционеров на процессе Г. А. Гершуни (1904 г.) Грузенберг отказался подавать руку².

Однако в отличие от адвокатов, являвшихся членами кружков политзащиты, Грузенберг никогда не ставил профессиональный долг защитника в зависимость от своих или своего подзащитного политических взглядов, усматривая «величие адвокатуры именно в том, что она становится на защиту жертв политического преследования и государственного произвола, кто бы ни были эти жертвы и от кого бы ни исходило гонение»³. «Государственный строй меняется,— говорил он на собрании адвокатов в 1906 г.— Власть приходит и уходит. Партии слагаются и распадаются. Но незыблемыми остаются те принципы права и свободы, во имя которых адвокат встает на защиту личности»⁴. Впрочем, Грузенберг защищал А. М. Горького и Л. Д. Троцкого, В. Г. Короленко и М. Т. Бейлиса, членов Государственной думы и Всероссийского Крестьянского союза, но ни разу не выступил защитником явно реакционного лица или дела.

Сила Грузенберга как адвоката заключалась в совокупности достоинств гражданина, юриста, оратора, рыцарски безупречного бойца, которыми он обладал. «Всегда во всеоружии юридических знаний. Настойчивый, несмотря ни на какие неудачи. Не теряющийся ни при каких условиях. Смелый до дерзости и самозабвения» — таким запомнился он друзьям. «Наш блестящий защитник», «с огненным темпераментом», — вспоминал о нем П. Н. Милюков⁵.

Он мог вступать в резкие стычки с судьями. Так, на процессе женщины, обвинявшейся в сопротивлении властям, Грузенберг назвал статью, обязывающую суд понизить наказание до простого ареста, если доказано, что преступление

---

¹ Утевский Б. С. Указ соч. С. 259, М. Горький в эпоху революции 1905–1907 гг. М., 1957. С. 69.

² ГИА СПб. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–6 об.

³ Грузенберг О. О. Очерки и речи Нью-Йорк, 1944. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 8–9, Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 426, Т. 2. С. 60.

было совершено в состоянии опьянения или возбуждения. Председатель суда Ф. О. Гредингер, который вел процесс предвзято и грубо, ухмыльнулся: «Что ж, по-вашему, подсудимая была в пьяном виде?», на что Грузенберг ответил запальчиво: «Неужели, господин председатель, можно быть пьяным только от алкоголя? Люди пьянеют от горя, от отчаяния, как пьян сейчас я при виде того, как вы нарушаете судебные уставы!»¹ Разумеется, судьи злобствовали на Грузенберга за такие его эскапады, но осадить его не могли, ибо каждую свою дерзость он мотивировал юридически неотразимо.

После Февральской революции 1917 г. заслуги Грузенберга как юриста и гражданина получили должное признание: он стал сенатором и депутатом Учредительного собрания. Сенатор Грузенберг, как и министр Переверзев, служил молодой демократии в России не за страх, а за совесть. Характерным был диалог Грузенберга с Л. Д. Троцким летом 1917 г. на публичном собрании в Александринском театре. Троцкий высказался там за немедленный выход России из войны, а в перерыве подошел к Грузенбергу и спросил, как тот оценивает его речь. Грузенберг ответил: «За годы вашего пребывания за границей я вас не слышал. Вы не утратили своей эрудиции, своего блестящего ораторского таланта. Но в качестве сенатора у меня для вас готов каторжный приговор»².

Октябрьскую революцию Грузенберг не принял. Он эмигрировал, ряд лет жил в Берлине, потом в Риге, а с 1932 г. — в Ницце, где и умер 27 декабря 1940 г. Он не дожил нескольких месяцев до нападения гитлеровской Германии на СССР, но в письмах 1938–1939 гг. клеймил «убийцу Гитлера» и, как только началась вторая мировая война, убежденно предсказывал: «Немцы должны быть разбиты и будут разбиты!»³

Казаринов
Михаил
Григорьевич
(1866 –
после 1923)

Михаил Григорьевич Казаринов (1866 – после 1923) и Александр Алексеевич Демьянов (1866–1920) как адвокаты уступали Грузенбергу во всех отношениях, хотя каждый из них в разное время оказывался для прессы или властей пред-

¹ Грузенберг Ф. О. Очерки и речи. С. 22.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 219, 221.

почтительнее. Так, Казаринов в 1912 г. усилиями одного журналиста был гласно поставлен вровень с самим Н. П. Карабчевским и даже чуть ли не выше его как «звездный талант», «самый изысканный из судебных ораторов»¹, а Демьянов 3 сентября 1917 г. стал очередным, предпоследним министром юстиции Временного правительства.

**Демьянов
Александр
Алексеевич
(1866–1920)**

«Одним из лучших защитников в Петербурге»² считался и Моисей Леонтьевич Гольдштейн (1868 – после 1929), бывший когда-то помощником С. А. Андреевского. Он тоже не участвовал в кружках политзащиты, но выступал вместе с их участниками на политических процессах с 1903 г.

**Гольдштейн
Моисей
Леонтьевич
(1868 –
после 1929)**

Еще два петербургских адвоката — М. М. Винавер и Ф. И. Родичев — не только не входили в кружки политзащитников, но и по возрасту были старше любого из корифеев «молодой адвокатуры» (Родичев в этом отношении ближе был к адвокатам первого призыва). Но так как в политических процессах они участвовали лишь с 1899 г., т. е. вместе с «молодыми» адвокатами, уместно говорить о них здесь.

Максим Моисеевич Винавер (1862–1926) пользовался репутацией выдающегося адвоката-цивилиста³. Окончив в 1886 г. Варшавский университет, он сразу был зачислен помощником присяжного поверенного в округ Петербургской судебной палаты, но как еврей, подобно Грузенбергу и даже еще дольше (18 лет!), оставался в помощниках и только 21 июля 1904 г. был утвержден в звании присяжного поверенного. Вскоре после этого Винавер переключился главным образом на политическую деятельность. В 1905 г. он стал одним из основателей партии кадетов (председательствовал на ее учредительном съезде), членом и товарищем председателя ЦК, с 1906 г. — депутатом Государственной думы и лидером кадетской фракции в Думе. В 1907 г. был осужден по делу о Выборгском воззвании на три месяца тюрьмы. С 1907 до 1917 г. заметно эволюционировал вправо.

**Винавер
Максим
Моисеевич
(1862–1926)**

¹ Руадзе В. П. Два судебных оратора [Н. П. Карабчевский и М. Г. Казаринов]. Очерк. СПб., 1912. С. 5, 6.

² Утевский Б. С. Указ. соч. С. 225; Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 54.

³ Подробно о нем см.: М. М. Винавер и русская общественность начала XX в. Париж, 1937.

Февральскую революцию Винавер встретил с энтузиазмом. Как и Грузенберг, он стал сенатором и депутатом Учредительного собрания. Советскую власть воспринял как разрушение цивилизации и до конца жизни боролся против нее сначала в России (был «министром внешних сношений» у белых в Крыму), а с весны 1919 г — в эмиграции.

**Родичев
Федор
Измайлович
(1856–1933)**

Единомышленником и соратником Винавера по думским баталиям был Федор Измайлович Родичев (1856–1933) — тоже правый кадет, бессменный член кадетского ЦК и депутат Государственной думы всех ее четырех созывов. Окончив еще в 1876 г. Петербургский университет, он долго служил мировым судьей, уездным предводителем дворянства и председателем губернской земской управы. Только в 1897 г., когда ему было уже за 40, Родичев вступил в адвокатуру. В политических процессах он участвовал редко, но сумел заявить о себе громко. «Оратор-трибун, демагог <...> Он каждое слово бросал, как молот», — вспоминал о нем Н. М. Иорданский¹. Впрочем, Н. П. Карабчевский назвал ораторскую манеру Родичева «однотонным “соло на барабане”»².

С 1905 г., как и Винавер, Родичев сосредоточился преимущественно на политической борьбе в партии и в Думе. Именно он в одной из думских речей назвал виселицу «столыпинским галстуком»³.

**Александров
Александр
Михайлович
(1868 –
после 1932)**

Итак, мы познакомились с корифеями «молодой адвокатуры» обеих столиц. В провинции их было меньше, но иные из них ни в чем не уступали столичным звездам. Может быть, в первую очередь это относится к защитнику лейтенанта П. П. Шмидта Александру Михайловичу Александрову (1868 – после 1932). Он жил в Екатеринославе, хотя выступать на политических процессах ему приходилось в разных концах страны. «Красочный оратор с особым, чисто художественным талантом и мягким лиризмом»⁴, «обладающий в громадной степени способностью владеть настроением слу-

---

¹ РГАЛИ Ф 1337 Оп 1 Д 84 6 Л 114 об

² Карабчевский Н. П. Указ соч. С 19

³ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума М., 1981. С. 133.

⁴ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С 67.

шателей»¹, Александров отличался и юридическими познаниями, и утонченно-интеллигентской настойчивостью, и броским при его счастливой наружности обаянием. По убеждениям либерал, кадет левоцентристского толка, он был депутатом Государственной думы и в качестве депутата осуждал карательный террор как отрицание парламентской деятельности «Работать под выстрелами военно-полевых судов, при столах и криках умирающих могут только палачи, а не народные представители»².

После Октябрьской революции Александров, в отличие от большинства сотоварищей по партии, не покинул родину: служил юрисконсультom, сотрудничал в советских изданиях³.

В Киеве «молодую адвокатуру» блестяще представлял искушенный и энергичный юрист Марк Борисович Ратнер (1871–1917), в Харькове — солидный, осмотрительный политик, социал-демократ Евгений Иванович Рапп (? — после 1932), предприимчивый Борис Павлович Куликов (1870–1928) и совсем молодой, радикально настроенный и смелый Григорий Григорьевич Гонтарев (1879–1917). В Курске выдвинулся известный политический защитник и мемуарист Сергей Сергеевич Анисимов (1876–1948)⁴, а в Воронеже — «оратор исключительной силы»⁵ Гавриил Львович Карякин (1875 — после 1935).

Сильная группа политзащиты сложилась в Саратове (А. М. Масленников, А. А. Токарский, М. П. Иолшин и др.). Ее лидерами были С. Е. Кальманович и А. А. Никонов.

---

¹ Тихорецкое дело // *Революционная Россия* 1903 № 23 С 11 (свидетельство очевидца)

² Александров А. М. Накануне Второй Государственной думы. Екатеринослав, 1906 С. 28

³ См. Александров А. М. Лейтенант П. П. Шмидт (Воспоминания защитника) // *Черноморский флот в эпоху первой революции* М., 1927, он же. Керченское революционное движение 1903 г. (из воспоминаний защитника) // *Каторга и ссылка* 1932 № 4

⁴ См. Анисимов С. С. 1) Дело о восстании на Екатерининской железной дороге М., Л., 1926, 2) Крестьяне и помещики на суде. Из записок защитника М., 1929, 3) Тюрьма горит М., 1930, 4) Как это было М., 1931, 5) Как судили за «Конька-Скакунка» // *Каторга и ссылка* 1932 № 6.

⁵ *Мошинский (Конарский) И. И.* Указ соч. С. 46

**Кальманович
Самуил
Еремеевич**
(1862 –
после 1934)

Самуил Еремеевич Кальманович (1862 – после 1934) — один из старейших представителей «молодой адвокатуры» по возрасту, опыту и, кстати, по жандармской слежке за ним¹, — стал помощником присяжного поверенного еще в 1886 г., но в присяжные поверенные власть не допускала его как еврея больше 20 лет, до 4 мая 1907 г. В Саратове он был адвокатом с 1888 по 1906 гг.² Здесь «своим умом и знаниями он составил себе всероссийское имя»³. Но после того как черносотенцы разгромили его саратовскую квартиру, обратив ее в груды развалин. Кальманович навсегда оставил Саратов. Два года он провел за границей, а потом поселился в Петербурге, где, по мнению Г. Б. Слиозберга, «потерял характер примадонны и оставался провинциальным премьером»⁴.

Кальманович был лидером саратовской адвокатуры не только в профессиональном, но и в политическом отношении. Начальник Саратовского ГЖУ докладывал в департамент полиции 26 июня 1905 г., что состав местной адвокатуры за последние 10 лет вообще «пополняется исключительно лицами, зарекомендовавшими себя крайними взглядами»⁵. Кальманович же, по данным жандармского сыска, являлся «одним из видных деятелей партии социалистов-революционеров»⁶.

**Никонов
Алексей
Андреевич**
(1865–1924)

Столь же «крайним» в глазах охранки слыл другой лидер саратовского кружка политзащиты — Алексей Андреевич Никонов (1865–1924)⁷, хотя он стал кадетом, а не эсером. Сын царского адмирала, брат народовольца С. А. Никонова, шурина Н. П. Карабчевского, Алексей Никонов начал адвокатскую карьеру помощником у Карабчевского, а с 13 декабря 1896 г. был уже присяжным поверенным. В партии кадетов

¹ «Наблюдается под кличкой Старейшина», — доносила о нем в Петербург саратовская охранка (ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1904. Д. 42. Л. 20).

² Кальманович С. Е. Мои воспоминания [План]: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1455. Л. 4.

³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 54.

⁴ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Т. 3. С. 81.

⁵ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1904. Д. 50. Л. 209.

⁶ Там же. Д. 42. Л. 20.

⁷ См. специальное дело о жандармском надзоре за А. А. Никоновым: ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1901. Д. 95.

заметной роли он не играл, но в адвокатуре, причем не только саратовской, был на виду.

Выделялись из общего ряда дарованиями, активностью, популярностью и некоторые другие деятели «молодой адвокатуры» — например, потомственный дворянин, сын товарища прокурора Московского окружного суда Александр Александрович Иогансен (1871 – после 1940) в Смоленске¹ и купеческий сын Осип Яковлевич Пергамент (1868–1909) в Одессе. Этот перечень незаурядных адвокатов начала века можно продолжить: Анатолий Владимирович Винберг² (Петербург), Борис Яковлевич Вальц (Харьков), Константин Константинович Чекеруль-Куш (Киев, Одесса), Григорий Фомич Калашников (Минск) и т. д.

Читатель, вероятно, уже недоумевает, почему до сих пор не назван здесь Александр Федорович Керенский — один из *политических* лидеров «молодой адвокатуры» (хотя профессионально он уступал в ней многим³). Дело в том, что Керенский, вступивший в адвокатуру как помощник присяжного поверенного лишь 23 октября 1904 г. (присяжным поверенным стал 22 декабря 1909 г.)⁴, до 1905 г. в политических процессах не участвовал, так же, впрочем, как и ряд других превосходных адвокатов — Максим Ильич Коссовский, Фаддей Станиславович Врублевский, Георгий Викторович Филатьев, Михаил Фелицианович Ходасевич (брат поэта В. Ф. Ходасевича), Всеволод Николаевич Малянтович (брат П. Н. Малянтовича), Арнольд Исидорович Гиллерсон, Иосиф Николаевич Мошинский (Юзеф Конарский), Арнольд Давидович Марголин, Борис Михайлович Овчинников, Николай Васильевич Коммодов.

---

¹ См. о нем специальное досье департамента полиции: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1894. Д. 243.

² Зять Н. П. Карабчевского.

³ «Никому бы не пришло в голову поставить его как оратора рядом с Маклаковым или Родичевым», — считал управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков (отец писателя В. В. Набокова): Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 34.

⁴ Список присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты и их помощников к 15 февраля 1906 г. СПб., 1906. С. 113; то же... к 31 января 1914 г. С. 121.

Обратимся теперь к интересному вопросу о соотношении и взаимоотношениях корифеев «старой» и «молодой» адвокатуры. Общий уровень «старых» корифеев был выше. Среди «молодых», даже самых талантливых, все-таки не было звезд такой величины, как ученые-юристы В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, В. И. Танеев, трибуны Ф. Н. Плевако, Н. П. Карабчевский, П. А. Александров, художники А. И. Урусов, С. А. Андреевский, В. Н. Герард. Но в искусстве политической защиты «молодые» уже к 1905 г. достигли, а со временем и превзошли рейтинг адвокатов первого призыва.

Собственно, требования к политической защите и самые методы ее в XX веке стали не то чтобы более высокими, а несколько иными, чем ранее. «Мы должны защищать не людей, а самое дело,— объяснял это В. А. Маклаков.— Политическая защита на суде должна быть поэтому не защитой, а новым этапом прежней борьбы. Такова стала адвокатская тактика. Она уже не соответствовала законным рамкам судебной защиты. Правда, в ней были оттенки, зависящие от защитников, а иногда и самих подсудимых, от их умения и такта. Но директивы защиты стали другие: судебный интерес отступил перед “политическим”. Профессиональное дело защиты было сделано средством политики»¹. В судебной защите, как и в политике, становились обычными новые формы борьбы — адвокатские обструкции и забастовки. «Помню,— рассказывал в конце своей долгой жизни тот же Маклаков,— как я ехал в Полтаву не защищать, а от защиты демонстративно отказываться. Странно было сознавать, что не нужно готовиться к делу, что вся задача — вызвать конфликт и уйти»².

Все это было, как мы увидим далее на конкретных примерах. Но — не в такой мере, как запомнилось Маклакову, по словам которого, «эти действия адвокатских политиков вызвали сочувствие. Представители старых традиций, которые протестовали против поведения “молодежи”, или отходили в

---

¹ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Париж 1936. С. 170.

² Там же. С. 171.

сторону, или сами переходили к новой тактике. Адвокатская масса шла не с ними, а с нами»¹. Все, что мы теперь знаем о политических процессах 1901–1904 гг., говорит в пользу диаметрально противоположного мнения Н. П. Карабчевского об адвокатских «политиках»: «До 1905 г. большинство сословия, если не враждебно, то во всяком случае без энтузиазма оценивало и их личности, и их стенобитное усердие»².

Вообще, в отношениях между «старыми» и «молодыми» корифеями была известная напряженность и ревность. Через много лет, 7 февраля 1935 г. в докладе на секции бывших политзащитников Всесоюзного общества политкаторжан «Политическая защита в военных судах» Н. Н. Полянский развивал тезис, который он включил, еще четверть века спустя, в свою монографию: политическая защита в точном смысле этого понятия стала-де возможной лишь в эпоху революции 1905–1907 гг. «как спутник быстро выраставшего с начала столетия политического движения», ранее же — во времена В. Д. Спасовича, П. А. Александрова и др. — она была явлением спорадическим, не имела определенных норм и традиций и «не поднималась до уровня больших социальных и политических вопросов»³. Сам Полянский и выступавшие в прениях по его докладу П. Н. Малянтович, Г. Л. Карякин, Ф. А. Волькенштейн отказывались признать своими предшественниками блиставших на политзащитах задолго до 1905 г. Н. П. Карабчевского, Г. В. Бардовского, Л. А. Куперника⁴. Голос Н. К. Муравьева, упрекнувшего докладчика в том, что тот «в слишком резкой форме противопоставляет старой защите новую», и сославшегося на П. А. Александрова как на «предшественника лучших и наиболее смелых» политзащитников XX в.⁵, прозвучал здесь одиноко. Впрочем, и Муравьев нелестно отзывался здесь же об С. А. Андреевском («просто

---

¹ Муклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Париж 1936. С. 172.

² Карабчевский Н. П. Указ. соч. С. 18–19.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 284. Л. 3–5. Ср. Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958. С. 219–220.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 284. Л. 35, 37–39.

⁵ Там же. Л. 24–27.

слабый адвокат»), Ф. Н. Плевако и Н. П. Карабчевском («с точки зрения общественной <...> они были дики»)¹.

С другой стороны, С. А. Андреевский ставил адвокатов своего поколения явно выше «молодых». «Это были умы самобытные, творческие и способные открывать новое, яркие и редкие, как бриллианты,— говорил он о В. Д. Спасовиче, П. А. Александрове, А. И. Урусове, В. И. Жуковском.— А те, которые нынче так усиленно предлагают себя публике, разве это не самые ординарные умы?»² Столь же строго судил о «молодых» политзащитниках Н. П. Карабчевский. По его мнению, «такие адвокаты, как Родичев, Керенский, Соколов, не отличаясь ни умом, ни талантливостью, ни широтой мировоззрения, были вполне подходящими стенобитными орудиями <...> Их орагорские таланты в среде, где блистали Спасович, Герард, Потехин, Александров, Пассовер, Жуковский, Андреевский и многие другие первоклассные судебные ораторы, ценились не очень высоко. Ни сколько-нибудь благоприятных внешних данных, ни эрудиции, ни широкой образованности, ни образности мысли и выражения в их распоряжении не имелось. Как адвокаты они были и навсегда остались посредственностью <...>». Несколько выше Карабчевский ставил А. С. Зарудного («был бы недурным оратором, если бы в голове его мысли и аргументы строились правильными рядами, а не в шахматном порядке») и особенно «московских представителей той же политической группы в лице Тесленко, Малянтовича, Муравьева и некоторых других, гораздо более их (петербуржцев.— Н. Т.) талантливых»³.

Думается, что все только что процитированные оценки в той или иной мере ретроспективно утрированы. Факты и документы более раннего происхождения свидетельствуют, что корифеи «старой» и «молодой» адвокатуры понимали друг друга лучше, чем это явствует из их последующих докладов и мемуаров. Петербургская группа политзащиты во

---

¹ ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 284 Л 43—44

² Андреевский С. А. Драммы жизни. Пг., 1916 С 34

³ Карабчевский Н. П. Указ соч С 18—19, 20

главе с Н. Д. Соколовым (П. Н. Переверзев, А. А. Демьянов, Б. Г. Барт, Ф. А. Волькенштейн и др.) в 1904 г. предложила чествовать Н. П. Карабчевского по случаю 25-летия его службы в звании присяжного поверенного¹. В архиве С. А. Андреевского сохранилось письмо к нему П. Н. Переверзева от 13 сентября 1910 г., где «молодой» адвокат «с трепетом и восторгом» благодарит «старого» за «дружеский и горячий привет»². Такого же трепета и восторга исполнены приветственные адреса Петербургского и Казанского советов присяжных поверенных Д. В. Стасову к 50-летию его адвокатской деятельности. Петербургский адрес, в частности, гласит: «Ваша и Ваших товарищей мужественная борьба очистила путь для последующих политических защитников»³. На вечере памяти Д. В. Стасова 8 июня 1918 г. А. С. Зарудный и М. Л. Гольдштейн говорили о покойном как о «славнейшем из славных», «вожде и герое» адвокатуры. Зарудный закончил свою речь такими словами: «У человечества был издавна полезный обычай чтить своих святых, тех святых, на иконы которых люди молятся. И вот таким в нашей среде адвокатов святым мы должны почитать Дмитрия Васильевича»⁴.

Один из самых смелых политзащитников начала XX в. О. О. Грузенберг, надо полагать, выражал не только свое личное мнение, когда он в речи на юбилейном собрании всей петроградской адвокатуры 17 апреля 1916 г. (в честь ее 50-летия) поставил в пример слушателям мужество В. Д. Спасовича, В. Н. Герарда, П. А. Потехина, А. Н. Турчанинова на процессе «193-х» 1877–1878 гг., воскликнув при этом: «И какими кроткими в сравнении с ними кажемся мы, протестанты 900-х годов!»⁵

Итак, и в «старой» и в «молодой» адвокатуре дореволюционной России были свои корифеи — талантливые, самобыт-

¹ См. *Карабчевский Н. П.* Указ соч. С. 47

² РГАЛИ Ф. 26 Оп. 1 Д. 13 Л. 1 об.

³ День 1916 18 апреля Казанский адрес см. ИРЛИ РО Ф. 294 Оп. 4 Д. 605 Л. 26

⁴ ИРЛИ РО Ф. 294 Оп. 4 Д. 604 Л. 106 Речь М. Л. Гольдштейна см. там же (Л. 59) Эти сведения любезно сообщил мне Д. М. Легкий

⁵ *Грузенберг О. О.* Очерки и речи С. 86

ные, живо откликавшиеся на запросы времени. Они, при всех сложностях личных взаимоотношений между ними, обеспечивали преемственность лучших адвокатских традиций. Во многом благодаря их трудам все сословие присяжных поверенных неуклонно разрасталось и крепло, тем самым давая новые импульсы и новые силы корифеям. Сами корифеи понимали и признавали это. «Вне сословия нет и не может быть адвоката,— говорил в 1916 г. Грузенберг.— Как Антей, прикасаясь к матери-земле, увеличивал свои силы, так даже лучшие из нас, самые талантливые и сведущие, сильны только связью с сословием»¹.

---

¹ Грузенберг О. О. О петроградской адвокатской гильдии. Пг., 1916. С. 3—4.

Власть против адвокатуры

Судебная реформа 1864 г., при всей ее ограниченности, существенно подвинула Россию вперед по пути соблюдения и защиты прав человека. «Нельзя сказать,— писал В. Д. Спасович о Русском государстве,— чтобы оно вдруг сделалось *правовым*, но [было] решено, что оно должно сделаться *правовым*»¹.

Конечно, по сравнению с передовыми странами Запада, царская Россия и в пореформенное время являла собой государство бесправия и произвола. Но теперь, после того как мы узнали о жестокости, цинизме и, главное, масштабах сталинского беззакония, наш традиционный взгляд на самовластие царизма должен быть скорректирован. Видный адвокат начала XX в. С. Е. Кальманович в 1934 г. выразился очень осторожно: «Нужно быть справедливым и в отношении царей. Законы все-таки были, но их не исполняли»². Точнее сказать, законов в царской империи было очень много. «Ни в одной стране нет такого обилия законов, как в России»,— констатировал В. И. Ленин в 1901 г.³ Более того, исполнялись они гораздо чаще, чем нарушались. Дело не в этом.

Дело в другом: царские законы сами по себе большей частью были реакционны, а кроме того, царские суды, действуя по принципу «закон что дышло — куда повернешь, туда и

---

¹ Спасович В. Д. Прошедшее и будущее судебных уставов // Право 1899 № 48 С. 2273

² ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 283 Л 14 об

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4 С. 414

вышло», старались повернуть «направо» даже самые «левые» законы. Как бы то ни было, адвокатура в царской России противоборствовала всякому беззаконию на почве существующей законности. «Жестоким судам часто притягивали закон “за уши” — вспоминал адвокат В. В. Беренштам. — Мы же боролись с ними их собственным оружием, их же законом, всегда помня, что клин вышибают клином»¹. Собственно, потому адвокатура тогда и выстояла, выжила как таковая.

Да, мало того, что царизм придавил российскую адвокатуру уставами 1864 г. еще при рождении, он продолжал утеснять ее и далее из года в год неустомимым преследованием. В самодержавной стране адвокатура как правовой институт не могла иметь должной свободы слова и дела. Она была сразу поставлена в такие условия, которые заведомо парализовывали ее политическую активность и ущемляли ее юридически. Вспомним, что по уставам 1864 г. и последующим разъяснениям Сената она была отстранена от участия в предварительном следствии и вообще допускалась к изучению дела только перед самым началом судебного разбирательства, уже после составления обвинительного акта. Тем не менее царизм считал, что Судебные уставы 1864 г. слишком многое позволяют адвокатам, и в 70–90-е годы приложил большие усилия к тому, чтобы еще сильнее законодательно ограничить права адвокатуры, свести к нулю ее способность фрондировать против власти.

3 января 1875 г. в исполнение царского указа от 5 декабря 1874 г. Сенат «временно» (оказалось, на 30 лет) приостановил учреждение советов присяжных поверенных в округах тех судебных палат, где они еще не были открыты². Это значило, что в 8 из 11 округов адвокатура была лишена права формировать свои советы. Досадуя на «корпоративное своеволие» адвокатуры, царизм был бы рад закрыть вообще все ее советы, но, поскольку такая мера выглядела бы слишком откровенным попранием реформы 1864 г., удовольствовался стро-

¹ Беренштам В. В. В боях политических защит. Л., М., 1925. С. 129.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства 1875. I полугодие. СПб., 1875. С. 16.

гим надзором за петербургским (в первую очередь) и другими — то есть московским и харьковским — советами, которые успели открыться до 1875 г. III отделение, а с 1880 г. департамент полиции всегда интересовались, каков состав Петербургского совета, о чем говорится на его заседаниях и т. д., выделяя при этом «наиболее выдающихся» по своей неблагонадежности адвокатов, за которыми непременно устанавливалась персональная слежка.

Вот характерный пример. 3 мая 1879 г. специальный агент доносил в III отделение следующее (цитирую полный текст этого донесения). «Во время происходивших на днях выборов председателя и членов совета¹ большинством присяжных поверенных были высказаны очевидно враждебные правительству мнения, а также в очень резкой форме выражено порицание правительству по поводу последних арестов². При этом большинство присутствовавших не ограничило словесными рассуждениями, но решилось даже заявить свое враждебное правительству отношение в более определенной демонстративной форме, для чего они прибегли к следующей уловке. В начале заседания наиболее неблагонадежными было предложено, чтобы в состав членов совета не могли быть избираемы те же лица, которые исполняли эту обязанность в предшествовавшее трехлетие, каковое предложение и было принято. Между тем, когда началась баллотировка, те же лица, которые были авторами упомянутого предложения, подали голоса за освобожденного накануне из-под ареста Дмитрия Стасова, несмотря на то, что он по смыслу сделанного и принятого предложения не мог подлежать избранию как входивший в состав прежнего совета. Остальные голоса были поданы за Унковского, Бардовского, Спасовича, Борщова и некоторых других, известных по своей неблагонадежности, причем несколько голосов было подано за находящегося под арестом Ольхина. Наиболее выдающимися в этом деле по отношению к заявлению сочувствия Стасову и выражению

¹ Речь идет о Петербургском совете присяжных поверенных

² Имеются в виду массовые аресты в Петербурге после покушения землевольца А. К. Соловьева на цареубийство 2 апреля 1879 г.

враждебных правительству суждений были Соколовский, Бардовский, Унковский и Борцов»¹.

Впрочем, царизм, хотя он и сознавал, что советы присяжных поверенных — это штабы адвокатуры (не только административные, но и политические), вовсе не ограничивался притеснением советов. После судебных процессов «193-х» и Веры Засулич, на которых адвокаты вызывающе смело защищали революционеров, правительство начало затянувшийся на несколько лет поход против самого института адвокатуры.

21 апреля 1878 г. министр юстиции граф К. И. Пален внес в Государственный совет предложение временно распространить на присяжных поверенных действие ст. 1117 Свода законов, которая позволяла министру юстиции лишать частных поверенных «права ходатайства по чужим делам». Тем самым присяжная адвокатура отдавалась в распоряжение министра, который мог бы в любое время лишить звания присяжного поверенного любого адвоката как «лица недостойного». Это предложение (кстати, впервые опубликованное лишь в 1914 г.) иезуитски мотивировалось необходимостью пресечь стремление к «денежной наживе», которое, мол, делает присяжного поверенного «наемным укрывателем всякой неправды и преступления»².

И. В. Гессен, опубликовавший этот документ, резонно подчеркнул, что там «нет даже и намек на какое-либо недовольство антиправительственными выступлениями адвокатов»³. Он, однако, не знал, что вслед за предложением от 21 апреля 1878 г., а именно 19 июня того же года граф Пален внес на обсуждение созданного при Александре II чрезвычайного карательного органа в лице Особого совещания шести министров специальный законопроект «О принятии мер против заявивших себя неблагонадежными присяжных поверенных», которые-де «позволяют себе в произносимых, особенно по политическим процессам, речах резкие нападки на власть, на су-

---

¹ ГАРФ Ф. 109 Секр архив III отд. Оп. 1 Д. 888. Л 13–14

² ИРА Т. 1 С. 240.

³ Там же.

ществующий порядок»¹. В обстановке антиправительственного подъема, которым отличался 1878 год, Особое совещание, как явствует из его журнала, не рискнуло одобрить эту жандармскую затею. Видимо, по той же причине Государственный совет возвратил Палену его апрельский прожект, но — с утешительной для карателей мотивировкой: «для согласования предложенной меры с другими мерами, проектированными относительно присяжной адвокатуры»². Именно в духе проектов Палена была задумана реформа (точнее сказать, контрреформа) адвокатуры, которой царизм и занялся уже в 80-е годы (как только ему удалось отразить революционный натиск 1878–1882 гг.), занялся как частью общей программы реакционных контрреформ.

13 марта 1884 г. обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената Н. А. Неклюдов поставил в Сенате вопрос о «неотложном и положительном разъяснении прав защиты», предложив хорошенько взнуздать адвокатуру, ибо она, дескать, всегда, кого и за что бы ни судили, «настаивает во что бы то ни стало, чтобы ей был отпущен ее Варавва, распинает ради сего и свидетелей, и потерпевших, и обвинительную власть, и даже самый закон»³. Адвокатура попыталась было протестовать против задуманного «разъяснения» (то есть дальнейшего ограничения) ее прав. Пять председателей Петербургского совета присяжных поверенных — В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, К. К. Арсеньев, А. М. Унковский, В. О. Люстиг — выступили в газете «Новое время» с заявлением, в котором осуждали демарш Неклюдова и отстаивали «свободу защиты» в рамках уставов 1864 г. «Предписывать ей (защите.— Н. Т.) план действий,— возмущались маститые адвокаты,— внушать ей, какое должно быть ее содержание, равносильно уничтожению ее свободы, наложению на нее кандалов»⁴.

Царизм, однако, и слушать не стал протесты адвокатуры, а проектам Палена и Неклюдова дал ход. С этой целью в 1885 и

---

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1878 Д 502 Т 1 Л 216

² Судебные уставы за 50 лет Пг., 1914 Т 2 С 273

³ Журнал гражданского и уголовного права 1884 Кн 5. С. 161.

⁴ Новое время 1884 24 марта (5 апреля) С. 2.

1890 г. дважды создавались специальные комиссии для «пересмотра существующих о поверенных по судебным делам узаконений». Первую комиссию возглавил обер-прокурор I департамента Сената Г. А. Евреинов. Эта комиссия «не окончила своих занятий» потому, как объясняется в «Истории русской адвокатуры», что Евреинов «вскоре был назначен министром путей сообщения»¹. Но реакционные «верхи» требовали «крови» адвокатуры. К. П. Победоносцев, когда-то (в 1859 г.) печатно объявивший, что «без адвокатуры нет правосудия»², теперь, 30 октября 1885 г., убеждал царя: «Давно уже пора принять меры против этого сословия, которое всюду, где [бы] ни распространялось, представляло величайшую опасность для государственного порядка»³.

В 1890 г. под председательством директора I департамента Сената М. В. Красовского была создана новая комиссия с целью реформировать адвокатуру. Она довела свои «занятия» до конца, и в декабре 1893 г. министр юстиции Н. А. Манасеин внес ее проект на обсуждение Государственного совета. Здесь, однако, по мнению автора 1-го тома «Истории русской адвокатуры» И. В. Гессена, «повторилась прежняя история: спустя две недели после внесения законопроекта Н. А. Манасеин был заменен на посту министра юстиции Н. Б. Муравьевым, <...> и внесенный проект не получил дальнейшего движения»⁴. Думается, истинная причина бесплодности усилий обеих комиссий была более глубокой: в течение второй половины 80-х — начала 90-х годов политическая активность адвокатуры (так беспокоившая царизм) резко ослабела, а следовательно, и необходимость радикальных мер против нее стала менее острой.

Как бы то ни было, все материалы комиссии М. В. Красовского унаследовала высочайше учрежденная 30 апреля 1894 г. «Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части» во главе с Н. В. Муравьевым, который занял пост ми-

---

¹ ИРА. Т. I. С. 335.

² Цит. по: Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России (60–80-е годы XIX в.). М., 1987. С. 18.

³ РГБ РО. Ф. 230. Карт. 4394. Д. 3. Л. 4.

⁴ ИРА. Т. I. С. 335.

нистра юстиции 1 января того года. Рьяный каратель, меченный пятью виселицами по делу 1 марта 1881 г., крайний ретроград, Муравьев «вполне очаровал» Александра III своей ненавистью к Судебным уставам 1864 г. Сам «царь-удав» в разговоре с государственным секретарем А. А. Половцовым так определил главное достоинство Муравьева как юриста: «Это юрист, который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках»¹.

К тому, «что есть неуместного и подлежащего отмене», Муравьев относил «адвокатское самоуправление», «резко ограниченное от правительственной судебной власти»². Поэтому он поддержал «обширный и всесторонне освещенный» (по его выражению³) проект М. В. Красовского, в котором значились, например, такие пункты: а) не допускать в адвокатуру лиц, состоящих под гласным надзором полиции как политически неблагонадежных; б) предоставить прокурорскому надзору право протеста против решений любого совета присяжных поверенных о приеме в сословие новых членов; в) новые советы открывать только «по предложению министра юстиции» и т. д.⁴

Комиссия Н. В. Муравьева работала более 5 лет, по 5 июня 1899 г., провела за это время 503 заседания, но, как и две предыдущие комиссии, не дала — применительно к адвокатуре — желанного для «верхов» результата. Правда, спустя еще пять лет, в 1904 г. ее проект был все-таки внесен в Государственный совет, но не получил там одобрения⁵.

Помешали Муравьеву и его сотоварищам реализовать спроектированное, главным образом, две причины. Во-первых, передовые юристы, привлекавшиеся по необходимости к работе комиссии (среди 24 ее членов был А. Ф. Кони, а в числе 60 приглашенных экспертов — адвокаты В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако, В. О. Люстиг, П. В. Макалинский), отча-

---

¹ Половцов А. А. *Дневник государственного секретаря*. М., 1966. Т. 2. С. 452, 458.

² *Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности*. СПб., 1900. Т. 2. С. 522, 523.

³ Там же. С. 521.

⁴ ИРА. Т. I. С. 340–341.

⁵ Там же. С. 336.

янно сопротивлялись пересмотру уставов 1864 г. «Вы себе представить не можете,— писал А. Ф. Кони 12 июля 1899 г. П. Н. Обнинскому,— сколько я выстрадал за эти 5 лет в 300 с лишком заседаний¹, оставаясь по большей части один со своими мнениями и не встречая никакой поддержки в подтасованной комиссии <...> Ведь это все равно, что присутствовать при изнасиловании женщины, которая была вашею “первою любовью”, без всякой реальной возможности ей помочь»² Главное же, как на это указывал А. Ф. Кони³, спас Судебные уставы 1864 г. (включая самоуправляемость, а может быть, и самый институт адвокатуры) новый революционный подъем, который начался с середины 90-х годов, а к 1904 г. уже был чреват революцией, удерживая царизм от рискованных шагов в сторону реакции.

Не рискуя кардинально реформировать адвокатуру, царизм тем не менее за первые 40 лет ее существования заметно ограничил ее права и возможности отдельными, прямо или косвенно относящимися к ней узаконениями⁴. Так, еще 7 июня 1872 г. было учреждено в лице Особого присутствия Правительствующего сената (ОППС) специальное судилище по политическим делам, которое, как мы увидим, вело такие дела с крайним пристрастием, угождая правительству, потворствуя прокуратуре и ущемляя права обвиняемых и адвокатов. Царский указ от 9 мая 1878 г. временно, а закон 7 июля 1889 г. окончательно изъяли все сколько-нибудь серьезные уголовные дела, включая хотя бы только причастные к «политике» (например, о насильственных действиях против должностных лиц), из юрисдикции суда присяжных, где адвокатура имела наибольшую свободу действий в интересах правосудия. В конце 1870-х годов царизм военизировал свою

---

¹ А. Ф. Кони считает заседания, в которых он лично участвовал.

² Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 151.

³ Там же. Т. 2. С. 321.

⁴ Подробно об этих узаконениях см. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. Гл. 5, Троицкий Н. А. Безумство храбрых (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.) М., 1978; он же. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895) М., 1979. Гл. 1, 2, 4.

судебно-карательную систему, жестко стеснив тем самым возможности адвокатуры: 9 августа 1878 г. подчинил «ведению военного суда, установленного для военного времени», политические дела, связанные с «вооруженным сопротивлением властям», а 5 апреля 1879 г. дал право военным генерал-губернаторам предавать военному суду, «когда они признают это необходимым», обвиняемых в *любом* государственном преступлении¹. Наконец, гласность судопроизводства, уже существенно ограниченная карательными законами 4 февраля 1875 г., 9 августа 1878 г., 18 января 1879 г., 14 августа 1881 г., была сведена фактически к нулю высочайшим указом от 12 февраля 1887 г., который, как это признали даже составители панегирической юбилейной истории Министерства юстиции, «заменял суд, гласный по закону, судом, гласным по усмотрению министра»².

Таким образом, еще до начала «занятий» комиссии Н. В. Муравьева царизм успел внести в Судебные уставы 1864 г. ряд дополнений, *каждое* из которых изменяло порядок судопроизводства (особенно по политическим делам) к худшему для обвиняемых и адвокатов. Прямым, шовинистически заостренным ущемлением адвокатуры был высочайший указ от 8 ноября 1889 г. «О порядке принятия в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий». По этому указу евреи, которые составляли значительную и притом квалифицированную, авторитетную часть российской адвокатуры³, отныне могли быть приняты в присяжные и даже в частные поверенные «не иначе как с разрешения министра юстиции»⁴. В 1897 г. Н. В. Муравьев не без гордости констатировал, что «это разрешение с тех пор было дано лишь в двух-трех исключительных случаях»⁵. В резуль-

¹ ПСЗ Собр. 2 Т. 54. Отд. 1. С. 298.

² Министерство юстиции за 100 лет (1802–1902). Исторический очерк. СПб., 1902. С. 192.

³ Достаточно назвать А. Я. Пассовера и М. М. Винавера, Л. А. Куперника и А. С. Гольденвейзера, О. О. Грузенберга и М. Л. Мандельштама, М. Ф. Волькенштейна и С. Е. Кальмановича.

⁴ ПСЗ Собр. 3 Т. 9. С. 599.

⁵ Муравьев Н. В. Указ. соч. Т. 2. С. 520.

тате, например, знаменитый О. О. Грузенберг 16 лет кряду оставался помощником присяжного поверенного, хотя Петербургский совет каждый раз по истечении установленного 5-летнего срока рекомендовал принять его в присяжные поверенные. «Министр юстиции не пропускал его в присяжные. И старые “патроны” ходили к “помощнику” советоваться»¹.

Уже после того как исчерпала себя комиссия Н. В. Муравьева, царизм счел нужным ограничить адвокатуру еще в одном пункте. Закон 7 июня 1904 г. «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных»², наряду с дальнейшим сужением публичности судопроизводства (ранее допускались в закрытые заседания по три родственника или знакомых со стороны каждого обвиняемого, теперь — только по одному и лишь из родителей, детей и супругов), — этот закон допускал к защите в политических делах исключительно присяжных поверенных (но не их помощников и не частных поверенных!). Тем самым ограничение, ранее принятое только для Верховного уголовного суда, теперь распространялось и на ОППС, и на судебные палаты.

Разумеется, царизм не мог все время только душить адвокатуру (это привело бы к ее упразднению и скомпрометировало бы верховную власть перед общественным мнением страны и мира). Иногда, в редчайших случаях, он делал жесты или даже шаги навстречу адвокатуре. Один такой широкий жест, а затем и крупный шаг царизм сделал в преддверии революции 1905 г. Сначала, 17 февраля 1904 г. обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената И. Г. Шегловитов — тот самый, кто с 1906 по 1915 гг. был министром юстиции и как таковой превратил судебное ведомство «в отделение охраны»³, — удовлетворил принципиально важную для реноме адвокатуры кассационную жалобу Н. П. Карабчевского и при этом сказал об адвокатуре следующее: «Свобода для

¹ Беренштам В. В. В огне защиты. 2-е изд. СПб., 1912. С. 138.

² См. о нем: По поводу закона 7 июня 1904 г. // Искра. 1904. № 70; Куперник Л. А. Новый закон // Юрист. 1904. № 36–37.

³ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 62.

нее настолько же необходима, насколько необходим воздух для всякого живого существа»¹. Такой жест обер-прокурора, вызвавший, кстати говоря, ряд приветственных телеграмм ему как «защитнику дела защиты» от адвокатов разных городов², объяснялся конъюнктурными соображениями не только его лично³, но и всей царской бюрократии.

Дело в том, что в течение 1904 г., наряду с кризисом «низов», Россия переживала нараставший кризис «верхов». Царизм затруднялся найти выигрышную для себя пропорцию между репрессиями и послаблениями. После того как 15 июля 1904 г. бомбой эсера Е. С. Созонова был убит министр внутренних дел В. К. Плеве, новый министр князь П. Д. Святополк-Мирский смягчил репрессивно-охранительный курс правительства и, стремясь привлечь на сторону царизма буржуазную оппозицию, заговорил о «взаимном доверии», обещал реформы. В обстановке этой, как выражалась тогда либеральная пресса, «эпохи доверия» царизм впервые после 1874 г. открыл новые советы присяжных поверенных — в дополнение к первым трем (Петербургскому, Московскому, Харьковскому), учрежденным за 30 лет перед тем, еще шесть: 21 июля 1904 г. — Новочеркасский, 10 ноября — Казанский, Одесский, Саратовский, 24 ноября — Иркутский и Омский⁴.

В общем же, конечно, царизм сначала и до конца старался держать российскую адвокатуру, что называется, в ежовых рукавицах. Для этого он использовал, кроме множества узаконений, функционировавшие в соответствии с его политическим курсом судебно-карательные учреждения и соответственно же подобранные кадры чиновников суда и прокуратуры.

За 1866–1904 гг. адвокатуре довелось выступать на политических процессах во всех без исключения категориях судов, где слушались тогда политические дела, — от Верховного уголовного до мирового.

Верховный уголовный суд, согласно уставам 1864 г., мог

¹ Правительствующий сенат // Право. 1904. № 8. С. 519.

² Хроника // Право. 1904. № 10. С. 649; № 14. С. 852.

³ «В либеральные эпохи он был либералом, в годы реакции — злейшим реакционером» — читаем о Щегловитове в указ. соч. М. Л. Мандельштама (с. 62).

⁴ ИРА. Т. 1. С. 442–443.

рассматривать дела о государственных преступлениях, хотя и в общем порядке уголовного судопроизводства, но лишь в исключительных случаях — по высочайшему повелению. После судебной реформы 1864 г. он созывался дважды и оба раза — по делу о покушении на цареубийство (Д. В. Каракова в 1866 г. и А. К. Соловьева в 1879 г.) Однако «цареубийц» (первомартовцев) 1881 и 1887 гг. власти не стали судить Верховным уголовным судом, а передали их дела в ОППС. По-видимому, Верховный уголовный суд был неудобен для царизма из-за чрезмерной громоздкости следственного и судебного разбирательства и самого состава суда. Председателем его являлся председатель Государственного совета (то есть один из великих князей), членами — председатели департаментов совета и первоприсутствующие в кассационных департаментах Сената, а прокурорские обязанности не только на суде, но и в ходе предварительного следствия возлагались на министра юстиции¹. К тому же, как заметил С. М. Шпицер по поводу дела 1 марта 1881 г., сказывалась и «сложность процесса, требовавшая особой опытности и уклона юристов»², чего недоставало Верховному уголовному суду, меж тем как ОППС в избытке владело должным опытом и уклоном. Как бы то ни было, после дела А. К. Соловьева Верховный уголовный суд не составлялся ни разу.

Во всех других (кроме исключительных) случаях политические дела по уставам 1864 г. подлежали ведению судебных палат в обычном или усиленном (т. е. с участием сословных представителей) составе, если преступление влекло за собой по закону наказание, соединенное с лишением или ограничением гражданских прав³. Палаты создавались в каждом судебном округе, каковой включал в себя несколько губерний. Председатель палаты и все ее члены назначались царем по представлению министра юстиции⁴, что обеспечивало сугу-

---

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны СПб., 1867 Ч 2 Ст 1062–1064

² Шпицер С. М. Как судили первомартовцев (по неизданным материалам) // Суд идет! 1926 Т 4 С 205

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ст. 1051.

⁴ Учреждение судебных установлений. СПб., 1883. Кн. 1. Ст. 212

бую надежность ее состава — не столько для закона, сколько для царя и министра.

Однако первые же два политических процесса, которые были проведены один за другим строго по уставам 1864 г., при открытых дверях, Олонецкой судебной палатой 19 мая 1871 г. в Петрозаводске по делу С. В. Зосимского и других и Петербургской судебной палатой 1 июля — 11 сентября 1871 г. по делу «нечаевцев», закончились столь умеренными приговорами, что Александр II раздраженно потребовал от министра юстиции К. И. Палена представить «свои соображения о том, какие следует принять меры для предупреждения повторения подобных, ни с чем не сообразных приговоров»¹. Пален рассудил, что гарантировать правительство от подобных приговоров может лишь специальное, на уровне высших органов власти, судилище по всем *серьезным* политическим делам (критерий серьезности дела усматривался именно в том, чтобы наказание, предусмотренное для него по закону, было сопряжено с лишением или ограничением прав состояния). Такое судилище Пален предложил учредить в лице Особого присутствия Правительствующего сената². 7 июня 1872 г. проект Палена был утвержден царем, получив силу закона³.

Поскольку о процессах в этом судилище мне придется говорить часто и много, познакомимся с ним поближе. ОППС вело политические дела с большими отступлениями от судебных уставов 1864 г. Закон 7 июня 1872 г. разрешил ему судить обвиняемых «в публичном или закрытом заседании, по усмотрению суда»⁴, а 4 февраля 1875 г. высочайший указ предписал «по делам, производящимся при закрытых дверях Присутствия», печатать «только постановленные судом резо-

¹ ГАРФ Ф 124 Оп 1 1871 Д 1 Л 78

² РГИА Ф 1016 1871 Д 177 Л 1–17. Всподданнейший доклад К. И. Палена «О передаче дел о политических преступлениях из ведения судебных палат в Сенат» не датирован, но, судя по содержанию, написан после приговора нечаевцам, т. е. не раньше 11 сентября 1871 г.

³ ПСЗ Собр 2 Т 47 Отд 1 С 808–812

⁴ Там же С 811. Курсив мой.— Н Т

люции»¹. Приговоры ОППС не подлежали обжалованию по существу, на них допускались лишь кассационные жалобы в случае «нарушения закона» или «неправильного его толкования» при разборе дела². Главное же, сенаторский ареопаг судил революционеров не по закону, а по велению сверху, являя собой живописную иллюстрацию к народной пословице: «Вершено уставом, да верчено неправо».

Составляли ОППС первоприсутствующий и пять сенаторов, которых назначал сам царь по своему усмотрению³, разумеется, из числа наиболее одаренных карательными способностями, — «судьи-лакеи» и «судьи-палачи», как назвал их П. Л. Лавров⁴, а А. Ф. Кони колоритно, по личным впечатлениям, портретировал. Здесь и болезненный, страдавший припадками патологической злобы, «маленький, с шаткой походкой и трясущейся головой», палач и холоп П. А. Дейер, который «приобрел привычку после каждого дела со смертными приговорами получать из министерства юстиции крупную сумму для поправления своего драгоценного здоровья» и поэтому буквально «лез на стену», чтобы засудить обвиняемого⁵. Здесь и внешне корректный, но не уступавший Дейеру ни в холопской услужливости перед властями, ни в палаческой хватке Э. Я. Фукс (председатель суда по делу 1 марта 1881 г.). С 1870-х годов он «погрузился в тину слепого усердия по политическим дознаниям» и понукал к тому же своих коллег, взывая «лишить пропаганду почвы, вырвать с корнем ее побеги, погасить ее очаг»⁶. Здесь, наконец, и галерея менее именитых сенаторов, разных по умственным ресурсам, нравственным качествам, даже по образу мыслей,

---

¹ Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к Судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб, 1883 С 311

² Устав уголовного судопроизводства СПб, 1883 Ст 1061⁷

³ Учреждение Правительствующего сената СПб, 1886 Т 1 Ч 2 С 5, 13

⁴ Лавров П. Л. Избранные соч. на социально-политич. темы М, 1935 Т 4 С 39.

⁵ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т 2 С 216, 217, 313, 328, Т 8 С 100. В столь предприимчивых хлопотах о своем здоровье Дейер успел спроводить на виселицу и каторгу десятки революционеров нескольких поколений — от С. Г. Нечаева до И. П. Каляева

⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т 2 С 28, 38, 314

но одинаково подходящих под титуло «судья-лакей» и «судья-палач»,— таких, например, как подхалим Б. Н. Хвостов, для которого в каждом судебном деле важнее всего были не улики, не судейская совесть, а взгляд министра юстиции и одна-единственная забота: «А что скажет он?»¹, или как хамелеон Н. О. Тизенгаузен, который в молодости успел прослыть «красным» (говорили даже, что он сотрудничал в «Колоколе»), но «ввиду красного сенаторского мундира радикально переменял окраску» и стал таким черным, что адвокат-острослов А. Л. Боровиковский в 1877 г. сочинил о нем следующую эпиграмму:

Он был горячим либералом
Когда б, назад пятнадцать лет,
Он чудом мог полюбоваться
На свой теперешний портрет,
Он даже в спор с ним не вступил бы,
Сказал бы крепкое словцо
И с величайшим бы презреньем
Он плюнул сам себе в лицо²

Под стать сенаторам были и сословные представители, которых присоединяли к ОППС как делегатов от общества в таком составе. один из губернских и один из уездных предводителей дворянства, городской голова одного из губернских городов европейской России и один из волостных старшин Петербургской губернии. Все они тоже назначались на каждый год царем по спискам, которые с максимальной строгостью отбора готовили министр внутренних дел (по дворянским предводителям и городским головам) и петербургский губернатор (по волостным старшинам), а представлял на высочайшее усмотрение министр юстиции³ «Эти сословные представители, слитые в одну коллегия с судьями-чиновниками,— писал о них В. И. Ленин в 1901 г.,— представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чинов-

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 36.

² Там же. С. 33–34.

³ Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1061⁴.

никам судебного ведомства»¹. Адвокат Л. А. Куперник подчеркивал, что среди остальных особенно печальна роль волостного старшины, «она вовсе не дает ему возможности не только проводить какие-либо воззрения, но и просто пикнуть»². Впрочем, власть подбирала для ОППС волостных старшин с *надлежащими* воззрениями. «Их послушность была восхитительна», — иронизировал С. М. Кравчинский, ссылаясь для примера на парголовского волостного старшину И. Зорина, который на процессе долгушинцев всякий раз, когда ставился вопрос о наказании тому или иному из подсудимых, твердил: «На каторгу! Пошлите их всех на каторгу!»³

Итак, с 1873 по 1878 гг. почти все политические процессы в России вершил суд ОППС. Из 52 дел тех лет только 15 слушались в других инстанциях, причем в судебных палатах — всего лишь три.

Между тем к 1878 г. власти уже признали «неудобства» в законе 7 июня 1872 г. Во-первых, неудобно было при большом числе судебных дел каждый раз (порою издалека) свозить подсудимых и свидетелей в Петербург: дела затягивались, расходы росли, а скопление в одном городе десятков и сотен «государственных преступников» облегчало их общение между собой и побегу. Во-вторых, разбор каждого мало-мальски значимого политического дела непременно высшим судилищем империи как бы возвышал подсудимых в глазах общества. Поэтому 6 апреля 1878 г. граф К. И. Пален внес в Государственный совет представление «Об изменении некоторых статей закона 7 июня 1872 г.». Министр предложил те дела, о которых не последует высочайшее повеление к разбирательству в ОППС или Верховном уголовном суде, передать вновь в местные судебные палаты с сословными представителями, как это и было предусмотрено уставами 1864 г.⁴ Государственный совет одобрил представление министра, а царь 9 мая 1878 г. утвердил, придав ему, таким образом, силу закона⁵.

---

¹ Ленин В И Полн собр соч Т 4 С 407

² Куперник Л А О судебном преобразовании Одесса, 1894 С 25

³ Степняк Кравчинский С М Россия под властью царей М, 1964. С. 121

⁴ Министерство юстиции за 100 лет (1802–1902) С 129

⁵ ПСЗ. Собр. 2 Т. 53 Отд. 1. С. 335–337.

Отныне судебные палаты занялись разбирательством политических дел гораздо чаще, нежели ОППС, и не отставали от сенаторов как «судьи-лакеи» и «судьи-палачи», тем более что в палатах оказался избыток своих фуксов и дейеров. Таков был председатель Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинников, почти вся деятельность которого выражалась «в неизменных каторжных приговорах по политическим делам,— заранее предрешенных и выносившихся им с беспощадной, чисто садистской жестокостью, независимо от того, имелись ли какие-либо улики против подсудимого или их не было»¹. Вспоминая о Крашенинникове много лет спустя, известный юрист Б. С. Утевский заметил: «Ему хорошо жилось бы при Гитлере. Наверное, он был бы начальником гестапо»². Впрочем, по воспоминаниям того же Б. С. Утевского, «Крашенинников не был исключением»³. Таковы же были председатели и других палат — Московской (А. Н. Попов), Киевской (Н. А. Котляревский), Харьковской (Н. Н. Крестьянов), Одесской (В. В. Давыдов). Они сами и младшие их коллеги не только не гнушались ради карьеры преступать, подтасовывать или обходить законы, но и завидовали более удачливым на этом поприще ловкачам, вроде устроителей Мултанского дела 1896 г.: «Создать и провести такое дело — ведь это прямо карьера!.. Виновных-то всякий упечет, а вот ты невинных закатай, да еще по такому преступлению, какого “не бывает”! В этом-то и штука! Значит, талант. И сразу далеко шагнет»⁴.

Правда, М. Л. Мандельштам утверждал, что судьи были очень разные: «Мы хорошо знали, что у одних судей дело кончится виселицей, у других — поселением, а у третьих — полным оправданием»⁵. Но «третьи» встречались лишь как исключения. Сам Мандельштам смог назвать в своей книге воспоминаний только Ф. Ф. Арнольда (с 1900 г. председатель

---

¹ Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 36.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 42.

⁴ Баринов А. Н. Из воспоминаний о Мултанском деле // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 154.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 274. Л. 8.

Киевской, а с 1904 г. — Московской судебной палаты), «человека очень умеренного, но корректного и приличного»¹, которого И. Г. Щегловитов именно за корректность и приличие, т. е., собственно, за гуманность спровадил в отставку. Другие источники называют еще саратовского судью Л. Я. Тейтеля, который отличался «самостоятельностью и политическим свободомыслием», а кроме того, оказался «единственным во всей России судьей-евреем», за что был тоже уволен Щегловитовым². Председатель же суда на первом в России крупном гласном политическом процессе по делу нечаевцев (1871 г.) А. С. Любимов либеральничал именно потому, что тот процесс был первым. Словом, лишь единицы из российских жрецов Фемиды подошли бы тогда под определение Цицерона: «Судья — это говорящий закон, а закон — это немой судья». Зато почти каждый из них заставлял вспомнить русскую народную мудрость: «Суд прямой, да судья кривой».

Что касается военных судов, то они вообще представляли собой категорию не правосудия, а расправы. С. М. Кравчинский имел все основания заявить, что эти суды «являются лишь узаконенными поставщиками палача: их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги»³. Разумеется, такие обязанности имели юридический декорум. Судили революционеров по указу от 5 апреля 1879 г. военные суды двух категорий: военно-окружные (в каждом военном округе) и временные военные (для срочного решения дел в местах, отдаленных от того города, где функционировал военно-окружной суд). Как военно-окружной, так и временный военный суд комплектовались из кадровых офицеров по назначению командующего войсками округа (для военно-окружного суда) и начальника дивизии (для суда временного). Председательствовал в военно-окружном суде непременно генерал, а в суде временном — старший офицер, командированный из состава военно-окружного суда⁴.

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 155.

² Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927. С. 49–50.

³ Степняк-Кравчинский С. М. Цит. соч. С. 131.

⁴ Военно-судебный устав. СПб., 1867. Разд. 2. Гл. 1.

Порядок прохождения политических дел через военные суды обеих категорий был одинаков. Его определял приказ военного министра от 8 апреля 1879 г., изданный в дополнение к военно-судебному уставу. Согласно этому приказу, любой генерал-губернатор «в тех случаях, когда преступление учинено столь очевидно, что не представляется надобности в предварительном разъяснении», мог предавать обвиняемых суду *без предварительного следствия*, сразу после жандармского дознания о самом факте преступления; военный прокурор, получив дознание, обязан был представить дело генерал-губернатору с заключением о передаче дела в суд *«не позже как в течение следующего дня»*; обвинительный акт прокурор должен был изготовить и предложить суду *«в течение суток»* по получении дела от генерал-губернатора; суд, получив от прокурора обвинительный акт, обязан был начать разбирательство дела *«немедленно и не позже как на следующий день»*; наконец, приговор полагалось объявить *в течение 24 часов* от начала суда¹.

Таким образом, главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась чисто воинская оперативность, неминуемо сопряженная в данном случае с крайней бесцеремонностью. Показательным в этом смысле было и предоставленное военным судам право не вызывать на судебные заседания свидетелей (по отдаленности их местожительства), а использовать показания, вытребованные у них на дознании или предварительном следствии (если таковое было)².

Военные судьи в царской России всегда и всецело соответствовали своему палаческому назначению. Генерал П. А. Кузьмин, в молодости революционер-петрашевец (отсидевший за это полгода в Петропавловской крепости), а в 1881–1884 гг. председатель Киевского военно-окружного суда, отправлявший по судебным приговорам в ту же Петропавловскую крепость революционеров нового поколения, все же был чуть ли не единственным исключением среди военных судей по своей

¹ Правительственный вестник. 1879. 10 (22) апреля Курсив мой.— Н Т

² Там же.

сравнительной гуманности¹. В 1884 г. по делу «12-ти» оч подписал приговор, в котором не оказалось ни одной виселицы, а фигурировала «лишь» каторга и ссылка, причем трое подсудимых были оправданы. Высшие власти в лице главы правительства Д. А. Толстого и военного министра П. С. Ванновского сочли такой приговор «весьма слабым» (начальник Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий назвал его «дамским»), а генерал Кузьмин был отрешен от должности². Прочие же военные судьи штамповали по делам о государственных преступлениях такие приговоры, которые жандарм Новицкий определил бы как вполне «мужеские».

Иногда политические по сути дела процессы слушались под видом уголовных в окружных и (на территории Сибири) губернских судах, если власти находили выгодным акцентировать преступление революционера (например, Сергея Нечаева или Веры Засулич) как уголовное и таким образом заклеить «крамолу» печатью уголовщины, или же если в предмете обвинения не было юридически «опознавательного знака» политики, как в рабочих процессах, вроде морозовского, ритуальных, типа мултанского. Одно такое, подспудно политическое дело рассматривалось даже в мировом суде³.

Разумеется, власти отлично сознавали политический смысл дел Сергея Нечаева или Веры Засулич, но умышленно выставили их уголовными, спекулируя в одном из них на факте, а в другом на попытке убийства, чтобы скомпрометировать перед обществом самих революционеров и способ их действий. Ради этого царизм рискнул передать столь громкие

---

¹ См. о нем: Из записок ген.-лейт. П. А. Кузьмина // *Русская старина*. 1895. № 2.

² *Шебалин М. П.* Клочки воспоминаний. М., 1935. Прил. 2. С. 303; «Народная воля» перед царским судом. М., 1931. Вып. 2. С. 32.

³ Так называемое дело об «охотнорядском побоище», то есть студенческой демонстрации в Москве 3 апреля 1878 г., участники которой были избиты при попустительстве полиции торговцами Охотного ряда. Власти квалифицировали это дело как «уличные беспорядки» и доверили его мировому суду. Политический характер дела вскрыли на суде обвиняемые (П. В. Гортынский и др.). См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 143. Ч. 2. Л. 44–53.

дела на суд с присяжными заседателями. Вообще же суд присяжных по уставам 1864 г. был отстранен от разбирательства политических дел. «Преступления государственные гораздо важнее и опаснее всех других преступлений,— читаем в официальном “рассуждении” к ст. 1032 Устава уголовного судопроизводства,— но по особому свойству своему они не всегда и не во всех членах общества возбуждают такое отвращение, какое возбуждают другие преступления», более того — «для многих людей <...> вместо строгого, вполне заслуженного осуждения встречают сочувствие»; поэтому «предоставить присяжным разрешение вопроса о преступности или не преступности учений и действий» революционеров «значило бы оставить государство, общество и власти без всякой защиты»¹.

«Суд улицы», как метко назвал институт присяжных заседателей М. Н. Катков², был (при всех его недостатках) самым демократическим учреждением судебной системы царизма, единственным в ней действительно независимым представителем общества. По уставам 1864 г. присяжные заседатели избирались «из местных обывателей всех сословий» при довольно умеренном имущественном цензе (доход или жалованье не менее 200 руб. в год). В каждом уезде местные земские комиссии составляли списки присяжных (от 200 до 400 на уезд), из которых для очередного судебного заседания назначались по жребию 30 заседателей и трое запасных, а из них в начале суда тоже по жребию — окончательный состав присутствия присяжных из 12 заседателей и 2 запасных³. В число их обычно попадали чиновники низших (до XIV включительно) классов Табели о рангах, учителя, лица свободных профессий, торговцы, «хозяйственные» крестьяне, т. е. представители средних слоев населения и мелкобуржуазной интеллигенции, зачастую настроенные против деспотического режима. Такие присяжные заседатели могли вызывающе

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. 2. С. 391.

² Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1883 г.). М., 1898. С. 170, 186, 190.

³ Учреждение судебных установлений. Кн. 1. Ст. 81–89.

оправдать заведомого государственного преступника. Это и показал оправдательный вердикт присяжных по делу Веры Засулич 31 марта 1878 г., после которого царизм уже не доверял больше присяжным заседателям ни одного политического дела — даже под видом уголовного. Мало того, после оправдательного приговора присяжных заседателей 27 мая 1886 г. по делу о стачке морозовских ткачей власти перестали доверять суду присяжных и дела о «рабочих беспорядках».

М. Е. Салтыков-Щедрин язвительно подытожил все это при описании судебного процесса в «Современной идиллии»: «Присяжных заседателей не было никого, потому что процесс был политический, а у присяжных заседателей политического смысла не полагается»¹.

Итак, мы познакомились со всеми категориями судов, где в 1866–1904 гг. шли политические процессы при участии адвокатуры. Против приговоров мирового суда, окружного или губернского суда без участия присяжных заседателей и судебной палаты без участия сословных представителей допускались апелляционные протесты и жалобы в вышестоящие инстанции (соответственно — в уездные съезды мировых судей, судебные палаты и кассационный департамент Сената). Приговоры окружного суда с присяжными заседателями, судебной палаты с сословными представителями и ОППС считались окончательными и могли быть обжалованы только в кассационном порядке. Такие жалобы рассматривал верховный кассационный суд империи, т. е. Сенат в лице двух кассационных департаментов — гражданского и уголовного. Весь состав обоих департаментов назначался царем по представлению министра юстиции².

Когда В. И. Ленин говорил, что «юристы — самые реакционные люди»³, он имел в виду главным образом, конечно, судей и, в особенности, прокуроров. По уставам 1864 г. прокуратура была включена в судебное ведомство, но имела особую организацию. Во главе ее был поставлен генерал-проку-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 15. С. 254.

² Учреждение Правительствующего Сената. СПб., 1886. Т. 1. Ч. 2. С. 3.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 171.

пор, он же и министр юстиции¹. При Сенате состояли обер-прокуроры кассационных департаментов, при судебных палатах и окружных судах — свои прокуроры. Каждого из них назначал царь по представлению министра юстиции². В съездах мировых судей прокурорские обязанности осуществлял один из товарищей (заместителей) прокурора окружного суда. Прокуратура в царской России была призвана стоять на страже интересов правительства и, ради этого, ограничивать применение демократических институтов и принципов судебной реформы 1864 г. В этом смысле она непосредственно и жестоко противостояла адвокатуре. «Адвокаты — уполномоченные общества, прокуроры — государства», — так определил смысл этого противостояния адвокат М. Л. Гольдштейн³.

Кадры российской прокуратуры в то время подбирались сверху не просто из «самых реакционных людей», но и самых жестокосердных. Типичны были фигуры уже знакомых читателю Н. В. Муравьева и И. Г. Щегловитова, каждый из которых дослужился на обвинительном поприще до поста министра юстиции. В дополнение к сказанному о них ранее отмечу здесь, что именно Муравьева Щедрин осрамил в десятом из своих «Писем к тетеньке» под именем «надворного советника Сенички», мастера «щипать людскую корпию», хватать и судить хотя бы и случайно попавшихся («на то война-с!»), ибо, мол, все равно «довольно останется!»⁴. В архиве А. Ф. Кони собраны вырезки из газет о жизни и смерти Муравьева, хранящиеся в конверте, на котором рукой Анатолия Федоровича начертано: «Мерзавец Муравьев»⁵. Еще одиознее была репутация Ивана Щегловитова — палача и «растлителя юстиции», которого адвокаты называли за глаза «Ванька-Каин»⁶.

Под стать тому и другому были и такие прокуроры-

---

¹ Учреждение судебных установлений. Кн. 1. Ст. 124.

² Там же. Ст. 219, 221.

³ Гольдштейн М. Л. Принципы организации адвокатуры. СПб., 1900. С. 15.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 431, 433.

⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 441. Л. 38.

⁶ Утевский Б. С. Указ. соч. С. 31.

«каины», как В. К. Плеве (будущий министр внутренних дел), который с начала и до конца своей карьеры воплощал в себе всего лишь «умного, хитрого, бессовестного полицейского»¹; В. А. Желеховский (карьерист и фанфарон, «судебный наездник», «воплощенная желчь»²) или С. С. Жихарев — этот, по мнению известного трубадура реакции князя В. П. Мещерского, «настоящий Баярд без страха и упрека»³, а в оценке А. Ф. Кони, изувер, «для которого десять Сахалинов, вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 70-х годов злодейство по отношению к молодому поколению»⁴. Таков же был прокурор Н. А. Неклюдов. В молодости он, как и судья-генерал П. А. Кузьмин, посидел в Петропавловской крепости (за участие в студенческих волнениях 1861 г.), но изловчился, подобно сенатору Н. О. Тизенгаузену, из «красного» стать самым «черным» и карьеру свою, так нескладно начатую в тюремной камере, благополучно завершил в кресле директора департамента полиции. Все они не только не уступали судьям, но, напротив, превосходили их и в жестокости, и в пристрастии к подсудимым, предъявляя такие обвинения и требуя таких наказаний, которые даже Э. Я. Фукс и П. А. Дейер иной раз умеряли.

Еще большим карательным рвением отличались *военные* прокуроры — свирепствовавший в 1870–1880-е годы генерал В. С. Стрельников («Торквемада деспотизма», по выражению С. М. Кравчинского⁵, и «прокурор-паук», как называл его А. Ф. Кистяковский⁶) и заявивший о себе к 1905 г., тоже генерал, «торквемада» и «паук» В. П. Павлов, а рядом с ними целый зоопарк инквизиторов меньшего калибра: это и О. К. Щербович («сама 249 статья»⁷), и М. С. Жолкевич, и П. П. Прохо-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 34.

² Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 59, 64.

³ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2 (1865–1881). СПб., 1898. С. 401, 402.

⁴ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 317.

⁵ Стеняк Кравчинский С. М. Цит. соч. С. 115.

⁶ ЦГИА Украины. Ф. 263. Оп. 1. Д. 26. Л. 41.

⁷ Панкратов В. С. К процессу «12 ти» 1884 г. в Киеве // Былое. 1907. № 2. С. 308. Ст. 249 Уложения о наказаниях предусматривала смертную казнь.

ров, и, наконец, два представителя известных русских фамилий — сын первого историка войны 1812 г. и брат революционера-петрашевца И. Д. Ахшарумов и отец эсера-террориста В. М. Савинков.

Были, конечно, и среди прокуроров 1866–1904 гг. исключения по своей гуманности и профессиональной честности. Кроме А. Ф. Кони, который в политических процессах как прокурор никогда не участвовал, и тех прокуроров, которые ушли в адвокатуру (П. А. Александров, С. А. Андреевский, В. И. Жуковский), можно назвать еще В. А. Половцова. Родной брат известного государственного деятеля и организатора Русского исторического общества А. А. Половцова, он, по воспоминаниям А. Ф. Кони, был «настоящим прокурором судебной палаты» в лучшем смысле этого понятия, поклонялся только одному богу — закону и «не искал случая отличиться в глазах властей предрежащих»¹.

Как правило же, прокуратура всегда искала именно такого случая, а власти предрежащие позыв к этим исканиям поощряли. Прокуроры угодничали перед министрами, а те — перед царями, либо даже перед царскими временщиками, вроде прямолинейно-грозного диктатора П. А. Шувалова, слывшего «Петром IV» и «Аракчеевым II»², или хитроумно-изворотливого «субалтерн-императора» М. Т. Лорис-Меликова, о котором говорили: «Мягко стелет — жестко спать, Лорис-Меликовым звать»³.

Из шести сменившихся за 40 лет после судебной реформы министров юстиции только один — *первый!* — (Д. Н. Замятин) был либералом. Остальные всегда в принципе отвергали либеральные послабления — отвергали все, будь то умный, юридически образованный и «безобидный» (по личным впечатлениям А. Ф. Кони⁴) Д. Н. Набоков, при котором были казнены по судебным приговорам 35 революционеров; и настолько тупой, что глупость его «ежедневно принимала пора-

---

¹ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 280.

² Тютчев Ф. И. Соч. В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 186.

³ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 94.

⁴ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 285.

зительные размеры»¹, малосведущий и в русских законах, и даже в русском языке К. И. Пален, о котором ко времени его назначения министром юстиции «только и было известно, что он по министерству юстиции никогда не служил»². Каждый из них ставил выше закона волю (иногда просто личную прихоть) царя, а цари — любой из трех последних: и Александр II, прозванный в нелегальной печати «Вешателем», и Александр III, «этот, — по выражению Марка Твена, — каменосердый, кровожадный маньяк всяя Руси»³, и Николай II, по прозвищу «Кровавый», — толкали своих министров на борьбу с «крамолой» любой ценой, хотя бы и в обход, и через попрание собственных законов, а при желании, как мы увидим далее не единожды, лично воздействовали на судебное разбирательство и на его результат.

Итак, законы, учреждения и кадры царской юстиции изменились в пореформенной России по сравнению с дореформенным временем больше на словах, чем на деле. А. С. Хомяков и через 40 лет после судебной реформы мог бы повторить строки, с которыми он обратился к России в 1854 г.:

В судах черна неправдой черной
И всякой мерзости полна⁴

Тем труднее было российской адвокатуры — в условиях «неправды черной» и «всякой мерзости» — бороться, действовать, существовать.

Дело в том, что с первых же шагов адвокатуры царизм начал преследовать ее не только как правовой институт, но и просто как средоточие неблагонадежных элементов, потенциальных, если еще не раскрывшихся врагов, вдвойне опасных потому, что они держатся почвы закона⁵. Уже в 1869 г. III от-

¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова М., 1966. Т. 1 С. 15.

² Три века М., 1913 Т. 6 С. 223

³ Твен М. Собр. соч. В 12 т. М., 1961 Т. 12 С. 611

⁴ Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. Л., 1988 Т. 1 С. 495

⁵ Русские адвокаты грустно шутили, что «ссылка на закон в глазах нашей власти есть первый признак "неблагонадежности"» (Маклаков В. А. Из воспоминаний Нью-Йорк, 1954 С. 220)

деление доложило царю о присяжных поверенных. «К корпорации последних стали в особенности примыкать лица, недовольные правительством»¹. С тех пор и до 1917 г. царский сыск держал чуть ли не всю корпорацию, включая ее корифеев, под своим недреманным оком, вовремя подводя самых недовольных и под карающий меч.

В архивах III отделения и департамента полиции хранятся *специальные* досье о «наблюдении» за В. Д. Спасовичем (1869–1898)², Д. В. Стасовым (1879–1900)³, А. А. Иогансенем (1894–1904)⁴, Н. Д. Соколовым (1898–1903)⁵, Н. К. Муравьевым (1898–1903)⁶, Л. А. Куперником (1898–1905)⁷, А. М. Александровым (с 1900 г.)⁸, М. Л. Мандельштамом (1900–1906)⁹, В. А. Мактаковым (1900–1909)¹⁰, Н. В. Тесленко (1900–1910)¹¹, В. В. Беренштамом (1901–1907)¹², П. Н. Переверзевым (1902–1905)¹³, С. Е. Кальмановичем (1902–1907)¹⁴, А. С. Гольденвейзером (с 1902 г.)¹⁵, Н. П. Шубинским (1903–1904)¹⁶ и *многими* другими. Из других документов царского сыска явствует, что под жандармским надзором в разное время находились десятки адвокатов, в том числе А. М. Унковский (1872, 1879 гг.), Ф. Н. Плевако (1872–1873), А. И. Урусов (1872–1875), Н. П. Карабчевский (1878, 1899, 1903), П. А. Александров (1879), А. С. Зарудный (1904). Только в тетрадах агента-разведчика «Народной воли» Н. В. Клеточникова за 1879 г. назва-

¹ Красный архив 1925 Т 1 С 229

² ГАРФ Ф 109 Секр архив III отд Оп 1 Д 888, 1742; Оп 3 Д 1045; Ф 102 00 1898 Д 14 Ч 6

³ Там же Ф 102 00 1900 Д 1130

⁴ Там же Ф 102 3 д-во 1894 Д 243

⁵ Там же Ф 102 00 1898 Д 318

⁶ Там же Д 362

⁷ Там же 1900 Д 386

⁸ Там же Д 590

⁹ Там же Д 387

¹⁰ Там же Д 1003

¹¹ Там же Д 680

¹² Там же 1901 Д 938

¹³ Там же 1902 Д 1479

¹⁴ Там же 1904 Д 965

¹⁵ Там же 1902 Д 768

¹⁶ Там же 1903 Д 2006

ны 11 присяжных поверенных, за которыми III отделение вело слежку (среди них — В. Н. Герард, Г. В. Бардовский, Е. И. Утин, А. А. Ольхин, В. Ф. Леонтьев, Н. М. Соколовский, А. А. Черкесов¹).

Недреманное око царизма не упускало из виду и провинциальных, даже малоизвестных адвокатов. В «алфавитах» и «списках» тех, кто жил под надзором полиции, значились присяжные поверенные и их помощники Г. А. Клеменц, А. С. Лялин, О. Г. Гиршфельд (Самара), А. А. Карелин (Нижний Новгород), Г. Ф. Кудрявцев (Казань), В. Л. Глинка (Смоленск), С. А. Петровский (Киев), Н. В. Левитский (Одесса), В. М. Журавский (Вильно), Г. Н. Прозрителев (Ставрополь), И. И. Хорзеев (Череповец). В Самаре к 1892 г. было 12 присяжных и 5 частных поверенных да несколько их помощников, и «почти половина из них по политическим мотивам находилась под негласным надзором полиции»².

Поднадзорные адвокаты часто подвергались обыскам и арестам, иногда с последующей высылкой — вплоть до Западной и Восточной Сибири. Из выдающихся адвокатов так пострадали А. И. Урусов в 1872 г., С. М. Неклюдов в 1877 г., В. Ф. Леонтьев в 1878 г., Г. В. Бардовский в 1879 г., Д. В. Стасов в 1879 и 1880 гг., Н. Д. Соколов в 1896 и 1903 гг., В. В. Беренштам в 1897 г., Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко, А. А. Иогансен в 1898 г., А. А. Никонов в 1901 г., М. Ф. Волькенштейн в 1902 г., П. Н. Переверзев, С. С. Анисимов, Ф. А. Волькенштейн в 1904 г., Е. И. Кедрин, М. Б. Ратнер, С. Е. Кальманович в 1905 г., М. Л. Мандельштам в 1906 г., А. С. Зарудный в 1907 г. Только из Москвы за два года (1902–1904), пока министерством внутренних дел управлял В. К. Плеве, были высланы 12 адвокатов³. В Иркутске в 1906 г. был арестован весь состав совета присяжных поверенных⁴.

По моим (полагаю, неполным) подсчетам, 64 адвоката в

---

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 170, 174, 176–177, 195, 206, 222.

² *Стерник И. Б. В. И. Ленин — юрист.* Ташкент, 1969. С. 83.

³ *Хроника // Право.* 1904. № 44. С. 3059.

⁴ ИРА. Т. 1. С. 450.

разное время были преданы суду за «государственные преступления»: из них 23 (в том числе Е. И. Кедрин, С. А. Муромцев, М. М. Винавер, А. Р. Ледницкий, А. А. Токарский) — по громкому делу о Выборгском воззвании 1906 г.¹ и 25 (среди них Н. Д. Соколов, А. Ф. Керенский, Ф. А. Волькенштейн, Б. Г. Лопатин-Барт) — по т. н. «адвокатскому процессу» 1914 г. в связи с протестом общего собрания присяжных поверенных Петрограда против возбуждения провокационного дела М. Т. Бейлиса (суд квалифицировал этот протест как «наглое обвинение государственной власти»²). Вместе с революционерами судились³ А. Н. Калачевский (процесс нечаевцев 1871 г.), Е. С. Семяновский (дело С. П. Богданова и др. 1876 г.), И. Г. Спесивцев (процесс «193-х» 1877–1878 гг.), А. А. Ольхин (дело Л. Ф. Мирского 1879 г.), А. И. Маков (дело В. Г. Лазарева и др. 1886 г.), Г. С. Носарь (Хрусталеv) (дело Петербургского совета рабочих депутатов 1906 г.), А. Е. Феодосьев, Б. Ф. Тарасов и Д. З. Чиабров (дело о покушении на Николая II 1907 г.), В. А. Жданов (дело Московской организации РСДРП 1907 г.), И. З. Дижур (дело Киевской организации РСДРП 1907 г.), С. А. Волинский (дело Минского комитета Всероссийского железнодорожного союза 1908 г.), А. С. Чумаевский (дело Саратовского отделения Всероссийского крестьянского союза 1908 г.). А. И. Гиллерсон в 1909 г. был осужден за антиправительственные высказывания в защитительной речи. Неясно, по какому делу оказался на скамье подсудимых в 1908 г. помощник присяжного поверенного Б. В. Авилов⁴. Царский суд некоторых адвокатов оправдал, большинство — препроводил в тюрьмы и ссылку, а Семяновского и Жданова — на каторгу.

---

¹ Выборгский процесс. СПб., 1908 С 177

² ИРА Т 1 С 463, 465

³ Не считая тех, кто был судим по политическим делам еще до начала своей адвокатской карьеры В. П. Гаевского и А. А. Черкесова (процесс «32-х» 1862 г.), М. Н. Милоголовкина (процесс «193-х»).

⁴ Невский В. И. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. М.; Пг., 1923 Вып. 1 С 23–24.

А вот факт особый: 18 декабря 1905 г. помощник присяжного поверенного В. А. Тарарыков был расстрелян без суда и следствия карателями из отряда «диких собак»¹ полковника Г. А. Мина². Московский совет присяжных поверенных обратился было к прокурору Московского окружного суда с просьбой «произвести следствие о насильственной смерти» Тарарыкова, но прокурор ответил, что по этому поводу «с его стороны никаких распоряжений сделано быть не может»³.

Так относилась царская власть к самому институту и к людям российской адвокатуры. Таковы были политические и юридические условия, в которых боролись за право и правду адвокаты России.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 322.

² Мандельштам М. И. Указ. соч. С. 55.

³ 40-й отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1905–1906 гг. М., 1907. С. 30.

Адвокатура, общество, политика и культура

Положение адвокатуры в самодержавной России при враждебном отношении к ней, под надзором и преследованием государственной, полицейской и судебной власти было тем хуже, что она долго не имела поддержки со стороны общества. Напротив, общество относилось к ней, по крайней мере до конца 70-х годов, тоже неприязненно. Основания для этого были: даже в число присяжных поверенных (не говоря уже о частных адвокатах) нередко попадали люди, которые сами смотрели на адвокатуру как на «торговлю словом» и давали повод обществу судить о ней подобным же образом. Конечно, присяжные поверенные с такой репутацией, как у В. Д. Спасовича или Д. В. Стасова, П. А. Александрова или А. И. Урусова, В. Н. Герарда или С. А. Андреевского, В. И. Танеева или А. М. Унковского, не только не пятнали чести своего сословия, но и умели постоять за нее, изобличали «продажное негодование» и «наемную страсть» беспринципных краснобаев от адвокатуры¹. Однако до тех пор, пока адвокатура не блеснула выступлениями на громких политических процессах 1877–1878 гг., либеральное и даже радикальное общество судило о ней предпочтительно по образчикам «продажного негодования» и «наемной страсти» и, к вящему удовольствию реакции, травило ее.

Раньше всех начала и уже никогда не кончала травлю адвокатуры официозная, черносотенная пресса — в первую очередь, такие органы, как газета М. Н. Каткова «Московские

---

¹ Андреевский С. А. Драммы жизни. Пг., 1916. С. 4–5.

ведомости», которую адвокат К. К. Арсеньев в 1871 г. назвал «русской литературной полицией»¹, и журнал князя В. П. Мещерского «Гражданин», о котором И. С. Тургенев в 1872 г. написал. «Это, без сомнения, самый зловонный журналец из всех ныне на Руси выходящих»² Катков злобствовал против «трескучего дифирамба защиты» на политических процессах³, громил адвокатов за то, что они «возводили ряд обвинений на правительство»⁴, и считал полезным вообще заткнуть рот адвокатам при судоговорении о революционерах, причастных к царевубийству, ибо, мол, в таких делах «защитники должны исполнить возложенную на них обязанность единственно возможным образом: не говоря ни слова, поклониться суду и занять свое место»⁵. Мещерский же поносил и все «гноусное сословие» адвокатов как «присяжное жулье», и «блудливый адвокатский язык»⁶. Еще один публицист-охранитель, К. Н. Леонтьев, в связи с этим выругался даже по адресу Франции: «Ну уж и держава — с адвокатом вместо царя!»⁷

«Дикие крики озлобления» из лагеря «русской литературной полиции» адвокаты (по крайней мере, их лучшая и большая часть) могли воспринять по-некрасовски спокойно, как «звуки одобренья» Но к этим крикам неожиданно для адвокатов присоединился хор чуть ли не всей русской прессы Журнал Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки» только за 1875–1877 гг. посвятил адвокатуře два специальных очерка Щедрина («Между делом» и «Отрезанный ломоть»), около десятка статей и заметок

---

¹ Арсеньев К К За четверть века (1871–1894) Сб статей Пг, 1915 С 12 Сам Катков, которого А И Герцен в 1863 г назвал «публичным мужчиной вся Руси» (Герцен А И Собр соч В 30 т М, 1959 Т 17 С 143) с 60 х годов прослыл «гаильником мысли» и «литературным бандитом» (Маркс К, Энгельс Ф Соч Т 18 С 429, Короленко В Г Собр соч В 10 т М, 1956 Т 10 С 69)

² Тургенев И С Полн собр соч и писем В 28 т Письма М.; Л, 1965 Т 9 С 236–237

³ Московские ведомости 1878 № 199 (передовая статья)

⁴ Там же 1881 № 99 (передовая статья)

⁵ Там же 1881 № 83 (Письмо к издателю)

⁶ Гражданин 1884 № 9 С 5, № 22 С 14

⁷ Леонтьев К Н Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т 2. С. 46.

Г. З. Елисеева и анонимный фельетон «Перехваченные письма петербургского адвоката»¹ — все в остро критическом духе. Газеты и журналы разных направлений печатали злобные пасквилы на адвокатов (вроде фельетона Е. Л. Маркова «Софисты XIX века»²), изощрялись в сочинении ругательных кличек по их адресу («прелюбодеи мысли», «брехунцы», «прокаты», «двукаты»), предлагали даже (как, например, «Неделя» в № 7 и «Голос» в № 136–137 за 1875 г.) во имя общественного блага упразднить адвокатуру. Демократический журнал «Дело» (редактор — Г. Е. Благодетель) молил Бога «избавить нас от саранчи и адвокатов»³.

Суждение об адвокатах исключительно как о рыцарях наживы было в 70-е годы обиходным. Вот как наставлял юного В. Г. Короленко, только что окончившего гимназию, обыватель с жизненным опытом: «Сразу, значит, на проторенную дорожку? В чиновники? Нет? А куда же? В адвокаты? Гм. Это еще лучше. Куши, значит, хотите огребать? Правильно-с, молодой человек, очень правильно. Адвокаты действительно... народ благополучный»⁴.

До конца 70-х годов весьма распространенным было и уничижительное мнение о талантах русской адвокатуры. В 1875 г. некто В. В. Птицын (сам адвокат, «кислый, как лимон, и ядовитый, как змея», по выражению В. Д. Спасовича⁵) опубликовал в № 1–3 журнала «Наблюдатель» статью под названием «Древние адвокаты и наши присяжные Цицероны». Корпорация русских присяжных поверенных была здесь аттестована в сравнении с древней (а также современной западной) адвокатурой как «трактир для извозчиков» перед «высоким Олимпом, населенным богами». При том отношении,

---

¹ Щенников Г. К. Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // Русская литература 1870–1890 х гг. Свердловск, 1971. Сб. 4. С. 8

² Марков Е. Л. Собр. соч. СПб., 1877. Т. 1. Автор фельетона — видный публицист, критик и беллетрист умеренно-либерального направления, отец одного из главнейших черносотенных партий после 1905 г. Н. Е. Маркова, известного под кличкой Марков-валяй

³ Дело 1876. № 1. Калейдоскоп. С. 99

⁴ Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965. С. 282

⁵ Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 65

которое питали к адвокату в 70-е годы разные слои русского общества, такая оценка была в порядке вещей.

Присяжные поверенные болезненно переживали нападки на них общественного мнения. Даже царственно авторитетный в юридическом мире и независимый В. Д. Спасович и тот признавался на собрании петербургских адвокатов 30 апреля 1878 г.: «Я никогда не был поклонником и куртизаном *aureae popularis* (общественного мнения.— Н. Т.), но иметь ее постоянно против себя как-то неловко, она морозит, точно северный ветер, до мозга костей»¹. Особенно же ранило адвокатов то обстоятельство, что мнение общества подкреплялось авторитетом национальной литературы в лице таких ее классиков, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Ф. Писемский, позднее А. П. Чехов, и таких острословов, как Д. Д. Минаев и В. П. Буренин.

В очерке Буренина «Адвокат Орлецкий» (1874 г.) сатирически изображена вереница безнравственных, циничных и алчных даже по фамилиям адвокатов — *Наглев, Егозинский, Изъянов, Отъявленный*², а герой буренинского рассказа-гротеска «Дело о П. Д. Боборыкине» адвокат Декадент Младенцев так, публично и бесхитростно, рекомендует себя: «Я ничего другого не могу и не умею, как только символически в стихах и прозе, печатно и в речах ковырять в собственном носу и сосать собственный палец»³. Как правдивый собирательный образ присяжного поверенного был встречен в обществе сатирический герой эпиграмм Дмитрия Минаева адвокат Подтасович. Его жизненное кредо Минаев уместил в следующее двустишие:

Адвокат толкует. «Куш сорву я крупный;
Только бы попался мне субъект преступный»⁴.

Впрочем, Минаев пародировал не только адвокатов вооб-

¹ Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901) Лейпциг, 1903 С. 17.

² Жасминов Алексис граф [Буренин В. П.] Очерки и пародии. 2-е изд. СПб., 1895. С. 156

³ Жасминов Алексис граф [Буренин В. П.] Пипа и Пуся или горе от любви. 2-е изд. СПб., 1894 С. 249.

⁴ Минаев Дм. Не в бровь, а в глаз. СПб., М., 1883. С. 30, 285.

ще, но и некоторых светил адвокатуры персонально. Его перу принадлежат две эпиграммы на А. А. Ольхина и — цитированная ранее — на Ф. Н. Плевако¹.

Созвучны эпиграммам Минаева и еще более популярные строки из стихотворения-«трагикомедии» Н. А. Некрасова «Герои времени» (1875):

И содрав гонорар неумеренный,
Восклизал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»²

Таким же рвачом и циником выставлен адвокат Куницын в драме А. Ф. Писемского «Ваал» (1873). Он ненавидит миллионеров, потому что «завидно и досадно», и презирует собратьев по профессии: «Все ведь это брехачи: “Господа судьи, господа присяжные, внимлите голосу вашей совести!” А сам в это время думает: приведет ли мне Господь содрать с моего клиента побольше да повернее!»³ В то же время и в том же духе рисовал на страницах «Анны Карениной» своего безымянного «знаменитого петербургского адвоката» Лев Толстой. Этот адвокат «наряден, как жених», мелочен (во время разговора с клиентом ловит моль, беспокоясь о своей мебели), а главное, алчен: «блестит глазами и лаковыми сапожками» в предвкушении «неумеренного гонорара»⁴.

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. внушал читателям, что адвокат — это «обреченный на бессовестность человек»⁵. Тип такого адвоката картинно представлен Достоевским в образе «знаменитого Фегюковича», который блудословит на суде, описанном в четырнадцати

¹ Минаев Дм Не в бровь, а в глаз СПб, М., 1883. С. 60, 155

² Некрасов Н А Полн собр стихотворений М; Л., 1937 Т. 2. Кн 1 С 393. В черновике этого стихотворения против цитированных строк рукою Некрасова помечено «Утин» Между тем, по авторитетному свидетельству К. К. Арсеньева, «даже недоброжелатели Е. И. Утина, — а их было немало, — не пытались бросить тень на его адвокатскую добросовестность» (ИРА Т 1 С 227).

³ Писемский А Ф Собр соч В 9 т М, 1959 Т 9 С 378–379.

⁴ Толстой Л Н Полн собр соч М; Л., 1934 Т 18 С 386–389.

⁵ Достоевский Ф М Полн. собр художеств произведений. М.; Л., 1929 Т. 11. С. 195.

главах (1) заключительной книги романа «Братья Карамазовы»¹, и речь которого выделена в особую главу под названием «Прелюбодей мысли».

Больше же всего натерпелись русские адвокаты от М. Е. Салтыкова-Щедрина, который, хотя и дружил с некоторыми присяжными поверенными (А. М. Унковским, В. И. Таеёвым, А. Л. Боровиковским, В. П. Гаевским), адвокатуру не любил и злословил ее — по материалам почти исключительно уголовных процессов — как «помойную яму», оказавшуюся на месте задуманного «храма славы»². В сочинениях Щедрина 70-х (отчасти и 80-х) годов выставлена на посмеище галерея продажных и алчных адвокатов, которые «такие куши рвут, что даже еврей-железнодорожники зубами скрипят»³. здесь и Александр Иванович Хлестаков (сын гоголевского Ивана Александровича!) из «Дневника провинциала», и Перехобов из «Мелочей жизни», Тонкачев и Ловкачев из «Господ ташкентцев», «штук двадцать адвокатов», юродствующих на «политическом процессе» в Кашинском окружном суде, из «Современной идиллии» и самый искушенный из всех — Балалайкин из той же «Современной идиллии», имя которого стало нарицательным для обозначения всякой продажности и пустозвонства.

При этом и Достоевский, и Щедрин не ограничивались художественным осмеянием адвокатуры, а выступали в 70-е годы как публицисты против ее отдельных ошибок и отдельных же представителей (даже из числа самых авторитетных), когда эти последние соглашались защищать людей с репутацией, сомнительной в глазах общества (например,

---

¹ Достоевский Ф М Собр соч В 12 т М, 1982 Т 12 С 171–289 Л П Гроссман считал, что «знаменитый Фетюкович» буквально списан Достоевским с присяжного поверенного П А Александрова (Литературное наследство 1934 Т 15 С 102–103) Думается, точнее другая версия (см Утевский Б С Воспоминания юриста М, 1989 С 168) Достоевский пародировал в «Фетюковиче» В Д Спасовича, которого, кстати, и называли тогда не просто по фамилии, а с «титлом» — «знаменитый Спасович» (Чубинский М П Памяти В Д Спасовича // Вестник Европы 1909 № 1 С 153, Кони А Ф Собр соч В 8 т М, 1968 Т 5 С 113)

² Салтыков Щедрин М Е Полн собр соч М, 1940 Т 15 С 400

³ Там же Щедрин намекает здесь на С С Полякова — крупнейшего в России железнодорожного предпринимателя

Спасович — банкира С. А. Кронеберга, Герард — миллионера С. Т. Овсянникова)¹ Не зря Спасович сетовал на «пинки литературы». «Все в нас вцепились,— говорил он на собрании петербургских адвокатов в 1874 г.,— все нас ругают и хлещут, а первый между ними тот великий сатирик, который и есть единственный хороший прозаик нашей эпохи»².

Революционеры до конца 70-х годов тоже были предубеждены против адвокатуры, считая ее полностью зависимой от судебных властей, послушной им и в конечном счете выгодной (особенно на политических процессах) не столько для обвиняемых, сколько для обвинителей, как чисто формальное прикрытие беззакония. С этой позиции редакция газеты «Работник» в 1875 г. разоблачала «пошлость защитительных речей наших доморощенных Гамбетт и Жюль-Фавров — Спасовичей, Утиных, Урусовых и К^о»³. Лучшее из всех такой взгляд на адвокатуру выразил П. Л. Лавров «Они,— писал он об адвокатах в статье «Процесс» (по поводу процесса Долгушинцев 1874 г.),— секунданты в поединке, где заряженный пистолет в руках одного бойца, а другому они, именно они, должны дать в руку незаряженный пистолет, поставить его в позицию и совершить всю процедуру, как если бы оба противника были вооружены одинаково»⁴.

Лавров предупреждал революционеров, что русский адвокат фатально обречен на беспомощность перед властью. «Наш адвокат,— горько иронизировал он в статье «Готовящийся процесс» (1875), имея в виду начавшуюся подготовку процесса «193-х»,— может лишь, ради воображаемой пользы клиента, умалять его достоинство, по возможности унижать его нравственно, ползать у ног власти, восхвалять отсутствующую «правду и милость» в судах и подпускать искусно прикрытые изворотливым словом либеральные шпильки прокурору и судьям, которые давно облекли свою атрофиро-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. художеств. произведений. Т. 11. С. 191–215, Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 366–382, 595.

² Спасович В. Д. Застольные речи. С. 9.

³ Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875. С. 18.

⁴ Вперед! (Лондон). 1874. Т. 3. С. 195.

ванную совесть тройными обшивками из кожи носорогов или даже из железа мониторов...»¹

Итак, первым русским адвокатам довелось не только изыскивать возможности для действенной политической защиты в жестких рамках самодержавного «правосудия», но и растапливать лед недоверия, которым окружали их буквально все слои общества. При этом власть, естественно, учитывала и старалась утилизировать отношение общества к адвокату-ре, ибо, как выразился первый в России шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, «общественное мнение для власти — то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны»².

Корифеи адвокатуры многое делали тогда для того, чтобы склонить передовое общественное мнение на свою сторону. В справке по Министерству юстиции от 24 февраля 1875 г. сообщалось: «Некоторые из адвокатов <...>, несмотря на обширные свои занятия, находяг, однако, время принимать у себя учащуюся молодежь, помогают ей советами и даже деньгами, платят за право слушания лекций. К числу таких «гуманных», по выражению студентов, присяжных поверенных причисляют гг. Утина, Спасовича, Герарда, Люстиса, Потехина, Ольхина и Павлинова»³. 31 октября 1877 г. 16 петербургских адвокатов вместе с другими представителями либеральной интеллигенции (издатель М. М. Стасюлевич, журналист В. Ф. Корш и др.) заключили договор «товарищества на вере» об издании ежедневной газеты «Северный вестник». По этому договору присяжный поверенный Е. В. Корш (сын В. Ф. Корша) стал «ответственным полным товарищем», издателем газеты, а все остальные — вкладчиками⁴. В число вкладчиков вошли В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев, В. Н. Герард, А. М. Унковский, В. И. Танеев, П. А. Потехин, Г. В. Бардовский, А. Я. Пассовер, Е. И. Утин, А. А. Герке, К. Ф. Хартула-ри. «Газета права, политики и литературы», как определили

¹ Лавров П. Л. Избр. соч. на соц.-политические темы. М., 1935. Г. 4. С. 41.

² Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 141.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 94. Л. 2 об. (все фамилии в документе подчеркнуты). Павлинов Николай Михайлович — присяжный поверенный с 1869 г.

⁴ ИА СПб. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 8. Л. 356–359.

профиль «Северного вестника» адвокаты, выходила недолго: уже 6 апреля 1878 г. царизм закрыл ее. Но за 5 месяцев своего существования она успела поднять и правовое (а также политическое) сознание своих читателей, и авторитет отечественной адвокатуры, за что, собственно, и была закрыта.

Кстати, через два десятилетия, в 1898 г. адвокаты Петербурга по аналогичному договору «товарищества на вере» наладили издание юридического и политического еженедельника «Право», который выходил 19 лет и сыграл выдающуюся роль в распространении объективной информации о политической и правовой обстановке в стране, об адвокатуре вообще и ее выступлениях на политических процессах в частности. Состав пайщиков этой газеты «украшали все светила петербургской адвокатуры — Герард, Люстиг, Карабчевский, Миронов, Пассовер, Потехин...»¹

Главное же, адвокатура завоевала признание общественности и печати своими выступлениями на больших политических процессах 1877–1878 гг. (участников Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х») и по делу Веры Засулич. После этих процессов авторитет адвокатуры, как мы увидим далее, необычайно возрос. Нападки на нее в обществе и в печати (не репутильной) прекратились. «На нас перестали кричать, — отметил В. Д. Спасович на собрании петербургских адвокатов 30 апреля 1878 г. — Притихли даже дальние раскаты грома»².

Правда, писатели-беллетристы (включая классиков) продолжали изображать адвокатов в традициях Достоевского и Щедрина — сатирически, уничижительно, зло. Но, во-первых, таких писателей стало меньше. Если не считать талантливого, но реакционного В. П. Буренина и бездарных деятелей т. н. «антинигилистической литературы», вроде Б. М. Маркевича, можно назвать за все последующее время до 1917 г., пожалуй, только трех-четырех мастеров слова, ко-

---

¹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 148. Здесь же Гессен пишет, что именно зачинатель «Права» присяжный поверенный А. И. Каминка как «тонкий юрист» «выработал очень удачную конструкцию *товарищества на вере*, она и была усвоена впоследствии целым рядом журнальных предприятий». Отсюда явствует, что Гессен не знал или забыл о прецеденте «Северного вестника».

² Спасович В. Д. Застольные речи. С. 18.

торые художественно и, надо признать, настойчиво разоблачали адвокатуру как явление отталкивающее, ущербное, вредное, не касаясь, однако, ни в малейшей степени ее участия в политических процессах.

Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Семья Бахаревых» (1878 г., ранний вариант «Приваловских миллионов») предал суду читателей «беспринципного адвоката Любавина»¹, в бытовой хронике «Золотопромышленники» (1887) — циника и пройдоху Белоносова, о котором говорят: «уж больно из себя увертлив»², а в романе «Хлеб» (1895) — адвоката-хищника Мышникова, который на всевозможных аферах «раздулся, как клещ в собачьем ухе»³. У А. П. Чехова за 80–90-е годы можно насчитать с десяток произведений⁴, в которых действуют сплошь циничные, увертливые, ничтожные адвокаты, как, например, Кочевой из повести «Три года», обладающий «необыкновенной способностью говорить долго и серьезным тоном о том, что давно уже всем известно»⁵, или безымянный адвокат из сценки «Ряженные», который фарисейски защищает на суде обвиняемую (кажется, «если ее обвинят, он умрет с горя»), а сам думает: «Дай мне истец сотней больше, я упек бы ее!»⁶. Л. Н. Толстой на страницах «Воскресения» (1889–1899) изобразил трех пройдошливых адвокатов — двух безымянных и Анатолия Петровича Фонарина, который вызывал «непреодолимое отвращение» не только к себе самому, но и к своей жене, «страшно безобразной, костлявой, желтой»⁷. Наконец, А. М. Горький в романе «Жизнь Клима Самгина», написанном уже после 1917 г., но по дореволюционным впечатлениям, показал вереницу таких же адвокатов (Маков, Правдин, Гусев, Магнит и др.) во главе с самим Самгиным — типом «внутренне пустого балалайкинства», кото-

---

¹ Русская литература 1870–1890-х годов. Свердловск, 1971. Сб 4. С. 29.

² Мамин Сибиряк Д. Н. Собр. соч. В 10 т. М., 1958. Т. 6. С. 376.

³ Там же. Т. 9. С. 264.

⁴ «Ряженные» (1883), «Роман адвоката» (1883), «Сонная одурь» (1885), «В суде» (1886), «Ненастье» (1887), «Рассказ неизвестного человека» (1892), «Бабы царство» (1894), «Три года» (1895), «У знакомых» (1898).

⁵ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. М., 1977. Т. 9. С. 67.

⁶ Там же. Т. 2. С. 8.

⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 74, 154–155, 158.

рый «как поплавок, плавает на волне: волна высоко — и он высоко, волна вниз — и он вниз»¹.

С другой стороны, и в художественную литературу начали входить положительные образы адвокатов. В романе С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», который был впервые издан на английском языке в 1889 г., а на русском в 1898 г., присяжный поверенный Григорий Александрович Репин — отец одной из главных героинь романа, жены Андрея Тани Репиной — представлен симпатичным, честным, передовым человеком, сочувствующим и содействующим освободительному движению, особенно после того, как он выступил защитником на одном из политических процессов народников и проникся «теплыми личными симпатиями <...> к этой благородной и отважной молодежи»².

Очень сочувственно, по материалам и личным впечатлениям от судебных процессов над революционерами 70–80-х годов описано выступление группы адвокатов на политическом процессе в повести С. В. Ковалевской «Нигилистка» (1892): «Не легкое дело быть защитником в политическом процессе <...> Но к чести адвокатского сословия надо сказать, что в его среде всегда находились люди, достаточно великодушные, чтобы отдать себя в распоряжение обвиняемых без всякой даже надежды на вознаграждение. Так было и в данном случае. Они и не думали о том, чтобы выгородить своих клиентов, отрицая всякое их участие в революционном движении. Они довольствовались тем, что рисовали в самом выгодном свете мотивы их действий, развивали смелые теории и нередко позволяли себе выражения, которые были бы немыслимы во всяком ином процессе, кроме политического. Председатель суда не раз пробовал прерывать их. Но все усилия его были тщетны: минуто спустя они возвращались к прежнему и высказывали мысли, еще более смелые и решительные»³.

Публицистика (исключая официозную) вообще перестала

---

¹ Луначарский А. В. Собр. соч. В 8 т. М., 1964. Т. 2. С. 137. Ранее, в романе «Мать» (1906) Горький тоже выставил ряд безымянных и бесцветных адвокатов (Горький М. Собр. соч. В 16 т. М., 1979. Т. 4. С. 290).

² Степняк Кравчинский С. М. Избранное. М., 1972. С. 101, 102.

³ Ковалевская С. В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 205–206.

злословить адвокатуру. Более того, с конца 70-х годов радикальные круги общества уже не стеснялись открыто выразить адвокатуře свои симпатии. Так, 14 марта 1878 г. после оправдательного вердикта в одесском военно-окружном суде по делу революционера-народника Г. И. Фомичева «толпа студентов отправилась к квартире защитника Я. И. Вейнберга и устроила ему овацию»¹. 9 марта 1903 г. после суда над участниками Батумской рабочей демонстрации 1902 г. овацию защитникам демонстрантов (Н. К. Муравьеву, Л. Н. Андроникову, А. А. Иогансену и др.) устроили на вокзале Батуми уже толпы рабочих под красным флагом и с криком «ура»².

Авторитет адвокатуры становится настолько высок, что в нее вступают прогрессивно мыслящие и разносторонне одаренные люди, причем иногда не юристы, а деятели науки, литературы, искусства. Заметим здесь, что еще до того, как определилось их главное жизненное призвание, адвокатами были писатель Леонид Андреев, поэт Ян Райнис, литературовед С. А. Венгеров, драматург и режиссер, известный мемуарист А. Р. Кугель, идеолог революционного народничества П. Н. Ткачев, экономист Н. Ф. Анненский, великий артист Л. В. Собинов «Собирался стать адвокатом-криминалистом» и ради этого в 1898 г. поступил на юридический факультет Киевского университета А. А. Богомолец (будущий академик-патолофизиолог)³.

По воспоминаниям Л. Н. Андреева, его адвокатская практика оказалась недолгой и бедной: «Было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит»⁴. Зато послужной список адвоката Л. В. Собинова, хранящийся в архиве Леонида Витальевича, насчитывает 17 уголовных и 59 гражданских дел за время с 9 января 1896 по 16 декабря 1897 г.⁵ Зачислен был Собинов в адвокатуру как помощник

---

¹ Северный вестник 1878 15(27) марта О том же Община 1878 № 3-4 С. 31

² Хроника // Право 1903. № 14 С. 1049

³ Пицый Н. Е. А. А. Богомолец М., 1970 С. 35

⁴ Леонид Андреев (Автобиографические мат-лы) // Русская литература XX в. (1890-1910) М., 1915 С. 242

⁵ РГАЛИ Ф. 864 Оп. 1. Д. 1005

присяжного поверенного (к самому Ф. Н. Плевако) 27 октября 1895 г.¹ и совмещал адвокатскую практику с певческой (в 1892–1897 гг. занимался в Московском филармоническом училище, 24 апреля 1897 г. дебютировал в Большом театре), а 27 мая 1915 г. уже в зените своей всемирной артистической славы был принят в число присяжных поверенных округа Московской судебной палаты².

История отечественной адвокатуры должным образом еще не отметила факт, который украшает ее: 16 июля 1866 г. на заседании военно-полевого суда по делу рядового Василия Шабунина, оскорбившего действием офицера, выступил как защитник — единственный раз в своей жизни — Лев Толстой³. Его защитительная речь была строго юридической, но и достаточно эмоциональной (сам Лев Николаевич расплакался в конце ее⁴), однако суд не внял ни доводам, ни чувствам защитника — солдат был расстрелян. Почти полвека спустя, в 1908 г. Толстой вспоминал: «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все казущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе. даже потеря близких людей»⁵.

Общеизвестен, но до конца еще не исследован другой феномен, вписанный в историю российской адвокатуры, — деятельность В. И. Ленина как адвоката. По окончании (экстерном) юридического факультета Петербургского университета Ленин 30 января 1892 г. был зачислен в корпорацию адвокатов по Самарскому округу помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина и за 1892–1893 гг. провел на Самарщине 19 защит по уголовным и гражданским делам (почти исключи-

¹ РГАЛИ Ф 864 Оп 1 Д 1004 Л 1 (Свидетельство) Собинов навсегда сохранил чувство глубокого уважения к Плевако 9 ноября 1928 г. он писал сыну, адвоката Сергею Федоровичу «Я считаю прекрасной Вашу мысль устроить вечер памяти покойного Федора Никифоровича» (там же Д 291 Л 1)

² РГАЛИ Ф 864 Оп 1 Д 1004 Л 3 (Свидетельство)

³ Овсянников Н. П. Эпизод из жизни гр. Л. Н. Толстого М., 1912 Текст защитительной речи Толстого по этому делу опубликован в его Полн. собр. соч. (Т 37 С 473–477) Подробно см. Троицкий Н. А. Л. Н. Толстой в роли адвоката // Государство и право 1998 № 7

⁴ Маковицкий Д. П. У Толстого (1904–1910) М., 1979. Кн. 1 С 308

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т 37 С 67.

тельно крестьян и рабочих)¹. В. К. Шелагинов недавно установил, что в Петербурге Ленин (уже в качестве помощника присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна) вел, «по преимуществу, увечные дела рабочих» и — первым в России — стал давать бесплатные юридические консультации для рабочих (только для них)². Адвокатскими делами Ленин занимался и позднее, в сибирской ссылке 1897–1899 гг. «Был адвокатом подпольным», — вспоминал об этом Владимир Ильич³.

Среди тех, кто вступил в адвокатуру с конца 70-х годов, были уже известные к тому времени профессора Московского университета историк и социолог М. М. Ковалевский, юрист С. А. Муромцев (лишенный в 1884 г. кафедры за политическую неблагонадежность), экономисты И. И. Янжул и А. И. Чупров⁴; поэт, родоначальник критического реализма в белорусской литературе Ф. К. Богушевич⁵; просветители-демократы — крупнейший публицист Грузии Н. Я. Николадзе и один из основоположников национального театра в Азербайджане Гасан-бек Зардаби⁶, популярный музыкальный критик О. Я. Левенсон⁷, поэт-переводчик, часто печатавшийся вместе со своей женой под общим псевдонимом «Иван-да-Марья», И. Ф. Тхоржевский⁸.

Очень многие адвокаты имели плодотворные личные (а то и родственные) связи во всех сферах отечественной культуры. Широтой таких связей особенно выделялись Д. В. Стасов, Н. П. Карабчевский, В. И. Танеев, Ф. Н. Плевако, Л. А. Куперник.

Дмитрий Васильевич Стасов пользовался уважением и влиянием в художественном мире отчасти благодаря своему брату Владимиру Васильевичу — этому, по словам И. Е. Репи-

---

¹ Шелагинов В. К. Защита поручена Ульянову. М., 1977. С. 16, 81.

² Там же. С. 153–155.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 102.

⁴ ИРА. Т. 1. С. 288.

⁵ Маихрович С. К. Жизнь и творчество Ф. Богушевича. Минск, 1961. С. 68, 70.

⁶ Геюшев З. Б. Мировоззрение Г. Б. Зардаби. Баку, 1962. С. 73; Рзаев А. К. Переодовая политическая мысль России и Азербайджана XIX в. и их взаимосвязи. Баку, 1967. С. 186.

⁷ Витензон Р. А. Анна Бренко. М., 1985. С. 47.

⁸ Джавахишвили Г. Д. Нико Николадзе и русская журналистика. Тбилиси, 1978. С. 188.

на, «первому лицу огромного семейства», рыцарю всех искусств, который «носил в себе высшие идеалы человечества, и только эти идеалы руководили им при выборе и оценке выдающегося произведения»¹. Братья были очень дружны. Но Д. В. Стасов и сам по себе, как мы это видели при первом знакомстве с ним, имел разносторонние интересы и дарования. Он был одним из основателей Петербургской консерватории и Общества помощи литераторам и ученым, Русского музыкального общества и женского Медицинского института в Петербурге, собрал ценную коллекцию произведений русских художников («Тройка» В. Г. Перова, «Осужденный» В. Е. Маковского, портреты И. Е. Репина, И. Н. Крамского, В. А. Серова, бюсты М. М. Антокольского и др.). Крупнейшие мастера русской живописи и музыки были его друзьями. М. И. Глинка называл его за большой рост «мой любезный великан». В доме Д. В. Стасова на Фурштатдской улице в Петербурге (ныне улица Петра Лаврова, 20) каждый четверг собирались на музыкальные вечера М. П. Мусоргский и А. П. Бородин, А. Г. Рубинштейн и М. А. Балакирев, А. К. Лядов и А. К. Глазунов, известные певцы, скрипачи, пианисты².

Еще бóльшим размахом, граничившим с помпезностью, отличались театральные вечера, которые устраивал Н. П. Карбачевский в своем роскошном особняке на Знаменской улице Петербурга. Этот особняк, воздвигнутый еще знаменитым В. В. Растрелли, Карбачевский получил в приданое, когда женился в 1904 г. на дочери миллионера К. А. Варгунина. Здесь он «широко принимал артистов,— вспоминала актриса и педагог, проф. Е. И. Тиме.— Приглашение в этот дом подчеркивало степень популярности молодого выдвигающегося артиста <...> Раз в год друзья Карбачевского артисты давали концерт в пользу одного из благотворительных учреждений. Посетители платили огромные деньги за билеты, так как могли увидеть в интимной обстановке и в необычайной, часто шутиливой программе всех знаменитостей города. Этому вечеру-концерту предшествовали репетиции. По суб-

¹ Репин И. Е. Далекое близкое 7 изд. М., 1964 С. 283, 289.

² Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы 3 изд. М., 1988. С. 12, 17, 24–25; ИРЛИ РО Ф 294. Оп. 8. Д. 323. Л. 81.

ботам собирались артисты всех профессий; радушные хозяева угощали великолепным ужином; было весело и непринужденно»¹. О возможном составе участников и гостей на таких вечерах можно судить по тому, что Карабчевский был близко знаком с А. П. Чеховым и В. Г. Короленко, дружил с К. А. Варламовым, В. Ф. Комиссаржевской, Л. В. Собиновым, О. Л. Книппер-Чеховой, общался с К. С. Станиславским и В. Э. Мейерхольдом, М. Г. Савиной и А. И. Южинным, М. Ф. Андреевой и А. И. Куприным, М. Ф. Кшесинской и супружеской четой Фигнер. Кстати, он сам играл в любительских спектаклях вместе с Константином Варламовым и Александром Южиным².

В. И. Танеев собирал широкий круг своих друзей — ученых, писателей, мастеров искусств — на ежесемейные обеды, но не у себя дома, а в московском ресторане «Эрмитаж». Здесь по ходу застолья велись и живые дискуссии на разные (включая политически злободневные) темы³. Постоянными участниками этих обедов были корифеи науки, литературы, театра, музыки — профессора К. А. Тимирязев и М. М. Ковалевский, И. А. Каблуков и Д. М. Петрушевский, П. Н. Лебедев и А. И. Чупров, В. В. Марковников и В. Ф. Лугинин (четверо первых станут позднее академиками), артисты А. И. Южин и Б. Б. Корсов. Часто бывали здесь М. Е. Салтыков-Щедрин, П. И. Чайковский и брат адвоката С. И. Танеев. иногда — И. С. Тургенев⁴.

Ф. Н. Плевако ни в своем доме на Новинском бульваре в Москве, ни в ресторанах не устраивал *регулярных* — с посто-

---

¹ Л В Собинов Т 2 Статьи, речи, высказывания Письма к Л В Собинову Воспоминания о Л В Собинове М, 1970 С 174

² В Ф Комиссаржевская Письма актрисы Воспоминания о ней Материалы Л; М, 1964 С 109, 143, 311, Велизарий М И Путь провинциальной актрисы Л, М., 1938 С 45; Гнедич П П Книга жизни Л 1929 С 114, Переписка А П Чехова и О Л Книппер-Чеховой. М, 1934 Т. 1 С 346, 429, Т 2 С 460, 465; О Л Книппер-Чехова Воспоминания и статьи М, 1972 Г. 1 С 181

³ «Один раз даже спор кончился дракой, — вспоминал сын В И Танеева Павел Владимирович, — один профессор запустил писателя в лицо графином с водой, тот успел уклониться и хотел ударить обидчика стулом, но их разняли Дравшихся Владимир Иванович уже больше не приглашал на обеды» (Танеев В. И Детство Юность Мысли о будущем. М., 1959. Приложения. С. 703).

⁴ Там же С 702.

янным кругом участников — концертов или обедов, но время от времени мог организовывать и концерт, мало уступающий тем, что славились у Карабчевского, и обед, несравненно грандиознее танеевских. В круг его друзей и близких знакомых входили десятки художников и артистов, среди них — В. И. Суриков, М. А. Врубель, К. А. Коровин, К. С. Станиславский, Ф. И. Шаляпин. На одном из благотворительных концертов в доме Плевако в 1896 или 1897 г. юный Л. В. Собинов был представлен великой М. Н. Ермоловой¹.

Л. А. Купернику, который последние 28 лет своей жизни, с 1877 по 1905 г., прожил в Одессе (1891–1896) и в Киеве, труднее было, чем Стасову или Плевако, поддерживать личные связи с корифеями отечественной культуры, жившими преимущественно в столицах. Тем не менее он не только переписывался, но и часто встречался и с П. И. Чайковским, и с Н. Г. Рубинштейном, и с Ф. И. Шаляпиным, а в своем киевском доме охотно и щедро принимал, кроме наезжавших столичных знаменитостей, местную артистическую молодежь².

Активно были связаны с художественным миром очень многие адвокаты: С. А. Андреевский — сам известный поэт, друг М. Г. Савиной и К. С. Станиславского; А. М. Унковский — приятель и душеприказчик Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, опекун детей Щедрина, энтузиаст-общественник, на еженедельные «пятницы» которого сходились в 60–70-х годах А. Ф. Кони, А. Н. Плещеев, Н. Н. Ге, Г. З. Елисеев, С. П. Боткин, А. Я. Панаева, бывали там и Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Д. В. Григорович³; В. П. Гаевский — председатель Литфонда, друг и покровитель многих писателей, о котором И. С. Тургенев в 1880 г. писал Г. Флоберу. «Это знаменитость и весьма авторитетная личность»⁴ (кстати, именно Гаевский возглавлял комиссию по организации похорон Тургенева); В. Н. Герард — соученик по Училищу правоведения и ближайший друг П. И. Чайковского и поэта А. Н. Апухтина, филантроп (председатель Общества защиты детей от жестокого обращения) и ар-

¹ Л. В. Собинов Т 2 С 22.

² Щепкина-Куперник Т Л Дни моей жизни М., 1928. С. 65–66.

³ Унковский А М А М Унковский (1828–1893). М., 1979. С. 108, 111.

⁴ Тургенев И С Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12. Ч. 2. С. 240, 386.

тист-любитель, тонкий знаток искусств, которого очень ценил И. Е. Репин, написавший его превосходный портрет¹; М. Ф. Волькенштейн — отец драматурга и театроведа В. М. Волькенштейна, одноклассник А. П. Чехова по Таганрогской гимназии, друг В. Г. Короленко, К. М. Станюковича и Ф. И. Шаляпина, патрон В. И. Ленина по адвокатуре; А. А. Герке — сын музыканта, профессора Петербургской консерватории, и сам музыкант, близкий друг П. И. Чайковского и А. Г. Рубинштейна, член дирекции Русского музыкального общества; В. В. Самарский-Быховец — юрист и книголюб, которого И. С. Тургенев рекомендовал своим друзьям как «друга Толстого», «отличнейшего человека» и «первого адвоката в Петербурге по гражданским делам»².

Этот перечень можно продолжить: А. И. Урусов дружил с А. П. Чеховым и К. Д. Бальмонтом, О. О. Грузенберг — с В. Г. Короленко и А. М. Горьким, А. Р. Ледницкий — с В. Я. Брюсовым, А. С. Зарудный — с акад. В. И. Вернадским (женатым на двоюродной сестре Зарудного)³, В. А. Маклаков — с А. П. Чеховым⁴ и К. А. Коровиным, Ф. И. Шаляпиным и М. Ф. Андреевой, Н. П. Шубинский — с Ф. И. Шаляпиным, П. Н. Малянтович — с Л. В. Собиновым⁵, М. Л. Мандельштам — с А. И. Южиным. Вспомним здесь, что Н. К. Муравьев составил завещание Л. Н. Толстого. В гостях у Толстого бывали также Ф. Н. Плевако, Н. П. Карабчевский, В. А. Маклаков, О. О. Грузенберг⁶.

Иногда и малоизвестные адвокаты приобретали большую известность в кругах творческой интеллигенции. Так, присяжный поверенный И. Д. Зубарев был председателем комитета Петербургского собрания художников, а присяжный по-

---

¹ Репин И. Е. Избр. письма В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 183, 266–267.

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12. Ч. 2. С. 320, Т. 13. Ч. 1. С. 244.

³ См. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 214, 327.

⁴ См. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма. М., 1982. Т. 11. С. 226–227.

⁵ См. дружеское письмо Малянтовича к Собинову от 20 февраля 1907 г.: РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 600.

⁶ О встречах и беседах Л. Н. Толстого в Ясной Поляне с адвокатами см. Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1944. С. 168, 176, 180–181.

веренный А. М. Керзин в 1896 г. основал в Москве Кружок любителей русской музыки, который прославился под названием «Керзинского»: в этом кружке участвовали С. В. Рахманинов и С. И. Танеев, Л. В. Собинов и Н. И. Забела-Врубель и многие другие блистательные артисты¹. Присяжный поверенный Федор Адамович Корш (1852–1923) вошел в историю отечественной культуры как выдающийся театральный деятель, антрепренер, владелец в 1882–1918 гг. крупнейшего в России частного театра (московский «Театр Корша»), на сцене которого в разное время блистали В. Н. Давыдов, М. Т. Иванов-Козельский, П. Н. Орленев, И. М. Москвин, М. М. Блюменталь-Тамарина, А. А. Остужев, В. П. Далматов, Л. М. Леонидов, А. П. Кторов.

Все это помогало адвокатуре утвердиться в национальном сознании как институту не только разумному и полезному, но и привлекательному, обрести доверие и симпатии разных слоев общества. Еще выше поднимата общественную репутацию адвокатуры ее нарастающая *политическая* активность, которая проявлялась главным образом, конечно, в защитительных выступлениях адвокатов перед царским судом (о них речь пойдет особо), но, кроме того, и во внесудебных, просто гуманных или оппозиционных, даже антиправительственных акциях.

Уже в 70-х годах XIX в. некоторые адвокаты выступали с такими акциями. 27 июня 1879 г. один из «шести аракчеевых» Александра II (временных военных генерал-губернаторов), которые царили тогда в России, киевский «самодержец» М. И. Чертков, уже подписавший за май-июнь шесть смертных приговоров революционерам, получил письмо о том, что смертная казнь как мера искоренения «крамолы» теоретически несостоятельна и практически бесплодна. Автором письма был присяжный поверенный Л. А. Куперник. «Примерность и устрашительность смертной казни более чем сомнительна в делах политических,— втолковывал царскому сатрапу адвокат.— Преступники политические — большею частью фанатики, их смерть не пугает, они видят в ней венец мученичества и готовы на нее. Но каждая смертная казнь одного полити-

---

¹ О «Керзинском кружке» см. Штейнберг А. А. Керзинский кружок любителей русской музыки // Вопросы музыкознания. М., 1960. Т. 3.

ческого преступника вызывает ожесточение во всех близких ему по духу и крови, а в политических его единоверцах укрепляет те роковые мысли, которые все бо́лее и более обостряют кризис. Политические волнения, как бы ни были они, по-видимому, нелепы и безумны, имеют в корне какую-нибудь идею, а идеи вырвать невозможно. История показывает нам, что во все времена и у всех народов ничто не развивало так какой-либо, хотя бы самой странной, идеи, как смертная казнь ее последователи. Кровь есть самая лучшая почва в этих случаях».

Куперник советовал Черткову, «отступаясь от шаблона и рутины, взглянуть на дело по-человечески» и пресечь вакханалию смертных казней. Кисевский «аракчеев», однако, взглянул на дело по чертковски. Его рукой на письме помечено «Копия письма ко мне прис[яжного] поверенного Куперника, возвращенного ему через полицмейстера с указанием, что я у него, Куперника, советов не спрашиваю и в них не нуждаюсь»¹. Казни в Киеве продолжались, а Куперник стал отныне и до конца жизни объектом негласного надзора полиции.

Протест против карательного террора, сострадание к его жертвам, восхищение перед самоотверженностью народников выразил присяжный поверенный А. Л. Боровиковский в двух стихотворениях 1879 г. — «Ессе homo!» («Се человек!») и «Deo ignoto» («Неведомому богу»)². Оба стихотворения написаны иносказательно, как бы по адресу древних христиан, под которыми явно подразумеваются российские народники. Поэт-адвокат апостольски благословляет их на подвиг, провозглашает торжество их идей «над злобой и пороком», вопреки «страшной казни» («Ессе homo!»).

И, сердце чисто храня в своей груди,
Весь пыл стою отдан без раздвоенья
Гонимым братьям на служенье
Где плач и стон — туда иди
Судья из выгод и боязни
Тябя присудит к страшной казни

---

¹ ЦГИА Украины. Ф. 442. Оп. 829. Д. 210. Л. 3–6. Подробнее см. Троицкий Н. А. Адвокат, генерал-губернатор и смертная казнь // Правоведение. 1970. № 5. Курсив мой — Н. Т.

² Русская речь. 1879. № 1. С. 151; Отечественные записки. 1879. № 2. С. 603.

Но годы **протекут** — могучее зерно
Тобой посеяно на почве благодатной
Придет пора — взойдет оно
И возрастет, даст плод стократный!

Сам поэт не находит в себе сил для революционной борьбы, но преклоняется перед величием духа народников («Deo ignoto»)

Чужой мне бог! В твой храм я не войду
Тебя понять, увы, я не достоин
Но я свои меч к ногам твоим кладу
Против тебя — огненные я не воин!

Эти стихи Боровиковского были популярны в демократических кругах 80–90-х годов, распространялись в списках и гектографированных оттисках. Показательно, что в рукописи воспоминаний Л. Ф. Мирского, относящейся к 90-м годам, полный текст «Deo ignoto» воспроизведен с ремаркой «Посвящается Перовской»¹, а при обыске у А. К. Лузиной перед ее ссылкой в Сибирь в 1884 г. жандармы нашли оттиск «Ессы homo!» среди таких революционных изданий, как прокламации «На смерть А. И. Желябова» и «Речь М. Ф. Грачевского»².

По политический, антиправительственный характер обрета-ли в 70–90-е годы многие из застольных речей В. Д. Спасови-ча на ежегодных собраниях корпорации адвокатов Петербур-га. В этих речах Спасович открыто провозглашал: «Всех нас давит одинаково толстый слой всемогущей бюрократии, иными словами — у нас царя! рутина и застой», «мы умудри-лись самый наш патриотизм сделать чем-то омерзительным, столько безобразий совершается во имя твое, святая Родина, что мы дошли, так сказать, до чертиков», «все опустылено» под «нависшим сводом реакции», необходимо, чтобы, «во-первых, было приложено старание к примирению всех наци-ональных розней, которые кроются в недрах теперешнего по-рядка вещей, и во вторых — были обновлены и пересозданы все политические упреждения»³.

С 80-х годов русские адвокаты отваживаются и на полити-

¹ ИМ ОГИ. Ф. 297. Д. 18. Л. 77.

² РГАДА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 30. Л. 294–294 об.

³ Спасович В. Д. Застольные речи. С. 13, 24, 45, 49, 68, 76, 80.

ческие акции коллективного характера. 21 декабря 1882 г. собрание присяжных поверенных Петербурга постановило направить в Париж от имени петербургской корпорации адвокатов телеграмму соболезнования по случаю смерти лидера французских республиканцев Леона Гамбетты, который, как известно, был адвокатом. Правда, в совете присяжных поверенных мнения разделились (С. А. Андреевский, В. Н. Герард, А. И. Урусов, Е. И. Утин, С. С. Соколов — за, В. О. Люстиг, А. Н. Турчанинов, А. Я. Пассовер, П. А. Потехин, В. И. Леонтьев — против), и, в конце концов, телеграмма не была отправлена, но эти споры, из-за которых «разразился в петербургском сословии общий кризис»¹, заметно политизировали адвокатуру.

В преддверии революции 1905 г. политическая активность адвокатуры резко возросла. Так, в числе 95 лиц, подписавших заявление на имя министра внутренних дел Д. С. Сипягина с протестом против разгона и избиения студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г.², были — наряду с академиками Н. Н. Бекетовым и А. А. Шахматовым, Н. К. Михайловским, В. В. Вересаевым и др. — девять адвокатов. Д. В. Стасов, Н. П. Карабчевский, В. Н. Герард, В. О. Люстиг, К. К. Арсеньев, В. В. и М. В. Беренштам, А. А. Вейнберг, Н. Н. Шнитников. «Люди, сознающие свой гражданский долг, не могут молчать, — гласило их заявление. — Мы сознаем этот долг и заявляем, что только отмена «Временных правил» устранил ближайшую причину теперешних студенческих волнений. Только суд над виновными в избиении 4 марта, кто бы ни были эти виновные, успокоит возмущенную общественную совесть»³.

Участие группы адвокатов в этой акции явилось своеобразной прелюдией к бурным выступлениям фактически всей российской адвокатуры в конце 1904 г. Началом их стал инцидент в Харьковском юридическом обществе 7 ноября.

---

¹ ИРА 1 1 С. 300–305

² Это была демонстрация против «Временных правил» 1899 г. об отдаче непокорных студентов «в солдаты»

³ Искра 1901 № 4 // Искра № 1–52 (1900–1903). Полн. текст под ред. П. И. Лепешинского Л., 1925. Вып. 1 С. 85. Акция «95-ти», естественно, не имела успеха

Здесь, как явствует из донесения харьковской охранки в департамент полиции, проф. Н. А. Гредескул предложил направить приветственную телеграмму министру внутренних дел кн. П. Д. Святополку-Мирскому как творцу «эпохи доверия». Однако присяжные поверенные Б. Я. Вальц и Г. Г. Гонтарев выступили против. «Какое мы имеем право хвалить, если не вправе порицать?» — вопрошал Вальц. А Гонтарев заявил: «Все идет по-старому, по-прежнему у нас тюрьмы переполнены лучшими людьми». И предложил — «вынести резолюцию с требованием созыва Учредительного собрания». Речь его «была приветствована шумными овациями, и в это время были разбросаны прокламации»¹. В тот же день харьковский губернатор телеграфировал самому Святополку-Мирскому: «Заседание закрыто [с] криками “Долой самодержавие! Долой войну!” и разбрасыванием прокламаций. Затем часть публики [в] числе 200 человек, выйдя на улицу, пела “Марсельезу” и “Дубинушку”. Около 11 часов [под] красным флагом устроила уличную демонстрацию, прекращенную полицией, без воиска Арестованных — одиннадцать»².

Власти еще были заняты расследованием этого события, когда по городам страны прокатилась волна антиправительственных выступлений адвокатуры с участием других слоев интеллигенции по случаю 40-летия Судебных уставов 1864 г. 20 ноября собрание 676 «представителей интеллигентных профессий» в Петербурге под председательством В. Г. Короленко приняло резолюцию с требованием, «чтобы весь государственный строй России был реорганизован на конституционных началах... чтобы было немедленно создано Учредительное собрание из свободно выбранных представителей от всего населения Российского государства и чтобы немедленно же, до начала избирательного периода, была объявлена полная и безусловная амнистия по всем политическим и религиозным преступлениям». Резолюцию подписали, наряду с литераторами (В. Г. Короленко, А. М. Горьким, Л. Н. Андреевым, П. Ф. Якубовичем), учеными (В. И. Семевским, Н. П. Павловым-Сильванским, Е. В. Тарле, Н. А. Бердяевым),

¹ ГАРФ Ф 102 00 1904 Л 1250 Л 14—14 об., 24

² Там же. Л. 10—10 об.

деятелями искусств (М. Ф. Андреевон, Т. Л. Щепкиной-Куперник), десятки адвокатов, в том числе Д. В. Стасов, А. Н. Турчанинов, Е. И. Кедрин, О. О. Грузенберг, Б. Г. Барт¹.

В тот же день аналогичное собрание в Москве с участием 450 человек (среди них были присяжные поверенные П. Н. Малянтович, В. А. Маклаков, А. Р. Ледницкий, Н. М. Жданов и др.) по предложению Малянтовича и под возгласы «Долой самодержавие! Долой войну!» единогласно приняло резолюцию, которая требовала «представительного образа правления, свободы личности, мысли, слова, печати, вероисповедания, собраний, союзов»².

Провинция не отстала в тот день от столиц. В Саратове, как доносил об этом местный губернатор министру внутренних дел, на банкет собрались около 700 человек, включая адвокатуру «почти в полном ее составе». Из них 468 — подписали телеграмму на имя министра юстиции с требованием «законодательных гарантий свободы личности, совести, слова, печати, собраний и союзов». Главными фигурами на банкете были «известные своей неблагонадежностью» присяжные поверенные А. М. Масленников и А. А. Токарский³. По данным местных властей, такие же банкеты и собрания с резолюциями и речами «преступного направления» прошли 20 ноября в Одессе с участием 500 человек, в Киеве (360 участников, ораторы — присяжные поверенные Л. А. Куперник и М. Б. Ратнер, историк И. В. Лучицкий), в Самаре (200–300 чел.), в Нижнем Новгороде (до 200 чел.), в Чернигове (120 чел.), в Смоленске и Владимире⁴.

На следующий день, 21 ноября, более 400 адвокатов Петербургского судебного округа, не допущенные в здание окружного суда, где они предполагали собраться на юбилейный банкет, «стройной толпой» прошли по Литейному и Невскому проспектам (привлекая к себе общее внимание) к зданию городской думы и там провели собрание, на котором выработали, приняли и (все до одного) подписали следующую резо-

---

¹ ГАРФ Ф 102.00 1904 Д. 1250 Л 69–71

² Там же Л 98, 237.

³ Там же Л. 94–96

⁴ Там же Л 77–79, 103, 121, 126, 128–128 об., 178.

люцию: «Собравшись в день 40-летия Судебных уставов и об-судив положение русского суда, мы находим, что истинное правосудие невозможно без признания за всеми гражданами равного права неприкосновенности личности и жилища, сво-боды совести и вероисповедания, свободы печати, собраний и союзов. Как гарантия этих прав и основа правильного тече-ния государственной жизни необходимо участие народного представительства в осуществлении законодательной власти, утверждении бюджета и надзоре за действиями администра-ции». Добавив к этой резолюции ходатайство «об общей ам-нистии политических и религиозных преступников», собра-ние выбрало депутацию в составе Д. В. Стасова, Н. П. Караб-чевского, П. Г. Миронова, Ф. И. Родичева, Л. А. Базунова и Н. Н. Шнитникова, которым доверено было вручить резолю-цию министру внутренних дел¹.

По этому поводу В. А. Маклаков вскоре резонно заметил, что это была «первая по времени политическая резолюция», принятая в России «именем целой общественной группы, официально признанной корпорации»².

Тем временем политические демонстрации адвокатуры в честь 40-летия Судебных уставов по стране продолжались. 28 ноября — в Екатеринославе (около 300 участников, пред-седатель — А. М. Александров), 1 декабря — в Новочеркасске, 2 декабря — в Орле (более 200 человек), 3 декабря — в Ко-строме (до 300 чел.), 5 декабря — в Ростове-на-Дону (почти 600 чел.) и Харькове (около 400 чел., ораторы — Б. П. Кули-ков, Е. И. Рапп, Б. Я. Вальц)³.

В декабре 1904 г. адвокатура приняла участие и в полити-ческих демонстрациях по другим поводам. Н. П. Карабчев-ский, М. М. Винавер, И. В. Гессен, Л. Д. Ляховецкий подписа-ли вместе с В. Г. Короленко, В. И. Семевским, Д. С. Мережков-ским, П. Ф. Якубовичем и др. протест 112 литераторов против полицейской расправы с демонстрацией студентов на Нев-ском проспекте в Петербурге 28 ноября и напечатали его за

¹ Хроника // Юрист 1904 № 48 С 1741, Хроника // Право 1904 № 48 С 3343–3345.

² ИРА Т. I. С 404.

³ ИАРФ. Ф. 102. 00. 1904 Д. 1250. Л. 132, 147, 195-а, 205, 223.

своими подписями «в русских заграничных изданиях»¹. 14 декабря петербургская адвокатура приняла участие в представительном (больше 1000 участников) собрании памяти декабристов (председательствовал Е. И. Кедрин)², а 17 декабря в Саратове местная интеллигенция устроила почти столь же многолюдный банкет с участием около 1000 человек памяти недавно скончавшегося А. Н. Пыпина, где адвокаты С. Е. Кальманович, А. М. Масленников, В. Н. Поляк призывали русских людей «не верить никаким манифестам, а брать все силой»³.

Так была настроена адвокатура и так она участвовала в политической жизни страны перед революцией 1905 г. Сама революция выходит за хронологические рамки моего исследования как особая тема. Но здесь уместно подчеркнуть, что политическая активность адвокатов, столь живо проявившаяся уже в преддверии революции, с началом ее продолжала нарастать и привела к созданию 30 марта 1905 г. Всероссийского союза адвокатов, который объединил 2,5 тыс. присяжных поверенных и их помощников из 64 городов Европейской России, включая Закавказье⁴.

К революционному движению адвокатура относилась, естественно, не всегда и не вся одинаково. В 60-х годах ее первые кадры только определялись идейно и политически. То был, по выражению Д. Д. Минаева,

Либерализм еще туманный,
Радикализм еще слепой⁵

С 70-х годов либерализм адвокатуры становится отчетливее, радикализм — острее, зреет тенденция к ее сближению с революционным лагерем (правда, без его «крайностей»).

Более или менее влияли на это частые и близкие (ex officio) личные сношения адвокатов с революционерами, дру-

---

¹ Протест писателей // Революционная Россия 1904 № 57 С 11–13

² ГАРФ Ф 102 00 1904 Д 1250 Л 266

³ Там же Л 282–282 об

⁴ *Леикина-Свирская В Р* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг М., 1981 С 82.

⁵ *Минаев Д Д* Избранное Л, 1986. С 122.

жеские и даже родственные связи. Д. В. Стасов имел в революционном лагере дочь — Елену Дмитриевну, члена РСДРП с 1898 г., позднее секретаря ЦК партии; Б. Г. Лопатин-Барт — отца, Германа Александровича Лопатина, члена Генерального совета I Интернационала и руководителя партии «Народная воля». К. П. Леман был сыном декабриста, члена Южного общества полковника (с 1834 г. — генерала) П. М. Лемана. Братья-революционеры были у Г. В. Бардовского (П. В. Бардовский — один из руководителей польской социалистической партии «Пролетариат», повешенный в 1886 г. царскими палачами) и Е. И. Утина (Н. И. Утин — основатель и руководитель Русской секции I Интернационала, заочно приговоренный царским судом в 1863 г. к смертной казни), у В. О. Люстига (Ф. О. Люстиг — член партии «Народная воля», осужденный по делу «20-ти» в 1882 г. на 20 лет каторги) и В. И. Жуковского (Н. И. Жуковский — политический эмигрант, член I Интернационала). Брат А. С. Зарудного Сергей Сергеевич был народовольцем, причастным к группе А. И. Ульянова, а братья малоизвестных адвокатов, Г. А. Теодоровича и Я. В. Луначарского, И. А. Теодоровича и А. В. Луначарский — видными большевиками, позднее советскими наркомками. Н. П. Карабчевский был женат первым браком (1876–1902) на сестре народовольца С. А. Никонова Ольге Андреевне, революционно настроенной и неизменно помогавшей революционерам, «как только могла»¹. А. А. Черкесов был зятем декабриста В. П. Ивашова и дядей революционерки-народницы О. К. Булановой-Трубниковой, Н. М. Павлинов — свояком А. А. Кропоткина. Дружески были связаны, например, В. Д. Спасович с Зыгмунтом Сераковским², В. И. Жуковский — с Д. И. Писаревым, А. А. Черкесов —

¹ РГАЛИ Ф 1337 Оп 1 Д 160 Л 151 (воспоминания С. А. Никонова) Н. П. Карабчевский очень любил свою первую жену. Он посвятил ее памяти издание своих «Речей» 1902 г. и ряд стихотворений, а в декабре 1904 г., будучи уже в браке с миллионершей О. К. Варгуниной, открыл в кассе пособий адвокатам благотворительный денежный фонд «имени О. А. Карабчевской» (Отчет Совета присяжных поверенных при СПб. судебной палате с 1 марта 1904 по 5 февраля 1905 г. СПб., 1905 С. 44–45).

² Письма Сераковского к его «любимому другу» и «братишке» Спасовичу см. в кн. К 100 летию героической борьбы «за нашу и вашу свободу» М., 1964 С. 24.

с Н. А. Серно-Соловьевичем, Г. В. Бардовский — с Н. А. Морозовым и В. Н. Фигнер, Е. В. Корш, А. А. Ольхин и О. О. Грузенберг — с Н. А. Морозовым, П. Н. Малянтович — с В. Л. Шанцером (Маратом), Н. Д. Соколов — с Ю. О. Мартовым и т. д.

Отчасти из родственных и дружеских, но частью из идеальных побуждений, с целью создать в России возможно более широкий антиправительственный фронт, многие адвокаты помогали революционерам. Формы этой помощи были разные: информация, укрывательство, денежные взносы. Уже в 1874 г. после суда над долгушинцами В. Д. Спасович и Е. И. Утин собирали пожертвования в пользу осужденных. Жандармский агент доносил: «Касса для сбора пожертвований находится у Спасовича и Утина, уже собравших порядочную сумму»¹. Спасович, по агентурным данным, и в 1895 г. жертвовал деньги на революционное дело². То же делали Д. В. Стасов, оказывавший материальную поддержку Н. Г. Чернышевскому³, Г. В. Бардовский, Е. И. Кедрин, А. А. Ольхин⁴. А. М. Унковский однажды в своем доме «устроил концерт в пользу каких-то политических ссыльных и пригласил артистов итальянской оперы»⁵. Очень часто адвокаты брали на поруки под денежный залог своих подзащитных «государственных преступников» до, во время или после суда. Например, Е. И. Утин за Л. Ф. Мирского и Д. В. Стасов за И. И. Добровольского вносили по 10 тыс. рублей, причем Добровольский, которому грозил каторжный приговор, с согласия Стасова бежал за границу, а Стасов, естественно, лишился своих 10 тыс.⁶ Вообще, дома у Стасова «постоянно жили взятые им на поруки его подзащитные»⁷.

Ценность информации, которую адвокаты передавали ре-

---

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1874 Д 414 Т 3 Л 237

² ГАРФ Ф 102 00 1898 Д 14 Ч 6 Л 3 об

³ Стасова Е. Д. Указ соч. С. 18

⁴ ГАРФ Ф 109 Секр архив III отд. Оп. 1 Д 888. Л. 12; Фигнер В. Н. Процесс «50-ти» М., 1927 С. 25, Народовольцы 80–90 х годов. М., 1929 С. 147

⁵ М. Е. Салтыков Щедрин в воспоминаниях современников М., 1975 Т. 2 С. 220

⁶ ИРЛИ РО Ф 294 Оп. 5 Д 414 Л 97

⁷ Стасова Е. Д. Указ соч. С. 12.

волюционерам, достаточно проиллюстрировать таким примером. В дни процесса «цареубийц» 1881 г. Е. И. Кедрин по просьбе своей подзащитной С. Л. Перовской предупредил Исполнительный комитет «Народной воли», что в записной книжке Софьи Львовны, изъятой у нее при аресте, зашифрованы «два-три адреса швеек», которых посещали жандармы Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Этих жандармов распропагандировал заточенный в равелине С. Г. Нечаев и подкупили народовольцы для связи с Нечаевым¹. Главное же, Кедрин передал на волю предсмертное письмо Перовской к матери, которое вслед за тем обошло мировую прессу и было расценено английским журналом «Атенеум» как «самое замечательное и трогательное из всех известных миру произведений эпистолярной литературы»².

Адвокаты составляли едва ли не самую активную часть того «мирка укрывателей», люди которого — «всевозможных положений от аристократов и всякого рода тузов до мелких чиновников» — сочувствовали освободительному движению и отваживались «скрывать у себя в случае надобности как опасных людей, так и опасные бумаги»³. Е. В. Корш, А. А. Ольхин и И. А. Гольдсмит предоставляли свои квартиры для явок «Земле и воле»⁴, Д. Н. Доброхотов — «Народной воле»⁵, А. С. Чумаевский и А. Т. Земель (гимназический товарищ Б. В. Савинкова) — эсерам⁶, Н. К. Чекеруль-Куш — социал-демократам, с участием В. И. Ленина⁷. Члены военно-революционного кружка Н. Н. Шелгунова 1886 г. собирались в квартире помощника присяжного поверенного В. А. Кудрявого⁸. А. А. Ольхин помог Н. А. Морозову устроить на хране-

¹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1 С. 255–256.

² Athenaeum 1883 № 2893. Цит. по: Гаратута Л. А. Подпольная Россия. Судьба книги С. М. Степняка Кравчинского. М., 1967. С. 175.

³ Степняк Кравчинский С. М. Избранное. С. 489–490.

⁴ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 277–278, 455; Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 1927. С. 99.

⁵ Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928. С. 161.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1391. Л. 139.

⁷ В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 228.

⁸ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1345. Л. 68.

ние архив «Земли и воли» (лишь три лица знали о местонахождении архива: лидер «Земли и воли» А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов и А. А. Ольхин)¹. Приют (ночлег или нелегальное проживание) предоставляли революционерам многие адвокаты: например, те же Корш, Ольхин, Гольдсмит, Стасов; В. А. Александров (в квартире которого был арестован редактор «Земли и воли» Д. А. Клеменц)²; Н. К. Муравьев, укрывший после разгрома Декабрьского вооруженного восстания в Москве 1905 г. руководителя большевистских дружин на Пресне З. Я. Литвина-Седого³. Был случай (засвидетельствованный М. Л. Мандельштамом), когда защитники устроили побег обвиняемому революционеру прямо из здания суда: «В массовом процессе один из них незаметно для конвоя передал фрачную пару обвиняемому, и тот, переодевшись за спинами своих товарищей, под видом защитника вышел из комнаты и благополучно скрылся»⁴.

Теперь пора подчеркнуть, что российские адвокаты не только сочувствовали и содействовали освободительному движению, но и прямо участвовали в нем. Вывод Н. Г. Михайловской и В. В. Одинцова, будто «все выдающиеся юристы прошлого века так или иначе были связаны с революционным движением»⁵, гиперболичен. Целый ряд «выдающихся юристов» (Д. И. Каченовский и С. И. Зарудный, И. Е. Андреевский и Д. А. Ровинский, И. Я. Фойницкий и А. Д. Градовский), включая даже некоторых адвокатов (А. В. Лохвицкого, Г. Б. Слиозберга), никогда и никак не были связаны с революционерами. Но выдающиеся адвокаты были связаны почти все, а вместе с ними — и очень многие рядовые деятели адвокатуры. В данном случае речь пойдет не о сочувствии и содействии, а об участии адвокатуры в организациях и отдельных акциях освободительного (то есть

---

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли» М., 1932 С 35–36

² Там же С 279, 380

³ Литвин-Седой З Я Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. Т 41 Ч 3
Прил 3 С 29

⁴ Мандельштам М Л 1905 год в политических процессах Записки защитника. М., 1931 С 47

⁵ Михайловская Н Г, Одинцов В В Искусство судебного оратора М., 1981. С. 9

главным образом революционного, но и либерально-демократического) движения.

В народнических организациях до «Народной воли» участвовали Л. Е. Оболенский (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.)¹, Ф. Н. Плевако и А. И. Урусов («Тайное юридическое общество» 1872 г.)², А. А. Бубнов и Н. Г. Кулябко-Корецкий (кружок «лавристов» 1872 г.), А. Н. Хардин (самарский кружок С. И. Ивановой 1873 г.), Г. А. Мачтет (кружок О. М. Габеля 1876 г.), Л. К. Бух (группа издателей первой в России нелегальной газеты «Начало»), И. А. Гольдсмит (московский кружок «Земли и воли» 1878–1879 гг.); в кружках «Народной воли» — А. А. Александров, И. Е. Булгаков, А. И. Хлебников (Петербург), Г. А. Клеменц (Самара), А. С. Чумаевский (Саратов)³, Г. Ф. Кудрявцев (Казань)⁴. Адвокатами были известные народовольцы М. Н. Тригони и А. И. Зунделевич, позднее — Г. Г. Романенко. С. Е. Кальманович входил в организацию «Народное право», а В. П. Барыбин, Г. И. Куприянов и, возможно, М. П. Иолшин — в т. н. «Тверской союз» 1891–1893 гг.

С начала XX в., по мере того как создавались в России массовые политические партии, адвокаты вступали в каждую из них, но большей частью — в конституционно-демократическую, которая объединяла главным образом буржуазную интеллигенцию. В первом составе ЦК этой партии из 54 человек было 10 адвокатов, в том числе такие корифеи адвокатуры, как С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, Н. В. Тесленко, М. Л. Мандельштам, М. М. Винавер, Ф. И. Родичев, А. Р. Ледницкий⁵. Из выдающихся адвокатов кадетами стали также К. К. Арсеньев, И. Е. Кедрин, А. М. Александров, А. А. Никонов. К партии октябристов, представлявшей крупную торгово-промышленную буржуазию и помещиков, примкнули немногие адвокаты, но среди них — Ф. Н. Плевако, В. О. Люс-

---

¹ ГАРФ Ф 564 Оп 1 Д 499 Л 3 об 4. Далее в абзаце ссылки даны только на неопубликованные сведения.

² ГАРФ Ф 109 3 эксп 1872 Д 198 Л 1–2 об.

³ ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 1391 Л 138–140.

⁴ Там же Д 1345 Л 67.

⁵ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. Прил. 2.

тиг, П. А. Потехин и Н. П. Шубинский, а присяжный поверенный А. В. Бобрищев-Пушкин стал даже товарищем председателя партии (А. И. Гучкова)¹. Не к чести адвокатуры, ряд ее деятелей оказался и в черносотенных союзах — П. Ф. Булацель, А. С. Шамаков, Г. Г. Замысловский.

Из социалистических партий больше других привлекала адвокатов партия социалистов-революционеров. В ней участвовали И. З. Штейнберг (в 1918 г. нарком юстиции РСФСР), А. Ф. Керенский, С. Е. Кальманович, Д. Г. Богров (убийца П. А. Столыпина), Г. Д. Сидамонов-Эристов, К. Я. Загорский, Н. В. Святицкий и многие другие. Были среди адвокатов и отколовшиеся от правого крыла эсеров народные социалисты, энесы (А. С. Зарудный, А. А. Демьянов, В. А. Плансон), и трудовики (П. Н. Переверзев, В. И. Лунин, Л. А. Базунов).

Десятки адвокатов (преимущественно молодых) вступали с 1903 г. в РСДРП. Меньшевиками стали Н. Д. Соколов, П. Н. Малянтович, А. М. Никитин (министр внутренних дел в последнем составе Временного правительства 1917 г.), И. Н. Мошинский (Конарский), Е. П. Гегечкори (в 1918–1921 гг. министр иностранных дел независимой республики Грузии), Г. С. Носарь (Хрусталеv), В. И. Браудо, Б. И. Александровский, Г. И. Бердичевский, Г. Д. Георгадзе, А. Я. Гальперн, А. Я. Вышинский². Не ясно, к какой фракции РСДРП принадлежали В. А. Жданов, Е. И. Рапп, И. З. Дижур, Г. Ф. Калашников, Р. М. Арсенидзе, П. П. Покровский, К. К. Бауэр. «Внефракционным социал-демократом» считался Н. К. Муравьев³, хотя формально он не вступал в партию.

Принято считать, что «адвокатов-большевиков по всей России было буквально несколько человек», причем называют, самое большее, четыре фамилии, хотя и в разных случаях разные: П. И. Стучку, М. Ю. Козловского, Б. В. Овсянникова, С. Б. Членова⁴, или П. А. Красикова, П. И. Стучку, М. Ю. Коз-

¹ Бобрищев-Пушкин А. В. Патриоты без отечества. Л., 1925. С. 122

² Меньшиков А. Я. Вышинский (будущий прокурор-палач сталинщины) вступил в адвокатуру помощником присяжного поверенного 8 июля 1915 г.

³ Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940. С. 358

⁴ Скрипчев Е. А. Российская присяжная адвокатура после Февральской буржуазно-демократической революции // Труды Иркутск. ун-та. 1971. Т. 45. Сер. юрид. Вып. 8. Ч. 1. С. 35

ловского, А. И. Хмельницкого¹. По моим же подсчетам (разумеется, неисчерпывающим), адвокатов-большевиков было свыше 40, в т. ч. и будущие видные деятели Коммунистической партии и Советского государства. Вот они²:

Николай Николаевич Крестинский (1883–1938) — член Политбюро и секретарь ЦК РКП(б); Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант) (1888–1939) — кандидат в члены Политбюро, зампред Госплана и наркомфин СССР; Вячеслав Рудольфович Менжинский³ (1874–1934) — первый советский наркомфин и второй (после Ф. Э. Дзержинского) председатель ОГПУ; Петр Иванович Стучка (1865–1932) — наркомюст и председатель Верховного суда РСФСР, глава первого советского правительства Латвии; Дмитрий Иванович Курский (1874–1932) — первый советский Генеральный прокурор и наркомюст РСФСР; Георгий Ипполитович Ломов-Оппоков (1888–1938) — первый советский наркомюст, зампред ВСНХ; Красиков Петр Ананьевич (1870–1939) — прокурор и зампред Верховного суда СССР; Михаил Иванович Васильев-Южин (1876–1937) — зампред Верховного суда СССР; Александр Федорович Мясников (Мясникян) (1886–1925) — председатель СНК Армении и первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б); Владимир Павлович Антонов-Саратовский (1884–1965) — наркомвнудел УССР, член Верховного суда СССР и Президиума ВЦИК; Александр Исаакович Хмельницкий (1889–1919) — первый наркомюст Украины; Мечислав Юльевич Козловский (1876–1927) — председатель Малого Совнар-

---

¹ Утевский Б. С. Воспоминания юриста М., 1989 С. 143 В книге В. Ониани «Большевистская партия и интеллигенция в первой русской революции» (Тбилиси 1970 446 с.) не упомянут ни один большевик-адвокат, хотя их тогда в партии было уже немало. Зато специально выделены и перечисляются «врачи большевики» (С. 76–77, 313–314).

² Сведения об адвокатах-большевиках приводятся далее из разных источников, главным образом — в результате сравнения биографических данных со списками присяжных поверенных за 1900–1917 гг.

³ В литературе о Менжинском только констатируется (да и то не всегда), что он был помощником присяжного поверенного — когда, у кого, непонятно. Между тем из ежегодных «Списков присяжных поверенных при Петербургской судебной палате и их помощников» явствует, что Менжинский числился помощником присяжного поверенного Г. Д. Сидамонова-Эристового с 15 февраля 1900 по 1910 г. В «Списке» за 1911 г. его уже не было.

кома РСФСР; Виргилий Леонович Шанцер (Марат) (1867–1911), Иван Адамович Саммер (1870–1921) и Дмитрий Семенович Постоловский (1876–1948) — члены ЦК РСДРП; Михаил Сергеевич Кедров (1878–1941) — председатель Особого отдела ВЧК, позднее член Президиума Госплана РСФСР; Петр Александрович Лебедев (1877–1952) — член коллегии Верховного суда СССР; Юрий Михайлович Стеклов (Невзоров) (1873–1941) — редактор газеты «Известия», член Президиума ВЦИК; Борис Павлович Позерн (1882–1939) — секретарь Ленинградского обкома и член ЦКК ВКП(б).

К этому ряду ярких имен адвокатов-большевиков добавим ряд, менее впечатляющий, но тоже заслуживающий внимания: руководитель военной организации Московского комитета РСДРП в дни Декабрьского вооруженного восстания 1905 г., а после 1917 г. член коллегии Верховного революционного трибунала Алексей Николаевич Васильев (1877 – после 1933); такие активисты местных большевистских организаций, как Василий Яковлевич Восходов (1870–1932) в Москве, Константин Осипович Левицкий (1868–1919) в Одессе, Борис Васильевич Авилов (1874–?) в Харькове, Борис Петрович Вологдин (1879–1938) в Перми, Рудольф Владимирович Гальперин (1882 – после 1933) на Украине; член президиума Коломенского совета Владимир Афанасьевич Тарарыков (1877–1905), расстрелянный царскими карателями, и военный комиссар, поэт, журналист Александр Александрович Вермишев (1879–1919), замученный в плену белогвардейцами; историк и этнограф Гавриил Васильевич Ксенофонтов (1888–1938), а также незаслуженно забытые ныне адвокаты-большевики Иван Леопольдович Лоренц (1890–1942), Стефан Иосифович Мрочковский (1885–1967), Сергей Алексеевич Волинский (1874 – после 1933), Сергей Карлович Вржосек (1867 – после 1933), Владимир Викторович Вакар (1878–1926), Иван Иванович Бибиков (1882 – после 1931), Павел Васильевич Чегодаев (?–1919), Борис Васильевич Овсянников, Соломон Бенцианович Членов, Григорий Моисеевич Гальперин, Ян Матисович Пелуде, Рубен Павлович Катаян, Даниил (Дануш) Александрович Шавердян, Иван (Янис) Крастинь.

Об адвокатской деятельности большевиков (в особеннос-

ти до революции 1905 г.) мы почти ничего не знаем, хотя известно, что некоторые из них (Шанцер, Курский, Красиков, Волынский, Катанян, Вржосек, Пелуде) выступали защитниками даже на политических процессах. Главной для них была революционная работа, за которую Тарарыков и Вермишев заплатили жизнью, а многие другие — годами неволи (тюрьмы, ссылки, каторги). Волынский был арестован при царизме 4 раза, Авилов — 6 раз, Крестинский — 10 раз. Никто из них не предполагал, что после победы революции, которой они так самоотверженно служили, им доведется испытать еще более тяжкие репрессии. При Николае II погиб один Тарарыков, а при Сталине только из нашего *первого ряда* — шестеро: Крестинский, Сокольников, Ломов-Оплоков, Кедров, Васильев-Южин, Позерн.

Читатель, должно быть, заметил, что среди более чем сорока адвокатов-большевиков нет ни одного корифея отечественной адвокатуры. В других партиях (кадетов, октябристов, эсеров, энесов, трудovieв, даже меньшевиков) они были, но в малом числе и все-таки не самые крупные. Большая же часть наиболее выдающихся адвокатов — такие, как В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, Н. П. Карабчевский, С. А. Андреевский, А. И. Урусов, В. Н. Герард, А. М. Унковский, П. А. Потехин, В. И. Танеев, А. Я. Пассовер, Е. И. Утин, Л. А. Куперник, А. Н. Турчанинов, В. И. Жуковский, А. Л. Боровиковский, В. О. Люстиг, Н. К. Муравьев, О. О. Грузенберг, — принципиально отказывались от участия в каких бы то ни было политических партиях¹, гордясь тем, что они, как любил говорить Карабчевский, «не политики, а судебные деятели»², потому и независимы в исполнении своего адвокатского долга и сильны.

Кстати, в архиве Карабчевского сохранились сочиненные им выразительно-иронические эпиграммы на три самые крупные политические партии в России 1905–1917 гг. Вот эпиграмма на кадетов:

---

¹ Впрочем, здесь надо иметь в виду, что Унковский, Александров, Утин, Урусов, Жуковский умерли раньше 1901 г., когда начали создаваться в России массовые политические партии.

² Карабчевский Н. П. Речи (1882–1914). 3-е изд. Пг.; М., 1916. С. 579.

Мы — кадеты¹
В тоги одеты,
Римляне мы,
Светоч средь тьмы!

Эпиграмма на эсеров:

Мы ярко-красны,
Видом ужасны
Пуля — реформа,
Бомба — платформа.

И на социал-демократов:

Жаждем мы мира
Для всего мира,
Счастья без меры
Ценой химеры¹

Но даже те адвокаты, которые никогда не состояли в каких-либо партиях или организациях, участвовали в различных акциях антиправительственного, хотя и не всегда революционного характера. Уникален пример Д. В. Стасова, который в 1859 г. устраивал в Лондоне историческую встречу А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского², а летом 1917 г. укрывал в своей петроградской квартире от ищек Временного правительства В. И. Ленина³. В. Д. Спасович в 80-е годы «покровительствовал» лидерам польской социалистической партии «Пролетариат» Ф. Ю. Рехневскому, С. Ч. Куницкому, А. Н. Дембскому⁴, а в 1895 г. вел переговоры с лондонским «Фондом Вольной русской прессы» о сотрудничестве⁵. Принц П. Г. Ольденбургский не без оснований говорил о Спасовиче: «Он государственный преступник»⁶.

Л. А. Куперник, который, по мнению Л. Г. Дейча, вообще оказал «огромную неоценимую услугу» революционному дви-

---

¹ ГАРФ Ф 827 Оп 1 Д 27 Л 1

² Чернышевский и его эпоха М, 1979 С 197–198

³ В И Ленин Биографическая хроника М, 1973 Т 4 С 264

⁴ Попов И И Минувшее и пережитое Л, 1924 Т 1 С 101

⁵ ГАРФ Ф 102 00 1898 Д 14 Ч 6 Л 2–3 об

⁶ Таганцев Н С Пережитое Пг, 1919 Вып 2 С 51

жению¹, в 1895 г. тоже договаривался с «Фондом Вольной русской прессы» об издании газеты «Земский собор» под редакцией С. М. Кравчинского и с участием Г. В. Плеханова². Трагическая гибель Кравчинского сорвала начавшиеся переговоры, но написанный Куперником «Проект русской конституции» был издан «Фондом» и распространялся в России³. Понятно, почему на похоронах Куперника в Киеве 1 октября 1905 г. «большая толпа народа» пела марсельезу, а на кладбище были произнесены революционные речи⁴.

В прямых революционных акциях разного времени участвовали очень многие адвокаты. Вот лишь несколько примеров. А. А. Ольхин сотрудничал в журнале «Земля и воля», напечатав в нем одно из популярнейших революционных стихотворений 70–80-х годов «У гроба», а возможно, и «На смерть И. М. Ковальского»⁵. Е. И. Кедрин написал для народовольческой группы С. М. Гинсбург проект воззвания на случай убийства Александра III⁶. Присяжный поверенный Г. Н. Прозрителев был участником «хождения в народ». Помощник присяжного поверенного Н. И. Грацианский помогал налаживать революционные связи деятелям Большого общества пропаганды. Адвокаты Л. М. Родионов, Н. И. Тур, Н. И. Кулябко-Корецкий, А. А. Карелин подверглись репрессиям за соучастие в делах «Народной воли»⁷; А. А. Иогансен и Н. К. Муравьев — за причастность к киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»⁸. М. С. Маргулиес, по данным Евно Азефа, был связан с ЦК партии эсеров⁹.

Можно считать, что не только среди корифеев (главным образом), но и во всей корпорации адвокатов преобладали люди оппозиционных по отношению к царизму воззрений,

¹ ГАРФ Ф Р-8420 Оп 1 Д 13 Л 1

² Деич Л Г С М Кравчинский Пг, 1919 С 48

³ Подробно см. Ведерников В В Проблема парламентаризма в нелегальной публицистике либералов (1894–1900-е гг.) // Труды ЛОИИ 1986 Вып 16

⁴ Материалы к истории русской контрреволюции СПб, 1908 Т 1 С 211

⁵ Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв Л, 1988 Т 2 С 337–342, 625–626

⁶ Народовольцы 80–90 х годов С 147

⁷ РГИА Ф 1405 Оп 86 Д 10850 Л 128 об, ГАРФ Ф. 667 Оп 1 Д 580

⁸ ГАРФ Ф 102 3 д во 1894 Д 243 Л 118

⁹ Донесения Евно Азефа // Былое 1917 № 1. С 219

с большим разбросом от туманно либеральных до отчетливо революционных. Адвокаты-реакционеры теряли уважение и вызвали устойчивую антипатию в обществе и даже в собственной среде. Черносотенца и «маньяка-юдофоба»¹ А. С. Шмакова сами адвокаты «превратили в ходячую карикатуру»², а менее одиозному А. В. Бобрищеву-Пушкину после его реакционной речи на процессе Г. А. Гершуни отказывались подавать руку³.

Естественно, что революционеры относились к прогрессивным адвокатам с доверием и, пользуясь своим правом на приглашение защитников, выбирали именно таковых. Например, рабочий-революционер Петр Алексеев просил назначить ему защитником А. А. Ольхина⁴, народник В. Д. Дубровин — Г. В. Бардовского⁵, другой народник, К. Я. Шамарин — В. Н. Герарда⁶, В. Н. Фигнер и А. И. Баранников — Д. В. Стасова⁷. М. А. Ульянова выбрала А. Я. Пассовера защитником для своего сына Александра Ильича⁸, а М. Ф. Грачевский приглашал любого из семи перечисленных им адвокатов: Д. В. Стасова, А. И. Урусова, В. Н. Герарда, Е. И. Утина, А. Л. Боровиковского, Е. И. Кедрина, В. В. Самарского-Быховца⁹. Суд, однако, зачастую не соглашался с выбором подсудимых и, кстати, всем перечисленным здесь революционерам, кроме Грачевского, назначал других, менее авторитетных, но более благонадежных защитников.

Взаимоотношения подсудимых-революционеров с их адвокатами во время политических процессов и после них, как правило, были уважительными. Не зря адвокаты demonstra-

---

¹ Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927. С. 52.

² Лекина Свирская В. Р. Указ соч. С. 81.

³ ГИА СПб. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–6 об. (письмо А. В. Бобрищева-Пушкина к О. О. Грузенбергу от 12 марта 1904 г.).

⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 142. Л. 243.

⁵ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 202. Т. 2. Л. 25, 28–28 об.

⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 442. Л. 43, 47.

⁷ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1. Л. 104, Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 119.

⁸ Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966. С. 146–147.

⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 544. Л. 106.

тивно приносили в камеры своим подзащитным цветы: Н. И. Холева — агенту Исполнительного комитета «Народной воли» П. С. Ивановской¹, А. М. Масленников — убийце генерала-карателя В. В. Сахарова, члену партии эсеров А. А. Биценко². В. Н. Герард, Г. В. Бардовский и А. Л. Боровиковский были шаферами на свадьбе народников Н. А. Чарушина и А. Д. Кувшинской, осужденных на каторгу³, а Н. П. Карабчевский — на свадьбе народовольцев С. А. Никонова и Н. В. Москопуло перед их отправкой в ссылку⁴. В. В. Самарский-Быховец публично выражал свое восхищение «достоинствами» Веры Фигнер⁵, Карабчевский — моральным обликом Егора Созонова⁶.

Чрезвычайно показателен для взаимоотношений адвокатов с их подзащитными-революционерами обмен признаниями между героем «Народной воли» А. Д. Михайловым и его (а также Софьи Перовской) защитником Е. И. Кедриным после процесса «20-ти». «Вы сделали все, что могли, — написал Кедрину Михайлов из Петропавловской крепости. — <...> До последнего момента жизни буду с самой горячей признательностью вспоминать о Вас»⁷. Кедрин, со своей стороны, в письме к отцу Михайлова преклонился перед «мужеством, энергией и непоколебимой твердостью воли» своего подзащитного: «Я уверен, что его светлый нравственный образ никогда не изгладится из моей памяти»⁸.

Достоинно венчают ряд таких свидетельств почтительно-приветственный адрес Вере Фигнер к ее 80-летию от «старой

---

¹ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели Берлин, 1921 Т. 2 С. 42

² Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине Нью Йорк, 1953 С. 146

³ Чарушин Н. А. О далеком прошлом 2-е изд. М., 1973 С. 268

⁴ РГАЛИ Ф. 1337 Оп. 1 Д. 160 Л. 148 (воспоминания С. А. Никонова).

⁵ Михайловский Н. К. Воспоминания Берлин [Б. г.] С. 19–20

⁶ Утевский Б. С. Указ соч. С. 153

⁷ Письма народовольца А. Д. Михайлова М., 1933 С. 261, 263

⁸ Прибылева Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов Л. М., 1925 С. 76 Современный беллетрист И. Е. Синицын, пишущий под псевдонимом «Егор Иванов», рисует Евгения Ивановича Кедрина подонком, «органически чуждым» таким понятиям, как патриотизм и благородство», творящим «все новые и новые подлости и предательства» (Иванов Е. Негромкий выстрел М., 1978 С. 123, 131) Этот Кедрин — извращенный плод фантазии беллетриста

политической защиты», составленный Н. К. Муравьевым¹, сердечное поздравительное письмо самой Веры Фигнер Д. В. Стасову в связи с его 89-летием² и просьба В. И. Ленина к Е. Д. Стасовой: «Батюшке Вашему засвидетельствуйте мое глубокое уважение. Достойнейший человек!»³

Постепенно завоеванное уважение передовой части русского общества и, в особенности, тоже не сразу обретенное доверие борцов за свободу воодушевляло адвокатов, помогало им честно и смело — вопреки соблазнам и обещаниям, угрозам и нападкам «сверху» — исполнять их профессиональный долг как защитников права, гуманности, справедливости.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 611. Л. 7–8.

² ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 281. Л. 1.

³ Подляшук П. И. Богатырская симфония. М., 1977. С. 175.

Часть II

Адвокатура
на
политических процессах
1866—1904 гг.

**Мы имели свою Плевну и Шипку, своих
Радецких и Скобелевых.**

В. Д. Спасович

Становление политической защиты в России (1866—1877)

Впервые в России адвокатура выступила на политическом процессе летом 1866 г. — по делу ишутинцев. Все в этом деле затрудняло действия адвокатов, слагаясь в тягчайшее для них испытание. Из ряда вон выходящим, небывалым в стране оказался предмет обвинения — попытка революционера, Д. В. Каракозова, убить царя. Дело слушалось в Верховном уголовном суде, т. е. в исключительной инстанции, судившей ранее декабристов и петрашевцев, при закрытых дверях (в Петропавловской крепости), во многом по-дореформенному, инквизиторски. Следствие по делу вела чрезвычайная комиссия графа М. Н. Муравьева¹, которая была создана и действовала вне всякой зависимости от судебных уставов, по аналогии с дореформенными комиссиями такого рода, хотя Уставы 1864 г. возлагали дознание (т. е. первоначальное расследование с целью установить самый факт преступления) и предварительное следствие на членов судебных палат и специально назначаемых следователей под присмотром лиц прокурорского надзора². Муравьев предвзято «уличил» 36 отданных

Дело
ишутинцев
и Каракозова

¹ Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — родной брат сосланного в Сибирь декабриста Александра Муравьева и троюродный — повешенного Сергея Муравьева-Апостола, сам бывший декабрист, соавтор устава «Союза благоденствия», отвергнув и прокляв собственное прошлое, любил говорить, что он не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают. За образцовое подавление польского восстания 1863 г. он и получил прозвище Вешатель, лишший раз подтвердив тем самым народную мудрость. «Нет худших чертей, чем падшие ангелы»

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 2. С. 388—390, 394.

под суд «крамольников» по меньшей мере «в знании и недонесении» о самых преступных умыслах, причем одиннадцать из них, выделенных в первую группу, он, по выражению председателя суда П. П. Гагарина, «всех обвинил на смерть»¹.

Суд в большинстве своем готов был идти за Муравьевым. Из шести членов суда четверо были настроены палачески. Девяностолетний сенатор М. М. Корниолин-Пинский, едва увидев одиннадцать подсудимых первой группы, сказал секретарю суда: «Все это — добыча виселицы». Граф В. Н. Панин следовал правилу: «Конечно, двух казнить лучше, нежели одного, а трех — лучше, нежели двух»². Побольше смертных приговоров жаждали и принц П. Г. Ольденбургский, и сенатор А. Д. Башуцкий³. Только твердая позиция кн. П. П. Гагарина и выступавшего на суде в качестве обвинителя министра юстиции Д. Н. Замятина, которые старались блюсти новые Судебные уставы, несколько удерживала суд от беззакония и чрезмерной жестокости. Гагарин даже записал особое мнение против смертного приговора Н. А. Ишутину⁴. Шокировала его и безгласность процесса. Как бы оправдываясь, он прямо ответил на вопрос своего обер-секретаря, почему дело лишено гласности: «Государю не угодно»⁵.

По свидетельству П. А. Валуева, бывшего тогда министром внутренних дел, Александр II, как и Муравьев, хотел бы и ожидал смертных приговоров всем обвиняемым первой группы без исключения. Вот запись в дневнике П. А. Валуева от 20 августа 1866 г., за 11 дней до вынесения приговора по первой группе: «Утром был у меня Трепов⁶. Он занят приговорением 11 виселиц, повозок, палачей и пр. *Все это по высочайшему повелению*. Непостижимо! Суд еще судит...»⁷

¹ Записки сенатора Я. Г. Есиповича // Русская старина 1909 № 1 С. 133.

² Там же № 2 С. 261, 273.

³ Там же С. 261.

⁴ Покушение Каракозова. Стенографический отчет. М., Л., 1930 Т. 2 С. 356.

⁵ Русская старина 1909 № 1 С. 134. На процесс ишутинцев впервые в истории царского суда был приглашен стенограф (В. А. Соболевский), но в печати появился только приговор с краткой информацией о существе дела.

⁶ Петербургский градоначальник.

⁷ Валуев П. А. Дневник. М., 1961. Т. 2 С. 144–145.

В таких условиях защитниками на процессе ишутинцев выступили 11 присяжных поверенных: Д. В. Стасов, В. П. Гаевский, А. А. Добролюбов, А. Н. Турчанинов, В. В. Самарский-Быховец, Г. Г. Принц, А. П. Остряков, Н. А. Тимрот, С. И. Петренко, В. Э. Краузольд, Я. М. Серебряный (трое первых были избраны подсудимыми, остальные — назначены судом). Из 36 подсудимых выделялись как главные фигуры процесса трое — руководитель московской революционно-народнической «Организации» (так, одним словом, называлась она в документах процесса) Н. А. Ишутин, лидер петербургского филиала «Организации» талантливый историк и этнограф И. А. Худяков и не состоявшийся цареубийца Д. В. Каракозов (двоюродный брат Ишутина). Первого из них защищал Стасов, второго — Гаевский, третьего — Остряков.

Поскольку суд вел ишутинское дело жестко, а главное, подсудимые не отличались ни активностью, ни стойкостью (из 19 выступивших с последним словом 13 заявили о раскаянии и просили милосердия¹), постольку и защита, хотя она старалась с первого же раза не ударить в грязь лицом, выступила на этом процессе бледно. Защитники делали упор на том, что обвиняемые молоды и легкомысленны, что их намерения отнюдь не заключали в себе реальной угрозы властям, ибо «не могли выходить, по самому ничтожеству собеседников, из пределов преступной болтовни» (Остряков²), да и «то, что при этом говорилось, не считалось обязательным для тех, кто говорил» (Стасов³). Что же касается Каракозова, то его выстрел в царя Остряков расценил как «неслыханное и невообразимое на Руси преступление», совершенное без какой-либо «своекорыстной цели», вследствие «помрачения ума»; поэтому, мол, ему, Каракозову, и «жизнь может быть сохранена без нарушения высшего закона правосудия»⁴.

К чести адвокатуры на процессе ишутинцев можно отнести лишь вдохновенные речи в защиту тех обвиняемых, про-

---

¹ Покушение Каракозова Г 2 С 322–340

² Там же Т 1 С 262

³ Там же Т 2 С 317

⁴ Там же Т 1 С 264 Курсив мой — Н Т

тив которых не доставало улик. Так, «чрезвычайно прочувствованную речь, какую бы мог сказать отец в защиту своего сына», произнес С. И. Петренко в защиту самого юного из подсудимых, 18-летнего П. Д. Ермолова¹. Особое же впечатление произвела на суде защитительная речь В. П. Гаевского. Правда, Гаевский неблагоприятно отделил Худякова от других подсудимых как «недоучившихся и не желавших учиться юношей». Но при этом он мастерски использовал недостаток улик против своего подзащитного, дал отпор погромным «инсинуациям московской газеты» (М. Н. Каткова) и с большой симпатией обрисовал чисто человеческие достоинства Худякова, а также его научные заслуги: «<...> в нем столько искренности национального чувства, <...> вся деятельность Худякова проникнута такою любовью к Отечеству, такою искреннею верою в его великую будущность, что с ними положительно не уживаются недоброжелательство к народу и желание гибели его освободителя»². По свидетельству Худякова, речь Гаевского ввергла судей «в состояние столбняка»: если бы приговор объявлялся в тот день, «я был бы освобожден от суда»³. Во всяком случае, угрозу смертного приговора Гаевский от Худякова отвел. «Конечно, его энергии я обязан своею жизнью», — вспоминал Худяков⁴.

Таким образом, на процессе ишутинцев адвокатура, если и мало приобрела для своей репутации как правозащитного института, то не много и потеряла. В течение следующих пяти лет крупных политических процессов в России не было. За это время — от ишутинцев до нечаевцев — суды рассмотрели в закрытом порядке 11 дел политического характера при 38 (в общей сложности) подсудимых: три дела (поручика В. П. Нечмирова, солдат Николая Неведомского и Дядина) — о «преступном сочувствии» Каракозову; пять (А. С. Суворина, Н. В. Соколова, А. Н. Пыпина — Ю. Г. Жуковского, Ф. Ф. Павленкова и Петра Шапова) — о «дерзостном порица-

---

¹ Стасов Д. В. Каракозовский процесс // Былое 1906 № 4 С. 289

² Покушение Каракозова Т. 2 С. 302–315.

³ Худяков И. А. Опыт автобиографии. Женева, 1882 С. 163, 165

⁴ Там же. С. 154.

нии существующего строя» в печати; два (подпоручика В. С. Куязева и четырех народников из Петрозаводска) — о «преступной пропаганде»; наконец, многолюдное (24 подсудимых), но малозначащее дело политических «фальшивомонетчиков» по обвинению их в «принадлежности к тайному сообществу, имевшему противозаконную цель укрывать беглых преступников польского происхождения и других лиц, подвергшихся преследованию правительства, доставлять им фальшивые паспорта, способствовать побегу их за границу и распространять в пределах Российской империи для вспомоществования польским эмигрантам и для расстройства государственных финансов поддельные кредитные билеты, доставлявшиеся из-за границы»¹.

Дознание и следствие по четырем делам о военнослужащих осуществляло военное начальство, а по всем остальным, кроме петрозаводского (о нем речь пойдет особо), — чиновники той же следственной комиссии, которая вела каракозовское дело. Военнослужащих судили без адвокатов. О том, как вела себя защита на процессах Соколова, петрозаводских пропагандистов и политических «фальшивомонетчиков», нет данных, хотя последний из них собрал цвет адвокатуры в лице В. Д. Спасовича, Д. В. Стасова, К. К. Арсеньева, В. И. Танеева, В. Н. Герарда, А. Н. Турчанинова, К. Ф. Хартулари, А. И. Языкова, А. А. Герке, В. С. Буймистрова, Н. М. Соколовского. Зато документально засвидетельствованы выступления К. К. Арсеньева и В. Д. Спасовича на четырех процессах о печати.

Первым по времени из этих четырех процессов был суд 18 августа 1866 г. над А. С. Сувориным (будущим редактором газеты «Новое время» — или, как назвал ее Щедрин, «Чего изволите?» — а тогда либеральным журналистом) за «поричание» правительства в книге «Всякие. Очерки современной жизни». Арсеньев не отрицал антиправительственного пафоса книги, но, поскольку она была задержана еще до выхода в

Процессы
о печати

¹ Данные об этом забытом деле (включая перечень защитников) молодой исследователь Д. М. Легкий обнаружил недавно в архиве Д. В. Стасова: ИРЛИ РО Ф 294 Оп 4 Д 376.

свет, он неопровержимо доказал, что «при таких условиях можно говорить не о совершении преступления, даже не о покушении совершить его, а только о приготовлении к нему, не наказуемом», кроме особо тяжких государственных преступлений¹. Однако Петербургский окружной суд приговорил Суворина к двум месяцам тюрьмы, которые судебная палата после апелляции заменила трехнедельным арестом на гауптвахте. «Обе инстанции таким образом,— подытоживал Арсеньев,— нашли возможным покарать писателя за “образ мыслей”, оставшийся известным только наборщикам, корректорам и читавшим книгу *ex officio* чинам цензурного и судебного ведомств»².

В двух следующих делах о печати (А. Н. Пыпина — Ю. Г. Жуковского 25 августа 1866 г. и Ф. Ф. Павленкова 15 июня 1868 г.) Арсеньев, опираясь на тот же защитительный тезис, добился оправдательных приговоров, причем Сенат принял даже по делу Павленкова разъяснение, согласное с тезисом Арсеньева³. Вслед за тем, 12 августа 1869 г. в Петербургской судебной палате выиграл дело Петра Шапова и Спасович. Здесь защитник применил смелый и тонкий ход. Опровергая предъявленное Шапову обвинение в том, что он издал «Письма об Англии» Луи Блана, якобы «противные монархическому образу правления», Спасович подчеркнул, что из блановской критики абсолютизма в Англии и Франции «невозможно вывести никаких заключений, которые могли бы быть применены к нашему образу правления». «В Англии,— говорил он,— власть королевская страшно слаба⁴, а между тем ей отдают величайшие почести. У нас — наоборот»⁵. Еще больше, по словам Спасовича, отличается от русского самодержавия французский абсолютизм. «Нет ничего общего между абсолютизмом, возникшим на облитой кровью мостовой при обстоятельствах, неблагоприятных ему, в

¹ Арсеньев К. К. Из воспоминаний // Голос минувшего 1915 № 2 С. 122

² Там же

³ Там же

⁴ «Скипетр королевы не тяжелее веретена», — так выразился Спасович в этой речи (Спасович В. Д. За много лет. СПб., 1872. С. 374)

⁵ Там же. С. 375.

стране, привыкшей к свободе, и нашим правлением, которое по крайней мере в последние 15 лет делает совершенно противоположное тому, что творил французский абсолютизм: уничтожило крепостное состояние, создало либеральные учреждения, упрочило закон, поставило на ступень его независимый суд, открыло публике тайны государственных финансов... Больше мне говорить запрещает чувство приличия. Я боюсь, чтобы меня не заподозрили в тонкой лести...»¹

Не согласиться с таким суждением — значило бы невыгодно представить русский абсолютизм. Согласиться же — значило оправдать Щапова. Он и был оправдан.

По новым Судебным уставам дознание и следствие впервые были предприняты с ноября 1869 г., о нечаевцах, то есть участниках революционной организации «Народная расправа» (другое название — «Общество топора»), которую создавал и возглавил С. Г. Нечаев. Царизм готовил суд над нечаевцами с видимым расчетом опорочить своих противников перед общественным мнением. Владея такими козырями, как юридически доказанный факт злодейского убийства Нечаевым студента И. И. Иванова, одиозно-экстремистский текст нечаевского «Катехизиса революционера», нечаевский (фальшивый) мандат члена Интернационала, каратели надеялись запятнать как русскую революцию, так и международное революционное движение, в особенности Интернационал, именем которого прикрывался Нечаев. Уверенные в успехе, царские юристы расследовали дело нечаевцев в строгих рамках только что прокламированной законности. В результате дознание и следствие по этому делу затянулись на полтора года и, главное, показались «верхам» слишком демократичными с процессуальной точки зрения. Поэтому еще до начала суда над нечаевцами, 19 мая 1871 г., вышел закон, по которому производство дознаний о политических делах отныне передавалось жандармам².

Этот закон, призванный сделать дознание более оперативным и менее церемонным, стал ширмой для прикрытия тра-

¹ Спасович В. Д. За много лет. СПб., 1872. С. 376–377.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. Отд. 1. С. 591–594.

диционного жандармского беззакония. Дело даже не только в том, что жандармы намеренно попирали и законность, и процессуальный регламент, и элементарный такт. Важно и другое: квалифицированно исследовать признаки и, тем более, мотивы государственных преступлений они, как правило, не могли — ни по разумению своему, ни по образованию. «Преследуется нечто неуловимое — известное направление ума,— писала об этом либеральная газета “Порядок”, — а судьями и решителями подобных тонких психологических вопросов об образе мыслей являются низшие полицейские агенты, по образованию пригодные в деле наблюдения за чистотою улиц»¹, субъекты, о которых шеф жандармов П. А. Шувалов не стеснялся говорить при людях: «Мои скоты»².

**Петро-
заводское
дело**

Спустя три недели после обнародования закона 19 мая 1871 г. в Петрозаводске состоялся судебный процесс над четырьмя народниками (С. В. Зосимским, В. В. Рейнгардтом, Л. Б. Гольденбергом, В. П. Ружевским) по обвинению их в революционной пропаганде среди крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Олонецкая судебная палата вела его точно по Уставам 1864 г., хотя и с учетом Закона 19 мая 1871 г., при открытых дверях. Это и был *первый в России гласный политический процесс*³. Он прошел 23 июня, за неделю до начала суда над нечаевцами, прошел негромко в сравнении с грандиозным нечаевским делом, скоро потерялся в длинном ряду других процессов и был забыт. Так и считают обычно (несправедливо) первым гласным политическим процессом в России процесс нечаевцев⁴.

**Процесс
нечаевцев**

Впрочем, защита в петрозаводском деле была представлена неизвестными Петровым и Рыбаковым, о поведении которых на суде нет данных. Зато состав защиты на процессе нечаевцев оказался исключительно ярким (в этом отношении его со временем превзошел лишь процесс «193-х»). Нечаевцев защищали: В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов, В. И. Тане-

---

¹ Порядок 1881 2 (14) февраля (передовая статья)

² Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1968 Т. 5 С. 284

³ Материалы о нем в ГАРФ Ф 109 3 эксп. 1870 Д. 124.

⁴ БСЭ. 3-е изд. Т. 21. С. 162, СИЭ. Т. 11. С. 665

ев, К. К. Арсеньев, В. Н. Герард, Е. И. Утин, П. А. Потехин, А. М. Унковский, А. Н. Турчанинов, В. М. Пржевальский¹, А. А. Ольхин, К. Ф. Хартулари, А. И. Языков, А. А. Герке, Н. М. Соколовский и другие, всего 23 адвоката. Все они сознавали особую важность первого в России *крупного* гласного политического процесса, который к тому же слушался в условиях общественного подъема. Адвокаты тщательно готовились к процессу и перед его открытием, 30 июня, собрались все у Спасовича, «чтобы потолковать о способе ведения дела и о плане защиты»². Процесс открылся в Петербургской судебной палате 1 июля 1871 г. и шел почти 2,5 месяца, по 11 сентября.

Обвинение («заговор с целью ниспровержения правительства во всем государстве»), хотя и дифференцированное между разными группами подсудимых (составление заговора, участие в нем, пособничество, недонесение)³, придавало нечаевскому процессу большую политическую значимость. Это подчеркнули и масштабы процесса. По числу подсудимых (79 человек) дело нечаевцев из всех 420 политических процессов в России за 1866–1904 гг. уступает только процессу «193-х».

Царские верхи, уверенные в успехе дела, еще ни на одном из политических процессов серьезно не обманувшиеся, специально не подбирали для процесса нечаевцев (как они стали делать это позднее) сугубо надежных инквизиторов. Здесь не было таких палачей, как подвизавшиеся на следующих процессах П. А. Дейер, Э. Я. Фукс, Б. Н. Хвостов, Н. С. Крашенинников и др. Материалы суда над нечаевцами говорят, что все судьи держались внешне порядочно и корректно, а пред-

---

¹ «Судебный вестник» 28 августа 1871 г. (С. 3), перечисляя адвокатов по делу нечаевцев, назвал присяжного поверенного Пшевальского. Это явная опечатка: присяжного поверенного с такой фамилией в России тогда не было. Жена одного из подсудимых нечаевцев Л. Н. Пирамидова называла в числе защитников на нечаевском процессе именно В. М. Пржевальского (ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 438. Л. 1 об.).

² РГБ. РО. Ф. 311. П. 12. Д. 6. Л. 1.

³ Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 1. С. 182, 209, 220, 225.

седатель А. С. Любимов, по мнению реакционных кругов, «вел себя слишком гуманно и любовно с подсудимыми», пригласив их ни много ни мало, как «пересесть прямо в сонм судей»¹. Так отреагировали эти круги на либеральный жест Любимова при оглашении оправдательного приговора некоторым из подсудимых. «Господа,— обратился он к оправданным,— отныне вам место не на позорной скамье, а среди публики, *среди всех нас*»². Вполне добросовестными и гуманными оказались на процессе нечаевцев и оба обвинителя — прокурор Петербургской судебной палаты В. А. Половцов и товарищ прокурора П. А. Александров (будущий знаменитый адвокат). И тот, и другой обвиняли сообразно с фактами, без пристрастия и озлобления, и предлагали умеренные наказания.

Суд над участниками революционного заговора впервые при открытых дверях, естественно, вызвал небывалый интерес. В зал суда хотели попасть буквально все. Здесь были и высшие сановники, и простонародье, корифеи литературы (Ф. И. Тютчев, Н. С. Лесков, возможно Ф. М. Достоевский) и неграмотные зеваки. Преобладала же (в громадной степени) учащаяся молодежь. «Студенты, чтобы попасть в зал суда на разбор дела, иногда дежурили напролет всю ночь на дворе суда»³. По данным III отделения, «все личности, составлявшие публику, вполне сочувствовали подсудимым»⁴.

Гласность процесса, публичность его заседаний и особенно явное сочувствие публики ободряли подсудимых, стимулируя их мужество («на людях и смерть красна»!) и активность. Большой частью (примерно 55–60 чел.) это были именно нечаевцы, т. е. участники «Народной расправы» (сам С. Г. Нечаев судился отдельно, полтора года спустя). Но вместе с ними были и революционеры из других кружков, даже противники нечаевщины. Все они, исключая В. В. Александровскую, которая играла в деле нечаевцев, вероятно, провокационную роль, держались с

¹ Никитенко А. В. Дневник Т 3 (1866–1877) М., 1956 С 212 Ср. Московские ведомости 1871 25 июля (передовая статья)

² Государственные преступления Т 1 С 188 Курсив мой — Н. Т.

³ Фроленко М. Ф. Собр. соч. М., 1932. Т. 1 С 169

⁴ Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов М., Л., 1931 С 161

достоинством. Ни один из них не раскаялся и не просил снисхождения. Напротив, многие из них (особенно П. Н. Ткачев, Ф. В. Волховский, А. Д. Дементьева, П. Г. Успенский, В. Н. Черкезов) смело и аргументированно рассуждали «о негодности настоящего общественного строя»¹.

В таких условиях защита с первых же дней процесса повела себя, за малым исключением, солидарно с подсудимыми. О чем договорились защитники на совещании у В. Д. Спасовича перед началом суда, мы не знаем. Но, судя по тому, что и как говорили они на суде, у них были согласованы три линии защиты: юридический разбор и опровержение обвинительного акта; умаление значимости (и, стало быть, опасности для государства) революционных сил; раскрытие, отчасти даже поэтизация нравственного облика подсудимых.

Первым с защитительной речью на процессе выступил А. И. Урусов. Он начал с того, что пошатнул общее предубеждение против подсудимых, сложившееся под впечатлением обвинительного акта, который муссировал уголовную фабулу в нечаевщине. Урусов доказывал, что «нечаевщина» — дело политическое, а безнравственность политического преступления далеко не так очевидна и постоянна, как преступлений частных; понятие о ней «изменяется сообразно времени, событиям, правам и достоинствам власти». К политическим преступлениям (в отличие от уголовных) приводит и «увлечение самыми благородными идеями». В частности, «у подсудимых была действительная любовь к родине, не в смысле географического понятия, но к родине, как к той земле, на которой живет народ, нам дорогой и близкий». Революционное настроение молодежи Урусов толковал как естественный протест против реакционного режима. «Не имея права собирать, открыто помогать своим нуждам, молодежь эта,— говорил он,— весьма легко вовлекается в тайные ассоциации»².

Урусов отвергнул попытку обвинения распространить уголовный компонент дела (убийство И. И. Иванова), кото-

---

¹ Подробно см. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 130–134.

² *Правительственный вестник* 1871. 13 (25) июля. С. 2–4.

рым действительно были запятнаны Нечаев и четверо его подручных, на всех вообще нечаевцев. Более того, он доказал, что предъявленное нечаевцам обвинение в заговоре неправомерно, поскольку само понятие заговора включает в себя совокупно два признака, а именно: 1) всем известную и всеми же принятую цель и 2) устремленность к этой цели таких действий, как выбор места и времени восстания, распределение ролей, приобретение оружия и т. д., — в деле же нечаевцев даже первый признак не вполне наличествует, а второго просто нет; здесь налицо еще не заговор, а тайное общество, т. е. ответственность не по ст. 249 и 250, чреватой смертной казнью, а по ст. 318 (тюрьма или ссылка)¹.

В присущей ему язвительной манере Урусов разоблачал юридические натяжки обвинения («способ обвинения: данных нет, улики нет, нужно прибегнуть к соображениям»); так, например, ответив на тезис прокурора, будто защита должна доказать, что революционный текст, найденный у Ф. В. Волховского, — не улика: «Прокурор пользуется этим документом как уликою; следовательно, он и должен доказать, что этот документ — улика»².

Другие адвокаты подтверждали, дополняли и развивали сказанное Урусовым. Д. В. Стасов, в частности, опроверг стандартный довод обвинения, что коль скоро подсудимые читали какие-то прокламации, то, значит, разделяли их идеи, а если передавали кому-то — значит, распространяли: «Каждый из нас читает различные книги, неужели же мы разделяем и обязаны разделять мысли каждой прочитанной!»³ Н. М. Соколовский показал гипотетичность параллели, которую обвинение провело «по духу» между нечаевским и каракозовским «заговорами». Защитник требовал строить все обвинительные уподобления на фактах, а не на духе, заметив, что гипотетически, по духу, можно связать дело нечаевцев и с восстанием 14 декабря 1825 г.⁴

---

¹ Правительственный вестник 1871 13 (25) июля. С. 2.

² Там же 15 (27) июля С. 5

³ Там же 1 (13) августа С. 2.

⁴ Там же. 15 (27) июля. С. 2.

Однако, стараясь облегчить участь своих подзащитных, адвокаты нередко принижали значимость их идей и деяний. Тот же Соколовский определил нечаевскую организацию как «вместилище пустоты»¹. Урусов оценил ее несколько уважительнее: «Как идея — это симптом весьма важный, как факт — это ничтожество»². Наиболее сильно и, к огорчению подсудимых, ярко проводил эту линию защиты В. Д. Спасович.

В трех своих речах на процессе нечаевцев (в защиту П. Н. Ткачева, А. К. Кузнецова и Е. Х. Томиловой) «король адвокатуры», хотя и признавал, что в современном русском «политическом климате» думающий молодой человек «по необходимости делается социалистом» («можно сказать, что почти все мы там были, в этой социалистической стране...»³), но изображал этот «русский социализм» не опасным для государства и *преходящим*. «Вам случалось, господа судьи,— говорил Спасович,— живая в деревне в мае и в июне, когда являются комары бесчисленными толпами. Они неприятны. Но что бы вы сказали тому, кто задумал бы их истреблять целыми массами в известной местности? — истребишь одного, являются тысячи других. Ведь всякому известно, что придет июль, и все комары пропадут сами собою, потому что изменятся климатические условия. И вот, я думаю, что по политическому календарю России был май в начале шестидесятых годов, что в настоящее время мы переживаем июнь и что, даст Бог, доживем и до июля»⁴.

При этом Спасович резко отделил нечаевцев от самого С. Г. Нечаева, которого он представил как «олицетворение моровой язвы», ибо он «всюду приносил заразу, смерть, аресты, уничтожение», а его идеал, возглашенный в «Катехизисе революционера»,— это, по словам Спасовича, «всеобщий кавардак, преставление света», с целью «поставить вверх дном все существующее, точно метлой вымести все высшие классы и заварить такую кашу, не только российскую, но даже евро-

---

¹ Правительственный вестник 1871 15 (27) июля. С 3

² Там же 13 (25) июля С 3

³ Спасович В Д За много лет С 432

⁴ Там же С 447

пейскую, <...> которую и через 50 лет не расхлебали бы наши потомки»¹. Нечаевцы же шли за Нечаевым единственно с целью посвятить себя делу освобождения народа, «побороть эксплуататоров», т. е. из «прекрасных, преблагородных» побуждений². О мистификации, иезуитстве, безнравственности нечаевщины они, как правило, даже не знали (в одном Нечаев их обманул, другое скрыл). Пресловутый «Катехизис революционера» вообще не читался в организации именно потому, что «если бы читался, то произвел бы самое гадкое впечатление»; сам Нечаев никому не внушал, «что людей нужно надувать (§ 14 и 19 “Катехизиса”— Н. Т.), потому что в таком случае кто же бы согласился, чтобы его заведомо надули?»³

Блистательная, хрестоматийная речь Спасовича на процессе нечаевцев в защиту А. К. Кузнецова надолго стала примером сочувственного к подсудимому анализа его мировоззрения, психологии и нравственности⁴. Вслед за Спасовичем так же анализировали внутренний мир своих подзащитных (пробуждая к ним общественные симпатии) Д. В. Стасов, К. К. Арсеньев, В. Н. Герард, Н. М. Соколовский, Е. И. Утин. Последний, между прочим, привлёк внимание суда и общественности к тому, что не только в России, но и в целой Европе после Великой французской революции XVIII в. процесс нечаевцев был первым политическим делом, по которому предстали перед судом женщины⁵ (сразу восемь).

Исполняя свой профессиональный долг, некоторые адвокаты высказывали довольно рискованные доводы в защиту убеждений подсудимых. В. И. Танеев, к примеру, заявил, что он не видит ничего противозаконного в чтении Герцена, «тем более, что сочинения Герцена, отличавшегося необыкновенным талантом, принадлежат русской литературе, и изучать их необходимо каждому, кто только желает иметь полное и ос-

---

¹ Спасович В. Д. За много лет С. 418, 423, 429. Спасович сослался здесь даже на А. И. Герцена, который будто бы заявил Нечаеву: «Что это у вас, Сергей Геннадиевич, все резня на уме!»

² Там же С. 431, 432, 437.

³ Там же С. 426, 427.

⁴ Полный текст см. там же (С. 418–442).

⁵ Правительственный вестник. 1871. 1 (13) августа. С. 3.

новательное понятие о русской литературе». Председатель суда оборвал речь Танеева репликой, что, «как бы ни были хороши в его глазах известные сочинения, но если эти сочинения запрещены, то уже чтение и распространение их по букве закона всегда может и должно признаваться преступлением»¹.

В общем, как метко выразился радикальный журналист П. Ф. Алисов, адвокаты на процессе нечаевцев «дошли до той математической линии, перейдя которую на волос, они рисковали вместо защитников попасть в число подсудимых»².

Такое поведение защиты на политическом процессе вызвало оживленные толки. Официальные круги были разгневаны. В публикацию (день за днем, по ходу процесса) стенографического отчета 3 августа был внесен многозначный корректив: «Ввиду пространности речей защитников по политическому делу, рассматриваемому в С.-Петербургской судебной палате, Министерством юстиции признано более удобным печатать на будущее время лишь изложение сущности этих речей»³. Агенты III отделения жаловались, что защитники «облагородили личности подсудимых», а князь Урусов, мол, даже «забавлялся вылазками против обвинительной власти»⁴. Реакционная пресса начала поносить адвокатов как «говорунов», которые-де находят удовольствие в том, чтобы «колебать закон» и «пококетничать» с революционной средой⁵. Даже умеренный «Голос» в № 197 за 1871 г. обозвал их «панурговым стадом».

Зато прогрессивная общественность и революционеры отзывались об адвокатах в дни процесса нечаевцев и вскоре после него очень доброжелательно. Н. К. Михайловский счел выступление защиты на процессе «блестательным»⁶. Ф. И. Тютчев писал дочери, А. Ф. Аксаковой (жене И. С. Акса-

---

¹ Правительственный вестник 1871 3 (15) августа С 4

² Алисов П. Ф. Сборник литературных и политических статей Genève, 1877, С 97

³ Правительственный вестник 1871 3 (15) августа С 3 Курсив мой — Н Т

⁴ Нечаев и нечасвцы С 169, 186

⁵ Московские ведомости 1871 25 июля (передовая статья)

⁶ Михайловский Н К Полн собр соч СПб, 1913 Т 10 С 25

кова): «Я был поистине восхищен талантом некоторых адвокатов, например князя Урусова и Спасовича...»¹ Нечаевец В. Н. Черкезов написал Урусову после суда из тюрьмы, что речь Урусова в защиту Успенского — «лучшее, что было высказано на суде во время нашего процесса»². «Защитники по этому делу — молодец к молодцу, один лучше другого», — восхищалась Л. Н. Пирамидова³. Именно под впечатлением процесса нечаевцев начался поворот общественного мнения в пользу адвокатуры.

Защита на процессе нечаевцев, безусловно, сыграла немалую роль в том, что подсудимые выиграли поединок с царскими судьями. Расчеты правительства, которое затеяло этот процесс для того, чтобы развенчать революционеров перед Россией и Европой, были сорваны. Процесс вскрыл одиозность нечаевщины (т. е. методов деятельности самого Нечаева), но привлек общественные симпатии к нечаевцам и к той идее коренного преобразования России, которую отстаивали Нечаев и нечаевцы. Суд принял во внимание и доводы защиты, и объяснения подсудимых и вынес на редкость мягкий (судя по значению дела и тяжести обвинения) приговор. Из 78 подсудимых⁴ больше половины — 42 человека! — были оправданы, 28 — приговорены к заключению в тюрьме на срок от 1 года 4 месяцев до... 7 дней и двое — в смирительном доме (на 2 месяца и 1 год 4 месяца), двое — к ссылке в Сибирь и лишь четверо участников (хотя и обманутых, подневольных) убийства Иванова — к разным срокам каторги от 7 до 15 лет⁵.

Правящие верхи были шокированы таким приговором. Управляющий Министерством юстиции О. В. Эссен уведомлял министра К. И. Палена, что царь ему, Эссену, «изволил сказать»: «Просто срам, как решено дело»⁶. «Юстиция наша в

---

¹ Тютчев Ф. И. Соч. В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 256.

² ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 3026. Л. 1–2 об.

³ Там же. Д. 438. Л. 3.

⁴ Один (А. П. Старицын) умер во время суда.

⁵ Текст приговора см. в кн. Государственные преступления. Т. 1. С. 188, 210, 222, 227.

⁶ РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 126. Л. 2 об.

опале», — записывал в дневнике А. В. Никитенко¹. Оба прокурора — В. А. Половцов и П. А. Александров — вынуждены были уйти из прокуратуры. Царизм после процесса нечаевцев занялся не только контрреформой суда (учредив Особое присутствие Правительствующего Сената), но и принял меры к «обузданию» адвокатуры. 28 февраля 1872 г. последовал циркуляр министра юстиции о том, что «председательствующие не должны позволять защитникам развивать суждения, прямо противные закону»².

Ход и результаты процесса нечаевцев не просто разочаровали царизм, но и лишили его былой уверенности в том, что любое судебное дело против крамолы он непременно выиграет. К тому же после нечаевского дела власти не находили больше столь выгодных для обвинения и порочащих крамолу улик, как документально засвидетельствованные авантюры С. Г. Нечаева. Наконец, и революционное движение с 1871 до 1874 г., будучи в стадии накопления сил, не проявлялось так открыто и не давало властям повода судить столько людей, как в 1869–1871 гг., а участники массового «хождения в народ» 1874 г. после долгого дознания и следствия пошли под суд, главным образом, лишь в 1877–1878 гг. Поэтому за 1872–1876 гг. царизм устроил сравнительно немного процессов (22), причем, как правило, — малолюдных (на 17 из них судились по одному человеку).

Самый громкий из этих процессов — по делу С. Г. Нечаева, 8 января 1873 г. — прошел вообще без адвокатов, поскольку Нечаев отказался от защиты. Другие процессы и сами по себе не имели большого значения и отклика, и адвокаты на них не добивались успеха, хоть отдаленно напоминавшего их успех на процессе нечаевцев. Были, правда, отдельные удачи. Так, на процессе революционно-народнической группы В. М. Дьякова в ОППС (16–17 июля 1875 г.) защитники Г. В. Бардовский, А. Л. Боровиковский, А. А. Ольхин, «желая подорвать доверие

---

¹ Никитенко А. В. Дневник Т 3 С 212

² Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами министра юстиции. СПб, 1902 С 1188.

к свидетельским показаниям, старались выставить свидетелей (обвинения. — Н. Т.) как полицейских сыщиков»¹ и преуспели в этом. В. Н. Герард на процессе Е. С. Семьяновского (СППС, 26–27 октября 1876 г.) со всей очевидностью показал, что в основу обвинения положен донос, отягощенный небылицами². Но, как правило, защита в политических делах 1872–1876 гг. выглядела бледно.

Хуже того. На первом по времени процессе в ОППС — по делу долгушинцев (9–15 июля 1874 г.) — защитники во главе с В. Д. Спасовичем выступили неудачно, попытавшись ради смягчения приговора изобразить долгушинскую пропаганду малозначащей и безвредной. «Она, — говорил Спасович, — походит на то, как если бы человек двадцать, тридцать, сто или более отправились на берег Невы и стали дуть на воду с тем, чтобы произвести волнение и всколыхать водяную поверхность»³. Другие защитники (Е. И. Утин, Л. А. Куперник, В. П. Гаевский, В. С. Буймистров, А. Н. Матросов) держались, более или менее, той же линии, дав повод П. Л. Лаврову упрекнуть их всех в том, что они «помогли правительству раздавить своих клиентов <...>, унижая в глазах судей их убеждения, унижая их деятельность, унижая их личности»⁴. Поэтому отношение общества и революционного подполья к адвокатуре оставалось в целом неприязненным, и только серия выдающихся процессов 1877–1878 гг. (по делу о Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х» и Веры Засулич), последовавших один за другим в обстановке назревания революционной ситуации, доставили ей, наконец, широкое и устойчивое признание.

Историческая Казанская демонстрация народников-земле-
владельцев и передовых рабочих 6 декабря 1876 г. на площади
перед Казанским собором в Петербурге была первой в России
открытой (уличной) политической демонстрацией против
самодержавия⁵. Царские власти, хотя и не разобрались в ее

Процесс
о Казанской
демонстрации

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1874 Д 114 Ч 66 Т 1 Л 191 об – 192 (докладная записка шефа жандармов царю)

² Что делается на родине? // Вперед! 1877 № 5 С 21

³ Спасович В Д Соч В 10 т СПб, 1893 Т 5 С 343

⁴ [Лавров П Л] Процесс // Вперед! 1874 Т 3 С 227.

⁵ См о ней Ленин В И Полн собр соч Т 5 С 369

политическом и, тем более, классовом смысле, отлично поняли, как заметил М. Н. Покровский, одно: «что революционное движение перешло к каким-то новым приемам борьбы, что оно прежде всего страшно осмелело»¹. Поэтому демонстрация и напугала, и озлобила их, тем более что в российском Уложении о наказаниях не нашлось даже статьи, карающей за демонстрацию. «Составители его,— вспоминал один из «казанцев»,— по-видимому, не подозревали о возможности такого явления»². В конце концов «было высочайше испрошено дозволение» применить здесь ст. 252 Уложения («бунт против власти верховной, т. е. восстание скопом») ³.

Судебный процесс над участниками Казанской демонстрации, таким образом, становился выдающимся именно из-за предмета обвинения. «В истории русских политических процессов демонстрация эта играет важную роль,— отмечал А. Ф. Кони.— С нее начался ряд процессов, обращавших на себя особое внимание и окрасивших собою несколько лет внутренней жизни общества»; ранее «революционная партия преследовалась за распространение своего «образа мыслей», в деле же о преступлении 6 декабря впервые выступал на сцену ее «образ действий»⁴.

Царизм повел судебное дело «казанцев» торопливо и бесцеремонно, по материалам только жандармского дознания без предварительного следствия. Все обвинение основывалось исключительно на показаниях свидетелей, большинство которых составляли полицейские, городовые, дворники, т. е. те, кто хватал и арестовывал «казанцев». Даже самый состав подсудимых оказался случайным (только пятеро из 21-го были участниками демонстрации). Все они держались на суде тактики запирательства.

В такой ситуации защитники (А. Н. Турчанинов, Г. В. Бардовский, А. А. Ольхин, В. С. Буймистров, С. М. Неклюдов

---

¹ Покровский М. Н. Избр. произведения М., 1967. Кн. 4. С. 75.

² Чернавский М. М. Демонстрация 6 декабря 1876 г. По воспоминаниям участника // Каторга и ссылка. 1926. № 7–8. С. 18.

³ Бибергаль А. Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади // Там же. С. 26. Автор 252, ошибочно назвал здесь 249-ю статью.

⁴ Кони А. Ф. Собр. соч.. В 8 т. Т. 2. С. 29, 30.

и др., всего — 12) повели себя наступательно. Правда, в официальном отчете их речи сокращены и отредактированы так, что выглядят вполне благонамеренно. Но, как явствует из агентурных донесений о ходе процесса, некоторые защитники выступали с «противоправительственным жаром». А. А. Ольхин, невзирая на многократные замечания первоприсутствующего, разоблачал пристрастность и бездоказательность обвинения, основанного на жандармском розыске и главным образом на оговорах подставных свидетелей вроде солдата Ефимова, который «готов изменить свои показания за пятиалтынный». Явно в пику III отделению Ольхин предложил, «чтобы отныне расследование подобных преступлений поручалось судебным следователям, опытным и юридически образованным, а не тем учреждениям, которые в слепом рвении и правого делают виноватым»¹.

Присяжный поверенный В. С. Буймистров «счел возможным сказать публично, что подобные демонстрации будут повторяться до тех пор, пока все правительственные реформы не будут обсуждаться *самим народом* через избранных представителей; г-н же Бардовский выразил, что в словах на флаге “Земля и воля” ничего нет преступного и что слова эти через 100 лет от дня издания высочайшего указа об освобождении крестьян будут девизом на том монументе, который воздвигнется в память издания означенного указа. Все это ими говорилось с таким жаром, явно противоправительственным, что обвиненные положительно укреплялись в убеждении, что они не только не виновны, но и как бы страдальцы за правоту их мыслей и действий»².

Отдельные эпизоды борьбы адвокатов с обвинением зафиксированы и в официальном отчете о процессе. Так, А. Н. Турчанинов подчеркивал, что участие в Казанской демонстрации не подсудно статье 252-й и что попытка обвинения выдвинуть в центр всего дела крамольную речь оратора юридически несостоятельна: «Произнесение речи, никем не

---

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1876 Д 253 Ч 1 Л 172 об., 173 об. — 174

² Там же Ч 2 Л 30 об. Курсив мой — Н. Т. Ср. запись речи Бардовского в архиве Д. В. Стасова ИРЛИ РО Ф 294 Оп. 4 Д 377 Л 6

жданной, не может быть поставлено в вину участвовавшим в толпе»¹. А. Я. Камионко, сопоставив ряд «свидетельских» показаний, из которых одно исключало другое, констатировал с уверенностью, что его подзащитный Н. Я. Фалин «в церкви не был, речи не слышал, вообще в демонстрации не участвовал»². Против подсудимой С. А. Ивановой даже «свидетеля» не нашлось. Ее защитник А. А. Ольхин не столько возмущался, сколько недоумевал: «Она все время сидела никем не замеченная, она сама молчала, и о ней все молчали»³.

В итоге от имени 13 подсудимых адвокаты заявили кассационные жалобы на приговор суда, отметив, что суд подвел обвиняемых под ст. 252 искусственно, в насилие над буквой и духом закона. Сенат основательно потрудились, чтобы выработать казуистическое решение от 7 марта 1877 г., которое легло в основу последующих судебных приговоров по делам о политических демонстрациях в России, вплоть до 1905 г.: дескать, любое участие (хотя бы только при молчаливом присутствии) кого-либо «в действиях толпы, имевшей целью порицание образа правления», «должно быть рассматриваемо как восстание»⁴.

Лишь два защитника принижали на процессе действия и самые личности своих подзащитных (чтобы облегчить их участь). Л. А. Гантовер изображал знаменосца демонстрации Я. С. Потапова наивным мальчиком, который не способен на государственное преступление, ибо «не только не имеет ни малейшего понятия о том, что такое государство, но он не знает даже, что такое губернское правление», а присяжный поверенный Знамеровский представил всю Казанскую демонстрацию («произнесение речи и бросание флага», как он выразился) «делом случайным»⁵.

Осведомитель III отделения был чрезвычайно обеспокоен тем впечатлением («благоприятным для подсудимых»), которое речи адвокатов произвели на публику, хотя и не повлияли

---

¹ Государственные преступления. I 2 С. 111.

² Там же С. 103.

³ Там же С. 107.

⁴ Там же С. 119–127.

⁵ Там же С. 90, 91.

существенно на приговор. Он не преминул донести, что 3 февраля 1877 г., спустя пять дней после закрытия процесса, участники вечера в собрании художников устроили овацию Бардовскому «как защитнику угнетенных». В связи с этим агент особо подчеркнул, что, хотя «речи гг. Ольхина, Буйми-строва и Бардовского и не напечатаны во всей подробности в газетах, они были слышаны многими и, конечно, впоследствии будут известны всем, так как бывшие при говорении, несомненно, распространят их повсеместно»¹.

**Процесс
«50-ти»**

Меньше чем через месяц после суда над «казанцами» — 21 февраля 1877 г. — открылся в ОППС несравненно более крупный и громкий политический процесс «50-ти». В отличие от «казанцев», среди «50-ти» не было случайных лиц. Все они либо принадлежали к так называемой «Всероссийской социально-революционной организации» («москвичей») ², либо сотрудничали с ней. В немалой степени именно поэтому они так дружно, мужественно и активно держались перед судом. Одиннадцать из них отказались от защиты, а четверо (Софья Бардина, Петр Алексеев, Георгий Зданович, Семен Агапов) выступили со скамьи подсудимых — впервые в России — с программными революционными речами³. Такое поведение подсудимых было тем дерзостнее, что обвинялись они в тяжком государственном преступлении («составление противозаконного сообщества, имевшего целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства»), а приговор ожидался адекватный тяжести обвинения.

К чести адвокатуры, она и здесь выступила достойно — смело, не боясь солидарности с подсудимыми. Состав ее был почти столь же ярким, как в свое время на процессе нечаевцев: В. Д. Спасович, В. Н. Герард, Г. В. Бардовский, А. Л. Боровиковский, В. О. Люстиг, А. А. Ольхин, К. Ф. Хартулари, Е. В. Корш и другие, всего — 15 адвокатов. До начала суда по

---

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1876 Д 253 Ч 1 Л 219–219 об, Ч 2 Л 31

² По крайней мере 42 чел. из них были членами этой организации. Самый процесс «50-ти» нередко именуется в литературе как «дело москвичей»

³ Подробно см. *Панухина Н. Б.* Процесс «50-ти» как акт революционной борьбы // История СССР 1971 № 5

инициативе Спасовича они устроили совещание в камере подсудимого И. С. Джабадари (одного из лидеров «москвичей») и согласовали с обвиняемыми план защиты. Было решено не признавать перед судом наличия революционной организации (так обычно и поступали русские революционеры до «Народной воли») и защищать каждого из подсудимых изолированно от его сопроцессников¹.

К сожалению, речи защитников на процессе «50-ти» тоже большей частью известны в кратком (и, видимо, искаженном) официальном и агентурном переложении². Однако и донесения агентов, и отзывы самых различных по своим убеждениям очевидцев рисуют поведение защиты с достаточной ясностью. «Все речи защитников были проникнуты глубоким сочувствием к подсудимым», — вспоминала Вера Фигнер³. «Адвокаты неприличны», — раздраженно отметил 15 марта 1877 г. (на другой день по окончании процесса) П. А. Валуев⁴. Действительно, принятые в царских судах «приличия» были явно нарушены, когда В. Н. Герард обратился к судьям с такими словами о подсудимых: «Вы, которые преследуете их, не скажете, что они руководились какими-нибудь своекорыстными побуждениями, нет. Отчего так спокойно ждут они вашего приговора? — а потому что, что бы ни сказали вы, перед собственной совестью они не виноваты»⁵.

Правда, Спасович, верный себе, и на этот раз умалывал деятельность революционеров, уподобив их муравейнику, «который бы задался мыслью разрушить Монблан» Однако он же капитально опровергал «криминалистическую мифологию» обвинения — и вообще, и в частностях. «Если есть движение, — говорил Спасович, — то потому, что действуют и ору-

---

¹ Джабадари И. С. Процесс «50-ти» // Былое. 1907. № 10. С. 188–189. Кроме Джабадари и Спасовича в совещании участвовали адвокаты Герард, Бардовский, Боровиковский, Ольхин, Хартулари, Корш, И. Д. Зубарев.

² Исключение составляют речи Спасовича и Хартулари, тексты которых опубликованы, а также речь Герарда (см. ее запись в архиве Д. В. Стасова. ИРЛИ РО Ф 294 Оп 4 Д 377).

³ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. В 7 т. М., 1932. Т. 5. С. 184.

⁴ Валуев П. А. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 8.

⁵ ИРЛИ РО Ф 294 Оп 4 Д 377 Л 20.

дуют злоумышленники, которые задумали, распространили, согласили и произвели все, чего маленький отрывок прошел перед вами на суде. Такова теория обвинительного акта. По этой теории реформация произошла только потому, что появился Лютер; революции французской не было бы, не будь Мирабо». Каждый из «50-ти» «злоумышленников» обвинялся в политическом заговоре, даже если собранные против него улики не имели в себе ничего политического. Так, В. Г. Георгиевский, по мнению Спасовича, был «положительно виновен» только «в проживании по чужому паспорту», т. е. в преступлении, «по которому значительная часть населения России, всю Русь беспаспортную и бродячую можно перевести в политические преступники», и за которое он даже «судиться в Особом присутствии не может»¹.

Юридическую недостаточность обвинительного акта вскрывали и другие адвокаты. В резких выражениях делал это Бардовский: «Что касается письма, в котором сказано, что Манька хлопочет о сапогах, то обвинителем не доказано, что это письмо писано знакомым Марьи Субботиной, и она не может отвечать за то, что другие напишут о Маньке»². Бардовский и Ольхин вообще держались непочтительно с обвинителем, товарищем прокурора кассационного департамента Сената К. Н. Жуковым. Например, в агентурном донесении от 26 февраля 1877 г. читаем: «Во все время судебного следствия присяжный поверенный Ольхин пикировался с товарищем прокурора и в конце концов прочел ему целое наставление, обвиняя его в превышении власти <...> Товарищ прокурора обиделся и просил первоприсутствующего заметить Ольхину неуместность этой выходки и избавить его от наставлений». Разумеется, «первоприсутствующий сделал Ольхину замечание и признал выходку его против прокурора неуместною»³.

Лишь присяжный поверенный Ф. Ф. Коврайский выпадал на процессе «50-ти» из ансамбля защитников. Его подзащит-

---

¹ Спасович В. Д. Соч. В 10 т. Т. 6. С. 128, 141–142.

² Государственные преступления... Т. 2. С. 314.

³ ГАРФ. Ф. 109. З. экзп. 1874. Д. 144. Ч. 127. Т. 2. С. 143. О пикировке Бардовского с Жуковым см. Там же. Л. 145 об.

ный, рабочий Филат Егоров, даже отказался от него, заявив суду: «Мне назначили такого защитника, которого нужно погонять палкой»¹.

Суд мало прислушивался к доводам защиты, а безбоязненность подсудимых только озлобила его. Приговор был суров: 15 человек, включая 6 женщин, получили каторжные сроки от 3,5 до 10 лет. Однако А. Л. Боровиковский уговорил осужденных на каторгу подать кассационные жалобы, а сам «поднял агитацию среди сенаторов и действовал с такой энергией, что, к всеобщему удивлению, кассационная жалоба была уважена»², правда, не для всех: как явствует из подлинного текста резолюции кассационного департамента Сената от 7 мая 1877 г., каторга была заменена ссылкой в Сибирь пяти осужденным, в т. ч. трем женщинам (Лидии Фигнер, Вере Любатович, Варваре Александровой)³.

Показателен для поведения защиты на процессе «50-ти» тот факт, что после знаменитой речи Петра Алексеева не только подсудимые, но и адвокаты прямо в зале суда горячо поздравляли его, причем Спасович взволнованно воскликнул: «Это народные трибуны!»⁴ Боровиковский под впечатлением процесса написал и посвятил одной из подсудимых — Лидии Николаевне Фигнер стихотворение «К судьям», которое впервые было опубликовано в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!» (т. 5 за 1877 г.) и распространялось в списках по всей России⁵. Текст этого стихотворения Боровиковский приложил к письму, с которым он обратился в ночь на 16 марта 1877 г. к А. Ф. Кони: «Мне очень, очень хочется видиться с Вами, чтобы поделиться впечатлениями процесса о “государственных преступниках”... А пока посылаю стихи. Я писал их, видя перед собою одну из “преступниц” (Фигнер), у которой я с радостью поцеловал бы ноги, преступно ходившие босиком...»⁶

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1874 Д 144 Ч 127 Т 2 Л 133

² Фигнер В И Процесс «50-ти» С 27

³ ГАРФ Ф 112 Оп 1 Д 740 Л 70–71

⁴ Джабадари И С Процесс «50 ти» С 194

⁵ Поэты-демократы 1870–1880 х годов Л, 1968 С 488, 755

⁶ Цит по Бушканец Е Г Мнимые стихотворения Софьи Бардиной // Русская литература. 1961. № 2 С 170.

Вероятно, Боровиковский старался привлечь как можно больше общественных симпатий к героям процесса «50-ти». Сохранилось письмо, которое он написал в ночь после оглашения приговора по делу «50-ти» Ф. М. Достоевскому: «Без сомнения, Вы будете говорить об этом деле, Вы обязаны это сделать. Но из газеты Вы узнаете мало. Не пожелаете ли Вы выслушать меня, очевидца, от начала до конца? Я могу рассказать Вам даже больше, чем знают судьи,— то, что говорили мне эти чистые сердцем каторжники в тюрьме — “на свободе”, как другу»¹.

Процессы участников Казанской демонстрации и «50-ти» сильно поколебали предубеждение общества против адвокатуры, а следующий — самый грандиозный в истории царского суда — процесс «193-х» разрушил это предубеждение.

Впрочем, между процессами «50-ти» и «193-х» тихо прошел еще один большой процесс, который показался мало-значущим лишь в сравнении с предыдущим и последующим процессами, да по воле властей, преуспевших в том, чтобы замолчать его. Речь идет о процессе «Южнороссийского союза рабочих» — первой в России политической организации пролетариата. Процесс слушался в ОППС 23–29 мая 1877 г. Из семи защитников шестеро были назначены судом и ничем себя не проявили, злоупотребив «просительным тоном»². Но седьмой — присяжный поверенный П. А. Потехин, которого пригласили главные обвиняемые (в том числе руководитель «Союза» Е. О. Заславский), — выступил ярко, наступательно.

Прежде всего Потехин поставил под сомнение всю документальную базу обвинения, воздвигнутую главным образом на «свидетельских» показаниях четырех доносчиков (П. Г. Толстоносова, Я. Н. Пантелеймонова, И. К. Незабитовского, С. И. Иванова). Как только открылся суд и выяснилось, что ни одного из доносчиков налицо нет, а фигуриру-

---

¹ Письмо А. Л. Боровиковского Ф. М. Достоевскому // Каторга и ссылка. 1927. № 4. С. 86.

² Южнороссийские рабочие союзы. М., 1924. С. 186. Особенно плох был в роли защитника присяжный поверенный В. А. Бензема (там же. С. 185).

ют только их письменные «свидетельства», Потехин потребовал «дело отложить и назначить новый срок для разыскания свидетелей»¹. Суд отказал. Тогда Потехин заявил протест: «То, что не может быть проверено на суде, принимать за достоверное — противозаконно». Он подчеркивал, что «на политических процессах неявившиеся свидетели, по оговору которых, так сказать, по молве, со слов, по ветру нахватавшихся, судебным следствием не проверенных, должны пострадать несколько человек, играют весьма существенную роль. При перекрестных вопросах и под присягой они дали бы, по всей вероятности, не те показания, какие дали на дознании. Это основательно и потому еще, что свидетели на политических процессах <...> всегда дают свои показания, находясь под стражей и будучи сами обвиняемыми. Конечно, они говорят не то, что они знают, а то, что им велят говорить. Они наговаривают на других, лишь бы самим получить свободу...»²

Что касается существа дела, то в нем Потехин, намеренно обходя *политическую* нацеленность «Союза» (которую сами власти не склонны были акцентировать), взял под защиту главное — стремление рабочих к освобождению труда из-под гнета капитала. «Присутствующие здесь представители всех сословий, всех классов русского общества,— говорил он,— знают не хуже меня, насколько подавлен капиталом труд, насколько последний в руках первого и как необходимы те или другие меры к освобождению труда... Борьба труда с капиталом всегда была и всегда будет. Она законна, пока не выражается в насилии физическом»³.

В связи с этим Потехин резко парировал нападки прокурора Е. Ф. де Росси на социализм вообще и на русских социалистов в частности. «Напущенные господином прокурором страхи и ужасы для всего человечества от такого учения напрасны. Германия охраняет свое единство, целостность и существующий государственный строй, конечно, не менее Рос-

¹ ГАРФ, Ф. 112. Оп. 1. Д. 190. Л. 228.

² Южнорусские рабочие союзы. С. 122.

³ Там же. С. 175–176.

сии; однако там существуют до 14 публичных периодических органов социализма, и представители этой теории, не стесняясь, защищают ее и печатно, и устно. Все рассуждения господина прокурора о ловле социалистами рыбы в мутной воде <...>, об увлечении ими неразвитых масс народа на кровавожадные поступки à la Стенька Разин и Пугачев несколько неосновательны, настолько же и обидны для подсудимых. Мало того, господин прокурор коснулся даже и внешней стороны социалистов, объявил их шершавыми, неумытыми <...>, и закончил свою речь воззванием к вам о спасении погибающего от тлетворных идей социализма любезного отечества. Все это очень красиво сказано, но столько же и несправедливо. Прежде чем упрекать в шершавости и неумытости, дайте время на причисывание, на чистку и отделку ногтей. Прежде чем корить угловатостью, неумением шаркать по паркету, дайте им иметь свой собственный пол, хотя бы и не паркетный. Вместо того чтобы бросать грязью, лучше изучить этих людей, и вы узнаете, что они просят только того, что другим досталось без труда, пота и крови, хотя эти другие родились и без шпор на ногах»¹.

Выступление П. А. Потехина на процессе «Южнороссийского союза рабочих» не получило должного отклика у современников (процесс слушался почти без публики, легальная печать промолчала о нем), но в истории русской адвокатуры оно должно быть отмечено как посредствующее (и достойное) звено между выступлениями защитников по делам «50-ти» и «193-х».

**Процесс
«193-х»**

Процесс «193-х» был крупнейшим в истории царской России по масштабам дела и числу подсудимых (а также их адвокатов). Царизм судил на этом процессе массовое «хождение в народ» 1874 г. Тогда в 37 губерниях страны были арестованы 8 тыс. пропагандистов, дознание и следствие затянулись на 3,5 года, после чего скамью подсудимых заняли 193 наиболее опасных «крамольника»². Все они были объявлены членами

---

¹ Южнорусские рабочие союзы. С. 184–185

² Подробно о процессе «193-х» см. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 158–160, 187–200

единого «преступного сообщества», хотя в действительности представляли до 40 различных кружков, а все сообщество обвинялось в том, что оно готовило «ниспровержение и изменение порядка государственного устройства»¹. Процесс шел в ОППС больше трех месяцев, с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., под негласным контролем самого царя Александра II, который даже на фронте, в Болгарии, получал агентурные сводки о каждом заседании суда, вмешивался в ход процесса, поощрял незаконные сенаторов и журил их за соблюдение законности².

Жандармское дознание и предварительное следствие приготовили для суда большую, предвзято смонтированную документальную базу (книги, прокламации, письма, протоколы обысков, доносы и пр.). На суд были вызваны 472 подготовленных жандармами свидетеля. Первоприсутствующий сенатор К. К. Петерс, уже понаторевший в роли главного судьи на процессах участников Казанской демонстрации, «50-ти» и «Южнороссийского союза рабочих», и члены суда, среди которых выделялись верноподданнической агрессивностью сенаторы Н. О. Тизенгаузен и Б. Н. Хвостов, а также прокурор В. А. Желеховский вели дело жестко, в духе рекомендаций Комитета министров, который 18 и 26 марта 1875 г. специально рассматривал вопрос о подготовке процесса «193-х» и счел необходимым устроить его так, чтобы на нем была вскрыта «вся тлетворность изъясненных (революционных.— Н. Т.) учений и вся степень угрожающей от них опасности»³.

Подсудимые на этом процессе (отчасти именно потому, что их было так много) повели себя активнее, чем когда-либо за всю историю царского суда. Мало того, что ни один из них не раскаялся, 62 — отказались от защиты, а 120 — бойкотировали суд, как только выяснилось, что публичность процесса ограничена с циничной мотивировкой «ввиду недостаточнос-

---

¹ Государственные преступления Т 3 С 241.

² Антонов В С И Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов М, 1959 С 51 См также ГАРФ Ф 109 3 эксп 1874 Д 144. Ч 16 Т. 1. Л 465, 476–527

³ Татищев С С Император Александр II Его жизнь и царствование СПб., 1911. Т. 2. С 550–551

ти помещения»¹. Они устраивали в зале суда массовые протесты, выделили из своей среды феноменального оратора — Ипполита Мышкина, буквально потрясшего слушателей «наиболее революционной речью, которую когда-либо слышали стены русских судов»², и даже вступили в рукопашную схватку с жандармами.

На таком процессе только зрелый радикализм убеждений и гражданское мужество вкупе с чисто профессиональным (без оглядки на кого бы и что бы то ни было) исполнением служебного долга позволили бы адвокатуре выразить свою солидарность с подсудимыми. И она это сделала.

Никогда в царской России, ни раньше, ни позже, состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как на процессе «193-х». Подсудимых защищал чуть не весь цвет русской адвокатуры: В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, В. Н. Герард, Е. И. Утин, Г. В. Бардовский, А. Л. Боровиковский, П. А. Потехин, А. Я. Пассовер, А. Н. Турчанинов, М. Ф. Громницкий, В. О. Люстиг, Е. И. Кедрин, В. В. Самарский-Быховец, А. А. Черкесов, П. В. Макалинский, В. С. Буймистров, В. Ф. Леонтьев, В. М. Бобрищев-Пушкин, Н. М. Соколовский, Е. В. Корш, А. П. Коломнин, К. П. Леман, С. С. Соколов, впервые выступивший в политическом деле 26-летний Н. П. Карабчевский и др., всего — 35 адвокатов. Кроме того, в качестве защитника выступал на процессе «193-х» криминалист с мировым именем, профессор уголовного права Петербургского университета, доктор права Н. С. Таганцев.

На первом же заседании суда, открывшемся в столь тесном помещении, что там, кроме судей, подсудимых и адвокатов, едва могли уместиться в качестве публики человек 30–40, Спасович от имени всей защиты потребовал «перенести заседания в другое помещение, где бы публичное производство суда могло совершаться беспрепятственно». Он заметил,

---

¹ Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената. СПб., 1878. Т. 1. С. 11.

² С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В. С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 161.

что даже «в заседание при закрытых дверях допускается по 622-й статье Устава уголовного судопроизводства своего рода публика, состоящая из знакомых подсудимых (по трое на каждого, следовательно, 588 человек на 196 подсудимых¹)», значит, «в заседание при открытых дверях должно быть допущено не меньшее число посторонних»². Суд отклонил требование защиты.

В ходе процесса поведение почти всех адвокатов было, как никогда, смелым: одни разоблачали произвол следственных властей, принуждавших свидетелей (разными способами, вплоть до угрозы телесного наказания) лгать на подсудимых³; другие — опровергали и высмеивали инсинуации обвинения как «беллетристическую приправу», изготовленную по рецептам «Московских ведомостей», а самый обвинительный акт, этот «поход против мысли и молодости», сравнивали с фальшивками тайной канцелярии розыскных дел⁴; третьи — буквально издевались над тем, как царские юристы «с трибуны, с высоко поднятой головой, возводят в идеал гражданской доблести шпионство»⁵.

Почти все защитники протестовали против стремления обвинительной власти политически и морально опорочить подсудимых, облить их, как выразился Е. И. Утин, «толстым слоем нечистот»⁶. «Конечно, господа судьи,— говорил Н. М. Соколовский,— можно согласиться или не согласиться с мнением Милля, что революция берет самые чистые души,

---

¹ 196 подсудимых значились в обвинительном акте. К открытию суда трое из них умерли.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 112. Л. 6 об. Ср. Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Т. 1. С. 1–3.

³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 797. Л. 84 об. (речь Н. М. Соколовского).

⁴ Там же. Д. 799. Л. 3 (речь Е. В. Корша), Д. 801. Л. 132 (речь П. А. Потехина), РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 59 (всподданнейшее донесение петербургского градоначальника о речи Потехина).

⁵ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 797. Л. 51 (речь В. Н. Герарда), Д. 798. Л. 101–102 (речь Г. И. Утина). I В Бардовский прямо спросил одного из шпионов — «свидетеля» обвинения Моишу Сима «Как вас рассчитывают — поденно или поштучно, т. е. сколько людей изловите, за каждого?» Тот, не уловив сарказма в вопросе, ответил бесхитростно «Я не знаю их расчета. Я получил от шефа жандармов 350 руб. за все» (Стенографический отчет. Г. 1. С. 423).

⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 798. Л. 98–99.

но никоим образом нельзя согласиться с представителем обвинения, что русская революция берет только души отверженных». Выразив демонстративное восхищение моральным обликом своих подзащитных, Соколовский, в частности, сказал: «Нам говорят о циническом разврате, а мы видим девушек, при одном взгляде на которых всякая мысль о разврате должна заставить покраснеть»¹. Г. В. Бардовский прямо указал судьям на тщетность их попыток опозорить подсудимых: «Каков бы ваш приговор ни был, — где ни кончат они свои дни, относительно многих из них всегда можно сказать те слова, которыми лучший русский историк характеризует историческую личность: это преданность идее, каковою бы она ни была...»²

Тот же Бардовский, который, кстати сказать, имел на процессе «193-х» 18 подзащитных — больше, чем кто-либо из адвокатов на любом из политических процессов в России, — приводил много примеров предвзятости обвинения, когда арестовывали людей ни за что, привлекали к дознанию без улики и даже «толковали людям закон так, что в случае сознания они будут освобождены», а потом сознание использовали как улику³. Разоблачали предвзятую схему обвинения и другие адвокаты (А. Н. Турчанинов, Н. П. Карабчевский, П. А. Потехин, В. В. Самарский-Быховец, Е. В. Корш, К. П. Леман), особенно же капитально и остроумно — В. Д. Спасович. В резких выражениях («слышали звон, но не знают, где звонят», «с нами играют в прятки») «король адвокатуры» вскрывал юридические несообразности обвинительного акта, вроде следующей: «Я полагаю, что признаков кружка во всяком случае два — число и связь. Здесь были приводимы примеры гениального пренебрежения даже числом до того, что являлись кружки, состоящие из одного человека: например, Воронцов, другой

---

¹ ГАРФ Ф 112 Оп 1 Д 797 Л 88–88 об

² Там же Д 800 Л 107

³ Там же Л 108 об и сл. В агентурном донесении с пометой «Д Е В» о защитительной речи Бардовского, между прочим, сказано так «Подсудимых считает мучениками и страдальцами произвола и грубой силы Жандармов положительно закидал грязью < > Речь его, весьма понятно, произвела подавляющее впечатление В публике многие даже плакали» (Там же Д 771 Л 92 об – 93 об)

Робинзон Крузо»¹. Словом, как заявил Спасович на собрании петербургских адвокатов вскоре после суда, защита на процессе «193-х» «вела траншеи, пробивала бреши и разнесла голыми руками, кирпич за кирпичом, все строение обвинительного акта»².

После того как суд придумал (чтоб легче было чинить расправу) разбить подсудимых на 17 групп для раздельного слушания дела — вопреки тому, что все подсудимые были связаны одним обвинением, а именно «участием в противозаконном сообществе», — защитники дружно поддерживали протест обвиняемых против этого юридического шулерства: соответствующие заявления от имени всей защиты сделали П. А. Александров и А. Н. Турчанинов³. Поскольку же суд настоял на своем, защита искусно использовала разделение подсудимых против обвинения, доказывая, что, если нет нужды в одновременном разбирательстве дела о сообществе из 193-х подсудимых, стало быть, нет и такого сообщества. «Есть между ними какая-нибудь связь? — говорил о подсудимых В. Н. Герард. — Право, господа судьи, я думаю, что вряд ли нужно на этом вопросе и останавливаться. Полагаю, что вы дали на этот вопрос самый лучший ответ. Когда только началось судебное следствие по этому делу, вы нашли, что связи между этими 193 подсудимыми так мало, что возможно было для удобства следствия разделить их на 17 групп, столь друг от друга отдельных, что не нужно было даже объяснять подсудимым одной группы то, что происходило на другой»⁴.

Некоторые адвокаты, вслед за подсудимыми, отваживались на обвинение устроителей процесса перед лицом общества и даже перед судом истории. Е. В. Корш, например, высказал уверенность в том, что «сочувствие общества будет скорее на стороне главных по настоящему делу виновных, чем на стороне лиц, которые свели 80 человек в

---

¹ Спасович В Д Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Берлин, 1900 С 15, 16

² Спасович В Д Застольные речи (1873–1901) Лейпциг, 1903 С 18

³ Стенографический отчет Т 1 С 14–15, 18–19.

⁴ ГАРФ Ф 112. Оп. 1 Д. 797. Л. 33 об

могилу»¹. Д. В. Стасов доказывал, что «хождение в народ» было результатом «естественного ее (революционной молодежи.— Н. Т.) побуждения сблизиться с народом», и категорически провозглашал: «Никакие политические процессы, никакие заключения не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития»². П. А. Александров же смело бросил по адресу устроителей процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их к позорному столбу!»³

Судьи пытались «урезонить и вразумить» защитников, обрывали их на полуслове (Соколовского, к примеру, первоприсутствующий останавливал три раза, Лемана — десять раз), прокурор В. А. Желеховский угрожающе объявлял⁴, что адвокаты подстрекают к незаконным действиям как подсудимых, так и их единомышленников, остающихся пока на свободе⁵, но В. Н. Герард от имени своих товарищей по защите возразил прокурору: напротив, они «сильны убеждением, что свято исполнили обязанности защитников и граждан»⁶. По воспоминаниям судившегося в числе «193-х» Н. А. Чарушина, за-

---

¹ ГАРФ Ф 112 Оп 1 Д 797 Л 195 об Корш имел в виду тот факт, что за время подготовки процесса «193-х» более 80 человек умерли или покончили с собой в царских тюрьмах

² ИРЛИ РО Ф 294 Оп 4 Д 379 Л 48 об (собственноручная запись речи Д В Стасова)

³ В официальном стенографическом отчете о процессе «193 х» речи Александра нет Цитирую ее заключительные слова по записи, сделанной петербургским градоначальником для царя РГИА Ф 1282 Оп 1 Д 382 Л 58 об

⁴ Вспомним обо всем, что происходило на каждом заседании суда, доклады валось царю

⁵ ГАРФ Ф 112 Оп 1 Д 792 Л 102–103 Стихотворная пародия на обвинительную речь В А Желеховского по делу «193-х», которая, по свидетельству очевидцев, «с поразительным сходством передает не только смысл подлинной речи прокурора, но даже его слог», начинается словами

Я скажу вам предварительно,
Что защитники губительно
На преступников воздействуют,
Преступленьям их содействуют

(Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв Л, 1988 Т 2. С. 394).

⁶ ГАРФ. Ф. 112 Оп 1 Д 792 Л 103.

щита до конца «шла с подсудимыми все время рука об руку и немало содействовала увеличению политического значения процесса и влияния его на общественные круги»¹.

Весьма характерным для отношения адвокатов к подсудимым был инцидент в зале суда после речи И. Н. Мышкина. Эта речь произвела колоссальное впечатление на слушателей². По рассказам очевидцев, адвокаты «прибегали в волнении к другим подсудимым, чтобы поделиться с ними потрясающими впечатлениями от красноречия Мышкина»³. Н. П. Карабчевский спустя полвека не мог забыть «знаменитое революционное *credo*» Мышкина: «Оно потрясло и захватило всю аудиторию... Проповедь Мышкина, я убежден, запала глубоко не в одну молодую душу»⁴.

Когда жандармы схватили Мышкина, пытаясь зажать ему рот, Бардовский, Стасов, Утин и другие защитники обступили первоприсутствующего и требовали записать в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых⁵, а Карабчевский, «потеряв голову, угрожающе бросился на жандармского офицера с графином в руках»⁶. Бардовский успел помочь своей подзащитной Н. П. Войнаральской, с которой случился обморок, причем, как записано в агентурной сводке с пометой «Д. Е. В.» (т. е. «доложено Его Величеству»), «грубо отогнал предлагавшего свои услуги жандармского офицера»⁷. Так как первоприсутствующий отказался заводить против жандармов протокол («я считаю это излишним»), Бардовский, Потехин и Утин на следующий день, как явствует из донесения петербургского градоначальника царю, «заявили присутствию, что они уйдут из суда, если вчерашнее насилие стражи с подсудимыми пройдет безнаказанно»⁸.

¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 263.

² Текст ее см. в кн. Революционное народничество 70-х годов. М., 1964. Т. 1. С. 371–391.

³ Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965. С. 712.

⁴ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Т. 2. С. 30.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. З. экзп. 1874. Д. 114. Ч. 16. Т. 1. Л. 553 об. (вспоподаннейший доклад III отделения от 19 ноября 1877 г.).

⁶ Карабчевский Н. П. Указ. соч. С. 30.

⁷ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 771. Л. 66 об.

⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 26.

Такое поведение защиты на политическом процессе, естественно, навлекло на нее новую волну гнева со стороны властей. Петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов считал, что ее «неприличность» «превосходит всякое вероятие»¹. Полицейский мастер столицы А. И. Дворжицкий проклинал «расходившихся говорунов», которые, мол, произносят «невозможные защитительные речи, представлявшие, в сущности, беспощадное обвинение власти», речь П. А. Александрова признал «до крайности возмутительной» и жалел, что Александрова за такую речь не уpekли в ссылку². Всеподданнейший доклад III отделения от 19 ноября 1877 г. гласил: «Вообще, поведение многих из защитников указывало, что они как бы солидарно с обвиняемыми порешили глумиться над судом и правительственной властью»³. Впрочем, шеф жандармов Н. В. Мезенцов еще 21 октября предлагал царю «отложить заседания (суда.— Н. Т.) на некоторое время, лишить права защищать тех, которые подстрекали подсудимых к беспорядку. », однако царь рассудил, что «теперь это лишнее, так как дело пошло в ход»⁴.

Демократические же и революционные круги оценили поведение защиты на процессе «193-х» как образцовое. Об этом свидетельствуют и воспоминания современников (С. Л. Чудновский не мог забыть «блестящие громовые речи» Александрова, Бардовского, Герарда и других адвокатов, «направленные против жестокого политического режима нашего»⁵), и сохранившаяся в секретном архиве III отделения перлюстрированная переписка. «В грандиозном политическом процессе защитники держали себя превосходно», — писал, например, московский студент Алексей в Архангельск некой А. Г. Ивановой, причем выделял имена Александрова, Спасовича, Утина⁶.

---

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 383. Л. 10 об.

² *Дворжицкий К. А.* Первое марта 1881 г. // Исторический вестник. 1913. № 1. С. 118–119.

³ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 16. Т. 1. Л. 551 об.

⁴ Там же. Л. 426.

⁵ Чудновский С. Л. Из давних лет. М., Л., 1934. С. 154. О том же. *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 263.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив. III отд. Оп. 1. Д. 711. Л. 1, 6–6 об.

Опровергнув многое из постулатов и аргументов обвинения по делу «193-х», защита в какой-то мере вынудила сенаторов смягчить приговор сравнительно с тем, на что рассчитывали правительственные верхи¹ и что надо было ожидать, судя по длительности следствия и масштабам процесса. Из 190 подсудимых² 90 были оправданы, 39 — приговорены к ссылке, 32 — к заключению на срок от 3,5 лет до 5 дней, 1 — к отрешению от должности и штрафу и лишь 28 человек — к каторге от 3,5 до 10 лет³. III отделение даже опротестовало приговор в специальном докладе царю и с санкции Александра II отправило в ссылку 80 человек из 90 оправданных судом⁴.

Процесс «193-х» можно рассматривать как рубеж, которым завершился один и с которого начался другой период в истории выступлений русской адвокатуры на политических процессах. Первый период — это 11 лет становления политической защиты в России (1866–1877), второй — пятилетие ее наибольшей в XIX в. активности (1878–1882).

За 1866–1877 гг. адвокатура выработала принципы, накопила опыт и положила начало традициям политической защиты, которые в дальнейшем развивались и обогащались. Начиная с процесса нечаевцев, защитники в необходимых случаях договаривались между собой и даже с подсудимыми о совместной линии защиты. Главной своей заботой они считали борьбу за соблюдение законности, правовых норм и гарантий, против юридических ошибок и тем более предвзятости, извращений, наветов. Вместе с тем адвокаты уже в 1866–1877 гг. отваживались на защиту политических убеждений подсудимых и решительно опровергали попытки обвинения запятнать их печатью уголовщины, сочувственно обрисовывали, а то и поэтизировали нравственные качества своих под-

---

¹ Незадолго до окончания процесса, 9 января 1878 г., шеф жандармов Н В Мезенцов писал министру юстиции гр К И Палену о предстоящем «отправлении значительного числа осужденных в каторжные тюрьмы» (Красный архив 1928 Т 5 С 184 Курсив мой — Н Т)

² Трое умерли во время суда

³ Государственные преступления Т 3 С 297–298

⁴ Левин Ш М Финал процесса «193-х» // Красный архив 1928. Т. 5

защитных. Разоблачая домыслы и клевету обвинения, адвокаты таким образом защищали ПРАВДУ о русском освободительном движении, его идеях, делах и людях. Хотя иные из адвокатов (включая самого авторитетного из них — В. Д. Спасовича) намеренно, ради облегчения участи обвиняемых, умаляли значимость, а следовательно, и опасность для государства, революционных сил и действий, иногда даже вступали в конфликт с подсудимыми (например, Ф. Ф. Коврайский на процессе «50-ти»); в целом адвокатура мужественно защищала интересы и права подсудимых, нередко выступала политически *солидарно* с ними. Наиболее сильно это проявилось на процессе «193-х» — в речах П. А. Александрова, Д. В. Стасова, Г. В. Бардовского и других адвокатов. Позднее «Народная воля» резонно отмечала в ряду фактов 1877–1878 гг., которые свидетельствовали о назревании революционной ситуации в России, следующий, беспрецедентный для российской действительности феномен: «Адвокаты гремели смелыми речами, в которых приковывали правительство к “позорному столбу”»¹.

---

¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 45.

Адвокатура на политических процессах 1878–1882 гг.

Вся мыслящая Россия еще продолжала обсуждать выступления адвокатов на процессе «193-х», когда открылся (спустя два месяца после объявления приговора по делу «193-х») процесс Веры Засулич, на котором присяжный поверенный П. А. Александров — один из самых ярких защитников предыдущего процесса — достойно поддержал репутацию адвокатуры в глазах передовой части общества.

Процесс
Веры Засулич

28-летняя революционерка-народница Вера Ивановна Засулич обвинялась в покушении на жизнь могущественного петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова¹: 24 января 1878 г. она проникла в приемную к Трепову под видом просительницы и в тот миг, когда Трепов, подойдя к ней, осведомился, о чем она просит, Засулич вслед за прошением выхватила из-под тальмы револьвер — «бульдог» и выстрелом в упор тяжело ранила градоначальника². Этот ее выстрел был актом отмщения революционеров царскому сатрапу за надругательство над политическим узником (13 июля 1877 г. по распоряжению Трепова в Доме предварительного заключения был высечен розгами земледелец А. С. Емельянов (Боголюбов), который всего лишь не пожелал снять шапку перед градоначальником).

---

¹ Могущество Трепова заключалось не в должности его, а в личных связях. Он был побочным сыном Николая I и другом Александра II, а четыре его сына (Федор, Дмитрий, Владимир и Александр) стали крупными сановниками Николая II).

² Фактическая сторона покушения Засулич и суда над ней досконально воссоздана в замечательных, многократно изданных «Воспоминаниях о деле Веры Засулич» А. Ф. Кони.

Расчет царизма на процессе Засулич был тот же, что и за пять лет перед тем в деле С. Г. Нечаева: гласно осудить не только и не столько самого обвиняемого, сколько (в его лице) — злодейство революционных умыслов и поступков. Как в том, так и в этом случае предполагалось заклеить крамолу жупелом уголовщины. «Всякий намек на политический характер из дела Засулич устранялся *avec une parti pris*¹ и с настойчивостью, просто странною со стороны министерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам», — удивлялся А. Ф. Кони². На деле в этой настойчивости Министерства юстиции больше было естественного, чем странного. Едва ли власти надеялись убедить кого-либо в том, что выстрел Засулич в Трепова (как и убийство Нечаевым Иванова) — преступление чисто уголовное. Для них важно было выставить уголовщину именно как клеймо, отличающее и, конечно, порочащее крамолу. Ради этого они и передали дело Засулич (как в свое время дело Нечаева) в суд присяжных, учитывая, что уголовные преступления «возбуждают такое отвращение» в обществе, какого преступления государственные «по особому свойству своему» возбудить не могут³.

Правда, попытка скомпрометировать революционное движение на уголовном деле Нечаева и нечаевцев не удалась. Но теперь ситуация изменилась и, как могло показаться, — в пользу правительства. Во-первых, революционное движение входило в новый фазис: пропаганда уступала место террору, а террор легче было осудить перед обществом, чем пропаганду. Во-вторых, если Нечаев убивал себе ровню, то Засулич стреляла в должностное и притом высокопоставленное лицо при исполнении им служебных обязанностей, что по закону усугубляло и преступление, и наказание. Наконец, в деле Засулич суду противостояла не компания революционеров, сплоченная единством воли, как на процессе нечаевцев, и не сильная

---

¹ С предвзятым намерением (*фр*)

² Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 67.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 2. С. 391.

личность революционного вожака, как в деле Нечаева, а всего лишь женщина, уже привлекавшаяся к делу нечаевцев и, на взгляд всеведущего III отделения, ничем не примечательная¹.

Уверенность судебных «верхов» и лично министра юстиции гр. К. И. Палена в том, что присяжные обвинят террористку, была полная. Даже отказ председателя суда А. Ф. Кони поручиться перед министром еще до начала процесса за обвинительный приговор (как того потребовал Пален) не поколебал этой уверенности².

Процесс Веры Засулич занял всего один день — 31 марта 1878 г. Он слушался в Петербургском окружном суде при большом стечении публики, среди которой были государственный канцлер кн. А. М. Горчаков, военный министр Д. А. Милютин, государственный контролер Д. М. Сольский, сенаторы, члены Государственного совета, а также Ф. М. Достоевский, Б. Н. Чичерин и др.³ А. Ф. Кони вел процесс беспристрастно, при неукоснительном соблюдении законности, гласности и состязательности сторон. Прокурор К. И. Кесель — «угрюмый человек» с «болезненным самолюбием» и ограниченными способностями⁴ — произнес грозную обвинительную речь, сделав упор на «самоуправство» Засулич и «безнравственность» ее преступления⁵. Но эффект обвинительной речи был всецело нейтрализован подсудимой и ее адвокатом.

В том, что расчет правительства выиграть дело Засулич, осудить крамолу и заклеить ее печатью уголовщины не удался, первую роль сыграла, конечно, сама Засулич, слова которой «страшно поднять руку на человека, — но я должна была это сделать»⁶, были встречены аплодисментами публики. А помог ей больше всех ее адвокат.

П. А. Александров защищал Веру Засулич идеально. Он

---

¹ См. жандармский отзыв о Засулич в сб. *Нечаев и нечаевцы* М., 1931. С. 31–32.

² Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 72, 85–86.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. СПб., 1906. С. 60, 63.

⁶ Там же. С. 48.

начал с того, что отвел из состава присяжных заседателей 11 наиболее верноподданных, нацеливаясь при этом на купцов и крупных чиновников (в числе 11-ти оказались девять купцов 2-й гильдии, один действительный статский и один просто статский советники). Оставшиеся 13 заседателей представляли интеллигентские и среднечиновные круги, оппозиционно настроенные против всякого произвола. По этому поводу К. П. Победоносцев кипятился в письме к наследнику престола, что прокурор «мог бы отвести всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел», а тогда «и приговор присяжных мог быть совсем другой»¹.

Всю защиту Александров вел с ударением именно на *политическом* смысле «преступления» Засулич. «В первый раз,— говорил он,— является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, женщины, которая со своим преступлением связала борьбу за идею...» При этом Александров очень уважительно квалифицировал «государственное преступление» как таковое (в противоположность уголовному): «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко — <...> проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время»².

Александров сосредоточивал внимание присяжных не на выстреле Засулич 24 января 1878 г., а на сечении Боголюбова 13 июля 1877 г. как на причине, следствием которой стал выстрел. «Если ограничиться одним только событием 24 января,— говорил он,— тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать то, что самоуправное убийство есть преступление? Кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы? Все это истины, против которых нельзя спорить. Но дело в

---

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 120.

² Речь Александрова в защиту Засулич печаталась многократно. Здесь цит. по: Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 23–42.

том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связывается, так переплетается с фактом, совершившимся 13 июля, что смысл покушения Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в Доме предварительного заключения». Александров ставил в вину Трепову «стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства» и вообще, как жаловались два крупных царских сановника, занимавшие в разное время пост государственного секретаря, «вел дело не о Засулич, а о Трепове»¹, давая понять присяжным, что обвинение Засулич будет означать оправдание Трепова, оно повлечет за собою повторение актов произвола, подобных глумлению над Боголюбовым, и что любой из присяжных может стать жертвой такого произвола.

Психологически очень тонко Александров подводил как присяжных, так и публику и все русское общество, внимательно следившее за процессом, к выводу о нравственной (не юридической) законности выстрела Засулич. «Что был для нее Боголюбов? — спрашивал он. — Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?» Затронув чувство, Александров воздействовал и на разум слушателей, психологическое он не забывал сочетать с политическим: «Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия в лице своих представителей (т. е. присяжных, которым могло только польстить возведение их в ранг “представителей России”! — Н. Т.) будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его по важности случая в виду Европы, той Европы, которая до

---

¹ Перетц Е. А. Дневник (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 49; Из дневника А. А. Половцова // Красный архив. 1929. Т. 2. С. 190.

сих пор любит называть нас варварским государством, где атрибутом правительства служит кнут».

Заключительные слова речи Александрова были эффектны и преисполнены глубокого политического смысла: «Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников».

В эту речь Петр Акимович Александров вложил всю силу своего таланта. Близко знавший его Д. М. Герценштейн вспоминал, что он «на этот раз просто превзошел самого себя... Длинный, тощий и гибкий, он извивался и нещадно жалил и изливал свой яд на систему и на представителей насилия и самовластья. Он беспощадно гнал всю систему и всех, кто ее поддерживал, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлестал ее, обнаженную, бичами своего пламенного негодования и режущего остроумия. Он не защищал Засулич, он обвинял весь строй — таково было впечатление, и в этом была его сила и залог его победы»¹.

Как защитник Александров все предусмотрел, обо всем позаботился, не исключая и внешнего вида своей подзащитной, ее манер и привычек. Перед открытием суда он пришел к Засулич в тюремную камеру с картонкой в руках и в ответ на ее недоуменный взгляд виновато сказал: «Извините, Вера Ивановна, это я вам мантильку принес», а потом все с той же виноватой настойчивостью продолжал: «Наш народ полон предрассудков. Например, принято считать, что кто ногти грызет, тот злой человек, а у вас есть эта привычка. Пожалуйста, воздержитесь на суде, не грызите ногтей»... Наступил день суда. Как только ввели подсудимую, Александров с укором спросил ее: «Вера Ивановна, а где же мантилья?» «Мне стало так жалко его,— вспоминала позднее Засулич,— что, желая его утешить, я невольно воскликнула: “Зато ногтей грызть не буду!”»²

---

¹ Герценштейн Д. М. Тридцать лет тому назад // Былое 1907 № 6 С 252

² Кулябко-Корецких Н. Г. Мои встречи с В. И. Засулич // Группа «Освобождение труда» М., Л., 1925 Сб. 3 С 75, 76

После того как было объявлено, что подсудимая невиновна, Александров по праву разделил с Верой Засулич ее триумф. По воспоминаниям очевидцев, дамы из публики целовали ему руки, а когда он вышел из зала суда, толпа, собравшаяся на улице, устроила ему овацию: Александрова «качали и носили на руках»¹. Речь его обошла не только русскую, но и мировую прессу. Французский журналист Э. Лавинь написал о нем: «Этот русский говорит слогом Шекспира»². Русские революционеры были очень довольны речью Александрова. Вера Фигнер и две ее подруги отправили Александрову из Саратова, где они в то время вели пропаганду среди местного люда, телеграмму с «восторженными поздравлениями»³. Отныне и надолго речь Александрова по делу Веры Засулич стала самой популярной из защитительных речей на политических процессах в России, и только в 1904 г. такой же резонанс вызвала речь Н. П. Карабчевского в защиту Егора Соконова.

Процесс Засулич еще выше поднял в русском обществе акции присяжных поверенных, тем более что два одареннейших прокурора — С. А. Андреевский и В. И. Жуковский — демонстративно отказались обвинять Засулич и после суда над ней вступили оба в адвокатуру⁴. «Хороши прокуроры!» — возмущался по этому поводу государственный секретарь Е. А. Перетц⁵.

После дела Засулич до конца XIX в. на политических процессах в России судились преимущественно революционеры-террористы (с 1880 г. — народовольцы). Подавляющая часть дел о «государственных преступлениях» разрешалась, как и прежде, в административном порядке, но за 1878–1882 гг.,

---

¹ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 31, он же. Около правосудия. СПб., 1908. С. 468, Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. Т. 1. С. 41, Герценштейн Д. М. Указ. соч. С. 255.

² Lavigne E. Introduction à l'histoire du mûlisme russe. Paris, 1880. P. 18.

³ Подробно см. Троицкий Н. А. Воспоминания Веры Фигнер, записанные акад. Н. М. Дружининым // Советские архивы. 1987. № 2.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1141. «Об уклонении товарищей прокуроров С.-Петербургского окружного суда Жуковского и Андреевского от поддержания обвинения по делу Засулич».

⁵ Перетц Е. А. Дневник. С. 49.

когда революционная борьба приобрела угрожающий для самодержавия накал, в массе этих дел оказалось так много столь важных, что царизм стал вести судебные процессы чаще, чем когда-либо раньше и позже, вплоть до 1905 г.:

1878 — 20 процессов,
1879 — 30,
1880 — 33,
1881 — 16,
1882 — 21.

Военно-судебная реформа 1878–1879 гг. облегчила расправу с подсудимыми. Теперь революционерам (и, стало быть, их адвокатам) приходилось иметь дело с таким судом, который и по закону мог расправляться с ними в упрощенном, более выгодном для судей и менее удобном для подсудимых порядке судопроизводства, чем в 1866–1877 гг., а главное, открывал больше простора для беззакония.

Всего за 1878–1882 гг. царизм провел 120 политических процессов. Из них только 12 прошли в ОППС и один (по делу о покушении А. К. Соловьева на царя Александра II) — в Верховном уголовном суде, зато 74 процесса — в военных судах. Еще 32 гораздо менее значимых дела слушались в судебных палатах, окружных, губернских и полицейских судах и одно (т. н. охотнорядское 1878 г.) — в мировом суде.

Началом начал судебного террора являлось тогда последовательное (санкционированное законами 9 августа 1878 г., 5 апреля 1879 г. и особенно Положением об охране 14 августа 1881 г.) ограничение гласности суда. При закрытых дверях легче было ущемлять такой обязательный принцип пореформенного судопроизводства, как состязательность сторон. Это и делалось от процесса к процессу — не в исполнение каких-либо узаконений, а в зависимости от обстановки: либо, как на процессе «20-ти», по инициативе судей, которые, в общем, ловко приноравливались к политической конъюнктуре, либо (если суд оказывался недостаточно ловким) под прямым давлением сверху, как на процессе первомайцев.

Верховное руководство карательным террором тех лет осуществлял лично Александр II, которого заслуженно про-

звали «вешателем». С его санкции меньше чем за два с половиной года (с августа 1878 до конца 1880) один революционер был расстрелян и 21 — повешен. Виселицу царь-«Освободитель» считал более «соответственным» (чем расстрел) наказанием для борцов за свободу и не преминул сообщить это своим сатрапам для руководства¹. За те же 1878–1880 гг. тысячи «нигилистов» по суду и без суда были спроважены на какому-то торгу и в ссылку.

Перед лицом революционного натиска Александр II, не обладавший ни политической твердостью, ни силой характера и к тому же буквально разлагавшийся от страха за свою жизнь («коронованная полуразвалина», — читаем о нем, 61-летнем, в дневнике П. А. Валуева от 3 июня 1879 г.²), колебался, но под влиянием придворной реакции и личной злобы к «нигилистам» все-таки предпочитал наращивать «белый» террор. 5 апреля 1879 г. по его указу вся Россия была расчленена на шесть сатрапий (временных военных генерал-губернаторств), во главе которых встали боевые генералы с диктаторскими полномочиями: И. В. Гурко в Петербурге, В. А. Долгоруков в Москве, М. И. Чертков в Киеве, Э. И. Тотлебен в Одессе, М. Т. Лорис-Меликов в Харькове, П. Е. Коцебу в Варшаве. Каждый из них невозбранно чинил в своем наместничестве судебную и административную расправу над соотечественниками по законам военного времени.

Граф Д. А. Милютин утверждал, что в отличие от Александра I, который после либерального начала кончил Аракчеевым, Александр II будто бы до конца оставался «верен благим и гуманным внушениям своего мягкого сердца»³. Это верноподданническая ложь. На деле Александр II кончил «шестью Аракчеевыми», за что и был приговорен народо-вольцами 26 августа 1879 г. к смерти.

Итак, на процессах террористов законность судопроизводства становилась все более фиктивной, приговоры — все более свирепыми, да и само обвинение (вплоть до «посяга-

¹ Подробно см.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. М., 1978. С. 198–199.

² Валуев П. А. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. IV.

³ Милютин Д. А. Дневник. Т. 4 (1881–1882). М., 1950. С. 93–94.

тельств на жизнь его императорского величества») зачастую парализовывало инициативу защиты. На таких процессах от адвокатов требовалось особое мастерство и мужество. С другой стороны, революционный натиск народолюбцев давал русскому обществу надежду если не на свержение, то на существенные уступки царизма. В таких условиях адвокаты на политических процессах не только (а может быть, и не столько) защищали интересы подсудимых революционеров, но и пытались использовать страх правительства перед революционерами в интересах либерального лагеря, т. е. побудить царизм к конституционным уступкам. В. Д. Спасович еще в дни процесса «50-ти» откровенно говорил своему подзащитному И. С. Джабадари: «Знаете ли вы, что все-таки работаете не для социальной революции, нет, она еще далеко, а расчищаете путь нам — “буржуа-либералам”, как вы нас называете, и только. Мы воспользуемся вашим трудом и вашими жертвами»¹. Спустя четыре года известный юрист, историк права, профессор Киевского университета А. Ф. Кистяковский, выступавший защитником на процессе по делу о т. н. Чигиринском заговоре 1879 г., записывал в дневнике: «Получив уступки, либералы отрекутся от нынешних своих тайных союзников. Это как Бог свят. Но пока у либералов и радикалов противник один — это абсолютистский деспотизм. И вот союз их неразрывен, пока деспотизм и самодержавие не будут ниспровергнуты» (запись от 11 мая 1881 г.)².

Как бы то ни было, карательный террор царизма адвокаты решительно осуждали, причем — не только в защитительных речах, о чем свидетельствуют такие (рассмотренные в 5-й главе) памятники истории адвокатуры, как письмо Л. А. Куперника киевскому генерал-губернатору М. И. Черткову от 27 июня 1879 г., стихи А. Л. Боровиковского, застольные речи В. Д. Спасовича. Во всяком случае, пока в стране сохранялась революционная ситуация (1878–1882), адвокаты продолжали выступать

¹ Джабадари И. С. Процесс «50-ти» // Былое. 1907. № 8. С. 2.

² Катренко А. Н. Записи періоду другої революційної ситуації (з «Щоденника» О. Ф. Кістяківського) // Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР. 1965. № 3. С. 58.

на политических процессах активно и солидарно (насколько это было возможно) с подсудимыми.

Исключением из этого правила надо признать ряд дел, рассмотренных военными судами при участии (в качестве защитников) т. н. кандидатов на военно-судебные должности. Это были офицеры — выпускники Военно-юридической академии, состоявшие в штатах военно-окружных судов и правомочные защищать подсудимых, временно исполнять обязанности военных следователей и пр.¹ Мало того, что военные суды решали дела в экстраординарном порядке, установленном для военного времени, в обход обычной (тоже убогой) законности, и фактически лишь поставляли заранее предусмотренное обвинительным актом число жертв для эшафота и каторги. Защитники из числа кандидатов на военно-судебные должности, *подчиненные прокурору* как начальнику по службе, были сугубо благонадежны, максимально стеснены в правах и, кроме того, получали руководящие внушения от начальства по ходу процессов.

Так, главный военный прокурор империи В. Д. Филосов на процессе по делу центра «Земли и воли» в Петербургском военно-окружном суде (6–14 мая 1880 г.) пригласил всех защитников в особую комнату, где «из чувства отеческой о них заботливости» советовал им быть «сдержанными в защите подсудимых и избегать слишком большой убедительности в своих возражениях»². С той же целью 20 апреля 1882 г. военный министр циркулярно предписал военно-окружным судам не допускать со стороны защиты (формально циркуляр касался и прокуратуры) «оскорбительных для кого-либо отзывов, неуместной критики, метафор, аллегорий и иных ораторских приемов»³.

Естественно, что при таких условиях и в таком составе защита на политических процессах в военных судах выглядела жалко. Характерным примером служит процесс по делу кружка М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского в Киевском военно-окруж-

---

¹ Военно-судебный устав. СПб., 1867. С. 38–39.

² ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 442. Ч. 4. Л. 64.

³ Правительственный вестник. 1882. 23 апреля (5 мая). С. 1.

ном суде (14–26 июля 1880 г.). Защитники трепетали перед прокурором В. С. Стрельниковым. Едва один из них, Бельский (он защищал Попова), начал защитительную речь, сказав: «Я в своей речи буду касаться только чисто юридической стороны дела; что же касается политических взглядов клиента, то это все дело предоставляю г. Попову — он, конечно, лучше меня справится с этой задачей», как Стрельников вскочил с места и набросился на защитника: «А вы что, предварительно беседовали с подсудимым Поповым о его политических взглядах? Что же вы не сообщаете суду, что они вам понравились?» Бельский осекся и «стал продолжать свой урок, как растерявшийся ученик после окрика учителя, неуверенно, краснея»¹.

Судя по официальным материалам, столь же робко и «послушно» вели себя кандидаты на военно-судебные должности в роли защитников и на других аналогичных процессах — к примеру, по делам И. В. Дробязгина и др. в Одесском военно-окружном суде (30 ноября — 3 декабря 1879 г.; защитники — Африканов, Бобков, Таранов)², И. О. Млодецкого в Петербургском военно-окружном суде (21 февраля 1880 г.; защитник — Скачилов)³.

И все-таки даже в военных судах защита, если к ней допускали присяжных поверенных, помогала обвиняемым активно и мужественно. Так было, к примеру, на процессе И. М. Ковальского и др. в Одесском военно-окружном суде (19–24 июля 1878 г.), где выступали защитниками по избранию подсудимых⁴ Д. В. Стасов и Г. В. Бардовский. Текст их речей до нас не дошел. Но мы можем судить о них по отзывам слушателей. Сами подсудимые и проникшие в зал суда с публикой другие революционеры вспоминали о Бардовском и Стасове так. «Оба они сражались за нас, как львы», произнесли «мужественные, блестящие и потрясающие речи»⁵.

¹ Попов М. Р. Записки землевольца М., 1933 С. 303

² ГАРФ Ф. 112 Оп. 1 Д. 480 Л. 151–160

³ РГВИА Ф. 1351 Оп. 1 Д. 145 Л. 33–34 об.

⁴ ГАРФ Ф. 109 З. экзп. 1878 Д. 95 Л. 96

⁵ Виталиевский Н. А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // Былое. 1906. № 2. С. 239, Лион С. Е. Первая вооруженная демонстрация // Каторга и ссылка. 1928. № 8–9. С. 73

В частности, защитники изобличали предвзятость суда, указывая на то, что «единственными свидетелями обвинения являются полицейские»¹, а главное, осуждали карательный террор царизма как варварское и к тому же тщетное средство борьбы. Бардовский прямо заявил: «Не забываете, господа судьи, что эшафот, обгаренный кровью такого (как народолюбец Ковальский.— Н. Т.) преступника, приносит совсем не те плоды, какие от него ожидают пославшие осужденного на казнь!»²

За два дня до окончания этого процесса одесский военный губернатор гр. В. В. Левашов с тревогой телеграфировал министру внутренних дел, что «защитники подсудимых употребляют все усилия к изображению в предосудительном виде действий по настоящему делу жандармов, полицейских чинов и вообще начальствующих лиц»³. Вслед за тем Левашов испросил высочайший запрет на печатание стенографического отчета по делу Ковальского «ввиду тенденциозного характера защиты», а царь «изволил отнестись с особенным неодовольствием к подобному направлению защитников по вышеозначенному делу»⁴.

Данные (к сожалению, скудные, отрывочные) о разбирательстве других дел в военных судах позволяют заключить, что достойно и смело вели защиту революционеров-народников присяжные поверенные Я. И. Вейнберг, добившийся, кстати сказать, оправдательного приговора для своего подзащитного, на процессе Г. И. Фомичева в Одесском военно-окружном суде 6–9 марта 1878 г.⁵; А. Б. Косенко — на процессе А. Ф. Медведева (Фомина) в Харьковском военно-окружном суде 21–22 февраля 1879 г.⁶; Е. И. Кедрин и Н. И. Холева — на

¹ Чернявская-Бохановская Г. Ф. Автобиография // Каторга и ссылка 1928 № 5 С. 57

² Илич-Свитыч В. С. Мое знакомство с И. М. Ковальским // Былое 1906 № 8 С. 154

³ РГИА Ф. 1405 Оп. 534 Д. 1147 Л. 2

⁴ ГАРФ Ф. 109 3 эксп. 1878 Д. 95 Л. 100–100 об. (министр внутренних дел Л. С. Маков — шефу жандармов Н. В. Мезенцову)

⁵ Северный вестник 1878 15 (27) марта

⁶ Харьковские губернские ведомости 1879. № 49–52 (официальный отчет о суде)

процессе О. И. Нагорного и др. в Петербургском военно-окружном суде 13–14 сентября 1882 г.¹

Процесс
А. К. Соловьева

Особого внимания заслуживает процесс по делу о покушении землевольца А. К. Соловьева на жизнь царя Александра II. Он слушался в Верховном уголовном суде 25 мая 1879 г., став вторым в пореформенной России после суда над ишутинцами и последним вообще судебным разбирательством в этой чрезвычайной инстанции. Хотя юридический декорум здесь соблюдался, тяжесть обвинения и предрешенность смертного приговора ставили защиту в безнадежное положение. К тому же присяжный поверенный А. Н. Турчанинов был задействован в срочном порядке, заменив по болезни назначенного ранее защитника К. Ф. Хартулари². Мало того, Соловьев на суде заявил, что он отказывается от защитника, потому что никакой защитник ничего не сможет сказать в его оправдание. Суд, однако, по предложению министра юстиции Д. Н. Набокова, выступавшего здесь в качестве прокурора, счел необходимым, чтобы защитник «исполнял свои обязанности»³.

В такой ситуации Турчанинов исполнил обязанности защитника формально. Он так и заявил суду: «Я не знаю, господа судьи, сумею ли я сказать вам что-нибудь достойное вашего внимания», ибо «преступление так ужасно и вместе с тем так очевидно, закон, карающий это преступление, так ясен и не оставляет никакого сомнения», что защитнику остается только «повергнуть участь Соловьева монаршему воззрению». При этом Турчанинов все же привел два аргумента в пользу «монаршей милости», а именно: во-первых, Соловьев оказался «под влиянием той обстановки, в которой он находился, не умел и не мог противостоять социалистическим учениям и подвергся их пагубному влиянию», и во-вторых, «не был приведен в исполнение его дерзновенный замысел на цареубийство». Главное же, Турчанинов взял на себя смелость

---

¹ РГВИА Ф 1351 Оп 2 Д 565

² РГИА Ф 1252 Оп 16 Д 3 Л 72, 76

³ Заседание Верховного уголовного суда 25 мая 1879 г по делу об А. К. Соловьеве СПб, 1879 С. 38–39

заявить, что «дела подобного рода явно и в течение долгого времени проистекают из одного источника — из идеи, которою руководствуются подсудимые», а «против идей есть только одна сила — это тоже идея, и в таких случаях уголовным судом едва ли возможно применение смертной казни»¹.

Если в деле Соловьева предметом обвинения был только «дерзновенный замысел на цареубийство», то в деле 1 марта 1881 г. — само цареубийство. Но для защиты на процессе первомартовцев открылось больше возможностей, хотя бы потому, что теперь, в отличие от процесса Соловьева, она могла как-то дифференцировать обвинение и самих обвиняемых.

Правящие верхи были так озлоблены цареубийством, что хотели решить дело 1 марта поскорее и проще — военным судом. Военный министр гр. Д. А. Милютин вынужден был разъяснять министру юстиции Д. Н. Набокову и через посредство Набокова царю, как было бы «неудобно и неблагоприятно повершить столь важное государственное дело второпях, почти втихомолку, в простом заседании военно-окружного суда» и как «прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената»². После этого понадобилось специальное совещание у царя с участием вел. кн. Владимира Александровича, председателя Комитета министров гр. П. А. Валуева, четырех министров (М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, Д. Н. Набоков, А. В. Адлерберг) и статс-секретаря, где и «состоялось решение в пользу суда Сенатом»³.

Процесс
«1 марта»

Итак, судебный процесс над «цареубийцами» открылся 26 марта 1881 г. в ОППС. Суду были преданы лидеры партии «Народная воля», члены ее Исполнительного комитета А. И. Желябов и С. Л. Перовская, руководитель динамитной лаборатории, «главный техник» партии Н. И. Кибальчич, хо-

¹ Заседание Верховного уголовного суда 25 мая 1879 г по делу об А К Соловьеве СПб, 1879 С 117–121 Заключительные слова Турчанинова из официального отчета по делу А К Соловьева исключены, но приводятся в советском издании отчета о процессе по делу 1 марта 1887 г, где Турчанинов повторил их (1 марта 1887 г Дело П Шевырева, А Ульянова и др М, Л, 1927 С 343)

² Милютин Д А Дневник М, 1950 Т 4 С 30 Верховный уголовный суд, по видимому, и для Милютина был излишне громоздким

³ Валуев П А Дневник (1877–1884) Пг, 1919 С 150

зайка конспиративной квартиры ИК Г. М. Гельфман и два бомбометальщика — Н. И. Рысаков и Т. М. Михайлов. Все они фигурировали на процессе как цареубийцы, хотя даже Рысаков (единственный из них, кто непосредственно пытался убить Александра II, бросал в него бомбу) не причинил царю вреда; убил царя своей бомбой И. И. Гриневицкий, но сам при этом погиб...

То был самый громкий судебный процесс XIX века. После 21 января 1793 г., когда французский Конвент отправил на эшафот короля Людовика XVI, мир не знал другого судебного дела, которое так взбудоражило бы народы. Европейские и американские газеты день за днем печатали подробные корреспонденции о суде над русскими цареубийцами, а все слои общества без различия убеждений зачитывались ими. Корреспондент петербургской газеты «Голос» сообщал в те дни из Вены: «Читатели — а такими можно *теперь* без преувеличения считать всю Вену, не исключая восьмилетних мальчиков и девочек, ходящих с котомками книжек в школы, а также извозчиков, которые, сидя на козлах, считают священной обязанностью читать иллюстрированный “Extrablatt”, — с напряженным вниманием читают и перечитывают все эти подробности»¹.

В России, естественно, процесс первомартовцев был тогда главной злобой дня. Все русские газеты изо дня в день публиковали стенографический отчет о процессе, хотя и с неизбежными цензурными купюрами. Что же касается публики, которая переполняла зал суда на каждом заседании, то ее допускали только по именным билетам, доступным лишь для избранных. Здесь были: член царской фамилии принц Петр Ольденбургский, министры — военный (Д. А. Милютин), юстиции (Д. Н. Набоков), финансов (А. А. Абаза), государственный секретарь Е. А. Перетц, государственный контролер Д. М. Сольский, главный военный прокурор В. Д. Философов, петербургский градоначальник Н. М. Баранов, сонмище генералов, английский посол². Впрочем, допущены были и

---

¹ Голос 1881 2 (14) апреля

² Московские ведомости 1881 27 марта; Перетц Е. А. Дневник С 54, 55

корреспонденты — от десяти иностранных и пяти русских газет¹. Разными способами — главным образом, по знакомству — в суд проникали, как исключение, даже народники. Среди них был В. А. Тихоцкий, записавший ту часть защитительной речи Желябова (о соответствии интересов «Народной воли» интересам «промышленных классов» страны), которая не вошла в стенографический отчет². В целом же публика на процессе была настроена враждебно к подсудимым.

Состав ОППС, уже испытанный на предыдущих процессах, гарантировал царизму *должный* ход дела. Первоприсутствующим был Э. Я. Фукс, прокурором — Н. В. Муравьев. Тем не менее верхи (включая царя) оказали на суд прямое давление, чтобы сделать процесс более жестким, чем допускал закон. Вот что мы узнаем из воспоминаний Фукса и Перетца. Градоначальник Баранов пожаловался идеологическому наставнику царя К. П. Победоносцеву «на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений». Победоносцев донес об этом царю, Александр III потребовал объяснений у Набокова, тот — у Фукса. Возник скандал. Фукс потом вспоминал: «Возможна уже мысль прервать процесс и передать его в военный суд». В конце концов эту мысль оставили, Фукс получил только «высочайшее повеление не допускать разговоров среди подсудимых», да, кроме того, Набоков (тоже не по высочайшему ли повелению?) потребовал не давать слова Желябову для защитительной речи³. Фукс, правда, слово Желябову дал, но придирчиво (19 раз!) прерывал его речь, требуя «не впадать в изложение геории» Одергивал он и других подсудимых, а также адвокатов (семь раз вмешался в речь присяжного поверенного В. Н. Герарда). Зато обвинительную речь Муравьева Фукс выслушал в почтительном молчании, хотя, как он сам признал это, прокурор карикатурил программу «Народной воли» «с разными передержками»⁴.

¹ Голос 1881 27 марта (8 апреля)

² Текст этой записи см ГИМ ОПИ Ф 282 Д 394 Л 46–47

³ Воспоминания Э Я Фукса, цит С М Шпицером (Суд идет! 1926. № 4 С 207–208), Перетц Е А Дневник С 55

⁴ Суд идет! 1926 № 4 С 208

Безусловно, процесс по делу 1 марта 1881 г. был для подсудимых более трудным испытанием, чем любой из других политических процессов в царской России. Во-первых, беспрецедентное обвинение (убийство царя!) не оставляло им никаких шансов на сохранение жизни. При таком обороте дела для них, казалось бы, теряли смысл отличия законности от беззакония. Враждебность избранной публики они ощущали с первой и до последней минуты процесса. Трудно было им рассчитывать и на сочувствие общества, шатнувшегося с перепугу после 1 марта вправо. Народные массы слишком плохо знали и еще хуже понимали мотивы убийства царя, слышшего «Освободителем», чтобы оценить героизм царевубийц перед судом и стать для них хотя бы моральной опорой. К тому же прокурор Муравьев произнес на процессе едва ли не самую трескучую в истории царского суда обвинительную речь, дабы очернить и еще более изолировать подсудимых от общества.

Речь Муравьева, хоть она и была поставлена льстецами в ряд «с наиболее известными речами знаменитейших ораторов всех времен и народов, в том числе и с речами Цицерона против Катилины»¹, в юридическом смысле заурядна. Собственно, исследовать что-либо, устанавливать и аргументировать прокурор не имел нужды. Фактическая сторона обвинения была очевидна, подсудимые признали ее, в достатке имелись и вещественные доказательства. Поэтому Муравьев изложил не юридический разбор дела, а политические соображения о нем. В политическом же отношении речь его сверх всякой меры предвзята. Достаточно сказать, что русские революционеры в его изображении — это «люди без нравственного устоя и собственного внутреннего содержания»; их идеалы он уподобил «геркулесовым столбам бессмыслия и наглости», а к движущим мотивам их деятельности отнес даже «кровожадный инстинкт, почуявший запах крови»². Вся речь прокурора была рассчитана на то, чтобы

¹ Ильинский В. Адвокат против адвокатуры. СПб., 1894. С. 11.

² Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 284–285, 287–288, 292.

разжечь палаческие настроения у судей, публики и всего населения.

Понятно, в каком трудном положении оказались на этом процессе пятеро адвокатов: Е. И. Кедрин защищал С. Л. Перовскую, В. Н. Герард — Н. И. Кибальчича, А. М. Унковский — Н. И. Рысакова, К. Ф. Хартулари — Т. М. Михайлова, А. А. Герке — Г. М. Гельфман¹. Тем не менее все они исполняли свой долг достойно и смело. Подчеркнув, что «прокурор, который обещал в начале своей речи хладнокровно обсудить все обстоятельства дела, перешел к несколько страстной форме», защитники старались повернуть течение процесса от эмоций к рассудку, напоминали судьям, что нельзя «обращать этого дела в дело мести» и что подсудимые «должны пользоваться всеми гарантиями правосудия»².

Главное, что отличало здесь линию защиты, — осуждение того разгула полицейских преследований, жертвами которого становятся, наряду с виновными, и невинные люди, и который, по мнению адвокатов, не только не пресекает революционное движение, но, напротив, восстанавливает против властей и толкает в лагерь революции все больше и больше разных, включая «честных и даже благоразумных» людей³. Как и прежде, адвокаты сочувственно характеризовали моральный облик подсудимых, не смущаясь тем, что их подзащитные — «цареубийцы». Кедрин так говорил о Софье Перовской: «Когда вы слышали в первый раз, что в этом преступлении участвует женщина, то у вас, вероятно, родилась мысль, что эта женщина является каким-то извергом, неслыханною злодейкою. Когда же вы встретились с нею на суде, то это впечатление, я думаю, оказалось диаметрально противоположным»⁴.

Самой смелой из речей защиты по делу первомайцев была речь Герарда, который с большей прямоотой, чем другие защитники, обличал чрезмерную жестокость и подчеркивал

¹ А. И. Желябов отказался от защитника и защищал себя сам.

² Дело 1 марта 1881 г. С. 298, 299, 329 (речи Унковского и Кедрина).

³ Там же. С. 299, 313, 325–326, 331–332 (речи Унковского, Герарда, Кедрина, Герке).

⁴ Там же. С. 329–330.

тищентность карательных мер против революции. Он выразил глубокое уважение к личности своего подзащитного Николая Кибальчича и пытался, в частности, привлечь внимание суда и сановной публики к работе Кибальчича над проектом первого в мире летательного аппарата с реактивным двигателем («Вот с каким человеком вы имеете дело!»¹).

Много лет спустя, уже незадолго до смерти, Герард рассказал присяжному поверенному В. В. Беренштаму о своем последнем свидании с Кибальчичем. Вот этот рассказ в записи Беренштама. «Меня пустили тогда к нему в утро смертной казни... Раньше пускали... Я пришел в 5 часов, когда рассветало. Попрощаться... Он знал, что уже все кончено.. Большими шагами ходил взад и вперед по камере. Был бледен и несколько взволнован. Сдерживался... Мне хотелось облегчить ему страдания. И я начал говорить о том, что в городе носят упорные слухи о помиловании их всех. Он сжал мою руку и засмеялся.

— Это легенда о черном покрывале, бросьте ее. Я знаю, что сегодня меня казнят. Умру спокойно. Но знаете что? Я все время ломаю голову, как бы мне найти одну философскую формулу... Я хочу найти такую формулу, которая убедила бы меня, что жить не стоит. И как ни ломаю голову, никак не могу убедить себя! Жить так хочется! Жизнь так хороша! И все-таки надо умирать... А что мой воздушный корабль?! В сохранности?

— Да, да, конечно, он не пропадет...— успокаивал я его, едва сдерживая слезы... Больше не было сил, поторопился уйти»².

На приговор суда речи адвокатов в защиту первомайцев, естественно, повлиять не смогли, хотя Унковский резонно доказывал, что Рысаков, которому не исполнилось еще 20 лет, по смыслу ст. 139 Уложения о наказаниях не подлежит смертной казни как несовершеннолетний³, а Хартулари про-

---

¹ Дело 1 марта 1881 г. С. 329.

² *Беренштам В В* В огне защиты: Из впечатлений политического защитника 2-е изд. СПб., 1912. С. 57–58

³ Дело 1 марта 1881 г. С. 357–361

сил суд учесть, что против его подзащитного Михайлова в материалах обвинения фигурирует только «самое несовершенно доказательство виновности», а именно оговор другого подсудимого, Рысакова¹.

Тем не менее всем своим поведением, прежде всего — осуждением карательного террора и моральным оправданием «цареубийц» защитники на процессе по делу 1 марта 1881 г. оказывали освободительному движению важную услугу.

То же самое, но более свободно и с меньшим риском для себя они делали на тех процессах, где судились не народо-вольцы, не террористы, а народники-пропагандисты. Ряд таких процессов за 1878 г., до передачи политических дел в ведение военных судов, был рассмотрен в ОППС — А. Л. Теплова (защитник Е. И. Утин), М. В. Морозова (защитник А. Я. Пассовер), Ф. С. Коновалова (защитник Г. В. Бардовский), будущего народовольца Н. И. Кибальчича (защитник А. А. Ольхин), А. Н. Аверкиева и Н. А. Кузнецова (защитники В. Д. Спасович и Е. В. Корш). Судя по кратким протоколам судебных заседаний, защитники в этих случаях вскрывали недостатки обвинительных улик, а главное, подчеркивали *мирный* характер народнической пропаганды и в результате добивались сравнительно умеренных приговоров: Пассовер² и Ольхин³ смогли даже взять своих подзащитных на поруки.

В ряд этих процессов можно поставить и дело о типографии общества «Черный передел» в Петербургской судебной палате 29 сентября 1881 г. Выступавшие здесь три защитника во главе с А. Н. Турчаниновым тоже делали упор на мирном (по сравнению с «Народной волей») направлении газеты «Черный передел», заключив даже, что «Черный передел» «принадлежит только к числу запрещенных газет, но не противоправительственных изданий»⁴. Что же касается охотно-рядского дела (о демонстрации солидарности московских студентов с репрессированными участниками студенческих «бес-

Процесс
о типографии
«Черного
передела»

¹ Дело 1 марта 1881 г. С 308

² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 437. Л. 86

³ Кантор Р. М. О процессе Н. И. Кибальчича 1875–1878 гг. // Каторга и ссылки. 1929. № 8–9. С. 240

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1880. Д. 144. Ч. 2. Л. 83.

порядков» в Киеве), то в нем Ф. Н. Плевако и Н. П. Шубинский горячо защищали студенчество от административного и полицейского произвола и солидаризировались с демократическими требованиями студентов. «Нам,— заявил, в частности, Шубинский,— остается только ждать того времени, когда настанет свобода печатного слова, и желать, чтобы пора эта наступила поскорее!»¹

**Чигиринский
заговор**

На трех процессах за время второй революционной ситуации в России судились крестьяне. Один из них — по делу о т. н. Чигиринском заговоре 1877 г., т. е. об участии крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в народнической «Тайной дружине», — прошел 8–10 июня 1879 г. в Киевской судебной палате. Здесь защитники — в том числе Л. А. Куперник, П. А. Андреевский (брат С. А. Андреевского) и проф. А. Ф. Кистяковский — сумели практически нейтрализовать обвинение двумя аргументами: во-первых, изобличили злоупотребления помещиков, вынудивших крестьян к отпору, и, во-вторых, показали, что «крестьяне, видя тяжкие обиды, причиняемые им <...>, не переставали взывать к имени государя императора и ссылаться совершенно основательно и в отпор несправедливостям, им причиняемым, на милостивые для них царские указы. Итак,— закончил цитируемую защитительную речь Кистяковский,— крестьяне возлагали свою надежду на царя. Пусть же эта надежда их не посрамит!»² Суд вынужден был предельно смягчить приговор, оправдав 39 из 45 подсудимых.

**великолуцкий
люторичский
крестьянские
процессы**

Два других крестьянских процесса — великолуцкий в Петербургской судебной палате 10–13 ноября 1880 г. и люторичский в Московской судебной палате 17–18 декабря того же года — могут считаться политическими с некоторой долей условности. Предметом обвинения здесь было сопротивление крестьян властям, пытавшимся описать их имущество за долги и недоимки. Дело о сопротивлении крестьян с. Люторичи Епифанского уезда Тверской губернии батальону гренадеров получило большой резонанс благодаря Ф. Н. Плевако, который

¹ ГАРФ Ф 109 3 эксп 1878 Д 143 Ч 2 Л 48–49 об

² Центральная научная библиотека АН Украины Отдел рукописей Ф 61 Д 438 Л 183 об –184 Этот документ любезно предоставил мне А Н Катренко

«взял на себя не только инициативу защиты, но и расходы по содержанию [34] обвиняемых в течение трех недель процесса»¹, а на суде выступил с яркой защитительной речью. С одной стороны, он обвинил помещика гр. А. В. Бобринского и его управляющего А. К. Фишера в хищническом взыскании с крестьян чудовищных процентов («иски неустоек по 30, 50, 100% за долг»), заметив по адресу того и другого: «Стыдно за время, в которое живут и действуют подобные люди!», и заключил: «Думаю я, что в Люторичах жизнь после реформы была во сто крат тяжелее дореформенного рабства»².

С другой стороны, Плевако оправдывал стихийный протест крестьян и категорически отвергал наличие среди них корыстных зачинщиков, подстрекателей: «Подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию. Они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин. Бедность безысходная, <...> несправие, беззащитная эксплуатация, всех и вся доведшая до разорения, — вот они, подстрекатели!» «Вы скажете, что это невероятно, — продолжал Плевако. — Войдите в зверинец, когда настанет час бросать пищу оголодавшим зверям; войдите в детскую, где пропавшие дети не видят няни. Там — одновременное рычание, здесь — одновременный плач. Поищите между ними подстрекателя. И он найдется не в отдельном звере, не в старшем или младшем ребенке, а найдете его в голоде или страхе, охватившем всех одновременно»³.

Плевако закончил свою речь эффектным обращением к нравственному чувству судей и, разумеется, публики: «Мученики терпения, страстотерпцы труда беспробудного найдут себе защиту под сенью суда и закона. Вы пощадите их. Но если слово защиты вас не трогает, если я, сытый, давно сытый человек, не умею понять и выразить муки голодного и отчаянного несправия, пусть они сами говорят за себя... *Люди они, человеки! Судите же по-человечески!*»⁴

---

¹ ИРА Т 1 С 272

² Плевако Ф. Н. Речи М., 1909. Т. 1. С 303–304.

³ Там же С 309

⁴ Там же С 312

По свидетельству очевидцев, после этой речи Плевако «в зале гремели рукоплескания взволнованных, потрясенных слушателей»¹. Суд оправдал 30 из 34-х подсудимых. А Ф. Кони справедливо заметил, что выступление Плевако на люторическом процессе «было по условиям и настроениям того времени своего рода гражданским подвигом»².

Процесс
К. И. Мра-
винского

В юридическом, профессиональном отношении адвокаты В. Н. Герард, А. Я. Пассовер и особенно В. Д. Спасович показали себя с лучшей стороны и на необычном политическом процессе по делу старшего техника при петербургском градоначальнике генерал-майора К. И. Мравинского³. 25–29 ноября 1881 г. Петербургская судебная палата судила генерала «за бездействие власти». Обвинял прокурор Н. В. Муравьев. Мравинскому и двум его помощникам инкриминировался тот факт, что во время технического осмотра 28 февраля 1881 г. в сырной лавке Кобозевых они не обнаружили народоуольщеского подкопа под Малую Садовую улицу с целью царевубийства. Адвокаты построили всю защиту на доказательстве непреложного тезиса: Мравинский действовал *законно*. В его компетенцию входил *осмотр*, причем только технический, а не обыск. «Соверши этот обыск не имеющий права делать его Мравинский,— рассуждал Спасович,— то по 2-й части 349 ст. он подлежал бы строгому выговору или отрешению от службы или от должности»⁴. Поплатились бы по закону за «превышение власти» и его помощники. Таким образом, «в сущности,— заключал Спасович,— они судятся за то, что не произвели обыска, т. е. действия, заведомо противозаконного».

Обе речи Спасовича в защиту Мравинского — и на суде, и при обжаловании приговора в Сенате — проникнуты пафо-

¹ В Г Внутреннее обозрение // Русская мысль 1881 № 2 С 28

² Кони А Ф Отцы и дети судебной реформы М, 1914 С 266

³ Константин Иосифович Мравинский — отец оперной примадонны Е К Мравиной и дед народного артиста СССР дирижера Е А Мравинского От второго брака жены К И Мравинского А А Масалиной с М А Домонтовичем родилась член ЦК РКП(б) и СНК РСФСР А М Коллонтай (Григорьева А П Е К Мравина Материалы к биографии М, 1970 С 7)

⁴ Две речи Спасовича в защиту Мравинского опубликованы в кн Спасович В Д Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887) Берлин, 1900. С 24–85

сом и культом законности. Призывая царских юристов «не кидаться вспять в бесформенный произвол и дикую силу», «король адвокатуры» восклицал: «Сохрани Боже нас от превращения органов администрации в розыскные органы — то-то будут оргии розыска!»¹

Среди большого числа политических (преимущественно ярких) процессов 1878–1882 гг. теряется, но заслуживает внимания историка своим политическим оттенком процесс в Кутаисском окружном суде 5–12 марта 1879 г. по делу об убийстве Сарры Модебадзе. Царские власти из шовинистических соображений с помощью лжесвидетельств квалифицировали это убийство как ритуальное и обвинили в нем грузинских евреев. Выступивший здесь в качестве защитника П. А. Александров не только опроверг обвинение, ударив тем самым по репутации царской магистратуры и власти вообще, но и предостерег юристов от повторения «таких печальных дел»: «Скажет настоящее дело <...> русским следователям, что надо им не увлекаться суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам <...> И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского суда»².

Процесс
Сарры
Модебадзе

Этот призыв адвоката-гуманиста, к сожалению, не был услышан. За делом Модебадзе последовали дела мултанских удмуртов 1894–1896 гг. и еврея М. Т. Бейлиса в 1913 г.

Пожалуй, наиболее показателен для поведения защиты на политических процессах 1878–1882 гг. знаменитый процесс «20-ти» 9–15 февраля 1882 г. в ОППС — самый представительный из всех (более чем 80-ти) судебных процессов партии «Народная воля». Суду были преданы 11 членов Исполнительного комитета «Народной воли» (в т. ч. А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, Н. Е. Суханов, А. И. Баранников) и 9 агентов комитета (среди них — Н. В. Клеточников), которым инкриминировалось участие в 8 покушениях на

Процесс
«20-ти»

¹ Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Берлин, 1900 С. 84.

² Судебные речи известных русских юристов С. 118–119.

царя¹. Народолюбцы были тогда для царизма главными, самыми опасными врагами. Разумеется, он стремился покарать их как можно нещаднее — виселицей и каторгой. Но, с другой стороны, к тому времени еще не была исчерпана сложившаяся к 1879 г. вторая революционная ситуация в России, хотя ее кульминационная точка после цареубийства 1 марта 1881 г. уже миновала. Учитывая силу антиправительственного возбуждения в стране и еще не обретя должной устойчивости, царизм вынужден был соблюдать хотя бы видимость правосудия.

Дело «20-ти» слушалось при закрытых дверях, под усиленной охраной². Публику составляли лишь сановные особы (фактический глава правительства гр. Н. П. Игнатьев, министр юстиции Д. Н. Набоков, кн. П. П. Демидов Сан-Донато и др.), три-четыре близких родственника подсудимых и редактор «Правительственного вестника» Г. П. Данилевский — известный писатель, автор исторических романов «Миротич», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва»³. Печатать не только отчет о процессе, но и вообще какие-либо сведения о нем, кроме официальной информации в «Правительственном вестнике», было запрещено.

Сенаторы теперь норовили лишить подсудимых даже такой крайне стесненной возможности защищаться, какая годом ранее была предоставлена судившимся по делу 1 марта цареубийцам. Первоприсутствующий П. А. Дейер и прокурор Н. В. Муравьев вели процесс с подчеркнутой наглостью. Дейер откровенно злобствовал, Муравьев изощрялся в оскорблениях. «Вертеп палачей» — так назвал это судилище А. Д. Михайлов⁴.

Палаческий тон задал процессу «20-ти» сам царь Алек-

---

¹ Подробно см. *Троицкий Н. А.* Процесс «20 ти» // Советское гос-во и право 1982 № 8

² «Вводят подсудимых, каждого между двумя жандармами, — читаем в записи очевидца — Кроме того, в зале их ожидает еще внушительный караул, полиция, жандармы, даже казаки. Недостает только артиллерии!» (Процесс 20-ти народолюбцев в 1882 г. Ростов н/Д, 1906 С 58)

³ ГАРФ Ф 112 Оп 1 Д 512 Л 282

⁴ Письма народолюбца А. Д. Михайлова М., 1933 С 216

сандр III, который не просто поощрял, а как бы подзадоривал в самых циничных формах жестокость и произвол карателей. Так, на докладе о допросах члена ИК «Народной воли» Г. П. Исаева с повторяющимся, словно рефрен, уведомлением «никаких объяснений давать не желает», он пометил: «Надеюсь, что эту скотину заставят говорить»¹.

Кроме предателя В. А. Меркулова, все обвиняемые по делу «20-ти» вели себя героически, превращая скамью подсудимых в политическую трибуну, а самый процесс — в акт революционной борьбы². Помогала им в этом защита.

Защитниками на процессе «20-ти» выступали 16 присяжных поверенных (в том числе такие звезды русской адвокатуры, как В. Д. Спасович, П. А. Александров, В. Н. Герард, Е. И. Кедрин, А. Н. Турчанинов, В. С. Буймистров, С. С. Соколов) и помощник присяжного поверенного Е. Ф. Королев. К сожалению, их защитительные речи известны нам лишь по отзывам подсудимых и очевидцев процесса (кроме речей Александра и Королева, полный текст которых сохранился в архивах). Но по совокупности данных видно, что защита даже в таком «вертепе палачей», как суд по делу «20-ти», держалась юридически и политически с достоинством. Прежде всего она отстаивала свои процессуальные права и на первом же заседании суда выиграла острую схватку с первоприсутствующим, который запретил адвокатам встречаться с их клиентами во время судебного разбирательства.

Когда адвокаты заявили протест, сославшись на то, что ст. 569 Устава уголовного судопроизводства не запрещает им «объясняться наедине с подсудимыми, содержащимися под стражею», ни до, ни во время суда³, Дейер объявил, что ст. 569 можно толковать и применительно лишь ко времени до суда, а потом добавил: «Вызвано же мое распоряжение слухом, дошедшим до меня о том, что присяжные поверенные при своих свиданиях с подсудимыми сообщают им о том, что происходит на суде в их отсутствие. Находя подобные действия небла-

¹ ГАРФ Ф 677 Оп 1 Д 537 Л 1

² Подробно об этом см. *Троицкий Н. А. Процесс «20-ти». С. 89–93*

³ Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883. С. 96.

говидными, я для сохранения чести сословия присяжных поверенных и притом стоя, как я уже сказал, на законной почве, и сделал указанное распоряжение». Дейер еще не окончил монолога, когда поднялся присяжный поверенный Герард. «Я, господин первоприсутствующий,— заявил он,— всю жизнь свою забочусь о сохранении чести нашего сословия. Она мне, конечно, гораздо ближе, чем вам. Поэтому я и позволю себе сказать несколько слов. Меня крайне удивляет прежде всего, каким образом до первоприсутствующего могли дойти слухи о том, что говорят присяжные поверенные с подсудимыми. Ведь свидания эти происходят наедине...» Дейер стал в тупик и вынужден был отменить свое распоряжение¹.

Понимая, что «суд защищен двойной броней как от юридических доводов защиты, так и от воззвания к чувству человечности» (по выражению Спасовича²), адвокаты на процессе «20-ти» акцентировали не столько юридическую, сколько политическую сторону дела, а именно тщетность карательного террора. Королев доказывал, что народники вынуждены переходить от мирной пропаганды к террору в ответ на репрессии правительства, причем давал понять, что политика репрессий бесперспективна и что революционное движение неодолимо. «Они,— говорил он о социалистах,— уже не раз показали, что жестокие наказания не устрашают их самих, и картина этих наказаний только сильнее привлекает новых адептов, не пугая прежних... Господин прокурор в своей речи сказал, что этим процессом все тайные нити социалистической партии уже обнаружены и что в весьма скором времени мы совершенно отделаемся от этого нашего недуга. Я, со своей стороны, считаю своим долгом напомнить вам, что слова эти мы слышим с этой же кафедры уже далеко не в первый раз и не раз, вероятно, услышим еще»³. Как видно из неофициального отчета по делу «20-ти», Королев получил несколько замечаний от первоприсутствующего и в конце концов «был судебным приставом выведен из залы суда»⁴.

¹ Процесс 20-ти народолюбцев в 1882 г. С. 75, 79.

² РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 373. Л. 14.

³ ГИМ ОПИ. Ф. 320. Д. 7. Л. 62 об., 64.

⁴ Бурцев Вл. Процесс «20-ти» // Былое. Лондон. 1902. № 2. С. 125.

Судя по отзывам современников, и другие адвокаты на процессе «20-ти» осуждали «белый террор» царизма, косвенно оправдывая таким образом народофильский «красный террор». Соколов прямо заявил, что избранный царизмом «путь твердости и суровых мер оказался негодным» (здесь венская газета «Presse» дала такую ремарку: «Председатель прерывает защитника и говорит, что это не его дело»)¹. Кедрин предостерегал «верхи» от смертных приговоров по политическим делам, указав на то, что «кровь смыывается кровью» (в этом месте первоприсутствующий оборвал речь адвоката)².

Как всегда, адвокаты критически оценивали доказательность обвинения. Александров осудил привычку царских судов выносить даже тягчайшие приговоры без необходимых улик. «Такое положение в делах обвиняемого по тяжкому политическому преступлению,— говорил он,— невольно заставляет вспомнить слова того исторического лица, которое, понимая дух своего времени, сказало: “Достаточно трех слов, чтоб человека повесить”³. Ваш приговор по настоящему делу должен показать, действительно ли мы живем в такое время, когда достаточно трех слов, чтоб человека повесить»⁴. По убеждению Александрова, нельзя считать сколько-нибудь серьезной уликой (как это делают царские судьи) чтение и передачу друг другу подпольной газеты «Народная воля»: «Кто же в это время не интересовался в Петербурге листками “Народной воли”, кто не желал их читать не по сочувствию к тем идеям, которые в этих листках распространялись, а из простого любопытства, из интереса к тому, что совершается внутри нашего отечества? Я сам получал эти листки, неведомая рука присылала мне их по городской почте. Я никогда не был огорчен получением этих листков и читал их с большим интересом. Да не только читал сам, но и давал читать другим»⁵. «Господа судьи,— вторил Александрову присяж-

---

¹ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 373. Л. 13, 13 об.

² Там же. Л. 14.

³ Имеется в виду кардинал А. Ж. Ришелье.

⁴ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 428. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 27.

ный поверенный Рычков, — я должен заявить вам откровенно, что мне много раз приходилось получать в конвертах брошюры и прокламации. Я их читал с величайшим интересом и передавал их потом своим друзьям, чтобы и они их прочитали. Если вы желаете, я завтра покажу их вам, ибо я такого мнения, что всякий образованный человек должен заниматься этими важными и серьезными вопросами»¹. После таких заявлений суд должен был либо посадить на скамью подсудимых адвокатуру в лице Александрова и Рычкова, что произвело бы скандальное впечатление на страну и Европу, либо отказать от своего толкования такой улики, как чтение и передача из рук в руки нелегальных листов.

Не имея возможности открыто вступить за политические убеждения подсудимых (что, вступать и не требовалось, поскольку сами подсудимые бесстрашно отстаивали свои убеждения), адвокаты превозносили моральные качества своих подзащитных, привлекая к ним симпатии общества. Спасович подчеркивал, что необходимо смотреть на подсудимых не только со стороны нарушения закона, но и со стороны нравственной — «конечно, не с точки зрения нравственности департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой»². «Политические дела, — гордо заявил Александров, — не из таких, о которые мог бы замарать свои руки адвокат»³. Соколов (защитник Н. Е. Суханова) доказывал, что произвол и гонения властей заставили его подзащитного заняться террором, и кончил речь словами: «Суд его (Суханова. — Н. Т.) осудит, но история, наверно, произнесет еще более суровый приговор тем обстоятельствам и лицам, которые из таких благородных натур, как Суханов, делают преступников»⁴.

Обвиняемые по делу «20-ти» тепло отзывались об адвокатах. «Как блестяще защищал Спасович Тригопи, Александров — Емельянова и многие другие! — передавал А. Д. Ми-

¹ Бурцев Вл. Процесс «20-ти». С. 124.

² Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 186.

³ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 428. Л. 31.

⁴ Там же. Д. 373. Л. 14 об.

хайлов товарищам на волю тотчас после объявления ему смертного приговора.— После их блестящих речей ничего не хотелось говорить»¹.

Процесс «20-ти» завершает собою второй период в истории выступлений адвокатуры на политических процессах в России — период расцвета ее политической активности, не случайно совпавший со временем второй революционной ситуации (1878–1882). Руководствуясь принципами, уже выработанными и закрепленными на процессах 1871–1877 гг., адвокаты разоблачали политическую тенденциозность и юридическую недостаточность обвинения, очищали от клеветы правду об идеях и делах русского освободительного движения, возвеличивали наперекор официозному мнению моральный облик своих подзащитных, а на некоторых процессах («193-х», Веры Засулич, крестьян с. Люторичи, «20-ти») выступали солидарно с подсудимыми.

За годы демократического подъема адвокатура снискала себе жгучую ненависть официальных верхов. Министр юстиции К. И. Пален отзывался о ней с брезгливостью, ее корифея П. А. Александрова считал «негодяем»². III отделение и департамент полиции били тревогу по поводу выступлений адвокатов на политических процессах. В записке начальника сыскальной полиции Г. Г. Кириллова о мерах борьбы с революционной пропагандой в России от 12 февраля 1878 г. говорилось: «Ни одно из дел о преступлениях против государственной власти или порядка управления, в которых более, чем во всяких других делах, встречаются поводы коснуться достоинства государственного строя, не обходятся без указания защитников на несовременность, несовершенство или другие его недостатки, выставляемые или причиной, вызывающей преступления, или поводом к оправданию их... Подобный характер защитительных речей, кроме влияния его на неблагоприятный исход правосудия, порождает брожение и недовольство умов и, подрывая в основании правительственный авторитет, более всего способствует поддержанию агитации»³. Агентура охранитель-

¹ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 210–211.

² Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 193, 203.

³ ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 725. Л. 36, 37 об.

ной «Святой дружины» ставила адвокатуře буквально всякое лыко в строку, вроде следующего: на Чигиринском процессе 1879 г. П. А. Андреевский «отметил, что в письмах и отобранных [у подсудимых] рукописях нигде не упоминаются имена таких учителей, каковы были Сен-Симон, Фурье, Луи Блан и многие другие столпы революции, как бы рекомендуя нашим революционерам *подвинуть вперед свою подготовку* знакомством с произведениями этих авторов»¹. «Полуимператор» М. Т. Лорис-Меликов 11 апреля 1880 г. обеспокоенно доносил царю: «Адвокатура <...> затронула многие, молчавшие до того струны»².

С 1878 г. царизм принял радикальные меры к обузданию адвокатуры, которые, однако, как мы это видели, не привели к желанному для него результату — отчасти потому, что адвокатура к тому времени в прямой связи с подъемом освободительного движения уже обрела юридический вес, политическое влияние и широкую общественную поддержку. В. Д. Спасович имел тогда все основания публично и гордо заявить от имени сословия присяжных поверенных: «Мы не искали крестов, мы не получали медалей за храбрость, но мы кое-что сделали, не щадя живота, о чем можно судить индуктивно по тому вою целых стай шакалов, которые тоскуют о вырванной из их пасти добыче. Мы пришились не по нраву всей фарисейской синагоге, мы стали костью в горле не одной высокопоставленной особе, эти особы охотно бы съели нас, но не лезет — удавишься!»³

---

¹ ИРЛИ РО Ф 661 Д 16 Л 290

² 1 марта 1881 г по неизданным материалам Пг., 1918. С. 157.

³ Спасович В. Д. Застольные речи. Лейпциг, 1903 С. 18.

Участие адвокатуры в политических процессах 1883—1900 гг.

С середины 1882 г., после того как была исчерпана вторая революционная ситуация, в России началась тринадцатилетняя полоса глухой, «разнузданной,— по выражению В. И. Ленина,— невероятно бессмысленной и зверской реакции»¹, которая заняла собой все царствование Александра III. Сам царь был верховным распорядителем и живым олицетворением этой реакции. Все в личности Александра III — и его убеждения, которые едва ли не укладывались в девиз будочника Мымрецова «Тащить и не пущать!», и скандальная для монарха безграмотность, снискавшая ему в обществе титуло «венценосного Митрофана»², и даже несуразная внешность («бегемот в эполетах», по выражению А. Ф. Кони³) — все гармонировало с его карательной политикой, такой же реакционной, скандальной и несуразной, как сама личность царя.

Правой рукой Александра III и своеобразным дополнением к нему в качестве главного вершителя реакции был министр внутренних дел и шеф жандармов граф Д. А. Толстой — несравненно более образованный, умный и гибкий, чем царь, но и еще более мстительный и жестокий, умственный палач, о котором даже такой консерватор, как барон М. А. Корф, с отвращением говорил: «Он вскормлен слюною бешеной собаки»⁴. Ненависть Толстого к революционерам

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 295.

² Литература партии «Народная воля» М., 1930. С. 121.

³ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 16.

⁴ Цит. по: Валуев П. А. Дневник. Т. 1 (1861—1864). М., 1961. С. 322.

доходила до умопомешательства — в буквальном смысле. По крайней мере дважды (в 1872 и 1885 гг.) он от избытка усердия в борьбе с крамолой на время терял рассудок, что выражалось у него трагикомично: Толстой вдруг воображал себя лошадью и кричал за обедом в каком-нибудь фешенебельном ресторане: «Человек, порцию сена!»¹ К подавлению крамолы, до умопомрачения ненавистной и опасной, этот неврастеник (кстати, ругавший народовольцев не как-нибудь, а «психопатами»²) готов был свести всю внутреннюю политику правительства. С ним соглашались и помогали ему другие сановники, ответственные за карательную систему: министр юстиции 1885–1894 гг., услужливый и прилежный наперсник Толстого Н. А. Манасеин; ближайший помощник (товарищ министра внутренних дел), а затем преемник Толстого, узколобый, но оборотистый И. Н. Дурново; другой товарищ министра внутренних дел, бывший директор департамента полиции и будущий министр, напористый, цепкий и безжалостный В. К. Плеве. Они распоряжались кадрами подобных себе карателей меньшего ранга (включая судей и прокуроров), с которыми читатель уже мог познакомиться в главе 4 части 1.

При Александре III верхи, включая самого царя, считали, что в «guerre à mort» (как выразился жандармский генерал П. А. Черевин)³ с крамолой весь ритуал судопроизводства, позволяющий нигилистам и цареубийцам проповедовать их разрушительные идеи, — лишняя и вредная для правительства роскошь. Александр III выражал такой взгляд с присущей ему циничной прямоотой. Еще в 1881 г., незадолго до суда над первомайцами, он заявил «полуимператору» М. Т. Лорис-Меликову: «Я желал бы, чтобы наши господа юристы поняли, наконец, всю нелепость подобных судов для такого ужасного и неслыханного преступления»⁴. Этому взгляду царь уже не изменял. Его резолюция на докладе гр. Д. А. Толстого об аресте вторых первомайцев гласит: «По-моему, лучше было

¹ Народовольцы Сб 3 М, 1931 С 100–101, Никитенко А В Дневник М, 1956 Т 3 С 255

² Тихомиров Л А Воспоминания М, Л, 1927 С 351

³ Война не на жизнь, а на смерть (фр) РГА ВМФ Ф 26 Оп 1 Д 11 Л 153

⁴ Половцов А А Дневник государственного секретаря М, 1966 Т 2 С 142.

бы узнавать от них все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума¹ отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание»².

В результате, с одной стороны, царизм продолжал начатую в 70-е годы судебную контрреформу, ущемляя или даже сводя к нулю основополагающие принципы Уставов 1864 г.: независимость и несменяемость судей, гласность и состязательность судопроизводства. Так, по закону 12 февраля 1887 г. он не только больше прежнего ограничил, фактически запретил публичность судебных заседаний по политическим делам, но и покончил с *печатной* гласностью политических процессов. Отчеты о процессах не печатались с 1881 г. (после дела царевубийц). Но до 1887 г. «Правительственный вестник» регулярно информировал Россию о политических процессах (исключая мелкие) в кратких «правительственных сообщениях», которые излагали, разумеется, в официальной трактовке суть обвинения и приговор. После закона 12 февраля 1887 г. даже это было признано лишним. Правда, о трех делах 1887 г. в столице³ все же сообщалось, но после долгого раздумья и с предельной краткостью. Например, о деле 1 марта 1887 г. «правительственное сообщение» появилось лишь 9 мая, видимо через силу, о чем говорят сохранившиеся в архиве три проекта сообщения, оставшиеся неодобренными, с характерной пометой: «Государь император неоднократно высказывал, чтобы сообщения было как можно короче»⁴. Как появилось же, с 1887 г. до конца века о политических процессах в России даже «правительственных сообщений» не было.

С другой стороны, царизм, памятуя об уроках процессов 1871–1882 гг., не считал и контрреформированный суд вполне надежным. Поэтому он расправлялся с политическими

---

¹ Вот что пугало царя в политических процессах — шум, который они вызывали

² А И Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М., Л., 1927. С. 360

³ Второго 1 марта, «21-го», «Донской процесс». Всего с февраля 1887 г. до 1900 г. в России прошли 33 политических процесса, считая такие крупные дела, как С. М. Гинсбург, «29-ти» (жертв Якутской трагедии 1889 г.), «22-х», «18-ти», «15-ти».

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 88. Д. 9961. Л. 353 и сл.

противниками все чаще в административном порядке. Судебных процессов над ними после 1882-го, а еще заметнее с 1887 г. в России стало гораздо меньше. Вот сравнительные данные (без Польши)¹:

1883 — 12 процессов,
1884 — 9,
1885 — 8,
1886 — 6,
1887 — 10,
1888 — 2,
1889 — 5,
1890 — 4,
1891 — 4,
1892 — 1,
1893 — 2,
1894 — 1.

В 90-е годы число политических процессов быстро сошло на нет. Судились тогда по традиции все еще народники. Между тем главной силой революционного движения становились уже социал-демократы, которых царские суды пока (вплоть до начала следующего столетия) не судили. Поэтому редкие процессы 90-х годов, как заметил присяжный поверенный М. Л. Мандельштам, «были скорее “последними тучами рассеянной бури”, чем предвестниками новой грозы»².

В условиях тотального наступления реакции и судебной контрреформы права и возможности адвокатов на политических процессах, естественно, были как нельзя более стеснены. Но адвокатура отступала с боями. В. Д. Спасович еще в мае 1881 г. говорил на собрании присяжных поверенных Петербурга, что не за горами новая полоса реакции, и призывал коллег быть стойкими: «Господа товарищи, теперь надобно держаться вкупе и образовать, отстреливаясь на все стороны,

---

¹ Здесь не учитываются единичные процессы (всего — 6) с политическим оттенком, но без участия самих «политиков».

² Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 26.

плотное каре»¹. На политических процессах первой половины 80-х годов адвокаты еще пытались, и не без успеха, противоборствовать обвинению и защищать подсудимых с прежней энергией и вдохновением.

Наиболее показателен в этом отношении процесс «17-ти»², **Процесс «17-ти»** который вновь собрал цвет российской адвокатуры: среди 12 защитников здесь выступали В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, Е. И. Кедрин, Н. И. Холева.

Скамью подсудимых по делу «17-ти» заняли семь членов и два агента Исполнительного комитета партии «Народная воля» и еще восемь рядовых народовольцев. Все они обвинялись в принадлежности к «Народной воле», что само по себе уже было чревато виселицей, ибо «Народная воля» получила от царских карателей ярлык партии разрушителей и убийц: ей как юридическому субъекту инкриминировалось — не по закону, а по традиции — цареубийство 1 марта 1881 г., и принадлежность к такой партии фатально делала обвиняемого причастным к цареубийству и ответственным за него перед законом. Фиксировать же принадлежность обвиняемого к «Народной воле» было просто, во-первых, потому, что народовольцы, как правило (на процессе «17-ти» — 14), сами заявляли о своей партийности, а если обвиняемый не признавал себя народовольцем, следовательно и далее прокурор могли объявить его таковым на основании подтасованных или же выдуманных, а иногда и полученных от предателей «данных». Так и по делу «17-ти» обвинение во многом опиралось на предательские (с домыслами) оговоры В. А. Меркулова и Г. Д. Гольденберга.

Помимо общего для всех «17-ти» обвинения в принадлежности к «Народной воле», каждый из них обвинялся и в осуществлении конкретных революционных актов, включая четыре покушения на царя, или в содействии таким актам. Все

¹ Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 28. Курсив мой. — Н. Т.

² Подробно о нем см.: Троицкий Н. А. Процесс «17-ти» // Советское гос-во и право. 1983. № 6.

эти обвинения с фактической стороны были верными. Однако прямых доказательств судьям¹ не доставало. Поэтому суд охотно следовал за прокурором в злоупотреблении любыми (хотя бы и вздорными, фальшивыми) косвенными уликами.

Прокурором на процессе «17-ти» был тот самый В. А. Желеховский, который приобрел скандальную известность предвзятостью, цинизмом, подлогами на процессе «193-х», затем временно отошел в тень как личность излишне одиозная даже для царского суда и теперь вновь пришелся кстати. Он и в деле «17-ти» остался верен себе, прибегнув к очередному подлогу: агентурный донос, на который по закону нельзя было опереться, выдал за показания подсудимого А. С. Борейши и, таким образом, попытался заодно скомпрометировать Борейшу в глазах его товарищей². К услугам суда и прокурора вызваны были 72 свидетеля обвинения (преимущественно из полицейских, шпионов, дворников) и только четыре — от защиты³. Всех подсудимых и вообще народовольцев прокурор изображал слепыми разрушителями, мажорками террора, отделенными «зияющей бездной» «от честных и порядочных людей»⁴.

Подсудимые — особенно М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, П. А. Теллалов, А. В. Буцевич, которые были центральными фигурами процесса, — со своей стороны, протестовали против «крайней односторонности в понимании “Народной воли” как исключительно террористической фракции»⁵. Все они — отнюдь не из желания облегчить свою участь, а в интересах истины, справедливости — аргументированно доказывали, что деятельность «Народной воли» разнообразна и что она включает террор лишь в качестве одного из многих

¹ Первоприсутствующим здесь был матерый каратель Д. С. Синеоков-Андреевский, а из сословных представителей выделялся верноподданнической жесткостью Д. С. Сипягин — будущий министр внутренних дел, убитый в 1902 г. С. В. Балмашевым.

² Борейши А. С. К процессу «17-ти» // Былое. 1907. № 1. С. 296–298.

³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 544. Л. 1.

⁴ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 436. Л. 21 об. (нелегальный гектографированный отчет о процессе «17-ти»).

⁵ Там же. Л. 25 об., 35, 39, 41, 42.

средств борьбы. Всякий раз, когда заходила речь о терроре, герои процесса «17-ти» по примеру своих, ранее осужденных и казенных предшественников, подчеркивали, что «красный» террор обусловлен «белым» террором царизма. Более того, они разъясняли, что обусловленность «красного» террора является преходящей, выражали не только от себя лично, но и от имени всей партии готовность отказаться от террора, если царизм допустит в России политические свободы¹. Тем самым подсудимые превращали судебный процесс над ними в арену борьбы против самодержавия. Существенно помогли им в этом адвокаты.

В. Д. Спасович вновь, как он делал это ранее, опроверг и высмеял юридическую базу обвинения. «Ошибка обвинения,— говорил он,— заключается в том, что сообщество, по его понятиям,— дело, окончательно решенное по прежним приговорам, которые уже вырыли глубокую и большую площадь, имеющую готовое отверстие (“шахту”, как выразился Спасович далее в этой же речи.— Н. Т.), и в это готовое отверстие надлежит только уложить всех нерешенных еще сообщников. Коль скоро можно установить, что они когда-либо и где-либо приходили с сообществом в соприкосновение, то и basta, то и придется укладывать их в эту рамку. Она составлена по статье 242 Уложения, а статья 242 допускает одну только меру для сообщников — смертную казнь». Спасович осудил и манеру царских юристов на каждом процессе «Народной воли» представлять исходным пунктом обвинения цареубийство 1 марта 1881 г.: «Не для настоящего процесса, так для будущего пойдет впрок, если практика перестанет производить все будущие процессы от цареубийства 1881 г., как не производятся <...> все дела об убийстве от убийства Авеля Каином»².

К судьям и прокурору адвокаты на процессе «17-ти» не проявляли высокого пиетета, а присяжный поверенный П. А. Александров позволил себе дерзкий выпад против Желеховского, вызывавшего брезгливость не только у револю-

¹ Речи подсудимых в процессе «17-ти» // *Былое*. 1906. № 12. С. 240, 245, 255.

² *Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887)*. Берлин, 1900. С. 88–89, 106.

ционеров. Когда прокурор в ответ на вопрос первоприсутствующего сказал, что он ничего не имеет против отклонения заведомой лжи одного из свидетелей обвинения, Александров громко, хотя и будто бы в сторону, выругался: «Еще бы имел что-нибудь этот мерзавец!» «Нам казалось,— вспоминал один из «17-ти» А. В. Прибылев,— что суд и сам прокурор должны были слышать эту резкую реплику, но никто не поднял голоса по этому поводу, и все прошло благополучно, отчасти позабавив нас»¹.

Зато к подсудимым адвокаты относились с нескрываемой симпатией. Е. И. Кедрин сказал о своем подзащитном Буцевиче такую речь, которую один из подсудимых сравнил с «художественной поэмой в защиту чистой и красивой молодой погибающей жизни»². Тот же Кедрин, подобно тому, как он это делал на предыдущих процессах, будучи защитником Софьи Перовской и Александра Михайлова, и теперь передавал на волю конспиративные письма своих подзащитных³, а Н. И. Холева уже после приговора принес в камеру осужденных на вечную каторгу П. С. Ивановской несколько алых роз, спрятав их у себя в шляпе⁴. Главное же, адвокаты косвенно оправдывали молодое поколение революционеров («недовольное настоящим, как мы все, но, кроме того, демонстрирующее свое недовольство, чего мы, старые и искусившиеся, не делаем») и предостерегали карателей от смертных приговоров: «Излечение не достигается казнями!»⁵

Серьезно повлиять на приговор суда по делу «17-ти» защитники не могли — слишком тяжкими были и обвинения, и улики, и предубежденность суда. Только Н. П. Карабчев-

---

¹ Прибылев А. В. Записки народовольца М., 1930 С. 74 Процесс «17-ти» стал последним политическим процессом с участием П. А. Александрова (кстати, он не смог выступить здесь с защитительной речью по занятости в другом деле, и его заменил Е. Ф. Королев) В 1884 г. Александров через посредников «выразил готовность быть защитником» Л. Г. Дейча, но посредники не успели передать это Дейчу (Группа «Освобождение труда» Сб. 2 М., 1924 С. 154)

² «Народная воля» перед царским судом М., 1930 С. 137

³ Лурье Л. Я., Рогинский А. Б. Неопубликованное письмо Я. В. Стефановича Л. Г. Дейчу // Учен. зап. Тартуского ун-та 1975 Вып. 369 С. 175

⁴ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели Берлин, 1921 Ч. 2 С. 42

⁵ Спасович В. Д. Указ соч. С. 97, 109 Курсив мой — Н. Т.

ский просил об оправдании своей подзащитной М. А. Юшко-вой, но добился для нее лишь наименьшего срока каторги. Даже Спасович, который ради облегчения участи своих клиентов, супругов Прибылевых, умалял — к неудовольствию всех подсудимых — силу революционной партии, внушая судьям, что Исполнительный комитет «Народной воли» — это «только миф, совершенно похожий на Священную Римскую империю, которая не была ни священной, ни римской, ни империей»¹, даже он не смог вывести хотя бы Р. Л. Прибылеву из-под каторжного приговора. Между тем и юридические аргументы Спасовича в пользу смягчения приговора обоим Прибылевым на две-три ступени были очень сильны.

Спасович доказывал, что, поскольку цель участия Прибылевых в динамитной лаборатории «Народной воли» *точно* не установлена, их преступление можно квалифицировать не по ст. 241 (умысел на цареубийство), как этого требует прокурор, а по ст. 249 (приготовление к бунту). «Мне могут сказать, — рассуждал «король адвокатуры», — какая же вам польза, что ваших клиентов будут наказывать не по 241-й, а по 249-й ст., и за то, и за другое — наказание одно: лишение всех прав состояния и смертная казнь. На это возражение у меня готов ответ — ответ неопровержимый... Если Прибылевы судятся за приготовление к бунту, то они подходят и не под 249-ю, а под 250-ю ст. вполне и безусловно, так как не только преступление не дозрело и не только было открыто заблаговременно, так что ни покушений, ни смятений, ни других вредных последствий не произошло, но и сама цель бунтовщическая лелеема была только как нечто весьма и весьма отдаленное; виновные готовились к бунту, но не условились приступить к исполнению и действовать насильственно, — следовательно, не подходят даже под 1-ю ч. ст. 250, а только под 2-ю ч., при-совокупленную законом 4 июня 1874 г., смягчившим значительно драконовскую суровость первоначальной 250-й ст.», вплоть до ссылки на житье². Суд пренебрег аргументами Спасовича и определил супругам Прибылевым по 15 лет каторги,

¹ Спасович В. Д. Указ соч. С. 98.

² Там же С. 105–107.

как и М. А. Юшковой. Это и был самый мягкий на процессе «17-ти» приговор.

Разумеется, не в смягчении приговора главным образом выразилась та услуга, которую оказали адвокаты подсудимым по делу «17-ти» и всему освободительному движению, а в том, что они дискредитировали юридическую базу обвинения, поддержали нравственную и политическую репутацию врагов царизма и ударили по официально-обывательским представлениям о них как о «злодеях».

На других процессах по делам «Народной воли» первой половины 80-х годов («23-х», «14-ти», «12-ти», А. И. Богдановича и др.) защита была слабее по составу, более стеснена и менее активна. Некоторые адвокаты (В. Ф. Леонтьев на процессе «14-ти», Л. А. Куперник и А. Ф. Линдфорс на процессе «12-ти», А. С. Гольденвейзер — по делу Богдановича) выступали, как и прежде, с яркими речами, проникнутыми неприязнью к правительству и сочувствием к подсудимым. Куперник, в частности, опровергал нападки прокурора на программу «Народной воли» как якобы химеру, преследующую одно только разрушение. Адвокат разъяснял, что «Народная воля» ставит целью уничтожение лишь того строя, который пока господствует в России, и замену его другим, причем заметил: «Ничего химерического, недостижимого в этом нет. Ведь существуют же в Западной Европе государства с иными политическими учреждениями, чем у нас»¹. Леонтьев — защитник Веры Фигнер на громком процессе «14-ти» — парировал попытки суда инкриминировать обвиняемым патологическую «жажду крови», заявив, между прочим, что его подзащитная принадлежит к натурам, которые «так страстно любят правду, что во имя этой любви к правде, во имя осуществления идеалов правды не могут остановиться и перед необходимостью пролития крови»². Но, несмотря на отдельные вспышки политической активности, защита уже в первой половине 80-х годов становится, в общем, все более пассивной и все менее солидарной с подсудимыми.

«Красный» террор народовольцев, хотя он, с одной сторо-

---

¹ Литература партии «Народная воля» С. 260.

² Спандони А. А. Страница из воспоминаний // Былое. 1906. № 5. С. 33.

ны, и восхищал адвокатов образцами самопожертвования, с другой стороны, шокировал их, отчасти даже пугал чрезмерным (до кровопролития!) радикализмом. Эта вторая сторона «красного» террора в условиях торжества реакции выдвигалась на первый план, обнажая бесперспективность террористических способов борьбы, которые теперь не столько утрачивали, сколько раздражали правительство, усугубляя тем самым реакционность его политики. Поэтому на процессах 80-х годов адвокаты злоупотребляли таким приемом защиты, когда террористическая деятельность «Народной воли» затушевывалась и принижалась. Так было, в частности, и на процессе «14-ти», где чуть ли не каждый из адвокатов пытался доказать, что его подзащитный — социалист (даже народо-ловец!), но не террорист¹. Больше всех это делал В. Д. Спасович, который позволил себе даже сопроводить пренебрежительным жестом адресованную его подзащитной Л. В. Чемодановой концовку защитительной речи: «Господа судьи, вы убедились, несомненно, что она не террористка. Какая же она и заговорщица?»² Так было и на процессе «12-ти», где адвокаты старались вывести обвинение из-под статьи 249 Свода военных постановлений (предписывающей смертную казнь), доказывая, что названная статья имеет в виду «бунт войск», тогда как «Народная воля» — организация штатская и войск не использует³. Только разрушительные подкопы под юридическую базу обвинения со стороны того же Спасовича в любых условиях поддерживали репутацию адвокатуры.

Со второй половины 80-х годов (особенно с 1887 г.), когда политические процессы уже не имели большого общественного отклика, да и устраивало их правительство чисто формально⁴, роль адвокатуры падает почти до нуля. Тем не

¹ ГАРФ Ф 102 7 д-во 1884 Д 747 Ч 21 Л 19–27 (памятная записка в департамент полиции о процессе «14-ти»)

² Спасович В. Д. Указ соч. С 127–128

³ «Народная воля» перед царским судом М., 1931 Вып. 2 С 30

⁴ Вообще отказаться от судебных процессов над революционерами царизм, при всем его желании, не мог, хотя бы потому, что административный порядок не допускал наказаний больших, чем ссылка. Ни повесить революционера, ни спроводить его на каторгу, ни заточить в Шлиссельбург административным порядком было нельзя.

Процесс
«Второго
1 марта»

менее, хотя о поведении защиты на процессах того времени (как и о процессах вообще) мы знаем мало, дошедшие до нас сведения позволяют утверждать, что даже в самых трудных ситуациях она умела сохранить по меньшей мере свое профессиональное достоинство. Даже на процессе по делу «Второго 1 марта» в ОППС (1887 г.) защита не была такой беспомощной, какой рисует ее М. М. Выдря, по словам которого, «защитники вели себя пассивно и даже не реагировали на грубые нарушения процессуальных прав подсудимых»¹.

Из стенографического отчета о процессе видно, что присяжный поверенный А. Н. Турчанинов заявил протест против формулировки первого вопроса о виновности подсудимых, будто все они — члены того самого «тайного сообщества», которое убило Александра II. Протест Турчанинова поддержали еще пять адвокатов: А. А. Герке, В. Ф. Леонтьев, Г. Г. Принтц, Н. И. Соколов, А. В. Михайлов. Соколов возражал и против использования прокурором свидетельских показаний, которые были вытребованы на жандармском дознании, но от которых на суде свидетели отказались².

Больше того. Перед оглашением приговора Турчанинов сделал весьма ответственное заявление, повторив тезис, с которым он выступал на процессе А. К. Соловьева: «Против идей есть только одна сила — это тоже идея, и в таких случаях уголовным судом едва ли возможно применение смертной казни». К этому заявлению присоединились Леонтьев, Принтц, Михайлов³.

Защитительные же речи адвокатов на процессе вторых первоапрельцев действительно выглядели бесцветно. Департамент полиции с удовлетворением зафиксировал, что они «были кратки и весьма приличны»⁴.

---

¹ Выдря М. М. Суд над Александром Ульяновым // Сов. юстиция. 1957. № 9. С. 76.

² 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927. С. 219–341–342.

³ Там же. С. 343, 344.

⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 124. Злоупотреблял верноподданнической риторикой только присяжный поверенный К. Я. Шнейер (1 марта 1887 г. С. 299).

Неярко, но достойно выступила защита в том же 1887 г. и на процессе «21-го» (дело Г. А. Лопатина и др.). Здесь в числе 11 адвокатов оказались такие корифеи, как В. Д. Спасович, С. А. Андреевский, Е. И. Утин, В. О. Люстиг, П. Г. Миронов. Лопатин избрал себе защитником В. Н. Герарда, но тот был в отъезде из Петербурга¹. Поэтому защиту Лопатина принял на себя Утин.

Петербургский военно-окружной суд, который вел дело «21-го», намеренно стеснял возможности и права адвокатов. Они назначались за несколько дней до начала процесса (Андреевский — за два дня)², чтобы им не хватило времени на изучение дела и вызов не желательных для суда свидетелей. На самом процессе судьи по-военному бесцеремонно обходились с адвокатами, одергивали их. В таких условиях адвокаты выполняли свой долг не за страх, а за совесть. Все они главным образом старались вывести обвиняемых из-под ст. 249 Уложения о наказаниях, мотивируя в их пользу юридическую грань между «бунтом против власти верховной» (ст. 249), что каралось смертной казнью, и заблаговременно открытым «умыслом» к бунту (ст. 250), наказуемым по-разному и в широком диапазоне — от 15 лет каторги до 1 года тюрьмы³.

При этом Спасович вновь изобличил царских юристов в стремлении буквально подмять каждого обвиняемого под принадлежность к «Народной воле»: «Все без исключения подсудимые, а их — 21, привязаны, прикручены, пригвождены к партии; она «является в обвинительном акте как подсудимый, как субъект, вина которого раз навсегда установлена по 249 ст. Уложения», и к ней «юридически приобщается всякий, <...> хотя бы был виноват только советом, пособничеством или даже недонесением. В любом случае он повинен смерти»⁴. Спасович отметил и необъективность свидетелей обвинения (большей частью из «казенной публики»: дворянников, полицейских, филеров), число которых на процессе

¹ РГВИА Ф 1351 Оп 4 Д 298 Т 2 Ч 1 Л 102

² Там же Л 191

³ Спасович В Д Указ соч С 251–252, 260; «Народная воля» перед царским судом Вып 2 С 59, 62, 65

⁴ Спасович В Д Указ соч С 248–249

«21-го» составило внушительную цифру — 143¹. В частности, он иронизировал над тем, что их опять, как и на предыдущих процессах, возглавляет Г. Д. Гольденберг — «главный по этому делу свидетель, классически вызываемый всякий раз как живой, хотя он умер в 1880 г.»².

Речи защитников на этом процессе, по воспоминаниям их подзащитных, «носили чисто деловой характер». «К традиционному адвокатскому красноречию прибегнул» только защитник малоуличенного В. И. Сухомлина Миронов: «...эффектно жестикулируя и удивляя богатством модуляций своего громкого голоса, он доказывал, что нельзя осудить человека, не совершившего никаких конкретных преступлений, лишь на основании косвенных улик и из-за того только, что показания тяжкого преступника [П. А.] Елько, прибегнувшего к оговорам ради спасения своей жизни, совпадают с показаниями [С. А.] Иванова, написанными во время психического расстройства и на суде им отвергнутыми. Блестящая по форме речь эта могла бы убедить присяжных, но не бурбонов, заматеревших в беспрекословном исполнении приказов»³.

Стремясь облегчить участь подсудимых, некоторые адвокаты и здесь, к неудовольствию своих подзащитных, умаляли силу и значимость революционной борьбы. Особенно грешил этим по своему обыкновению Спасович. Он рисовал состояние революционного лагеря 1883–1884 гг. такими красками: «Есть стадо без пастырей, остатки партии без вожakov <...> [Исполнительный] комитет был одержим дремотою, спячкою, прозябал, не действовал...»⁴

Но о моральном облике подсудимых защитники говорили с нескрываемым сочувствием и симпатией. «Скажите по совести, мыслимо ли снять голову с этих плеч!» — восклицал Спасович, указывая судьям на поэта-народовольца П. Ф. Якубовича после хвалы его «чувству чести» и «прекрасным нрав-

---

¹ РГИА Ф 1405 Оп 86 Д 10939 Л 333–337

² Спасович В Д Указ соч С 250

³ «Народная воля» перед царским судом. Вып 2 С 65.

⁴ Спасович В Д Указ соч С 253, 260

ственным задаткам»¹. Неудивительно, что герои процесса «21-го» вспоминали о своих защитниках «с глубокой благодарностью»².

Думается, адвокаты помогли революционерам на процессе «21-го» не столько тем, что добились трех оправдательных приговоров³ (хотя для военного суда того времени и один такой приговор был редкостью), сколько возвеличением нравственной чистоты обвиняемых, что пробуждало добрые чувства к борцам за свободу даже в кругах политически равнодушных, а то и предубежденных против «крамолы»

На «Донском процессе» 1887 г. в ОППС⁴ защитники С. С. Соколов, В. И. Леонтьев, А. М. Чичагов по примеру своих коллег из процесса «21-го» доказывали, что, так как преступление обвиняемых открыто заблаговременно, на стадии «умысла», их должно судить не по 249-й ст. («бунт против власти верховной»), а по ст. 250 («составление преступного сообщества»). Суд игнорировал их аргументы, и после приговора защитники подали кассационную жалобу на предвзятый подход суда к Уложению о наказаниях⁵. Разумеется, жалоба была оставлена без последствий. Не смогли повлиять на приговор суда и защитники моряков-народовольцев (Н. Н. Шелгунова и др.), дело которых рассматривал 13–18 октября 1887 г. Петербургский военно-окружной суд. В. Н. Герард, В. О. Люстиг, А. А. Герке, А. В. Михайлов дружно, но безуспешно доказывали, что обвиняемые — участники рыхлого, организационно не оформленного кружка — должны судиться не за составление тайного сообщества (ст. 250 Уложения), а за попытку составить таковое, т. е. по ст. 318, чреватой всего лишь ссылкой, тогда как ст. 250 вела на каторгу⁶.

Зато В. Д. Спасович дважды добивался смягчения пригово-

«Донской
процесс»

¹ Спасович В. Д. Указ соч. С. 272

² Салова Н. М. Автобиография // Деятели СССР и революц. движения России. Энцикл. словарь Гранат М., 1989. С. 218

³ Два из них — «на счету» С. А. Андреевского

⁴ Дело 7 народовольцев (Е. И. Петровского и др.) — преимущественно уроженцев Дона, действовавших главным образом на Дону

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10138. Л. 358–360, 396–397

⁶ Там же. Д. 10319. Л. 481–481 об.

воров по кассационным жалобам осужденных в Сенате. 22–23 ноября 1888 г. Тобольский губернский суд рассматривал дело 22-х политических ссыльных по обвинению их в сопротивлении властям и приговорил народовольца М. М. Теселкина к 8 годам каторги, а С. М. Смирнова и А. С. Чумаевского — к ссылке в Восточную Сибирь на 5 лет (остальных — к тюремному заключению от 3 до 6 мес.)¹. Спасович доказал, что ссыльные, не пожелавшие идти из Тюменской тюрьмы по этапу *вместе с уголовными*, оказали сопротивление после и в ответ на применение к ним грубого насилия, и что дело их подтасовано самими «тюменскими укротителями», причем «главным уличителем» выступил исправник, вершивший насилие. Тобольский суд неправильно применил к делу ст. 264, которая имеет в виду явное восстание против властей, ибо по всем признакам дела здесь налицо всего лишьслушание, предусмотренное ст. 273². Сенат признал доводы адвоката верными и существенно изменил приговор: Теселкину определил 2 года, а Смирнову и Чумаевскому — 1 год 4 мес. тюрьмы (для остальных сохранил прежнее наказание).

Вторую жалобу подали кассационным порядком в Сенат пять ссыльных народовольцев (В. П. Кранихфельд, М. И. Ромась и др.) и чернопеределец, известный украинский поэт П. А. Грабовский на приговор Иркутского губернского суда от 8 ноября 1891 г. Обвиняемые, ранее сосланные в Сибирь по разным делам, составили и разослали за своими подписями в редакции петербургских газет, а также министру внутренних дел заявление «Русскому правительству» с протестом против расправы, учиненной карателями над жертвами т. н. Якутской трагедии³. Суд инкриминировал им принадлежность к одному и тому же «преступному сообществу», а главное, «сочинение и распространение воззвания к бунту» и приговорил каждого к 4 годам каторги⁴. Спасович опроверг оба пункта обвинения. Он доказывал, что за принадлежность к

¹ РГИА Ф 1405 Оп 535 Д 239 Л 55–69 (протокол суда)

² Спасович В Д Соч СПб, 1894 Т 7 С 145–172

³ См о ней Якутская трагедия 22 марта 1889 г. М., 1925

⁴ ГАРФ Ф 102 7 д во 1889 Д 139 Л 3 и сл

«преступным сообществам» («Народной воли» и «Черного передела») обвиняемые уже были наказаны ссылкой в Сибирь, «и другой раз снимать с них кожу за то же нельзя, по принципу „non bis in idem“»¹, а нового сообщества они не составляли: «Одно сосуществование и общение друг с другом никогда не могло бы быть признано равносильным факту образования ими сообщества, как не доказывает этого одновременное пребывание многих лиц в тюрьме». Что же касается второго пункта обвинения, то Спасович показал его абсурдность: обвиняемые «не такие дураки и идиоты, какими их изображает суд, т. е., задумав бунт и взывая к нему, они оповестили прежде всего о том г. министра»; их письмо «есть не воззвание, а заявление»². Сенат и на этот раз согласился с доводами адвоката и отменил каторжный приговор.

Процесс
«Пролетариата»

Спасович, а также присяжный поверенный Л. Г. Харитонов вместе с адвокатами из Варшавы приняли участие в крупном судебном процессе польской социалистической партии «Пролетариат» (Варшавский военно-окружной суд, 11 ноября — 8 декабря 1885 г.). Этот процесс имеет прямое отношение и к русскому освободительному движению по трем признакам: среди 29 подсудимых и 4 казненных здесь был русский революционер Петр Васильевич Бардовский (родной брат выдающегося адвоката Г. В. Бардовского); второе по значению лицо из всех подсудимых после Л. С. Варыньского — С. Ч. Куницкий — являлся членом не только польского «Пролетариата», но и российской «Народной воли»; наконец, «более всего отягчающим вину подсудимых обстоятельством» на этом процессе был союз «Пролетариата» с «Народной волей», официально заключенный в феврале 1884 г.: в обвинительных речах четырех (!) военных прокуроров «на каждом шагу подчеркивалась „мученическая кончина царя-Освободителя“, „убийство священной особы государя-императора“, совершенное той партией, с которой партия „Пролетариат“ вступила в союз»³.

¹ Не дважды за то же (*лат*)

² Спасович В. Д. Соч. Т. 7. С. 295, 297, 299–301.

³ Кон Ф. Я. За 50 лет // Собр. соч. М., 1932. Т. 1. С. 186, 189–190.

Спасович защищал на процессе «Пролетариата» П. В. Бардовского и Ф. Ю. Рехневского. Он сам был поляк, симпатизировал своим подзащитным и всем вообще подсудимым: после яркой программной речи Варыньского «взволнованный Спасович подбежал к нему и долго жал ему руки»¹. Но из благих побуждений, дабы облегчить участь подсудимых, он и здесь, как всегда, принижал революционную значимость всей партии и отдельных ее деятелей, особенно своих подзащитных: Рехневский, по его словам, «если и был [в партии], то не в ядре ее, а в дальней оконечности хвоста этой кометы»; воззвание же, отнятое у Бардовского,— это «сумбурное смешение конституции с революцией»: «молния и громы, все разрешается несколькими каплями розовой воды»². С другой стороны, Спасович (тоже как обычно) разрушал юридическую базу обвинения, уличая карателей в подтасовке следствия и оспаривая неправомерные уловки суда: например, решение зачитать в качестве улики против Рехневского предательский оговор ссыльного. «Ссылать и не ставить на судебное следствие,— заявил Спасович,— это дело администрации, но читать или не читать показания находящихся в распоряжении правительства лиц, административно сосланных,— это вопрос судебный, и я полагаю, что он разрешается отрицательно: эти лица находятся ныне в распоряжении власти, которая не сочла нужною их доставку...»³

В борьбе с предвзятостью следствия и суда помогал Спасовичу Харитонов. Вместе «они вытащили и предъявили публично суду целый ряд протоколов с подписью допрашиваемого не под протоколом, а на следующей странице. Белановский (следователь.— Н. Т.) и Янкулио (прокурор.— Н. Т.) не церемонились. Они заставляли запуганных рабочих подписывать чистый лист бумаги, а затем уже сами заполняли лист собственным творчеством, причем неряшливость их в этом творчестве доходила до того, что они не заполняли листа до

¹ Кон Ф Я За 50 лет // Собр соч М, 1932 Т 1 С 191

² Спасович В Д Семь судебных речей С 155, 180, 184

³ Там же С 151, 152

самой подписи. Публичное изобличение этих господ имело огромное значение»¹

Теперь обратимся к тем процессам 1883–1900 гг., которые не были вполне политическими, но имели печать или оттенок «политики». К сожалению, мы не знаем, как вела себя защита на процессе по делу о беспорядках в г. Крожи Виленской губ. (Виленская судебная палата, 20–29 сентября 1894 г.), хотя состав ее обещал многое: С. А. Андреевский, А. И. Урусов, А. Н. Турчанинов, В. И. Жуковский. Известен только эмоциональный отклик в застольной речи Спасовича от 18 января 1895 г. «Вы,— обратился «король адвокатуры» к Жуковскому,— хлестали, точно бичом, вы гнали, точно сквозь строй, вполне заслуживающих того негодяев»². Зато опубликованы речи защитников и другие материалы, относящиеся к защите на процессах участников исторической Морозовской стачки 1885 г.

Процесс
о беспорядках
в г. Крожи

Два судебных процесса над 48 ткачами с фабрики Т. С. Морозова, которые прошли 7–8 февраля и 23–27 мая 1886 г. во Владимирском окружном суде (второй процесс — с присяжными заседателями), не были политическими с точки зрения буквы закона. Участие в стачке квалифицировалось тогда по царскому законодательству как общеуголовное преступление. Не усмотрев в деле морозовских ткачей никакой «политики» (или не захотев сделать этого), власти доверили его суду присяжных, открыли двери суда для публики, разрешили печатать отчет о процессе в газетах, тогда как обычные политические дела к тому времени были сосредоточены главным образом в ОППС и военных судах и лишены гласности.

Морозовский
процесс

Прямых политических улик в деле морозовских ткачей действительно не было. Ни один из обвиняемых не входил тогда ни в какую революционную организацию. Никто из них ни в ходе стачки, за участие в которой судился, ни на

¹ Кон Ф Я Указ соч С 185

² Спасович В Д Застольные речи С 100 Нет пока данных и о поведении защиты, которую представляли С А Андреевский, В Н Герард, П Г Миронов, С С Соколов и В И Леонтьев, на процессе С. М. Гинсбург

следствии, ни на суде не выдвигал каких-либо политических требований. Но процесс «морозовцев» имел и политический оттенок, который позволяет выделить его из ряда дел о «фабричных беспорядках» и поставить в ряд политических процессов эпохи. Руководили стачкой революционеры — Петр Моисеенко, Лука Иванов (в прошлом деятели «Северного союза русских рабочих», уже побывавшие в сибирской ссылке) и распропагандированный ими Василий Волков. Они сумели внести в стачку, в этот «страшный бунт десятка тысяч рабочих»¹, элементы организованности и сознательности. Среди требований, выработанных руководителями стачки, одно выходило за рамки взаимоотношений рабочих с фабрикантами, поднимаясь до уровня осознанного давления на правительство, — «полное изменение условий найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону»². Моисеенко и на суде удостоверил политический мотив своего участия в стачке: «Убедившись в справедливости политических идей, я уже не мог равнодушно смотреть на страдания людей, с которыми обращаются иногда хуже, чем с вьючными животными, которым зажимают рот, когда они хотели бы протестовать»³. Прокурор же в обвинительной речи прямо говорил о «созданной Мосеенком⁴ забастовке» и призывал суд «избавить строгим приговором общество от этого вредного человека»⁵.

Защищали морозовцев: на первом процессе — Ф. Н. Плевако и Н. П. Шубинский, на втором — Шубинский, Н. И. Холщевников, С. Н. Коптев. Все они в противоположность прокурору доказывали, что Морозовская стачка — отнюдь не преступное создание Моисеенко и кого бы то ни было из «смутьянов», а справедливый взрыв массового протеста против бесчеловечной эксплуатации и произвола. «Не в Мосеенке вся суть дела, а в страданиях народа, — говорил

¹ Ленин В И Полн собр соч Т 2 С 23

² Рабочее движение в России в XIX в Документы М, 1952 Т 3 Ч 1 С 133.

³ Морозовская стачка 1885 г М, 1925 С 114

⁴ Мосеенко — так писалась фамилия П А Моисеенко в документах процесса.

⁵ Морозовская стачка 7–13 (19–25) января 1885 г М, 1923 С 59, 60

Шубинский. — Что могут Мосеенки там, где рабочие не обижены?»¹

И Шубинский, и особенно Плевако подчеркивали: «Фабрика Морозова была защищена китайской стеной от взоров всех, туда не проникал луч света, и только благодаря стачке мы теперь можем проследить, какова была жизнь на фабрике. Если мы возмущаемся, читая книгу о чернокожих невольниках, то теперь перед нами белые невольники»². Разоблачив произвол фабричной администрации (вопиющее снижение расценок, увеличение штрафов до 40% заработка, создание невыносимых условий труда и жизни), Плевако оправдывал рабочих, которые, мол, вовсе не обязаны «тупо молчать» и «замерзнуть геройской смертью» в неотапливаемых цехах. Шубинский по этому поводу заметил: «Невольно поражаешься терпеливости и рабской покорности русского человека. Кажется, если бы премировали эти качества, первая премия была бы дана непременно ему»³.

Плевако в заключение своей речи на первом процессе поставил суд перед альтернативой: «Если эти люди отказывались от должного и добивались *недолжного* путем стачки, они нарушили закон; если же они отказывались от *недолжного* и добивались *должного*, их забастовка — вне сферы наказуемости». Шубинский на втором процессе высказался за «оправдание всех без исключения подсудимых» и обратился к присяжным заседателям с такими словами: «Вы скажете всей России, что истинными виновниками январских волнений должны считаться не рабочие, а те, кто забыл, что и рабочие — тоже люди с правами, если не на все блага жизни, то, по крайней мере, на одно, священное и бесспорное между ними, на сколько-нибудь сносное человеческое существование»⁴.

¹ Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах М, 1898 Т 3 С 466

² Там же С 459; Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера М, 1966 С 108

³ Плевако Ф. Н. Речи М, 1909 Т 1 С. 323; Русские судебные ораторы Т 3 С 461

⁴ Плевако Ф. Н. Речи Т 1 С. 325, Русские судебные ораторы Т 3 С. 476, 477

Другие защитники, речи которых дошли до нас лишь в кратких резюме, выступали с такой же позиции. По воспоминаниям П. А. Моисеенко, Холщевников «признавал, что сделано великое дело, которое у нас пока называется преступлением. Преступниками оказались те, кто защищал свои поправные права, а не тот, кто нарушал эти права»¹.

По ходу обоих процессов защита искусно вела допрос свидетелей, пикируясь с председателем суда и прокурором, — особенно на допросе Т. С. Морозова. «Председатель старался выгородить Морозова, а защита уцепилась, как клещ, и не выпускает. Довели до того, что Морозов попросил на время освободить его от показаний»². «Весь красный, как рак», фабрикант «пошел в зал и хотел уже сесть на свободное место, но, увидя сидящую женщину-ткачиху, бросился от нее стремглав в сторону, упал»³.

Стараниями защиты и, разумеется, из показаний свидетелей на суде выявилась картина столь безобразных притеснений со стороны фабричного начальства, что присяжные заседатели на 101 вопрос о виновности подсудимых 101 раз ответили: «Нет, не виновны». На следующий день в передовой статье № 146 газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков по этому поводу язвил: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса».

Спустя 13 лет, 18–23 мая 1899 г., в Московской судебной палате состоялся процесс над 90 рабочими той же Морозовской фабрики, которые вновь забастовали и на этот раз оказали сопротивление полиции, применившей против них огнестрельное оружие. Защитниками здесь выступили Н. К. Муравьев, П. Н. Малянтович, В. А. Маклаков, Н. В. Тесленко, М. Ф. Ходасевич, В. Н. Лебедев. Все они опровергали попытку обвинения выставить забастовщиков как «публичное скопище» грабителей и насильников, доказывая, что тре-

¹ Моисеенко П. А. Указ. соч. С. 117.

² Там же С. 116

³ Там же. С. 115.

бования рабочих были справедливы и что «забастовка — таков был единственный исход, к которому толкала рабочих необходимость»¹.

Присяжный поверенный Тесленко вскрыл ущербность логической схемы обвинения, по которой определялись внутри «публичного скопища» «подстрекатели» и «руководители». Он сказал: «Руководителей искали свидетели-полицейские, и всех, кого видели, называли руководителями. По мнению полиции, если есть толпа, значит ее кто-нибудь собрал; если она идет, кто-либо ведет ее. Называли подстрекателями и тех, кто шел впереди, и тех, кто был посредине; тех, кто кричал, и тех, кто молчал, но кивал головой; тех, кто бил стекла, когда остальные не били, и тех, кто не бил, когда остальные били... Быть впереди — не значит быть руководителем. Толпа — не военный строй. Она всегда меняется: передние попадают назад, и наоборот. А задние могут иметь больше влияния, чем передние»². От «опаснейшего в таких массовых процессах подводного камня — *суммарного* суждения и осуждения» предупреждал судей Муравьев³, который (как, впрочем, и другие защитники) пенял обвинению на недостаток прямых улик.

Политическую сторону дела (с ударением на виновности не столько рабочих, сколько полиции) чаще других затрагивал Тесленко. Установив, что до определенного момента «толпа вела себя сдержанно и лишь излагала свои требования к администрации», он продолжал: «Если толпа бушевала и дошла до тех диких проявлений, которые имели место вечером, то это произошло не сразу, а лишь под влиянием особенно неблагоприятных условий. Первым из них была стычка с полицией у дома Чарнока⁴. За толпой к этому дому подошла полиция в числе нескольких служителей, которые бросились на толпу... Полицейские стреляли, один рабочий был убит... После этого толпа разъярилась»⁵.

¹ Морозовское дело // Судебные драмы. 1901. № 3. Прил. 6. С. 8, 48, 53.

² Там же С. 60

³ Там же С. 50

⁴ Я. В. Чарнок — директор фабрики

⁵ Морозовское дело. С. 56, 58–59.

Суд не мог не посчитаться с аргументацией защиты (подкрепленной, кстати сказать, свидетельскими и вещественными доказательствами) и вынес рабочим довольно умеренные наказания, а 37 из них оправдал.

Вслед за Морозовским 1899 г. власти начали готовить т. н. Максвелльское дело. В суд оно поступило даже несколько раньше Морозовского, но растянулось на три процесса.

Максвелльский
процесс

Предметом обвинения здесь была «Максвелльская оборона», т. е. «вооруженное сопротивление властям» (по ст. 271 Уложения) со стороны рабочих-стачечников текстильной фабрики Д. Д. Максвелля в Петербурге в ночь с 16 на 17 декабря 1898 г., когда целые отряды полиции врываются в жилые казармы к рабочим, истязали их, схватили первых попавшихся 15 чел., которые и были преданы суду, а истязатели вызывались в суд как свидетели. Политический мотив этого дела, кроме самого факта «сопротивления властям», выражался еще и в том, что рабочие И. П. Малов, Ф. Ф. Филиппов и П. Н. Николаев — центральные фигуры стачки, «Максвелльской обороны» и судебного процесса — примыкали к петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» и вели революционную пропаганду на своей фабрике¹.

Процесс максвелльских рабочих открылся в Петербургской судебной палате 29 марта 1899 г. Защищали их корифеи и «старой» и «молодой» адвокатуры: Н. П. Карабчевский, П. А. Потехин, О. О. Грузенберг, Ф. И. Родичев, В. В. Беренштам, Я. З. Алапин². До начала процесса они провели совещание, где впервые за всю историю политической защиты в России договорились о том, кто будет на процессе их лидером. Поскольку в дальнейшем адвокаты часто прибегали к лидерству в коллективной защите, здесь уместно процитировать его исчерпывающее определение: «Лидерствовать — это значит: 1) не иметь возможности отлучиться ни на минуту из су-

¹ Кочергин К. И. 90-е годы на фабрике «Рабочий» // Красная летопись. 1931. № 5–6. С. 195–197, 200.

² Одинокое свидетельство об участии в этом процессе Ф. Н. Плевако (Беренштам В. В. В боях политических защит. Л.; М., 1925. С. 11) ничем более не подтверждается.

дебного заседания; 2) знать дело во всем объеме назубок; 3) собачиться все время с прокурором по поводу каждого его ходатайства или заявления; 4) быть готовым, не заглядывая в книгу законов, к даче заключения по юридическим вопросам, во время слушания дела возникающим, и 5) разгадать характер каждого из подсудимых, чтобы не оскорбить усердием защиты политических его верований»¹.

«Само собою,— вспоминал Грузенберг о совещании адвокатов перед максвелльским процессом,— лидерство на суде должно было быть предоставлено Потехину или Карабчевскому ввиду не только таланта, но и авторитета, которым они пользовались в судебной среде и в обществе. Я высказался мотивированно в этом смысле». Однако Потехин и Карабчевский сочли более рациональным возложить лидерство на молодого и энергичного Грузенберга. Тот согласился и уже как лидер изобретательно предложил: «Ордером министра юстиции закрыты двери суда, но не наши уста; подсудимых — два десятка, значит, им принадлежит право ввести в зал заседания 60 чел. без всяких объяснений², а кого ввести — это будет наше дело: подберем авторитетных в разных общественных кругах людей — вот вам и публичное заседание, не намного уступающее обычному при открытых дверях»³.

Идея Грузенберга была реализована очень эффектно. «При открытии заседания,— рассказывал осведомленный современник,— подсудимые начали заявлять просьбы о выдаче пропусков “родственникам”. “Кто ваш родственник?” — спрашивает председатель суда первого подсудимого. “Михаил Иванович Туган-Барановский”, — отвечает без запинки рабочий. “Чем он занимается?” — “Приват-доцент Петербургского университета”. — “Как же он приходится вам родственником?” — “Тетка моей жены — двоюродная сестра его дяди”. Приходится допустить. Второй подсудимый называет своим родственником Владимира Галактионовича Коро-

¹ Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 152.

² По три родственника на каждого подсудимого.

³ Грузенберг О. О. Вчера. С. 151, 152.

ленко. Третий — Николая Константиновича Михайловского. Четвертый — моего дядю (историка В. Я. Яковлева-Богучарского. — Н. Т.). В результате скамьи для публики заполняются отъявленными врагами правительства. “Родственники” вынимают каждый по тетради и карандаши и приготавливаются записывать все, что будет происходить при “закрытых” дверях»¹.

Грузенберг до суда провел совещание и с подсудимыми, выяснил, что они пекутся не каждый о себе, а «об общей пользе и интересе»². Поэтому защита сделала упор на изобличении беззакония и жестокости полицейской расправы с рабочими-жильцами казарм. Кульминацией процесса стал допрос, которому Грузенберг подверг главного карателя, полицейского пристава Н. П. Барача:

«— Скажите, свидетель, откровенно, из-за чего вышло такое страшное дело — неужели только из-за того, что двое рабочих, оскорбивших действием переодетого сыщика, проживали в казармах? Вы опытный полицейский, знаете, что такие дела подсудны мировому судье, который назначил бы небольшой денежный штраф или, в крайнем случае, несколько дней ареста. А вы врываетесь глухой ночью в семейные рабочие казармы, вызываете конных жандармов, полицию, ломаете рабочим ребра, истязаете их, подставляете под их удары полицейских и себя самого. Во имя чего гибель себя бысть?

— Во имя авторитета власти, господин защитник. Власть не должна давать бунтарям спуска.

— Авторитет власти — великое дело, но он подлежит охране в пределах закона, а закон воспрещает то, что вы сделали»³.

После того как суд вынес максвелльцам умеренно-суровый приговор (от 3 недель ареста до 1 года тюрьмы при 4 оправданных), защита дважды в кассационном порядке до-

---

¹ Сверчков Д. Ф. На заре революции. Л., 1926. С. 30.

² Грузенберг О. О. Вчера. С. 152–153.

³ Там же. С. 154–155.

бывалась его пересмотра, и на третьем процессе 9 ноября 1900 г. он был смягчен: 5 чел. — к 6 мес. тюрьмы, 4 — к аресту на 3 недели и 5 — оправданы¹.

Последним в XIX в. рабочим процессом отчасти политического характера стал процесс 73-х рабочих Брянского завода в Екатеринославе. Его вела в январе 1900 г. Харьковская судебная палата. И здесь рабочие обвинялись в «сопротивлении властям». 29 мая 1898 г. они, доведенные до отчаяния произволом заводских и полицейских властей, узнали, что их товарищ Никита Кутилин убит охранниками завода, и учинили разгром заводских служб, оказав при этом сопротивление полиции. В город были вызваны войска. Рабочих сотнями арестовывали, 500 из них выслали «на родину», объявленных «зачинщиками» предали суду.

**Процесс
73-х рабочих
Екатерино-
слава**

Защищать брянских бунтарей приехали Ф. Н. Плевако, Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков, А. М. Александров и др., всего — 9 адвокатов. Они сразу поняли и раскрыли на суде первопричину рабочего бунта: «завод представлял из себя... своего рода восточную деспотию, государство в государстве» (Муравьев), «вооруженную крепость, охраняемую сторожевыми постами» (Александров); хозяева этой крепости при попустительстве сверху чинили произвол и создавали для подчиненных невыносимые условия: «в течение 2,5 лет перекалена вся масса рабочих» (Муравьев); такие условия «фатально определили разрушительные стремления толпы», ибо «когда толпе не дают правосудия, она сама творит самосуд» (Маклаков), хотя составляют ее «не убийцы, не воры, <...> это — труженики, в поте лица добывающие хлеб, это создатели национального богатства» (Александров)². Таким образом, адвокаты помогали рабочим усвоить «главный урок, который дал Брянский процесс»: «первый шаг к освобождению рабочей массы — это низвержение самодержавия»³.

Разумеется, суд не мог согласиться с таким уроком, но зло-

¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 2. С. 272–274, 673.

² Суд над брянскими рабочими с приложением речей защитников. Женева, 1901. С. 22–33. Приложены тексты речей Муравьева, Маклакова и Александра.

³ Там же. С. 20 (послесловие от редакции).

**Борковский
процесс**

употребления властью со стороны местных заводчиков признал и 49 из 73-х подсудимых оправдал.

В ряд процессов с политическим оттенком за 1883–1900 гг. можно поставить и одно дело о крестьянских беспорядках. В июне 1899 г. крестьяне деревень Русская Борковка и Мордовская Борковка Самарской губ. самовольно распахали участок поля из владений гр. А. В. Орлова-Давыдова, который они считали своей собственностью, а затем оказали сопротивление полиции и были усмирены лишь силами войск во главе с губернатором. Усмирители арестовали 66 крестьян и 14 из них подвергли телесному наказанию (от 25 до 100 розог — каждому), после чего 43 крестьянина были преданы суду.

Слушалось Борковское дело в Самарском окружном суде 14–16 февраля 1900 г. Крестьян защищали А. А. Демьянов, М. П. Иолшин и О. Г. Гиршфельд. Все они (особенно Демьянов) осуждали власть в лице губернатора, который, «прибыв на место происшествия с войском уже после того как крестьяне бросили запахивать землю графа, тем не менее приказал подвергнуть виновных в нарушении графских прав жесточайшей и унижительной экзекуции». «Нельзя, — доказывали защитники, — заставить виновных претерпевать вторичное наказание» за содеянное однажды¹.

Громко, хотя и в необычной для себя роли, выступил на этом «тихом» процессе уже знаменитый в то время Н. П. Карбачевский. Он согласился быть поверенным гражданского истца гр. А. В. Орлова-Давыдова по защите его интересов и действительно отрицал «какие бы то ни было притеснения местных крестьян» со стороны самого графа. Но Карбачевский поднял Борковское дело на уровень всероссийского обобщения («Борковцы не одни, за ними стоит все наше безземельное и малоземельное крестьянство, без земли нет крестьянина...»), перечислил беды крестьян от экономического и политического бесправия и объявил виновными в этих бедах «местные власти» с их «бюрократическими приемами».

---

¹ Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. Сб. документов. М., 1959. С. 482–483.

Он резко осудил порку крестьян по приказу губернатора: «Есть, господа судьи, вещи, о которых говорить хладнокровно нельзя. Эта ненужная и позорная расправа не может не вызывать негодования и отвращения у каждого... Вам надлежит это оттенить своим приговором!» В заключение своей речи Карабчевский просил суд «оставить без рассмотрения» иск Орлова-Давыдова к борковским крестьянам¹.

Неудивительно, что прокурор именно против Карабчевского и Демьянова возбудил дисциплинарное дело перед советом присяжных поверенных по обвинению их «в неправильных действиях» на Борковском процессе, а именно в том, что они объявили преступными действия не крестьян, а властей². Совет признал действия и Карабчевского и Демьянова правильными, но суд встал на сторону властей и приговорил всех подсудимых к аресту до двух недель.

Наконец, есть основания признать отчасти политическим знаменитое в истории русского суда Мултанское дело 1894–1896 гг. О нем существует обширная литература, насчитывающая около 350 названий³. Здесь отметим лишь политический аспект этого дела и роль защиты в его исходе.

Мултанский
процесс

Фабула Мултанского дела широко известна. Загадочное убийство 5 мая 1892 г. возле удмуртского села Старый Мултан крестьянина К. Д. Матюнина царские власти квалифицировали как «человеческое жертвоприношение» со стороны «инородцев» — удмуртов и затеяли три судебных процесса против целой народности как якобы неполноценной и неполноправной, в шовинистических целях разжигания национальной вражды. Поэтому юридическое опровержение такой затеи означало и политическое обличение царизма.

Благодаря усилиям частного поверенного из Сарапула М. И. Дрягина и (после второго процесса) В. Г. Короленко, два обвинительных приговора Сарапульского окружного суда по делу удмуртов были кассированы в Сенате и назначен тре-

¹ Карабчевский Н. П. Речи (1882–1902). 2 изд. СПб., 1902. С. 452–463.

² Обвинение присяжных поверенных в неуважении к суду // Право. 1902. № 3. С. 152–156.

³ См. об этом: Буня М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии. Ижевск, 1982. С. 124.

тий процесс в г. Мамадыше Казанской губ. Здесь с 28 мая по 4 июня 1896 г. рассматривала Мултанское дело выездная сессия Казанского окружного суда с присяжными заседателями. Прокурор Н. И. Раевский и на этот раз, как на двух предыдущих процессах, гнул предвзято обвинительную линию: «Подсудимые — фанатики. Оправдывая таких фанатиков, мы должны оправдывать цареубийц»¹. Для защиты удмуртов, кроме Дрягина и казанского адвоката П. М. Красникова, Короленко пригласил Н. П. Карабчевского и сам выступил на процессе четвертым защитником.

Возглавлял защиту Карабчевский. «Наш бодзим-восясь» (по-удмуртски, главный жрец), — писал о нем в те дни Короленко². Изучив юридическую базу обвинения и подвергнув шквальному допросу свидетелей, Карабчевский установил «все открытое оказалось подогнанным под ранее намеченное»³. С одной стороны, он вскрыл недоказанность первоосновы обвинения. «что 4 мая в с Мултан был нищий, что он остался там ночевать и что это был именно Матюнин»; «это фундамент, на котором строится все здание, отнимите его — и здание должно рухнуть; нам остается только бродить среди его развалин», которые «успели, тем не менее, дважды придавить этих несчастных». С другой стороны, Карабчевский выявлял и разбивал логические несообразности обвинения, вроде той, что у принесенного в жертву, обезглавленного Матюнина оказался паспорт: «Или злой бог Курбан, сам доселе никем не удостоверенный, требует непременно полицейского удостоверения личности приносимой ему жертвы?»

Раскрыв политическую тенденциозность и юридическую несостоятельность обвинения, Карабчевский обратился к присяжным заседателям с такими словами: «Не во имя только этих несчастных, но и во имя достоинства и чести русского правосудия я прошу у вас для них оправдательного приговора!»

---

¹ Шатеништейн Л. С. Мултанское дело. Ижевск, 1960. С. 28.

² Короленко В. Г. Собр. соч. В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 254.

³ Полный текст защитительной речи Карабчевского по *Мултанскому делу* см. Карабчевский Н. П. Речи. 2-е изд. С. 334–398.

Существенно помогли Карабчевскому и другие защитники, особенно Короленко, который, хотя и не имел опыта юридической полемики («я горячился, нападал, резался иногда сам, резал и этих подлецов, и Карабчевскому не раз приходилось держать меня за фалды, как учитель сдерживал ученика»¹), задушевно и эрудированно провел этнографическую экспертизу дела, исключавшую виновность удмуртов. «Негодяй Раевский,— вспоминал он,— после речей, особенно Карабчевского и моей, потерял весь апломб и походил на собаку, поджавшую хвост»².

«4 июня телеграфная проволока разнесла из Мамадыша во все концы России известие о приговоре: все подсудимые оправданы и кошмар “человеческого жертвоприношения” рассеян»³.

Итак, 1883–1900 гг. были для российской адвокатуры трудным временем. До середины 90-х годов в стране свирепствовала разнузданная реакция, которая проявлялась, между прочим, и в палаческом беззаконии на судебных процессах по политическим делам, в жестком стеснении прав и возможностей защиты. Когда же, в связи со смертью 20 октября 1894 г. Александра III и воцарением Николая II, пресс реакции стал на время слабее⁴, политические процессы были уже изъяты из судебной практики — суды рассматривали, да и то реже обычного, лишь дела о рабочих и крестьянских «беспорядках».

В таких условиях адвокатура, естественно, была менее активной и солидарной с подсудимыми, чем в годы революционного подъема, но, по крайней мере, свою репутацию, завое-

¹ Короленко В. Г. Избр. письма М., 1932 Т. 2 С. 141, 145

² Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 10 С. 258

³ Короленко В. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1914 Т. 4 С. 426

⁴ «Лишь на первых порах, еще не уверенная в курсе нового царя, полиция была настроена благодушно» и, разгоня студенческие сходки, «растерянно записывала» «странные имена, которыми называли себя из политического озорства студенты «Николай Александрович Романов», «Бином Ньютонович Гипербола» «Позднее, почувствовав почву под ногами, полиция при новых разгонах требовала документ, прибавляя “Больше вам Гипербол не будет”» (Горев Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания 1895–1905 гг. Л., 1924 С. 7)

ванную на процессах 1866–1882 гг., поддержала достойно, а в ряде дел с политическим оттенком (как, например, Морозовское 1886 г. и Мултанское 1896 г.) решающим образом повлияла на приговор суда в пользу обвиняемых и, главное, в пользу российской демократии.

С 1866 по 1900 гг. царизм устроил против своих политических врагов три десятка только крупных судебных процессов. Среди них нет ни одного, на котором защита из присяжных поверенных (о кандидатах на военно-судебные должности говорилось особо) скомпрометировала бы себя перед освободительным движением. Те же несколько случаев, когда присяжные поверенные (Ф. Ф. Коврайский, В. А. Бензема, К. Я. Шнеур) трусливо уклонялись от конфронтации с властью, совокупно представили собой именно такое исключение, которое подтверждает правило.

Политическая защита на процессах участников массового движения 1901–1904 гг.

С 1894 г. после четвертьвековой непрерывной оргии политических процессов царизм надолго вообще отказался от суда как орудия расправы с революционерами, положившись исключительно на административные репрессии, а против массовых волнений практиковал вызов полиции и войск. В XIX в. судебных процессов по делам о государственных преступлениях в России больше не было. Слишком мало пользы принесли они карателям и много вызвали нежелательного для власти (но престижного для «крамолы») шума за 70–80-е годы. Теперь до конца века судились время от времени лишь участники рабочих и крестьянских «беспорядков». Их дела (как и дело Мултанских удмуртов), хотя и заключали в себе тот или иной политический оттенок, носили общеуголовный характер.

Тем временем масштабы административных репрессий по политическим делам росли невиданными ранее темпами. Газета «Искра» рассекретила следующие данные Министерства юстиции: «С 1894 по 1903 гг. число возбужденных за год политических дознаний поднялось со 158 до 1988 (в 12,5 раз); число лиц, привлеченных к ним, с 519 до 5590 (в 11 раз); число лиц, понесших кару по “высочайшим” повелениям, — с 366 до 4867 (в 13 раз); сосланных в Сибирь — с 21 до 910 (в 44 раза), в другие отдаленные губернии — с 34 до 592 (в 18 раз), отданных под гласный надзор — с 244 до 1268 (в 5 раз), подвергнутых тюремному заключению и аресту (вместе) — со 185 до 1177 (в 6,5 раз)»¹. Однако революционное движение, хотя и вы-

---

¹ Искра. 1904. № 70. С. 3.

нужденное отступать, не утасало. К началу XX столетия, уже в преддверии первой российской революции, царизм убедился, что и административная расправа не дает желаемых для него результатов, да еще к тому же компрометирует царское правительство перед общественным мнением страны, Европы и мира. Поэтому с 1901 г. политические процессы в России возобновились.

Между тем за 80–90-е годы в недрах русского освободительного движения родилась и (отчасти благодаря тому, что карательная мощь царизма была сосредоточена на борьбе с «Народной волей») окрепла социал-демократия. Старое народничество, разгромленное, казалось бы, необратимо, до основания, на рубеже веков возродилось в неонароднической форме движения социалистов-революционеров (эсеров). Главное же, развернулось с первых лет нового века массовое в полном смысле этого слова движение, которое все более угрожающе — и под социал-демократическими, и под эсеровскими знаменами — нацеливалось против самодержавия.

Таким образом, самодержавию пришлось возобновить и наращивать судебную расправу теперь уже не только над членами антиправительственных партий, но и над участниками массового, политически зрелого движения.

По данным справочника «Политические процессы в России 1901–1917 гг.», за 1901–1904 гг., которые нас здесь интересуют, в стране прошли 189 политических процессов: 3 — в 1901, 81 — в 1902, 21 — в 1903 и 84 — в 1904 г. Составители справочника полагали, что их данные охватывают политические процессы тех лет «почти полностью»¹. В принципе, они были правы, хотя некоторые процессы в справочнике не учтены, среди них — довольно крупные дела о «сопротивлении властям» рабочих-металлургов Мариуполя (1901 г.) и ткачей подмосковной Барановской мануфактуры (1904 г.). Более существен для нас другой недостаток справочника: на 93 процессах из 189-ти защитники вообще не названы, а такие известные адвокаты, как братья В. В. и М. В. Беренштам

---

¹ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1 (1901–1905) / Под ред. Л. И. Гольдмана. М., 1932. С. 11.

(в 6 случаях) и однофамильцы В. А. и Н. М. Ждановы (в 5 случаях), фигурируют без инициалов. Тем не менее первая часть справочника, которую только и удалось издать, уникальна по ценности, поскольку она дает перечень судебных процессов за 1901–1905 гг. с указанием дат, сути дела, инстанций, имен подсудимых, судей, адвокатов и, наконец, библиографических справок по каждому делу.

Из четырех процессов 1901 г. на двух судились участники рабочих «беспорядков» — Мариупольской стачки и знаменитой Обуховской обороны. 17–22 января 1901 г. Харьковская судебная палата слушала дело по обвинению 27 рабочих-стачечников металлургического завода «Русский провиданс» близ Мариуполя в «насилованном противодействии чинам полиции и роте вооруженных солдат» и «в нападении на военный конвой» с целью освободить арестованных товарищей 13 июля 1899 г.¹ Защищали рабочих присяжные поверенные Н. К. Муравьев, А. М. Александров, А. Ф. Стааль, К. Я. Пичахчи. Каждый из них по взаимной договоренности взял на себя конкретную задачу (Стааль — восстановить фактическую канву событий, Муравьев — юридически квалифицировать дело и т. д.), но все они были заодно в главном: осуждали вмешательство властей, полиции и войск, т. е. политической силы в экономический конфликт между рабочими и хозяевами завода. При этом, поскольку сами рабочие на суде держались пассивно, адвокатам пришлось бороться за них с удвоенной активностью.

Процесс
мариупольских
рабочих

Стааль установил, что войска были вызваны до начала «беспорядков» и затеяли усмирение вполне мирных стачечников, тем самым ожесточив их и спровоцировав беспорядки. «Настоящее дело,— заключал Стааль,— не “дело о беспорядках, учиненных рабочими”, а дело о беспорядках при усмирении рабочих». Александров особо подчеркнул факт, значимость которого обвинение старалось умалить: 80 рабочих были арестованы во время их мирных переговоров с администрацией завода еще накануне беспорядков. Этот арест, по

¹ Материалы этого дела, включая изложение речей адвокатов, см.: Судебные драмы. 1901. Прил. к № 5, 10, 12.

убеждению Александрова, имел «центральное значение в деле, <...> был основной причиной, предопределившей события последующего дня». Наконец, Муравьев вывел обвиняемых из-под действия ст. 269 Уложения о наказаниях, согласно которой прокурор А. А. Миндер требовал осудить их всех на каторгу как «зачинщиков и подговорщиков» «буйства толпы». «Каждый отвечает за себя, за свои индивидуальные действия, что бы ни делала толпа,— разъяснял Муравьев смысл другой, а именно 1-й ст. Уложения.— Если известно только, что толпа шумела, из толпы бросили камнем, но не могут сказать этого про обвиняемых, они должны выйти отсюда оправданными».

Суд не пошел за прокурором, хотя и доводы защиты полукотверг, и вынес рабочим умеренный приговор: 4 чел.— к тюрьме от 6 мес. до 1 года и еще 4 — к аресту на 7–14 дней (остальные 19 подсудимых были оправданы).

Таким образом, российская адвокатура «отметилась» на политическом процессе в первые же дни нового столетия вполне достойно. Но уже следующий такого рода, массовый процесс — по делу 37-ми участников Обуховской обороны, 24–28 сентября 1901 г.— если и не повредил репутации адвокатуры, то и не прибавил к ней ничего хорошего. Объяснялось это совокупностью, по меньшей мере, трех разных причин.

Дело обуховцев рассматривала Петербургская судебная палата с сословными представителями под председательством Д. А. Коптева «при герметически закрытых дверях»¹. «Обвинение было подтасовано»,— определил взглядом юриста В. И. Ленин, имея в виду, что суд разбирал только одну сторону дела, т. е. «явное восстание» рабочих против властей 7 мая 1901 г., и замалчивал другую, а именно незаконный расчет 26 обуховцев 2 мая, который «и зажег весь пожар»². Вопиющую предвзятость обвинения суд прикрыл сонмищем «свидетелей» из городских и жандармов, стоявших истуканами перед прокурором и судьями (спинами к защите) «и употреб-

---

¹ Процесс обуховских рабочих. Женева, 1901. С. 3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 293.

лявших все силы своего тупого ума, чтобы не сказать что-нибудь неудобное начальству, зорко следившему за их ответами»¹. В такой обстановке подсудимые, причем не только руководители забастовки А. И. Гаврилов и А. И. Ермаков, но и 18-летняя работница Марфа Яковлева, вели себя смело, активно и не имели большой нужды ни в моральной, ни в юридической поддержке защиты. Наконец (в данном случае это главное), защита здесь была представлена слабее обычного: кроме Ф. А. Волькенштейна — ни одного известного адвоката.

Поведение и роль защитников в обуховском деле один из осужденных определил так: «Все защитники *резали* хорошо, а ничего не вышло»². Автор брошюры «Процесс обуховских рабочих», изданной Петербургским комитетом РСДРП, считал, что защита и по составу, и по своему поведению оказалась «разношерстной», причем иные адвокаты допускали «грязные» приемы: один из них оправдывал самых юных, «сваливая всю ответственность на старших», а другой утверждал, что рабочие «в день беспорядков были пьяны», ибо «беспорядки имели место на другой день после рождения его императорского величества»³.

Процесс обуховцев был вторым и последним за 1901 г. массовым процессом политического характера. Зато в следующем, 1902 г. таковых оказалось уже 76, причем три из них — это процессы о политических демонстрациях в городах (Саратов, Нижний Новгород, Сормово), а все остальные — о т. н. «аграрных беспорядках»: 70 — на Украине, 2 — в Саратовской и 1 — в Тамбовской губерниях.

Из всех дел 1902 г. об аграрных беспорядках выделяются масштабами, общественным резонансом и беспрецедентной активностью защиты 28 дел, которые рассматривала Харьковская судебная палата под председательством Н. Н. Крестьянова с 18 сентября по 13 ноября в уездном городе Харьковской губернии Валки. Предметом обвинения на каждом из

¹ Процесс обуховских рабочих. С. 7.

² Обуховская оборона. Женева, 1902. С. 21.

³ Процесс обуховских рабочих. С. 12, 13. Николай II родился 6 мая 1868 г.

28 процессов был разгром крестьянами экономий помещиков и кулаков с непременным сопротивлением власти. Все крестьянские волнения были подавлены силами полиции и регулярных войск под командованием харьковского губернатора кн И. М. Оболенского, причем крестьяне подверглись жесточайшей экзекуции. После этого сотни крестьян¹ прошли через горнило царского суда по сценарию, общему для всех 28 процессов «Обвинение,— читаем в специальном исследовании И. Н. Мошинского (Конарского),— основывалось на показании какого-нибудь полицейского урядника или сельского стражника. Они удостоверяли примерно, что в нападении на имение помещика участвовали именно сидящие на скамье подсудимые, между тем было ясно, что один свидетель не мог запомнить такую массу лиц за один раз. Кроме того, на скамью подсудимых сажали зачастую крестьян, которые были просто почему-либо неугольны полиции или помещику»²

В таких условиях при сколько-нибудь объективном судействе защита могла выиграть любое из 28 дел, т. е. добиться оправдания крестьян, судимых не по праву, тем более что она вскрыла факты карательной экзекуции над крестьянами до суда. Но судебная палата пресекла законную юридическую инициативу адвокатов. Тогда они впервые в России прибегли к такому способу протеста против судебного произвола, как мотивированный коллективный отказ от защиты. Вот рапорт прокурора Харьковской судебной палаты С. С. Хрулева министру юстиции Н. В. Муравьеву от 19 сентября 1902 г. о том, как началась эта акция адвокатов: «< > присяжный поверенный Тесленко уже после допроса многих свидетелей стал предлагать вызванному в качестве свидетеля сельскому старосте д. Горчаковки вопросы о телесном наказании, которому были подвергнуты подсудимые, причем защитник был тотчас же энергично остановлен председательствующим д. с. с. Крестья-

---

¹ Всего по 70 делам об аграрных беспорядках на Украине были преданы суду 1092 чел. (Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Сб. документов. Харьков, 1961. С. 190).

² Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятыи вал. М., 1927. С. 50.

новым, объявившим, что он устраняет эти вопросы как *не имеющие отношения к делу*. Вслед за этим другой защитник, присяжный поверенный Муравьев, стал предлагать тому же свидетелю вопрос о насилиях солдат при военном постое, но также был остановлен председателем. После этого защитники просили перерыва “для совещания между собою”. После перерыва один из защитников¹ подал председательствующему от имени своих товарищей прилагаемое при сем в копии коллективное их заявление об отказе от защиты, после чего защитники удалились из залы заседания»²

Заявление гласило «Защита убедилась в том, что подсудимые, прежде чем были преданы суду по обвинению в приписываемых им деяниях, понесли следующие наказания 1) были подвергнуты тяжелому телесному наказанию розгами, 2) в местах деятельности подсудимых был назначен постой войска, причем мужчины подверглись со стороны солдат и казаков побоям, а женщины — изнасилованию, 3) за счет подсудимых содержались расквартированные по селам и деревням войска. Защита находит, что по основному положению уголовного права никто не может быть дважды наказан за одно и то же. Между тем подсудимые за деяния, составляющие предмет настоящего дела, подверглись карам, которые несравненно превышают кары, налагаемые за те же деяния по уголовным законам. Защита полагает, что выяснение тех наказаний, которым уже подверглись подсудимые, должно было бы повлечь за собой освобождение их, в случае признания виновными, от вторичного наказания за одно и то же деяние < >». Защите запрещено г председателем касаться обстоятельств, клонящихся к выяснению понесенных подсудимыми наказаний. Таким воспрещением из рассмотрения палаты устранены доводы и соображения, которые должны были бы иметь решающее влияние на приговор. Это *равно- сильно лишению возможности защищать подсудимых*, а потому мы, нижеподписавшиеся, заявляем об отказе от дальней-

---

¹ Это был Н. В. Тесленко (ИРА. Т. I. С. 409).

² Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. С. 191. Курсив мой. — Н. Т.

шего нашего участия в деле в качестве защитников. Настоящее заявление просим приобщить к делу»¹.

Заявление подписали присяжные поверенные Н. В. Тесленко, Н. К. Муравьев, С. Е. Кальманович, Е. И. Рапп, А. Ф. Стааль, Ф. А. Волькенштейн, Н. А. Морев, А. А. Белоусов. Далее по ходу первого процесса в Валках они, как явствует из рапорта С. С. Хрулева Н. В. Муравьеву, вели себя таким образом: «Являясь каждый день перед открытием заседаний, находятся в роли защитников лишь до момента окончания допроса свидетелей, а затем ходатайствуют о получении прав исследования вопроса о действиях администрации при усмирении беспорядков, зная заранее, что им в том откажут, и засим демонстративно оставляют залу заседаний»².

Этот демарш адвокатуры взбудоражил общественное мнение страны. Если власти инсинуировали против него, «били на то, чтобы внушить обвиняемым, будто “адвокаты их продали”»³, то вся оппозиционная печать приветствовала адвокатов. Их заявление перепечатывалось в либеральных газетах (включая «Право») и революционных прокламациях. «Искра» расценила его как «факт, беспримерный в летописях русского суда», и обнародовала его под заголовком: «Новая пощечина русскому правительству»⁴. «В этом заявлении,— гласит листовка социал-демократической группы “Южный рабочий”,— перед нами уже не мирные защитники невинно осужденных людей, а судьи судей, судьи правительства, вторгшегося в права защиты, чтобы скрыть свои преступные деяния. Они бросают свой протест этому правительству перед лицом всего мира. Своим официальным заявлением они уличают его в его преступлениях <...> Этот важный, скрепленный многими подписями документ обойдет всю Россию, попадет в иностранные газеты, всюду рождая негодование против русского

---

¹ Текст заявления опубликован в ленинской «Искре» (1902. № 26) и в органе эсеров «Революционная Россия» (1902. № 12).

² Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. С. 193.

³ Искра. № 1–52. Полный текст под ред. П. Н. Лепешинского. Л., 1927. Вып. 4. С. 53.

⁴ Там же. С. 52.

правительства <...>¹. Действительно, ряд иностранных газет откликнулся на поведение защиты в Валках с явным сочувствием к ней. Даже консервативный «Таймс» 16 октября 1902 г. поддержал акцию протеста «весьма выдающихся московских адвокатов»².

Вслед за своими коллегами, восставшими в Валках, адвокаты П. Н. Переверзев, Б. Г. Барт, Г. Г. Гонтарев, Б. П. Куликов, М. Б. Ратнер и М. В. Шейнман на аналогичных процессах в уездном городе Полтавской губернии Константинограде (2–12 октября 1902 г.) по тем же причинам и точно таким же способом отказались от защиты³. Власти попытались было противопоставить «молодой адвокатуре» ее старших собратьев — Н. П. Карабчевского и П. Г. Миронова. Узнав об этом, А. М. Горький обратился в те дни к В. Г. Короленко: «За себя и от лица московских адвокатов я убедительно прошу Вас, В. Г., повлиять на Н. П. Карабчевского и всех не согласных с умной тактикой москвичей в том смысле, чтобы Карабчевский и другие приняли эту тактику»⁴. 10 октября товарищ обер-прокурора Сената Г. Г. Коваленский пишет управляющему Министерством юстиции С. С. Манухину: Карабчевский, уже прибывший в Валки, после совещания с молодыми адвокатами «объявил, что от защиты отказывается», а Миронов, хотя и согласился участвовать в защите, повернул судебное следствие в нежелательную для властей сторону: когда некоторые из обвиняемых заявили, что они подверглись телесному наказанию, Миронов потребовал занести сказанное ими в протокол, что и было сделано; «и таким образом получилась возможность в речах ссылаться на это обстоятельство»⁵.

В конфликт между судом и адвокатурой вмешалось царское правительство. Через несколько дней после первого про-

---

¹ Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. С. 227.

² Там же. С. 211.

³ Искра. Вып. 4. С. 102–103.

⁴ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 271.

⁵ Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. С. 201.

цесса в Валках Н. В. Тесленко срочно был вызван в Петербург к директору департамента полиции А. А. Лопухину, который пригрозил ему от имени всеильного тогда министра внутренних дел В. К. Плеве: «защитники сделали политическую демонстрацию», и «в случае повторения» против них «будут приняты решительные меры», о чем Тесленко «должен сообщить всем остальным защитникам»¹. Однако угроза министра на адвокатов не подействовала. В критических ситуациях они, как мы еще не раз увидим, продолжали коллективно и мотивированно отказываться от защиты, разделяя таким образом взгляд Ю. О. Мартова, высказанный в передовой статье «Искры» от 15 декабря 1902 г.: «Делом чести всех выступающих защитниками в процессах, где фактическим преступником является правительство, будет следовать примеру харьковских защитников и на каждое насилие над правом отвечать презрительным протестом»².

В тех же процессах об аграрных беспорядках, где адвокаты имели хотя бы относительную свободу действий, им, как свидетельствовал об этом саратовский юрист Л. Я. Тейтель, «удавалось отстоять (т. е. оправдать.— Н. Т.) до 25 процентов судившихся крестьян»³.

Наибольшее впечатление в России из политических процессов 1902 г. вызвали (наряду с делом С. В. Балмашева, речь о котором пойдет в следующей главе) три процесса о революционных демонстрациях в Сормове, Нижнем Новгороде и Саратове. На каждом из них была внушительно представлена и достойно выступила защита.

Процессы демонстрантов Сормова и Нижнего Новгорода вела Московская судебная палата в Нижнем Новгороде: 28–29 октября 1902 г. по сормовскому и 30–31 октября по нижегородскому делу. К сожалению, данных о поведении защиты на этих процессах у нас немного. В обоих случаях защитниками выступали Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко, П. Н. Малянтович, В. А. Маклаков, которых пригласил из

¹ ИРА Т I С 411–412

² Искра Вып 4 С 141

³ Мошинский (Конарский) И Н Указ. соч. С 50

Москвы А. М. Горький¹. Вместе с ними нижегородских демонстрантов защищали местные присяжные поверенные А. И. Ланин и А. В. Яворский. Все они сочувствовали обвиняемым и старались их поддержать, но подсудимые здесь, как и годом ранее на обуховском процессе, не проявили заинтересованности в их поддержке.

Дело в том, что предметом обвинения на процессах 1902 г. в Нижнем Новгороде были массовые уличные «шествия» 1 мая в Сормове и 5 мая в Нижнем под лозунгом «Долой самодержавие!»². Поскольку статьи, карающей за уличную политическую демонстрацию, в российском Уложении о наказаниях не было, суд вынужден был руководствоваться застарелым разъяснением Сената по делу о Казанской демонстрации 1876 г. и вел оба дела неуверенно. Пользуясь этим, демонстранты (Петр Заломов, Алексей Быков, Михаил Самылин на сормовском процессе; Сергей Моисеев, Гавриил Михайлов, Анна Доброхотова на нижегородском) выступили перед судом с дерзкими революционными речами, каждая из которых заканчивалась призывом: «Долой самодержавие!»³. Правда, суд попытался опереться на многочисленных свидетелей обвинения, собранных, как обычно, из городских, жандармов, филеров, дворников и соответственно подготовленных, но здесь сказала свое слово защита.

«Защитникам,— сообщал корреспондент “Искры”,— мало что оставалось говорить. Некоторые [из них] даже жаловались, что обвиняемые так хорошо говорили, что трудно сказать лучше, да и опасно говорить лучше — самим можно попасть на скамью подсудимых, хуже же говорить было бы стыдно. Главная роль защитников состояла в поддевании и уничтожении свидетелей. Надо им отдать справедливость, де-

---

¹ Заломов П. А. Запрещенные люди М., 1985 С. 330

² Обвинительный акт по сормовскому делу см. Искра Вып. 4 С. 80–81, по нижегородскому Обвинительный акт о потомственном дворянине Нижегородской губ. С. И. Моисеев < > и др. М., 1902

³ Тексты их опубликованы с предисловием В. И. Ленина Искра Вып. 4 С. 116–124. Петр Заломов стал прототипом Павла Власова — героя романа М. Горького «Мать».

ляли они это артистически»¹. Заметим, что это и не составляло для таких адвокатов, как Н. К. Муравьев и его товарищи, большого труда; иные «свидетели» в суровой атмосфере суда терялись и «раскалывались» произвольно. Так, «на вопрос председателя “не имеете ли еще чего сказать, свидетель?” один жандармский унтер-офицер, не подумав, брякнул: “Никак нет, больше сказать не приказано”»².

Суд оправдал 9 из 22 сормовских и нижегородских демонстрантов, но самых активных (включая всех выступивших с речами) приговорил к ссылке в Сибирь. Защита обжаловала приговор в кассационном порядке, указав на то, что суд уподобляет «шестивия» сормовчан и нижегородцев Казанской демонстрации 1876 г. юридически неосновательно, поскольку там «была произнесена речь, направленная против существующего образа правления», а здесь «публичных речей не произносилось». Сенат оставил жалобу без последствий, рассудив, что между демонстрациями 1876 и 1902 гг. «различия проводить нельзя»: в Сормове и Нижнем Новгороде «толпа пела песни революционного содержания, и потому нельзя указывать, что не было речей»³.

Гораздо более активно и солидарно с подсудимыми выступила защита на процессе по делу о политической демонстрации в Саратове 5 мая 1902 г. Эта первая в истории города уличная политическая демонстрация была организована эсерами и социал-демократами в знак протеста против казни 3 мая Степана Балмашева. Присоединились к ней и анархисты. Среди участников демонстрации был поднадзорный А. И. Рыков (будущий глава Советского правительства), арестованный после демонстрации, но освобожденный до суда «по недостатку улик»⁴. Суду были преданы 15 чел., в том числе рабочий П. И. Воеводин (впоследствии — видный деятель КПСС, член ВЦИК 5–6-го созывов. Герой Социалисти-

¹ Искра Вып 4 С 129

² Там же Вып 5 С 29

³ Правительствующий Сенат // Право. 1903 № 8 С. 547. Курсив мой — Н. Т.

⁴ Гусакова З. Е. Саратовский период биографии А. И. Рыкова // Советские архивы. 1989 № 2

ческого Труда) и фельдшерица Е. Н. Ошанина (дочь члена Исполнительного комитета «Народной воли» М. Н. Ошаниной). Обвинительный акт инкриминировал им «участие в публичном шествии по г. Саратову толпою, собравшейся с целью дерзостного порицания установленного законами образа правления, каковое порицание и было выражено выставлением флагов с революционными надписями “Долой самодержавие! Да здравствует народное правление!”, разбрасыванием преступного содержания воззваний и пением про-тивоправительственных песен»¹.

Процесс слушался в Саратовской судебной палате 4–7 ноября 1902 г. Председательствовал А. Б. Арсентьев, обвинение поддерживал прокурор А. А. Макаров (будущий министр юстиции, расстрелянный после Октября). Двери суда были закрыты. Судьи вели себя жестко, но не так «позорно», как заключила «Искра» в № 29 от 1 декабря 1902 г.², — все же Воеводину позволено было выступить с речью, которую он закончил словами: «Мне, как и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, как выйти на улицу и кричать “Долой капиталистов! Долой самодержавие!”»³. Не допускали судьи на этом процессе и «позорного» стеснения прав защиты.

Защитцали обвиняемых 12 адвокатов, в том числе М. Л. Мандельштам (Казань), А. М. Александров (Екатеринослав), Ф. А. Волькенштейн и В. Н. Новиков (Петербург), И. Н. Сахаров (Москва) и саратовцы: С. Е. Кальманович, А. А. Никонов, А. С. Чумаевский, А. А. Токарский, М. П. Иолшин, Н. И. Семенов, В. К. Каратыгин. Перед началом процесса они согласовали общую линию поведения, поставив ее в зависимость от того, как поведут себя подсудимые, и сделав упор на том, чтобы опровергнуть юридическую базу обвинения, вновь построенную на «свидетельских» данных жандармов, сыщиков и прочей «казенной» публики⁴.

---

¹ Волькенштейн Ф. А. В дореволюционных судах. Речи защитника М.; Л., 1924. С. 10.

² Искра. Вып. 4. С. 129.

³ Там же.

⁴ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 67, 73–74.

Все защитники утверждали, что показания жандармов, филеров и пр. «представляют собой лишь материал для проверки и не могут рассматриваться в качестве судебного доказательства»¹. «Вполне установлено,— подчеркнул Чумаевский,— что они явились на место демонстрации предумышленно, как заранее подготовленные свидетели еще не начавшегося преступления. Как лица служащие и получающие жалование, командированные для специальной цели, они не могли не дать показаний в свое оправдание, что старательно исполнили возложенное на них поручение»². В противовес обвинению, защита, со своей стороны, вызвала 40 свидетелей, которые уличали сыщиков во лжи. «Нашим свидетелям прокурор не верит: все это, мол, “дружеские показания”, “из хороших чувств”,— заявил по этому поводу Волькенштейн.— Ну, раз на то пошло, то позволено и мне сказать: если кому нельзя верить, если кто говорит неправду, так это свидетели господина прокурора. И лгут они из самых низменных чувств!»³

Допрос свидетелей адвокаты всегда использовали в интересах своих подзащитных, позволяя себе и оспорить обвинение, и посмеяться над ним. Не стал исключением и саратовский процесс. «По поводу знамени с надписью “Долой самодержавие!”,— вспоминал Мандельштам,— на процессе произошла интересная сценка, облетевшая потом всю Россию в качестве анекдота. А между тем этот анекдот произошел в действительности на моих глазах. С. Е. Кальманович допрашивает свидетеля обвинения, до глубины души оскорбленного в своих лучших патриотических чувствах. Свидетель показывает, что он сам читал на флаге революционную надпись.

— Какая же это надпись? — допытывается защитник.

Свидетель молчит. Ему неприятно повторять кощунственные слова. Но Кальманович настаивает на своем вопросе. Приходится отвечать:

— Ну, известная *русская поговорка*...

— Поговорок много, какая же именно? — не унимается

---

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 75

² Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903 № 15 С. 254

³ Волькенштейн Ф. А. Указ соч. С. 13

защитник. Председатель просит свидетеля не стесняться: на суде можно и должно говорить все.

— Известная поговорка: долой самодержавие!»¹

Защитники искусно вскрывали юридическую ущербность обвинения, пытавшегося квалифицировать саратовскую демонстрацию 1902 г. по ст. 252 в соответствии с казуистическим разъяснением Сената 1877 г. Мандельштам напомнил судьям, что ст. 252 карает «составление и распространение письменных или печатных сочинений и произнесение публичных речей с дерзостным порицанием установленного строя», и вопрошал с недоумением, законно ли подгонять под сочинения надписи на флагах «Долой самодержавие!», а под публичные речи — возгласы из тех же двух слов². Волькенштейн при этом разъяснял и оправдывал лозунг «Долой самодержавие!» как порицание «не голого принципа» царской власти, а «всей системы» ее: «Кто порицает самодержавие, тот порицает его язвы — бюрократизм, централизацию, административный произвол, бесправие личности». Отметив, что такое порицание слышится «из всех углов страны», Волькенштейн расценивал лозунг демонстрантов как отражение ее нужд: «Судите их! Но вместе с ними судите десятки, сотни тысяч российских обывателей!»³

Вообще, Волькенштейн «произнес речь не защитника, а товарища подсудимых, от которых его отделяла только решетка»⁴: «Господин прокурор говорил о недоучках, которые увлекаются красивыми словами. Затхлая старина! Да, это уже было! Бессильные, злобствующие убожества обзывали лучших людей своей страны “недоучившимися студентами”...»⁵ Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, принадлежащие к партии, которая спасет Россию!»⁶

---

¹ Мандельштам М Л Указ соч С 70–71

² Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903 № 14 С 219

³ Волькенштейн Ф А Указ соч С 16–18

⁴ Мандельштам М Л Указ соч С 77

⁵ Волькенштейн Ф А Указ соч С 15

⁶ Искра Вып 4 С 129 Заключительных слов, цитированных «Искрой», в сборнике речей Волькенштейна нет, возможно, он сказал их на судебном следствии.

Другие защитники (Александров, Мандельштам) тоже солидаризировались с подсудимыми, но несколько осторожнее, выдавая демонстрацию 5 мая за «способ мирной пропаганды научных идей». «Посмотрим, чего хочет, чего добивается русская социал-демократия,— говорил Мандельштам.— Прочтем прокламацию: свобода совести, свобода печати, собраний, уравнивание в правах всех сословий, всех национальностей. Да разве это все так страшно, так несбыточно? Разве под многими из этих пожеланий не подписались бы вы сами?»¹

Суд больше внимал прокурору, чем адвокатам, и хотя 5 обвиняемых оправдал, остальным вынес суровый приговор. 7 человек, включая 3 женщин, были приговорены к ссылке в Сибирь. Кассационную жалобу защитников по этому делу (точно так же мотивированную, как и по сормовскому и нижегородскому делам 1902 г.) Сенат отклонил². Но, не добившись смягчения приговора, адвокаты на саратовском процессе, тем не менее, заслужили признание революционных партий. «Защита была поставлена блестяще»,— говорилось в «письме из Саратова» на страницах эсеровского издания материалов процесса.— Речи Волькенштейна и Мандельштама «были обстоятельны, глубоки по содержанию и проникнуты самой горячей, нескрываемой симпатией к обвиняемым»³. Одна из осужденных по саратовскому делу писала в «Искру», что навсегда запомнит «эти три дня процесса», включая тот день, «когда произносились прекрасные речи защитниками»⁴.

Самым крупным из всех судебных дел о политических демонстрациях в России до 1905 г. оказалось ростовское дело 1903 г. Предметом обвинения здесь стала демонстрация 2 марта в Ростове-на-Дону, организованная социал-демократами как бы в завершение грандиозной ноябрьской 1902 г. стачки рабочих этого города, когда «пролетариат впервые противопоставил себя, как класс, всем остальным классам и

¹ Защита на саратовском процессе // Освобождение 1903 № 14 С 222

² Правительствующий Сенат // Право 1903 № 7 С 469–472, № 8 С 543–547

³ Демонстранты перед судом. *Женева*, 1902. С 20, 21

⁴ Искра Вып 5 С 31

царскому правительству»¹. Поскольку демонстранты оказали сопротивление полиции и казакам, причем был убит пристав Антонов, власти передали дело военному суду.

14–23 августа 1903 г. в Таганроге (подальше от рабочих кварталов Ростова) Одесский военно-окружной суд вел закрытый процесс ростовчан. Состав суда предвещал обвиняемым все самое худшее. председатель и прокурор — генералы, члены суда — казачьи старшины, «юридические» познания которых «не шли дальше применения нагайки»². Так как непосредственный убийца пристава не был выявлен, прокурор связал всех подсудимых коллективной ответственностью толпы за убийство и подвел обвинение через ст. 18 Положения об охране 1881 г. под ст. 279 Военно-судебного устава³. В согласии с этой статьей он потребовал для шести подсудимых (включая трех женщин!) смертной казни и для 16-ти — торговых работ.

Ростовский
процесс

Подсудимых было 23 (от обвинения рабочего Василия Кривошеева, арестованного, как выяснилось, случайно, прокурор отказался). Первую роль среди них на суде, как и на демонстрации, играл 18-летний социал-демократ интеллигент А. Я. Браиловский, но подавляющее большинство их (кроме 3–4 лиц) составляли рабочие. Почти все они (особенно социал-демократы: С. Ф. Васильченко, А. Н. Логачева, М. Н. Нагель, С. С. Столкарц) вели себя мужественно, пытались высказать социал-демократические идеи, хотя председатель в таких случаях прерывал их, лишал слова. Казак Дмитрий Колосков уже после объявленного ему смертного приговора «потряс кулаком в сторону своих палачей и гордо воскликнул: «Хоть и смертная казнь, а все-таки — долой самодержавие!»⁴.

Все обвиняемые отказались от защитников, назначенных судом из кандидатов на военно-судебные должности. Тогда политический Красный Крест добился, чтобы к защите бы-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 251.

² Баторгин М. П. Перед судом царского самодержавия. М., 1964. С. 29.

³ Обвинительный акт см. Таганрогский процесс по делу о ростовской демонстрации 2 марта Женева 1903. С. 31.

⁴ Таганрогский процесс. С. 12. Дмитрий Колосков при царизме все таки выжил, а в годы сталинского террора погиб (Баторгин М. П. Указ. соч. С. 42, 47).

ли допущены 10 присяжных поверенных и их помощников: М. Л. Мандельштам, Л. Н. Андроников, Г. Л. Карякин, Е. И. Рапп, А. А. Иогансен, Г. Г. Гонтарев, М. Б. Ратнер, П. С. Ширский, В. К. Севастьянов, С. А. Левицкий.

Судьи сразу же поставили адвокатов в крайне жесткие (по военному) рамки. Вслед за прокурором они подгоняли все дело под ст. 18, обращая его в «правовой кровоподтек»¹. Свидетелями обвинения были, как всегда, по преимуществу выдрессированные городовые и жандармы, показания которых для суда «составляли евангелие»². Дабы им легче было опознавать подсудимых, «суд ввел новинку: у места, назначенного для каждого подсудимого, наклеен был ярлык с его фамилией, выведенной очень большими буквами (городовые ведь плохо грамотны)»³.

Защита боролась и со штампами, и с новинками беззакония. Прежде всего она добилась изъятия ярлыков, хотя другое ее требование — переместить подсудимых — суд отклонил⁴. Далее, после нескольких стычек с председателем суда ген. Мордвиновым в первый же день процесса защитники посоветовались, решили: «Или мы уйдем, или председатель должен вести себя более лояльно», и Мандельштам от их имени перед следующим заседанием предъявил Мордвинову ультиматум защиты. Генерал, не желая скандала, уступил, и «в дальнейшем следствие протекало в более нормальных условиях»⁵.

Общую линию защиты адвокаты согласовали (по-видимому, еще до начала процесса) с обвиняемыми. По воспоминаниям С. Ф. Васильченко, «демонстранты потребовали, чтобы адвокаты, явно сочувствовавшие им, центром внимания на суде сделали нападение на самодержавие, а не выгораживание подсудимых и не домогательства позорного снисхождения для них»⁶. Именно так и действовали здесь если не все, то, по крайней мере, большинство защитников.

¹ Мандельштам М Л Указ соч С 87

² Там же

³ Таганрогский процесс С 15

⁴ Там же

⁵ Мандельштам М Л Указ соч С 88, 89

⁶ Васильченко С Ф Карьера подпольщика. 6-е изд. М., 1933. С. 257.

Лидер защиты на ростовском процессе М. Л. Мандельштам доказывал, что попытка обвинения связать всех подсудимых коллективной ответственностью за единоличное убийство юридически несостоятельна и что, стало быть, ст. 18 Положения об охране — эта «статья в кровавых доспехах», «команда марша на эшафот» — к ним неприменима. «Один из основных принципов уголовного права гласит: “Каждый отвечает за свои действия, и только за них”, — напоминал адвокат военным юристам азы правоведения. — Вне этого юридического положения мы очутимся в области полной анархии уголовного права». Мандельштам с большим уважением говорил о своем подзащитном Браиловском и отстаивал право всех вообще обвиняемых на «громкое заявление» их взглядов, хотя вновь, как и на саратовском процессе, изображал социал-демократию как «самое миролюбивое из всех учений»¹.

Г. Л. Карякин произнес резкую филиппику против прокурора («ужасно было слышать, как прокурор, обнаружив непомерную жажду крови, потребовал у вас, господа судьи, шесть человеческих жизней!») и против всего обвинительного акта, который, мол, «при тщательном анализе изложенных в нем юридических определений разлетелся в клочья», а закончил речь в защиту юных, 17-летних Абрама Миндлина и Соломона Борухова угрожающим пророчеством: «Судите Миндлина и Борухова, господа судьи, казните их, но знайте, что пролитие крови этих детей равносильно избиению младенцев, что слезы обездоленных отцов и матерей прожгут эти каменные стены, широким потоком разольются они, и завтра же вся страна будет вопить к небу о справедливости и о мщении...» Здесь председатель суда оборвал речь защитника: «Не важно, что будет кричать страна! Довольно!»²

Точно так же была оборвана речь и Е. И. Раппа, который всецело солидаризировался с подсудимыми. «Мы, — заявил он, имея в виду себя и своего подзащитного С. Ф. Васильченко, — признаем, что 2 марта присоединились к демонстрации не из любопытства, а потому, что сочувствовали тем требова-

¹ Таганрогский процесс С 36, 38

² Там же С. 31–32, 33

ниям, под флагом которых двинулись тысячи рабочего люда... И напрасно думает господин прокурор, что эти тысячи искусственно созываются голосами Брайловского и ему подобных “внутренних врагов”. Нет, поверьте, господа, эти тысячи соединяет общность страданий, общность испытываемого гнета, а не “подстрекатели”. Пули и тюрьмы не могут повернуть назад колесо истории!»¹

Много лет спустя, уже в советское время С. Ф. Васильченко, вспоминая о ростовском процессе 1903 г., хотя и признал, что «защита выступила со всем великолепием пользовавшихся популярностью во всей России имен и сознанием героизма и спасительности для страны того дела, которое привело революционеров на скамью подсудимых», заключил, что толку от ее великолепия не было: «Что из того, что рыкавший, как лев, Мандельштам, от негодующей речи которого дрожала не только его мощная фигура, а сотрясались даже стены, вопилал о справедливости? Судьи не дрогнули. Что из того, что убедительнейшую аргументацию развел экспансивный и подвижной Рапп, давший историческое обоснование рабочему движению? Мудрость истории не могла научить станичных староверов, признающих из всей истории одни дедовские заветы. Что, наконец, из того, что Карякин, Левицкий, остальные полдюжины адвокатов вскрывали убийственную несостоятельность улик? Судьба подсудимых была предрешена явным намерением правительства ужалить просыпавшихся рабочих зверским приговором»².

Старый большевик в данном случае был не прав. Во-первых, и приговор был значительно смягчен по сравнению с тем, чего требовал прокурор и что мог спределить *военный* суд: 11 подсудимых были оправданы, 4 — приговорены к тюремному заключению, 5 — к разным срокам каторги и лишь трое (А. Я. Брайловский, Д. С. Колосков и рабочий А. А. Куксин) — к смертной казни, но с ходатайством о замене ее каторгой³. В то время такие ходатайства обычно удовлетво-

¹ Гаганрогский процесс С 33–35

² Васильченко С Ф Указ соч С 264

³ Таганрогский процесс С 20, 21

рялись. Поэтому адвокаты восприняли приговор с уверенностью: «Казни не будет!»¹ Действительно, все трое смертников получили каторжные сроки: 15 лет — Браиловскому, по 10 — Колоскову и Куксину.

Мало того, всем своим поведением на ростовском процессе защита ударила по репутации царского суда и возвысила кредит российской демократии. Правда, редакция искровской брошюры об этом процессе осудила рассуждения М. Л. Мандельштама о миролюбии российской социал-демократии: «В речах, посвящаемых защите *революционеров*, не место для либеральной или ревизионистской пропаганды “миролюбия”»². Но сами подсудимые и, главное, рабочие массы приветствовали Мандельштама и его товарищей безоговорочно. Когда адвокаты возвращались с процесса в свои города через Ростов, «огромные толпы рабочих» Ростова, несмотря на жандармский запрет, встретили их «демонстрацией сочувствия»³, а 16 осужденных по ростовскому делу прислали своим защитникам адрес, сохранившийся в архиве Мандельштама и целиком воспроизведенный в его воспоминаниях. Вот концовка адреса:

«Друзья! Мы понимаем, что вы пережили на военном суде. Глухие стены, каменные сердца. Тем более вы дороги нам, пережившие вместе с нами одни и те же чувства, те же волнения. Вы сделали все, что могли сделать в настоящую пору. Больше вас никто ни на йоту не мог бы сделать для невинных жертв. Дайте же пожать вам руки, славные рыцари права, бескорыстные и отважные участники великого формирования лучшего будущего для многомиллионной рабочей массы России»⁴.

Меньший, по сравнению с процессами участников политических демонстраций, но тоже значительный резонанс вызывали в стране дела о «рабочих беспорядках». В 1902 г., перенасыщенном «аграрными беспорядками», таких дел не было.

---

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 94.

² Таганрогский процесс. С. 40.

³ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 95–96.

⁴ Там же. С. 97.

Но в 1903 г. состоялись шесть процессов над участниками рабочих беспорядков. Первый из них по времени 28 февраля 1903 г. провела Казанская судебная палата с сословными представителями на выездной сессии в Екатеринбурге. Здесь были преданы суду 19 рабочих Алапаевских рудников Верхнетурского уезда Екатеринбургской губернии по обвинению их в беспорядках, квалифицированных по ст. 1629 и 1632 как «грабеж и разбой», причем двое — Василий Киселев и Гавриил Кабаков — обвинялись в социалистической пропаганде и подстрекательстве к грабежу и разбою¹. Защищать рабочих в Екатеринбург приехали Н. П. Карабчевский и Ф. А. Волькенштейн. Вместе с ними выступил на суде местный адвокат Мамин.

Суд оправдал 17 рабочих, но «подстрекателям» Киселеву и Кабакову, несмотря на энергичные возражения защиты, определил по 15 лет каторги. Защитники обжаловали приговор в Сенате. Там 3 октября 1903 г. Волькенштейн, как и на суде, доказывал, что действия рабочих можно квалифицировать только по ст. 269¹ как нападение «из экономической вражды», и выводил их из-под ст. 1629 и 1632. «Да,— заявил он между прочим,— социалистическая пропаганда всегда ищет почвы, достаточно уже напитавшейся экономическими бедствиями, но социалистическая пропаганда никогда еще и никем не почиталась подстрекательством к разбою»². Карабчевский поставил вопрос острее. «В приговоре палаты,— говорил он сенаторам,— в действительности не содержится никакого иного обвинения, кроме обвинения по ст. 269¹, несмотря на полное игнорирование палатою именно этой статьи <...> Это дало призрачную возможность палате приговорить “подстрекателей” к 15 годам каторги, в то время как ст. 269¹ угрожает за их вину лишь арестантскими отделениями... Если правильно то, что подсудимые обвиняются за преступление разбоя (по ст. 1629 и 1632.— Н. Т.), то ведь они должны быть подсудны присяжным заседателям. Что же говорит палата: ст. 269¹ — только искусственный привесок, дабы изменить

¹ Обвинительный акт см.: Искра. Вып. 6. С. 12–14.

² Волькенштейн Ф. А. Указ. соч. С. 23, 25, 29–31.

подсудность. Но разве это возможно и правильно? Разве подсудность определяется не законом, а произволом составителя обвинительного акта? Раз установлено, что с самого начала никакого обвинения по ст. 269¹ в действительности не усматривалось, то, стало быть, все предание суду Судебной палаты с участием сословных представителей является глубоко неправильным и самый обвинительный акт есть акт нелегальный, подлежащий совершенной отмене»¹.

Сенат не мог не прислушаться к резонанс защиты, отменил приговор и передал его на новое рассмотрение той же Палате с другим составом присутствия. 18 февраля 1904 г. Киселев был приговорен к 2,5 годам арестантских рот, а Кабаков оправдан.

Ф. А. Волькенштейн после алапаевского дела успел выступить защитником и на следующем, несравненно более громком, тихорецком процессе, который открылся через неделю на другом конце страны, в Екатеринодаре. Здесь с 5 по 7 марта 1903 г. Екатеринодарский окружной суд слушал дело по обвинению 14-ти рабочих станции Тихорецкая в беспорядках на экономической почве и сопротивлении властям².

Тихорецкий
процесс

«Беспорядки» выразились в том, что до тысячи рабочих Владикавказской железной дороги 15 ноября 1902 г. начали забастовку под мирными экономическими лозунгами (сократить рабочий день, повысить зарплату и т. д.), а власти вызвали «для рассеяния» их «публичного скопища» казаков. 17 ноября казаки набросились на толпу забастовщиков, пустив в ход холодное и огнестрельное оружие, причем двое рабочих были убиты, еще трое умерли от ран и 20 получили опасные для жизни ранения. В числе раненых оказался девятилетний мальчик. Когда безоружные рабочие вступили в схватку с карателями, какая-то женщина взяла на руки этого мальчика и протянула его казачьему полковнику Хелмицкому с криком: «На, ешь, руби на котлеты!»³.

Защищать тихорецких рабочих приехали в Екатерино-

¹ Правительствующий Сенат // Право. 1903. № 42. С. 2348, 2349.

² Обвинительный акт см.: Искра. Вып. 5. С. 129–131.

³ Тихорецкое дело // Революционная Россия. 1903. № 23. С. 11.

дар П. Н. Малянтович, Н. В. Тесленко, А. М. Александров, Ф. А. Волькенштейн, Г. Л. Карякин, Е. И. Рапп, П. Д. Шидловский и др., всего — 11 адвокатов. Вот как описывала их выступления газета «Революционная Россия» — орган партии социалистов-революционеров:

«Речи защитников продолжались около 5 часов. Кроме улик против отдельных подсудимых защитники касались многих общих вопросов. Защитник Тесленко, держа в руках фабричный устав и вычитывая статью за статьей, с поразительной ясностью доказывал, что требования рабочих были не только справедливы, но и с формальной стороны строго законны. Защитники Карякин и Волькенштейн с потрясающей силой изобразили ход событий, нарисовали два противных лагеря: с одной стороны — мирно собравшихся рабочих, с другой — начальство, готовящееся к военным действиям, заблаговременно заготовляющее перевязочный пункт и отдающее команду «рубить по ушам». Защитник Малянтович разбивал постановку обвинения против рабочих в насилии, когда толпа вела себя совершенно мирно. Шидловский нападал на тенденциозность в предварительном следствии, указывая на незаконность действий Гетманова (генерала. — Н. Т.) и Хелмицкого, устроивших избиение рабочих, не предупредив даже о начале стрельбы, и требовал предать их суду. Отмечу еще речь присяжного поверенного Раппа, рассматривавшего все дело как один из эпизодов великой социальной борьбы. Защита закончилась речью присяжного поверенного Александра, обладающего в громадной степени способностью владеть настроением слушателей и обращавшегося к доброму сердцу судей»¹.

Из всех защитительных речей на тихорецком процессе дошел до нас полный текст только речи Ф. А. Волькенштейна. Этот радикально настроенный и темпераментный защитник воссоздал жуткую картину расправы казаков с рабочими («Стоном стон стоял... Рассеченные черепа, изрубленные спины, простреленные дети, женщины с распоротыми животами. Кровь, кровь...»). Он подчеркнул, что «рабочих стали

¹ Тихорецкое дело // Революционная Россия. 1903. № 23. С. 11.

рубить, в них начали стрелять, когда рабочие уже бежали, <...> когда уже некого было “рассеивать”, и теперь «судят тех самых рабочих, в которых тогда стреляли». «Рубили и расстреливали безоружных, мирных рабочих,— заключал Волькенштейн.— И в этом — первое нарушение “законов о подавлении народных волнений”, первое злоупотребление вооруженной силой». Заклеймив варварство карателей в лице хорунжего Захарьина, который «не знает для рабочих другого имени, как “шайка”», Волькенштейн закончил речь такими словами: «Пусть знает господин хорунжий, что в этой шайке — 100 миллионов, 100 миллионов крестьянского и рабочего люда! Не шайка это, а народ русский! А вы, господа хорунжие Захарьины,— лишь кучка!»¹

Выступления адвокатов стали центральным событием тихорецкого процесса. Они подтвердили оппозиционность адвокатуры по отношению к царизму и еще выше подняли ее репутацию в глазах общества, а главное, трудового люда. Во избежание антиправительственных демонстраций, «при проводах защитников из Екатеринодара везде торчали жандармы»; зато «некоторые из бывших на вокзале офицеров (надо полагать, армейских, а не жандармских.— Н. Т.) подошли и жали защитникам руки»². Приговор суда после разоблачений защиты оказался гораздо мягче, чем того ожидали каратели: 1 человек — к 3 годам заключения, 2 — к 1,5 годам, 1 — к 1 году, 4 — к 6 месяцам; остальные 6 человек были оправданы³.

Одновременно с тихорецким процессом, с 6 по 8 марта 1903 г., в Батуми Кутаисский окружной суд вел похожее дело по обвинению 21 рабочего с нефтезавода Ротшильда в беспорядках 2 марта 1902 г. и «восстании против правительства». Здесь рота солдат тоже учинила избиение безоружных рабочих, вступившихся за арестованных товарищей. По сведениям корреспондента газеты «Право», некоторые из обвиняемых к началу суда не оправились от нанесенных им увечий,

**Батумский
процесс**

¹ Волькенштейн Ф. А. Указ. соч. С. 35–45.

² Тихорецкое дело. С. 11.

³ Там же.

«а один (А. М. Шанидзе.— Н. Т.) был внесен в зал заседания на носилках и положен на скамью подсудимых»¹.

Защитниками на батумском процессе выступили 10 адвокатов: Н. К. Муравьев, Л. Н. Андроников, А. Ф. Стааль, А. А. Иогансен, М. П. Иолшин, Н. З. Элиава, Л. А. Хоментовский и др. Лидером защиты был Муравьев, но все руководствовались принципом: «каждый защитник защищает всех»². Совместными усилиями защитники опровергли самые тяжкие пункты обвинения, перекрестным допросом обезвредили его свидетелей и заставили суд отказаться от квалификации рабочих беспорядков как «восстания против правительства». В результате 13 рабочих были оправданы, а 8 — приговорены к разным срокам (от 6 месяцев до 3 недель) заключения³. «Благодаря блестящей защите,— писала тогда “Искра”,— даже царские слуги принуждены были почти оправдать рабочих»⁴.

**Хлудовское
дело**

Выиграли адвокаты и т. н. хлудовское дело 22 сентября 1903 г. в Московской судебной палате по обвинению 10 рабочих бумагопрядильной фабрики Хлудовых на Рязанщине в беспорядках и сопротивлении властям. Здесь защитники П. Н. Малянтович, М. Л. Мандельштам, А. Ф. Стааль и др. разоблачили юридические натяжки обвинения, а их молодой коллега Д. И. Курский (будущий нарком юстиции) произнес «настоящую революционную речь» в защиту прав рабочего люда⁵. Суд вынес девяти обвиняемым умеренный приговор в диапазоне от 2 до 8 месяцев заключения, а десятого оправдал.

**Процесс
Василия
Киршанова**

Еще большего успеха П. Н. Малянтович, Н. Н. Полянский, А. С. Протасьев и другие адвокаты добились на процессе по делу Василия Киршанова и 23 его товарищей-рабочих, которых судила 28–29 октября 1903 г. в Костроме Московская судебная палата за нападение на власть «из экономической

¹ Хроника // Право 1903 № 12 С 883

² См доклад А. А. Иогансена о батумском процессе 1903 г. во Всесоюзном обществе политкаторжан 7 июня 1934 г. ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 281 Л 3–20

³ Хроника // Право 1903 № 12 С 883

⁴ Искра Вып 5 С 158

⁵ Мандельштам М. Л. Указ соч С 105

вражды». Здесь 18 подсудимых были оправданы, а 6 — приговорены к малым срокам тюрьмы¹.

Что касается аграрных беспорядков, то в 1903 г. им был посвящен только один судебный процесс с политическим оттенком. В октябре Харьковская судебная палата рассматривала дело по обвинению 72 крестьян Дмитриевского уезда Курской губернии в беспорядках на экономической почве и сопротивлении властям. Защищали крестьян три адвоката из только что созданной тогда в Курске группы политических защитников — С. С. Анисимов, А. А. Аншельсон, Л. П. Расторгуев. Они «решили развернуть перед судом всю социально-политическую сторону дела» и доказывали, что «тут виноват весь строй земельных отношений, создавшийся в России, при котором помещичий класс и крестьянская Россия противопоставлены друг другу так, что десятками и сотнями лет питается взаимная вражда <...> Их рассудит лишь тот новый исторический процесс, началом которого является данное аграрное движение»; иначе говоря, Анисимов, речь которого только что процитирована, и его товарищи давали понять, что лишь революция (хотя само это слово не употреблялось) может разрешить аграрный кризис в стране². Едва ли суд мог хоть отчасти разделить такое мнение, но, по недостатку обвинительных улик, вынес крестьянам сравнительно мягкий приговор, оправдав более 30 человек.

Процесс
72-х крестьян

1904-й, предреволюционный год дал небывалое в России число политических процессов — 84. Но это были уже главным образом дела сложившихся к тому времени политических партий. Массовых же процессов за 1904 г. оказалось всего шесть: пять — по делам о рабочих и одно — о крестьянских беспорядках. Все они были связаны с активными формами сопротивления трудящихся масс властям и свидетельствовали о нарастании в стране революционного кризиса.

23 января 1904 г. в Уфе Казанская судебная палата провела слушание дела по обвинению 34 рабочих Златоустовского завода в том, что они 12 и 13 марта 1903 г. в г. Златоусте пыта-

Златоустское
дело

¹ Хроника // Право 1903 № 46 С 2604–2605

² Анисимов С. С. Крестьяне и помещики на суде М., 1929 С. 9, 23–24

лись освободить двоих арестованных товарищей и оказали сопротивление войскам. Обвинительный акт обходил стороной расстрел рабочих (дескать, солдаты вынуждены были «рассеять толпу») и умалчивал о жертвах расстрела¹. Между тем «Искра» напечатала две корреспонденции с мест. Одна из них гласила — «много убитых... В числе убитых есть женщины и дети»; другая — «число убитых выяснилось теперь точно: 15 марта похоронены *шестьдесят девять* (69) человек, убитых наповал и умерших от ран»². Вся страна стала полниться слухами о «златоустовской бойне». Уфимский губернатор Н. М. Богданович, санкционировавший расстрел рабочих, 6 мая 1903 г. был убит эсерами.

На волне общественного возбуждения очень энергично выступили в Уфе защитники, приехавшие из Петербурга (Б. Г. Барт, А. Е. Феодосьев), Москвы (М. Л. Мандельштам), Воронежа (Г. Л. Карякин), Смоленска (А. А. Иогансен), и четверо местных адвокатов. Они прежде всего разоблачили «обычный прием» царского правосудия, когда «после расстрела рабочих судят уцелевших за то, что они <...> остались в живых»³. Мандельштам, Карякин, Барт, Феодосьев, отличавшиеся, как доносила об этом жандармская агентура, «особой рьяностью»⁴, доказали по ходу допроса свидетелей, что «расстрел рабочих не был вызван поведением толпы, а являлся простым убийством мирных рабочих»⁵.

Суд не нашел возможным поддержать обвинение и оправдал 29 из 34 подсудимых, а пяти рабочим определил минимальные (от 1 до 3 месяцев) сроки заключения. Такой приговор, по воспоминаниям М. Л. Мандельштама, «был отнесен разгневанными властями к проискам защиты, на которую посыпались доносы». Гнев властей был естествен: защита действительно повлияла на приговор решающим образом. Более

---

¹ Текст его см. Искра. Вып. 7 С. 117–121.

² Трагедия в Златоусте // Искра. Вып. 5 С. 163; Позднейшее сообщение // Там же.

³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 112.

⁴ Там же С. 117. «Искра» в № 60 за 1904 г. (С. 5) назвала защитительные речи Мандельштама и Карякина «особенно удачными».

⁵ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 116.

того, она своими разъяснениями юридической видимости и политической сущности «златоустовской бойни» помогла обвиняемым, державшимся на процессе пассивно, осознать свою правоту и силу. Рабочие «вошли в златоустовское дело и вышли из него совершенно разными людьми,— заключал Мандельштам.— Бойня и процесс их перевоспитали»¹.

Может быть, в еще большей степени такое заключение подходит к барановскому делу, т. е. к процессу 34 рабочих подмосковной фабрики А. И. Баранова по обвинению их в забастовке и сопротивлении войскам. На скамье подсудимых оказались рабочие «с малым развитием», и для них «судебный процесс стал первым уроком политграмоты», где в роли учителей выступили адвокаты².

**Барановское
дело**

Барановское дело слушалось в мае 1904 г. в Московской судебной палате. Состав защиты был выдающимся: старый «лев» адвокатуры Ф. Н. Плевако, ее молодые «орлы» Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко, В. А. Маклаков, М. Л. Мандельштам, А. Ф. Стааль и др., всего — 9 адвокатов. Плевако выступал традиционно, с общечеловеческих позиций, вне классов и даже вне политики. Как и на морозовском процессе 1886 г., «это было слово сытого человека к сытым людям о людях голодных, речь об «униженных и оскорбленных», а не о революционном классе»³. Молодые же адвокаты (кроме лояльного к властям Маклакова, который не выходил за чисто юридические рамки, но в этих рамках подверг обвинение убийственному разбору) — молодые адвокаты говорили о праве рабочих не только на жизнь и труд, но также и на забастовку как «одно из орудий борьбы и притом такое орудие, которое во всех цивилизованных странах Западной Европы считается вполне допустимым и совершенно законным». Более того, они давали понять рабочим, что «их права не могут быть завоеваны чьими бы то ни было индивидуальными усилиями или даже усилиями всего завода, это — дело политической и экономической борьбы всего рабочего класса»⁴.

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С 117, 119

² Там же С 102, 103

³ Там же С 102

⁴ Там же С 103

Суд решил барановское дело (подобно златоустовскому), как сказал бы Тацит, «sine ira et studio»¹: 14 рабочих оправдал, а 20 — приговорил к недолгим (от 2 до 8 месяцев) срокам заключения, причем «защитники заявили ходатайство об отпущении осужденных им на поруки» и «Палата уважила это ходатайство»².

Керченский
процесс

Следующий массовый политический процесс 1904 г. слушался в городе Керчи 13–14 июня. Здесь Одесская судебная палата рассматривала дело участников многотысячной забастовки всех фабрик и заводов Керчи 11–13 августа 1903 г. Забастовка переросла в столкновение рабочих с полицией и войсками и даже в штурм полицейского участка, причем двое забастовщиков были убиты и один тяжело ранен. Выведенные из толпы 21 рабочий были преданы суду как подстрекатели³.

Защитили керченских рабочих А. М. Александров, А. Р. Ледницкий, Б. П. Куликов, Г. Г. Гонтарев и местный адвокат Канунников. Они договорились было заняться на процессе «критикой существующего общественного и, преимущественно, политического строя». Но, узнав, что процесс будет закрытым, адвокаты решили «перестроить самый фундамент защиты и с политических рельсов перевести ее на правовые, юридические», т. е. доказывать по материалам дела невиновность отдельных подсудимых или хотя бы наличие смягчающих вину обстоятельств⁴. Это в немалой степени защитникам удалось. Несмотря на тяжесть обвинения, 5 подсудимых были оправданы, 11 — приговорены к малым срокам заключения (от 2 до 8 месяцев) и только пятеро получили тюремные сроки от 3 до 4 лет⁵.

Брянский
процесс

Процесс 56 рабочих Брянского завода в Екатеринославе, который вела 2–8 ноября 1904 г. Харьковская судебная палата, вызвал повышенный интерес, ибо у многих был в памяти суд над 73 рабочими того же завода в январе 1900 г., когда рабо-

¹ Без гнева и пристрастия (*лат.*)

² Право 1904 № 20 С 1126–1127

³ Александров А. М. Керченское революционное движение 1903 г. (Из воспоминаний защитника) // Каторга и ссылка 1932 № 4 С 15–19

⁴ Там же С 21

⁵ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1. С. 67.

чих защищали Ф. Н. Плевако, Н. К. Муравьев, А. М. Александров, В. А. Маклаков и др. Теперь же забастовка брянских рабочих носила ярко выраженный политический характер, под лозунгом «Долой самодержавие!». Защищать рабочих и на этот раз приехали в Екатеринослав Н. К. Муравьев, А. М. Александров, В. А. Маклаков, а также Е. И. Рапп, Б. П. Куликов, Г. Г. Гонтарев, Б. Я. Вальц и др., всего — 12 адвокатов. Они прибегли к демаршу, который позволил им существенно облегчить участь обвиняемых. Вот что писал об этом корреспондент «Искры»: «Защитники делают заявление о том, что, получив сведения от подсудимых о возмутительной расправе, учиненной над некоторыми из них (когда полиция разгоняла забастовщиков.— Н. Т.), они не в силах продолжать защиту, пока не будет приступлено к дознанию в тюрьме, и требуют медицинского освидетельствования подсудимых». Суд вынужден был сделать перерыв и провести освидетельствование, которое показало «наличность свежих побоев»¹.

О защитительных речах адвокатов на этом процессе данных нет. По мнению корреспондента «Искры», «выделялись из речей защитников» речи Александрова, Раппа и харьковского адвоката Гуревича². Как бы то ни было, защитники добились оправдания 14 подсудимых, обвинительные же приговоры не превышали 8 месяцев тюрьмы.

В те же ноябрьские дни 1904 г. Харьковская судебная палата рассмотрела в Екатеринославе еще одно дело — по обвинению 24 рабочих Днепровского завода в беспорядках и сопротивлении властям с нанесением «легких ран» полицейскому приставу. Защитники на этом процессе — Л. А. Куперник, Г. Г. Гонтарев, Б. Я. Вальц и О. Я. Пергамент — тоже сумели добиться смягчения приговора, затребованного прокурором, и оправдания 9 подсудимых³.

Гагаринское
дело

Единственное за 1904 г. дело об аграрных беспорядках с политическим оттенком слушалось 28 января в Московской

---

¹ Лкаторинославский процесс // Искра. 1904 № 80 С 7

² Там же

³ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч 1. С. 79.

судебной палате: 26 крестьян д. Волосовки Михайловского уезда Рязанской губернии обвинялись в том, что они «из экономической вражды» пришли 1 июля 1903 г. «публичным скопищем» в усадьбу кн. Л. Н. Гагарина и разгромили ее, а супругам Гагариным и гостю их кн. С. Б. Щербатову «нанесли телесные повреждения»¹.

Защитниками на этом процессе (журналисты называли его гагаринским) выступили А. Р. Ледницкий, Н. М. Жданов, В. Н. Лебедев, С. Н. Шамонин и др., всего — девять. Они привлекли внимание суда к тому, что «публичное скопище» крестьян взбунтовалось в ответ на зверское убийство крестьянина Михаила Карнова «опричниками-черкесами», как называли защитники личную охрану Гагарина, нанятую из горцев с Кавказа. Главное же, защита сместила акцент обвинения с экономической почвы на политическую и обратила его против Гагарина — «властолюбца», титуловавшего себя «царем рязанским»: «Кн. Гагарин в Михайловском уезде Рязанской губернии образовал свое царство, где делал, что хотел, где судил, казнил и миловал по своему желанию и произволу», опираясь на «особого рода опричнину» из черкесов². Ледницкий в связи с этим доказывал, что содеянное крестьянами надо квалифицировать не по ст. 269 Уложения, как считает прокурор (нападение «из экономической вражды»), а по ст. 38 («ослушание полиции» без «противозаконной цели») и настаивал на оправдании всех подсудимых³.

Суд оправдал только одного крестьянина, но всем остальным вынес приговор с учетом смягчающих обстоятельств (не более 8 месяцев тюрьмы).

Процесс о
демонстрации
в Малом
театре

К числу массовых процессов с политическими мотивами можно отнести и ряд дел о беспорядках и погромах на почве антисемитизма. Из них первым по времени, 14 декабря 1900 г., мировой суд Москвы рассматривал дело о беспорядках в Малом театре, когда несколько десятков молодых зрителей были посажены на скамью подсудимых за то, что они

¹ Обвинительный акт см. Судебные драмы 1904 № 3 С. 371–378.

² Судебные драмы 1904 № 3 С. 425, 427, 445.

³ Там же. № 7. С. 57–68 (полный текст речи А. Р. Ледницкого).

криками и свистом сорвали премьеру юдофобской пьесы «Контрабандисты», причем оказали сопротивление вызванной в театр полиции. Защитниками по этому делу выступили Н. П. Карабчевский, В. В. Беренштам, А. В. Бобрищев-Пушкин. Они так горячо солидаризировались с подсудимыми¹, что прокурор даже подал жалобу на «действия защитников» в совет присяжных поверенных. Совет, однако, не усмотрел в поведении защиты ничего противозаконного и «только разъяснил Карабчевскому неуместность каламбура в его речи. Каламбур был следующий: тайный советник Плющик-Плющевский назвал себя старым шестидесятником. А Карабчевский возразил, что шестидесятники «заблуждений молодежи массовыми арестами не исправляли» и что генерал действовал «не как шестидесятник, а как десятник!»².

В 1903 г. (23–24 октября) Виленская судебная палата слушала дело о демонстрации еврейской молодежи и ее сопротивлении полиции в Ковенском театре. Данных о том, как выступала защита на этом процессе (А. С. Зарудный, М. Л. Мандельштам, А. А. Иогансен), у нас нет, но известно, что она добилась оправдания всех 7 подсудимых³.

Процесс о
демонстрации
в Ковенском
театре

Процессы о беспорядках в Малом и Ковенском театрах не имели широкого отклика. Зато два процесса 1903–1904 гг. по делам о еврейских погромах в Кишиневе и Гомеле вызвали, мало сказать, всероссийский — международный резонанс.

Погром в Кишиневе, жертвами которого стали только убитыми 41 чел. (из них 10 женщин), происходил 6–7 апреля 1903 г. «на глазах бездействующей и своим бездействием содействующей власти», как показалось вначале корреспонденту журнала «Освобождение»⁴. Вскоре, однако, выяснилось, благодаря усилиям независимых журналистов и присяжного поверенного Н. Д. Соколова, что погром был организован

«Кишиневский
погром»

---

¹ «Беспорядки в Малом театре,— заявил Карабчевский,— это важное событие для очерков русской культуры, и молодежь, принимавшая в них участие, всегда может с гордостью вспомнить о них» (Щепкина Куперник Т. Л. Театр в моей жизни М., Л., 1948 С. 132)

² Там же С. 133

³ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1 С. 58–59

⁴ Кишиневский погром. Stuttgart, 1903 С. 14

молдавскими юдофобами во главе с редактором газеты «Бесарабец» П. А. Крушеваном и агентами начальника кишиневской охранки барона Левендаля, если не по указанию, то с санкции министра внутренних дел В. К. Плеве¹. Под напором общественного мнения страны, Европы и мира царизм вынужден был осенью 1903 г. предать суду кишиневских громил, но сделал суд закрытым.

Ряд выдающихся адвокатов (Н. П. Карабчевский, Н. Д. Соколов, А. С. Зарудный, О. О. Грузенберг, С. Е. Кальманович, М. Л. Гольдштейн, М. Б. Ратнер) выступили на кишиневском процессе в качестве поверенных гражданских истцов, т. е. потерпевших от погрома евреев. Другие адвокаты затеяли спор: «Могут ли и должны ли политические защитники принимать на себя защиту громил? Одни доказывали, что громилы являются темной, бессознательной массой и что защита их представляется прекрасной позицией для обстрела правительства и установления истинных виновников погрома, его вдохновителей, подстрекателей и руководителей. Другие, напротив, находили несовместимым с достоинством и положением политических адвокатов ставить свое имя рядом с именами громил»². В результате, наряду с воинствующими антисемитами А. С. Шмаковым и Г. Г. Романенко, защиту громил приняли на себя П. Н. Переверзев, Н. М. Жданов, С. Н. Шамонин, возможно В. А. Маклаков³. Сделали они это в первый и последний раз, ибо поняли сразу, что такая защита при любых условиях безнравственна.

Едва начался процесс, поверенные гражданского иска потребовали доследовать дело, а именно — привлечь для допроса губернатора, начальника охранки, полицмейстера. Суд отказал им, не желая допустить, чтобы обнаружилась причастность царской администрации к погрому. Тогда Зарудный отправил вдоль скамьи адвокатов записку: «Не пора ли нам по моде всем подумать об уходе?» Подумав, все представите-

---

¹ Кишиневский процесс // Революционная Россия 1903. № 38 С 9, 11, Урусов С. Д. Записки губернатора Berlin, 1908, С 111–112

² Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 126

³ Там же С. 127

ли гражданских истцов и даже защитники громил, кроме Шмакова, его помощника Д. А. Погожева и Романенко, демонстративно ушли с процесса¹.

Суд не был огорчен адвокатской забастовкой. К удовольствию защитников-юдофобов, он вынес громилам мягкий приговор, после чего Николай II вообще помиловал осужденных.

11 октября 1904 г. начался и продолжался по 29 января 1905 г. гомельский процесс. Его вела в Гомеле Киевская судебная палата под председательством Н. А. Котляревского. Этот процесс был крупнее кишиневского (80 подсудимых, более 20 адвокатов, около 1000 свидетелей), и шел он при открытых дверях. «Буквально не было ни одной газеты, которая бы не прислала своего корреспондента», — утверждал с очевидным, но небезосновательным преувеличением в докладе об этом процессе 30 лет спустя Г. Ф. Калашников².

Гомельский
процесс

Две причины побудили царизм открыть двери гомельского процесса. Во-первых, сказалось после убийства В. К. Плеве в июле 1904 г. конъюнктурное смягчение карательной политики при новом министре внутренних дел кн. П. Д. Святополке-Мирском (т. н. «эпоха доверия»), а кроме того, «верхи» рассчитывали использовать с выгодой для себя оригинальную диспозицию обвинения. Дело в том, что собственно еврейскому погрому в Гомеле 1 сентября 1904 г. предшествовала драка на местном рынке 29 августа, которую обвинение квалифицировало как «русский погром», будто бы и повлекший за собой, в отмщение, еврейский погром 1 сентября³. «Сыны великого, бесконечно доброго (русского. — Н. Т.) народа изгибаются в прахе и терпят тяжкие обиды (от евреев. — Н. Т.) и не имеют иных путей заявить о своих жалобах и объяснить свои нужды, как только погромом», — так оправдывал избиение евреев 1 сентября защитник громил (в прошлом народоволец!) Г. Г. Романенко⁴.

¹ Мошинский (Конарский) И Н Указ соч С 53, Кишиневский процесс С 14

² ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 288 Л 20

³ Гомельский процесс. Подробный отчет, составленный Б. А. Кревером. СПб., 1907 С 5–9, 12, 14

⁴ Там же. С. 1015–1016.

В соответствии с такой диспозицией обвинения на скамью подсудимых были посажены и громилы из христиан (44 чел., в подавляющем большинстве русских), и участники драки 29 августа, а также самообороны 1 сентября из евреев (36 чел.): «христиане обвинялись в погроме евреев, а евреи — в погроме христиан»¹. Соответственно распределились и адвокаты. Евреев защищали: Л. А. Куперник, Н. Д. Соколов, М. Л. Мандельштам, С. Е. Кальманович, М. Б. Ратнер, М. А. Кроль, Л. А. Базунов, М. И. Ганфман, М. А. Эльяшев. Гражданские иски потерпевших евреев к подсудимым христианам поддерживали: А. С. Зарудный, М. М. Винавер, Г. Б. Слиозберг, А. Д. Марголин, И. З. Красильщиков. Христиан защищали: А. С. Шмаков, его помощник Д. А. Погожев, Г. Г. Романенко, С. В. Метакса, П. Н. Добрынин, Е. И. Пантелеев, Е. А. Бринкен².

Не доверяя обвинению, защитники евреев «решили произвести собственное следствие, которое поручили А. С. Зарудному и М. И. Ганфману». К ним присоединился старый революционер (народоволец) и ученый В. Г. Богораз-Тан. Они «единогласно пришли к заключению», что гомельский погром 1 сентября (как ранее кишиневский) был организован властями³. Однако суд беспардонно мешал адвокатам предъявлять доказательства такого заключения: все, что противоречило официальной версии погрома, «пресекалось или устранялось самым категорическим образом <...> Процесс о погроме, таким образом, превращался в процессуальный погром»⁴. Самого активного защитника, Н. Д. Соколова, председательствующий распорядился удалить из зала суда. В ответ защита потребовала объявить перерыв, а после перерыва М. М. Винавер от ее имени заявил следующее:

«Мы натолкнулись на такие стеснения, которые посягают на нашу личную честь и достоинство. В лице присяжного поверенного Соколова нам нанесено оскорбление.

Председатель. Прошу вас не критиковать состоявшегося распоряжения. В противном случае мне придется — на-

¹ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 135.

² Гомельский процесс. С. 3–4, 1006.

³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 132.

⁴ Там же. С. 144.

поминаю вам об этом — прибегнуть к мерам, предоставленным мне законом.

В и н а в е р. Вам не придется принимать против меня никаких мер, так как мы покинем этот зал <...> Мы считаем невозможным при таких условиях продолжать защиту <...> Сознаем великую ответственность перед нашими подзащитными, которых мы оставляем теперь беспомощными. Но есть элементарное чувство человеческого достоинства, которое, будучи оскорблено, оказывается сильнее сознания ответственности и побеждает его <...> Мы уверены, что никто нас не осудит, и прежде всего наша совесть. Мы уходим с сознанием, что сделали все, что могли»¹.

Сделав это заявление, все защитники евреев и представители гражданских истцов 21 декабря ушли с процесса. Мотивы ухода они изложили в письме редактору еженедельника «Право»: «Нам воспрещалось исследовать общие причины погрома, воспрещалось в течение большей половины процесса касаться вопроса о бездействии войск и полиции (хотя в этом бездействии — весь узел процесса). Вспомнить и перечислить все оскорбительные окрики, замечания и поучения председателя по адресу защиты нет никакой возможности <...> Уход наш состоялся с согласия всех подсудимых <...> Мы признаем необходимым предоставить всему обществу возможность разобраться в вопросе о том, могла ли и должна ли была защита в гомельском процессе, систематически не только стесняемая в способах исследования, но и лично унижаемая и, наконец, заклеименная позорящим с точки зрения закона наказанием за то только, что она настойчиво и в корректной форме настаивала на применении закона, — могла ли и должна ли была защита при таких условиях оставаться в зале заседания, сохраняя свое личное и сословное достоинство»².

Передовая общественность страны поддержала очередную «забастовку» адвокатов. Сотни телеграмм с выражением этой поддержки шли к ним со всех концов страны³. Мотивирован-

---

¹ Гомельский процесс. С. 876–877.

² Письмо в редакцию // Право. 1904. № 52. С. 3595–3600.

³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 149.

ный уход адвокатуры с гомельского процесса после двухмесячного судебного разбирательства помог общественности убедиться в том, что царизм, как заметил Г. В. Плеханов в передовой статье «Искры», играет в погромах «гнусную роль сообщника и подстрекателя»¹.

Итак, на политических (в той или иной мере) процессах участников массового движения за 1901–1904 гг. российская адвокатура достойно поддержала свою высокую репутацию, завоеванную ранее, в 1870–1880-х годах. Она юридически исчерпывающе и политически смело (порою солидарно с подсудимыми) использовала все доступные в рамках царского законодательства возможности для справедливых приговоров, а в ответ на стеснения и унижения прибегала к такой радикальной, невиданной в России форме протеста, как адвокатская «забастовка». Но массовые процессы 1901–1904 гг. не дают о ней полного представления. Наряду с ними в те же годы адвокатура выступала на более частых (кроме 1902 г.) и громких процессах по делам политических партий, речь о которых пойдет в следующей главе.

---

¹ [Плеханов Г. В.] Полицейский антисемитизм // Искра. Вып. 7. С. 149.

Адвокатура на судебных процессах 1901–1904 гг. по делам политических партий

Всего за 1901–1904 гг., по данным справочника «Политические процессы в России 1901–1917 гг.» с уточнениями из еженедельника «Право», в стране прошли 192 процесса, которые можно считать вполне или отчасти политическими. Из них на 98 процессах судились по одному или нескольку обвиняемых в принадлежности к политическим партиям и в конкретных политических акциях террористического, агитационного, пропагандистского характера. В 45 делах из 98 партийная принадлежность обвиняемых не установлена, но это были дела менее значимые, со стандартными обвинениями, как правило одного или двух человек, в хранении и распространении запрещенной литературы. По одному из дел — о политической клевете — был предан суду известный мракобес, редактор газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерский. Из остальных 52 процессов социал-демократы (или, по крайней мере, лица, обвинявшиеся в распространении социал-демократических изданий) судились на 24, эсеры — на 16, бундовцы — на 8, дашнаки — на 2 и кадеты — на 1. Еще один процесс (Якутский 1904 г.) был «сборным»: здесь на скамье подсудимых сидели рядом и социал-демократы, и эсеры, и бундовцы, и др. Кстати, именно этот процесс и четыре дела эсеров (П. В. Карповича в 1901 г., С. В. Балмашева в 1902-м, Г. А. Гершуни и Е. С. Созонова в 1904-м) вызвали наибольший резонанс в стране и за рубежом, да и защита проявила себя с наилучшей стороны тоже на этих пяти процессах, дважды — в лице Н. П. Карабчевского.

Абсолютное большинство дел, о которых идет речь (76 из 98), рассматривалось в судебных палатах (еще 12 — слуша-

лись в военных судах, 8 — в окружных и 2 — в мировых). Впрочем, из пяти самых громких процессов только два (П. В. Карповича и Е. С. Созонова) прошли в судебных палатах; еще два (С. В. Балмашева и Г. А. Гершуни) — в военных судах и один (Якутский) — в окружном суде.

**Процесс
Петра
Карповича**   Первым по времени и одним из первых по значению процессом, частично определившим характер разбирательства партийно-политических дел в царских судах предреволюционного четырехлетия, стал процесс П. В. Карповича в Петербургской судебной палате 17 марта 1901 г.

Петр Владимирович Карпович, студент последовательно Московского, Юрьевского и Берлинского университетов, с экзотической родословной (правнук Екатерины II)¹, 14 февраля 1901 г. на приеме в Министерстве просвещения несколькими выстрелами из револьвера тяжело ранил министра Н. П. Боголепова. Министр был ненавистен студенчеству и всей интеллигенции за то, что он 29 июля 1899 г. ввел т. н. «Временные правила», по которым мог отдавать участников студенческих волнений в солдаты, и в январе 1901 г. действительно наказал солдатчиной 183 киевских и 28 петербургских студентов. Выстрелы Карповича прозвучали как исполнение смертного приговора министру, вынесенного студенчеством России.

Широкие общественные круги, возмущенные самодурством Боголепова, откликнулись на эти выстрелы сочувственно. Даже военный министр А. Н. Куропаткин косвенно признал их возмущение и сочувствие оправданным. Провожая петербургских студентов в солдаты, он будто бы «дал им слово, что Карповича не будут судить военным судом, покуда он министр»². Как бы то ни было, власти не стали направлять дело Карповича ни в ОППС³, ни в военный суд. Они предпочли судить террориста в общеуголовном порядке за «предумышленное убийство» частного лица; «в том факте, что Бо-

---

¹ См. о нем *Клейнборг Л. М. П. В. Карпович // Каторга и ссылка* 1927 № 6, *Фишер В. И. П. В. Карпович // Полн. собр. соч.* В 7 т. М., 1932 Т. 4

² Суд над Карповичем и Лаговским. Женева, 1901 С. 10

³ ОППС за 1901–1904 гг. вообще рассматривало ни одного судебного дела

голепов — не частный человек, а министр, суд усматривал не сущность преступления, а лишьотячающее обстоятельство»¹. Прокурор Ф. О. Гредингер, закрывая глаза на политический смысл покушения Карповича, уподобил подсудимого Герострату: «В древней Греции был один безумец — Герострат. Желая прославиться и не имея возможности этого достигнуть, этот безумец сжег чудо из чудес — храм богини Дианы Эфесской. Теперь нашелся другой безумец: желая прославиться, он уничтожил величайшее из благ — человеческую жизнь. Этот Герострат перед вами. Вот он на скамье подсудимых». Нелегальная печать по этому поводу иронизировала: «Как бедно прокурорское представление о красоте, если подлая жизнь Боголепова напоминает ему чудо из чудес!»²

Сам Карпович, напротив, подчеркивал, что «злодеяния» (как он выразился) Боголепова имеют политический характер и что именно с целью положить конец этим злодеяниям он решил «устранить» министра. Свои объяснения на суде Карпович закончил такими словами: «Я был уверен, что буду судим военным судом и приговорен к смертной казни. Так я думал, и это не особенно устало меня. Но меня судят, оказывается, общеуголовным судом, и смертной казни нет в его распоряжении. Готового к смерти, меня, естественно, каторга не устроит и уж, конечно, не исправит»³.

Защищал Карповича один из пионеров отечественной адвокатуры А. Н. Турчанинов. Он прежде всего опроверг попытку прокурора выставить обвиняемого безумцем, новым Геростратом. «Сейчас он,— говорил Турчанинов о Гредингере,— обвинял не Карповича, а всех нас, которые присутствуем здесь, он обвинял вас, господа судьи. Господин прокурор утверждает, что мы судим безумца. Это — неправда. В наше время суды не судят безумцев, и заведомое участие в таком суде было бы преступлением»⁴. В противоположность прокурору, защитник характеризовал подсудимого с уважением и

¹ Суд над Карповичем и Лаговским С 15

² Там же С 15, 20

³ Карпович и Балмашев перед судом Берлин, 1902 С 16, 21

⁴ Изложение защитительной речи А. Н. Турчанинова см. Суд над Карповичем и Лаговским. С. 20–21.

симпатией: «Вы, судьи, знаете обвиняемого только в течение нескольких часов. Его душа остается для вас в потемках... Мы, защитники, имеем право входить к обвиняемым, говорить с ними наедине. Перед нами открываются не только двери их камер, но и, что самое главное, их души. И вот, побывав уже несколько раз у Карповича, поговорив с ним с глазу на глаз, я с глубоким убеждением могу сказать одно: такого скромного, простого, искреннего человека, чуждого малейшей рисовки, я никогда не видел среди политических и вообще редко встречал среди людей».

Турчанинов оспорил юридическую квалификацию преступления Карповича как «предумышленного убийства»: «Это обвинение предъявлено совершенно неправильно и в явное нарушение закона. Карповича можно обвинить только в предумышленном нанесении тяжкой раны, последствием коей была смерть, но не в убийстве, ибо сам эксперт говорит, что смерть явилась не прямым результатом повреждения какого-либо органа, а была следствием болезни спинного мозга, обусловленной получением тяжкой раны»¹.

В заключение своей защитительной речи Турчанинов вновь повторил тезис, с которым он дважды выступал ранее — на процессах А. К. Соловьева (1879 г.) и 1 марта 1887 г.: «Господа судьи, вы судите не обыкновенного убийцу, а человека идеи. Для таких людей, как Карпович, не страшны наказания, потому что, идя на свое дело, они уже заранее приносят свою жизнь в жертву. С такими людьми идеи, с их идеями можно бороться только идеями».

Суд отверг возражения защитника против юридической квалификации покушения Карповича и приговорил обвиняемого к высшей мере наказания за «предумышленное убийство с отягчающими обстоятельствами» по общеуголовному законодательству империи (ст. 19 Уложения о наказаниях), а именно — к 20 годам каторги. Но отбывать наказание Карпович был водворен в Шлиссельбургскую крепость, т. е. в место заточения самых опасных *политических* врагов царизма².

---

¹ Н. П. Боголепов умер 2 марта 1901 г., т. е. через 16 дней после ранения.

² Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 278.

Через 10 дней, 27 марта 1901 г., Петербургская судебная палата рассматривала аналогичное дело о покушении самарского земца Н. К. Лаговского на обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Защитником и здесь выступал А. Н. Турчанинов. Данных о том, как вели себя на этом процессе судьи, прокурор и защитник, нет. Но, судя по хронике еженедельника «Право», здесь повторился сценарий предыдущего процесса. Только приговор Лаговскому (6 лет каторги) был вынесен с учетом смягчающих вину обстоятельств, ибо Победоносцев от покушения не пострадал, хотя Лаговский выпустил четыре пули в окно его резиденции¹.

**Дело
Лаговского**

В 1902 г. царские суды рассмотрели пять партийно-политических дел: одно из них — окружной суд и четыре дела — военные. На всех пяти процессах судились (каждый раз — по одному) эсеры.

2 апреля 1902 г. в Якутском окружном суде слушалось дело административно-ссыльного А. А. Ергина по обвинению его в убийстве колымского чиновника В. К. Иванова. Ергин застрелил Иванова за его издевательства над политическими ссыльными, приведшие к самоубийству одного из них. Защищать Ергина в Якутск приехал из Петербурга П. Н. Переверзев (будущий министр юстиции Временного правительства), которого обвиняемый смог пригласить при содействии В. Г. Короленко². Газета «Право» отметила в те дни, что «это — первый случай, когда перед Якутским окружным судом выступит присяжный поверенный»³. Переверзев провел защиту блестяще⁴, раскрыл ряд вопиющих злоупотреблений властью со стороны Иванова и добился максимально возможного для убийцы смягчения приговора Ергину: 4 года арестантских рот⁵.

**Дело
Ергина**

Дело А. А. Ергина не привлекло к себе большого общественного внимания. Но через три недели в Петербурге состоялся процесс, о котором заговорила вся Россия и меж-

¹ Хроника // Право. 1901. № 14. С. 745.

² Ергина Л. А. Год в Средне-Колымске (дело А. А. Ергина) // В Якутской неволе. М., 1927. С. 130.

³ Хроника // Право. 1902. № 22. С. 1147.

⁴ Ергина Л. А. Указ. соч. С. 132.

⁵ Переверзев П. Н. Мои воспоминания // РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 157. Л. 54–55.

Процесс Степана Балмашева дународная пресса. 26 апреля 1902 г. Петербургский военно-окружной суд под председательством ген.-лейт. барона Н. Д. Остен-Сакена с прокурором ген.-лейт. В. П. Павловым рассмотрел дело С. В. Балмашева.

Степан Валерианович Балмашев, сын известного саратовского революционера-народника В. А. Балмашева, родился 3 апреля 1881 г., в день казни Андрея Желябова и Софьи Перовской, и назван в честь Степана Разина¹. Он учился в Казанском и Киевском университетах, участвовал в студенческих волнениях 1901 г. Чуткий и ранимый, очень добрый (по свидетельству его матери, «не только курицу резать не мог, но и не мог видеть, как другие курицу режут»²), Степан Балмашев примкнул к Боевой организации эсеров и по ее заданию осуществил террористический акт против министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина.

Главный каратель империи («Дикая Свинья», как расшифровывали его инициалы обыватели), Сипягин жестокими репрессиями против рабочих, крестьян, студентов, под стать своему давнему предшественнику Д. А. Толстому, восстановил против себя широчайшие слои русского общества и, по мнению эсеров, «из всех царских слуг и народных угнетателей больше всех просился под пулю»³. 2 апреля 1902 г. Балмашев в адъютантской форме с погонами поручика⁴ подошел к Сипягину в Мариинском дворце и смертельно ранил его двумя выстрелами в упор, после чего «громко и твердо заявил» окружающим: «Так поступают с врагами народа!»⁵

Убийство Сипягина произвело в «верхах», как об этом свидетельствовал жандармский генерал А. И. Спиридович, «потрясающее впечатление»⁶. Николай II 2 апреля 1902 г. записал в дневнике: «Печальный день <...> Трудно выразить,

---

¹ Памяти С В Балмашева Женева, 1902 С 6

² Смирнов А И В А Балмашев // Каторга и ссылка 1926 № 2 С 246

³ Памяти С В Балмашева С. 7, 18

⁴ А не генерал-адъютанта, как сообщает К В Гусев в книге «Партия эсеров» (М, 1975 С 56)

⁵ Памяти С В Балмашева С 36

⁶ Спиридович А И Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (1886–1916). 2 изд. Пг., 1918. С 127.

кого я потерял в этом честном, преданном человеке и друге»¹. Русская легальная пресса, кроме немногих рептилий, горько оплакавших «Дикую Свинью», молчала о покушении Балмашева, но бесцензурные отечественные и зарубежные издания разных направлений (к примеру, в Германии — социалистическая «Vorwärts», демократическая «Frankfurter Zeitung», левобуржуазная «Die Welt am Montag», даже правобуржуазная «Berliner Tageblatt») оправдывали, если не приветствовали, его как действенный протест против деспотизма². Между центральными органами партий эсеров («Революционная Россия») и социал-демократов («Искра») разгорелась полемика: «Искра» утверждала (правда, без каких бы то ни было доказательств), что Балмашев «до самого последнего времени был социал-демократом» и, естественно, «не был социалистом-революционером»³, а «Революционная Россия» и подключившийся к этой полемике независимый орган революционного студенчества газета «Студент» привели бесспорные доказательства, включая признание самого Балмашева, его принадлежности к Боевой организации эсеров⁴.

На суде Балмашев вел себя героически. В последнем слове он заявил: «В свою защиту ничего говорить не стану. Хочу только ответить на ваш вопрос о том, кто был моим сообщником, кто мне помогал. Единственным моим сообщником и помощником было русское правительство. Я не отрицаю, что и раньше, еще со школьной скамьи, равно как и в бытность мою в университете, я вел противоправительственную пропаганду, но никогда не стоял за террор и за насилие. Напротив, я всегда был сторонником правового порядка и конституции. Русские министры убедили меня, что права и законности в России нет, что вместо них безнаказанно царят беззаконие, произвол и насилие, против которых можно бороться только силой»⁵.

¹ ГАРФ Ф 601 Оп 1 Д 244 Л. 66.

² Памяти С В Балмашева С 23, 29–31, Искра. № 1–52. Полный текст под ред. П Н Лепешинского Л, 1928 Вып 5 С 76

³ Искра Вып 5 С 77; Вып. 6 С. 149

⁴ Революционная Россия № 7. С. 5–7, № 11. С. 24, 26; Студент. 1903. № 1 С 17

⁵ Карпович и Балмашев перед судом. С. 51–52.

Балмашев знал, что смертный приговор ему неизбежен, и в чисто юридической защите не нуждался. Но авторитетный адвокат был нужен ему для того, чтобы как можно выигрышнее подчеркнуть политический смысл и вес его дела. Поэтому он воспользовался своим правом на приглашение защитника и выбрал Н. П. Карабчевского. «Балмашев <...> просил меня защищать его, но письмо его не застало меня, я был на защите в Одессе», — вспоминал Карабчевский¹. Тогда Балмашев пригласил В. О. Люстига — одного из старейших и наиболее уважаемых адвокатов, который восемь лет подряд, с 1890 по 1897 (это — рекорд в истории русской адвокатуры), избирался председателем Петербургского совета присяжных поверенных.

В закрытом заседании военного суда, при таких церемониях самодержавия, как председательствующий Остен-Сакен и прокурор Павлов, Люстиг сделал все возможное для своего подзащитного. Он не только вел доверительные беседы с самим Балмашевым, но и встречался до и после суда с его матерью, рассказывал ей: «Ваш сын держался прекрасно, с большим достоинством. Он очень хорошо, убедительно говорил»². Защиту, по всей видимости, в принципе согласованную с Балмашевым, Люстиг вел уважительно к личности и убеждениям подсудимого. Вот как излагала нелегальная печать содержание его защитительной речи:

«Защитник Люстиг, признавая виновность своего клиента, в то же время осуждал правительство. Русская жизнь является ненормально тяжелой, особенно для народа. Ничего не проникает в печать, никто ничего не знает. Люди, преданные престолу, во всем винят подпольную пропаганду, с другой стороны, люди недовольные во всем винят верховную власть. Для людей, сложившихся и с установленными характерами, положение дел не оказывает влияния на их поступки, другое дело — люди, подобные его клиенту. Таким образом, правительство само создает себе врагов и должно вину за катастрофы, как убийство Сипягина, *принять на себя*.

¹ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 43.

² Ракитникова И. И. К биографии С. В. Балмашева // Былое. 1924. № 24. С. 144.

Затем защитник указывал на то, что, живя в России, не знаешь, каким законам подлежишь. Пусть законы будут строго и неумолимо карать, но необходимо знать, каким законом будут тебя судить. В прошлом году совершеннолетний Карпович предан был гражданскому суду и приговорен к ссылке в Сибирь. В следующем году несовершеннолетний Балмашев¹ предается военному суду и карается смертной казнью». Отметив, что военный суд над несовершеннолетним назначен «без всякого основания», Люстиг просил (как явствует из последующего, — *против воли* Балмашева) «милости к подсудимому»².

Суд приговорил Балмашева к смертной казни через повешение. В тот же день мать осужденного, Мария Николаевна Балмашева, вероятно, с помощью Люстига (который, естественно, считал своим долгом использовать все предоставленные законом возможности для сохранения жизни своему подзащитному), подала прошение о помиловании сына на «высочайшее имя». Далее, по совокупности данных нелегальной прессы, события развивались так.

Николай II заявил председателю Комитета министров И. Н. Дурново, что он помилует Балмашева, если прошение будет от имени самого осужденного. Дурново поспешил в камеру смертника к Балмашеву и долго уговаривал его подать прошение о помиловании. Балмашев отказался наотрез. «Я вижу, что вам труднее меня повесить, чем мне умереть, — ответил он на все уговоры — Никаких милостей от вас мне не надо. Одного только прошу: чтобы дали мне веревку покрепче — вы даже и вешать не умеете как следует»³. Дурново потом скажет М. Н. Балмашевой: «У вас не сын, а кремь»⁴.

На рассвете 3 мая 1902 г. в Шлиссельбургской крепости

---

¹ В день покушения на Сипягина Балмашеву еще не исполнилось 21 года — совершеннолетия по царским законам.

² Убийство трех министров. СПб, 1906. С. 29. Курсив мой — Н. Т.

³ Балмашев имел в виду общезвестные факты, когда трое декабристов (К. Ф. Рылев, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский) и народоволец Т. М. Михайлов срывались с виселицы и палачи вешали их вторично, а Михайлова — трижды.

⁴ Памяти С. В. Балмашева. С. 37–38.

Степан Валерианович Балмашев был казнен¹. К месту казни он шел в сопровождении жандармского полковника Яковлева, который 3 апреля 1881 г., в день, когда родился Балмашев, сопровождал на казнь Андрея Желябова и Софью Петровскую².

**Процесс
Лекерта**

Другие партийно-политические дела 1902 г. слушались тоже в военных судах. На процессе бундовца Г. Д. Лекерта (Лекуха) в Виленском военно-окружном суде 15 мая 1902 г. защитником выступал присяжный поверенный М. А. Эльяшев. После того как Лекерт за покушение на виленского губернатора ген.-лейт. В. В. фон Валя был приговорен к смертной казни, защитник вместе с женой осужденного уговорили его подать прошение о помиловании командующему войсками Виленского военного округа, но — безуспешно: 28 мая 1902 г. Лекерт был повешен³.

Два следующих процесса 1902 г. в Киевском военно-окружном суде обошлись без казней. Рабочие-эсеры Никита Чепегин 8 июня и Фома Качур 26 октября судились за покушения: первый — на отставного ген.-лейт. Вейсе, которого он принял за начальника Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкого; второй — на харьковского губернатора кн. И. М. Оболенского. Поскольку Чепегин лишь ранил Вейсе, да и то по ошибке, а Качур в Оболенского вообще не попал, оба террориста отделались каторгой⁴. Была ли на этих процессах защита и, если да, то кем представлена и как себя держала, установить пока не удалось. То же самое приходится сказать и о единственном за 1903 г. партийно-политическом процессе, который слушал военный (Московский военно-окружной) суд 19–20 июня по обвинению А. В. Альшанского и пяти его товарищей в социал-демократической пропаганде среди солдат лейб-гренадерского Екатеринославского полка.

Еще один процесс 1903 г. прошел (25 августа) в Петер-

---

¹ См. главу «Казнь Балмашева» в кн. В. Владимирова «Очерки современных казней» (М., 1906 С. 235–254).

² Кологов Г. Е. Государева тюрьма Шлиссельбург. 2 изд. М., 1930 С. 232.

³ Политические процессы в России 1901–1917 гг. / Под ред. Л. И. Гольдмана Ч. 1 (1901–1905 гг.) М., 1932. С. 24.

⁴ Там же С. 25, 40.

Процесс
Дашевского

бургском окружном суде — по обвинению студента Киевского политехнического института П. С. Дашевского в покушении на редактора-издателя черносотенных газет «Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушевана. Как сообщала газета «Революционная Россия», друзья Дашевского «убедили его взять защитником» П. Г. Миронова, и хотя за три дня до суда сам Дашевский «заявил желание иметь защитником» Н. П. Карабчевского, «последнему адвокатская этика не позволила “отбить” защиту у Миронова». Миронов же выступил, по мнению газеты, неудачно: «совсем устранил из дела политический элемент и наигрывал больше всего на молодости Дашевского и личных качествах Крушевана»¹. Поскольку черносотенец и антисемит Крушеван (кстати, несколько не пострадавший при покушении Дашевского) удостоился перед покушением «высочайшей» благодарности за свою книгу «Бессарабия»², суд пресек попытки Миронова дискредитировать Крушевана как личность и приговорил Дашевского к 5 годам арестантских рот. Миронов обжаловал приговор в Сенате, но его кассационная жалоба была оставлена без последствий³.

Процесс
о типографии
«Искра»

Все остальные 9 процессов 1903 г по делам о политических партиях шли в судебных палатах. Самым значительным из них был процесс, который вела 3–4 ноября Одесская судебная палата по делу о типографии газеты «Искра». «В нашем лице,— вспоминал судившийся на этом процессе Л. И. Гольдман,— социал-демократия впервые очутилась на скамье подсудимых перед царским судом»⁴. Это — ошибка. Социал-демократия уже оказывалась ранее на скамье подсудимых по трем делам 1903 г., зафиксированным, кстати сказать, в справочнике... под редакцией Л. И. Гольдмана: 21 мая — П. И. Денисова и А. Р. Селиверстова в Саратове, 19–20 июня — А. В. Альшанского и др. в Москве, 14–23 августа — А. Я. Брайловского и др. в Таганроге⁵. Но программную речь от имени

¹ Процесс Дашевского // Революционная Россия 1903 № 32 С 9–10

² Хроника // Право 1903 № 24 С 1651

³ Правительствующий Сенат // Право 1903 № 43 С 2421

⁴ Гольдман Л. И. Организация и типография «Искры» в России М., 1928 С 49

⁵ Политические процессы в России 1901–1917 гг Ч 1 С 55, 56

социал-демократии впервые в стенах царского суда произнес именно здесь Гольдман. Он, в частности, сказал, что предотвратить революцию в России труднее, чем «остановить течение реки»¹.

Вместе с Л. И. Гольдманом судились его жена М. Л. Гинзбург, Х. Н. Корсунская, Г. Б. Элькин (все — социал-демократы) и двое эсеров: Мария Школьник и Арон Шпайзман. Все они обвинялись в устройстве тайной типографии и печатании «Искры»².

Процесс открылся 6 октября 1903 г. в Кишиневе, где была арестована типография. В качестве защитников приехали из разных городов Н. Д. Соколов, В. А. Маклаков, М. Б. Ратнер, В. Л. Глинка, К. К. Чекеруль-Куш и М. Б. Цвиллинг. Едва председательствующий В. В. Давыдов открыл первое заседание суда, как присяжный поверенный Соколов от имени всей защиты заявил отвод члену судебного присутствия городскому голове Кишинева Синадино — одному из организаторов кишиневского погрома. «Даже не будь такой статьи закона,— подчеркнул Соколов,— я и мои товарищи отказались бы от защиты. Дело в том, что для нас, защитников, слишком унижительно, а для господ подсудимых прямо оскорбительно, чтобы господин Синадино — подстрекатель громил — был судьей». Услышав это, Синадино встал и демонстративно вышел из зала, а суд удалился в совещательную комнату и вынес оттуда резолюцию: отложить слушание дела до следующей сессии³.

Процесс возобновился 3 ноября в Одессе с изменениями в составе защиты: вместо Маклакова приехали Н. К. Муравьев и С. Е. Кальманович⁴. По воспоминаниям подсудимых, защитники симпатизировали не только им самим, но также их убеждениям, что и выразили на суде в защитительных речах. Например, М. Б. Ратнер так говорил о своей подзащитной, юной работнице Марии Школьник: «Встречаясь с людьми,

---

¹ Речь Леона Гольдмана, обвиняемого по делу о типографии «Искры». Саратов, 1904. С. 6.

² Обвинительный акт см.: Искра. Вып. 7. С. 32–40.

³ К процессу Гольдманов // Искра. 1903. № 52. С. 4.

⁴ Хроника // Право. 1903. № 43. С. 2433; № 47. С. 2672.

более развитыми, она под их влиянием приняла сначала социал-демократическое учение. Но ее свободный, воинствующий дух не мог остановиться на этом, и, ознакомившись со взглядами социалистов-революционеров, она присоединилась к ним. На ее месте каждый из нас, несомненно, жаждал бы освобождения и возможности лучшей жизни для себя и для других. Несмотря на специфические притеснения, которым она подвергалась как еврейка, обвиняемая не примкнула к узконационалистической борьбе. У нее были более широкие взгляды, и интересы всего человечества были для нее дороже. Это талантливая натура, способная на все хорошее. В какой-нибудь другой стране она была бы счастлива, но здесь, среди нас, — увы! — это невозможно. Суд может, конечно, осудить ее, но это едва ли будет торжеством правосудия. Это будет еще один плохо продуманный, несправедливый приговор, каких история знает немало»¹.

Суд раздраженно отреагировал на такие речи адвокатов и тем более на социал-демократическую декларацию подсудимого Гольдмана и приговорил всех обвиняемых к ссылке в Сибирь².

Прочие восемь партийно-политических дел 1903 г. были рядовыми. Судились по каждому из них от одного до трех человек за хранение и распространение запрещенной литературы³. В качестве защитников здесь выступали и безвестные адвокаты, и знаменитости, которым иногда удавалось существенно повлиять на исход дела. Так, Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков, Г. Л. Карякин кассировали в Сенате обвинительный приговор по делу эсеров Е. И. Руднева, П. И. Чернышева и Н. А. Земина; С. Е. Кальманович и А. С. Чумаевский вынудили прокурора отказаться от обвинения социал-демо-

¹ Школьник М. М. Жизнь бывшей террористки. 2-е изд. М., 1930. С. 52.

² В 1905 г. все шестеро осужденных по этому делу бежали из ссылки и возобновили революционную борьбу. А. А. Шпайзман в 1906 г. был казнен за покушение на черниговского губернатора.

³ Особняком стоит дело в Пинске 25 сентября 1903 г. Здесь Виленская судебная палата судила 11 чел. за освобождение из полицейского участка политических арестантов. Защитники П. Н. Малянтович, П. Н. Переверзев и Э. Т. Гинзбург добились оправдания пяти обвиняемых.

кратов И. А. Качалова и А. П. Данилова в пропаганде среди военнослужащих¹.

В 1904-м, предреволюционном году число процессов, которые можно считать партийно-политическими, необычайно возросло: 1901 г. — 2, 1902 г. — 5, 1903 г. — 11, 1904 г. — 79. Из 79 процессов года 65 прошли в судебных палатах, 7 — в военных, 5 — в окружных и 2 — в мировых судах. Самые выдающиеся из них по значению и резонансу — дела Г. А. Гершуни, якутских протестантов и Е. С. Созонова — слушались в разных инстанциях: соответственно — в военном и окружном судах и в судебной палате.

**Процесс
Гершуни**

Процесс Гершуни (официально значившийся как «Дело о Боевой организации партии социалистов-революционеров») шел в Петербургском военно-окружном суде 18–25 февраля 1904 г. Как и на процессе С. В. Балмашева, председательствовал здесь ген.-лейт. барон Н. Д. Остен-Сакен, а прокурором был ген.-лейт. В. П. Павлов. Остен-Сакен вскоре будет судить и З. В. Коноплянникову, а что касается Павлова, то он, прежде чем пасть в 1906 г. от руки революционера, заслужит такую оценку: «В кровавой истории военных судов царизма нет более “прославленного” имени, нежели имя этого палача в мундире генерал-лейтенанта»².

Центральной фигурой процесса был Григорий Андреевич Гершуни — основатель и руководитель Боевой организации эсеров, «умный, хитрый, с железной волей» революционер³, «гениальный организатор»⁴. Вместе с ним судились рядовые члены партии: М. М. Мельников, Л. А. Ремянникова, А. И. Вейценфельд и Е. К. Григорьев. Все они обвинялись в принадлежности к Боевой организации и в покушениях на Д. С. Сипягина, К. П. Победоносцева, харьковского губернатора И. М. Оболенского и уфимского — Н. М. Богдановича⁵.

---

¹ Хроника // Право. 1903. № 43. С. 2433.

² Гернет М. И. Указ. соч. Т. 4. С. 121.

³ Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1927. С. 119.

⁴ Памяти Г. А. Гершуни. Paris, 1908. С. 49 (отзыв газеты «Vorwärts» — ЦО Германской социал-демократии).

⁵ Обвинительный акт см.: Дело Гершуни или о т. н. Боевой организации. СПб., 1906. С. 3–55.

Суд был закрытым: допустили в зал только двоих «посторонних» — мать Вейценфельда и жену Мельникова; «даже перед родным братом главного обвиняемого, самого Гершуни, двери зала суда остались закрыты»¹.

Генерал Павлов искусно манипулировал двумя козырями, которые позволили ему не только подтвердить фактическую сторону обвинения, но и морально унизить обвиняемых. Первым козырем стал для него осужденный в 1902 г. на бессрочную каторгу и вызванный теперь в качестве свидетеля Фома Качур, который дал предательские показания против Гершуни (за это ему заменили каторгу ссылкой). Второй козырь для прокурора оказался буквально под рукой — на скамье подсудимых. Это был Евгений Григорьев. Он предал товарищей и, прислуживая суду, обливал их помоями инсинуаций².

На таком процессе защита оказывалась в заведомо проигрышном положении, хотя составили ее искусные адвокаты: Н. П. Карабчевский, его помощник Б. Г. Барт (они вдвоем защищали Гершуни), А. Н. Турчанинов, М. Л. Мандельштам, М. В. Беренштам, А. Е. Феодосьев, А. В. Бобрищев-Пушкин. После того как Бобрищев-Пушкин (защитник Григорьева) произнес речь, полную ругани против революционного движения как вместилища «злодеяний» и «бредней»³, адвокатам пришлось отмежеваться от своего коллеги. Один из них, слушая речь Бобрищева-Пушкина, громко воскликнул: «Подлец!», и председательствующий (то ли он был шокирован этой речью, то ли заслушался ею) «даже не призвал бросившего это оскорбление защитника к порядку», после чего все защитники «энергично отражали позорный подход Бобрищева-Пушкина и надлежащим образом квалифицировали его поведение»⁴. Мандельштам, в частности, заявил: «Грязь, бро-

---

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 172.

² Подробно о Е. К. Григорьеве см.: Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 230–234.

³ Бобрищев-Пушкин А. В. Судебные речи. СПб., 1912. Т. 2. С. 39–75. «Это была не речь, а поток самых гнусных клевет и позорящих выхождо» (Революционная Россия. 1904. № 47. С. 22).

⁴ Дело Гершуни и других // Искра. 1904. № 62. С. 3.

шенная в людей, которые, быть может, завтра взойдут на эшафот, этих людей, конечно, не замазает, но руку, бросившую эту грязь, покроет на всю жизнь несмываемым позором»¹. Как сообщала «Революционная Россия» (вероятно, со слов самих адвокатов), «к концу процесса другие защитники уже не разговаривали» с Бобрищевым-Пушкиным, «в коридорах суда отворачивались от него»².

Отторгнув от себя Бобрищева-Пушкина, защита делала все возможное для юридического противоборства обвинению. Турчанинов от ее имени «обратил внимание суда на то, что по делу не было произведено предварительное следствие и нет высочайшего повеления о придании актам дознания силы актов предварительного следствия». Суд, не скрывая растерянности, уклонился от разъяснений по этому поводу³. Когда же появился на процессе свидетель обвинения Качур, каторжник «страшного» и «больного» вида, и защита потребовала, чтобы он был подвергнут врачебной экспертизе, суд отказал ей и в этом, и в следующем ее требовании — расследовать вообще условия жизни политкаторжан⁴. Разумеется, такие отказы вредили репутации суда не меньше, чем проколы слабых мест обвинения со стороны адвокатуры. Так, в ответ на заключение одного из экспертов, что он «с почти полной несомненностью» удостоверяет подпись Гершуни на улике против него, Карабчевский воскликнул: «Господа судьи! Сказать “почти” в таком вопросе недостаточно, ибо не можете же вы подсудимого Гершуни “почти” повесить!»⁵ Судя по записям, сохранившимся в архиве Карабчевского, он установил и констатировал на суде, что в деле Гершуни «главными и почти единственными уликами являются оговоры, сделанные с целью смягчения собственной участи»⁶.

Карабчевский был лидером защиты на процессе Гершуни.

---

¹ Из общественной жизни // Революционная Россия 1904 № 47. С. 23. О том же. *Мандельштам М. Л.* Указ соч. С. 234.

² [Хроника] // Революционная Россия 1904 № 43. С. 10

³ Из общественной жизни С. 18

⁴ Революционная Россия 1904 № 43. С. 9–10.

⁵ Из общественной жизни С. 23.

⁶ ГАРФ. Ф. 827 Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

Сам Гершуни через несколько лет вспоминал о нем: «В нашем процессе он все время держался благородно и мужественно. Принятую на себя обязанность быть защитником не личности, а дела, которому эта личность служит, он выполнил добросовестно»¹. Текст речи Карабчевского в защиту Гершуни, к сожалению, до нас не дошел. М. Л. Мандельштам так передавал ее смысл: «Карабчевский произнес прекрасную речь в примирительном, мягком тоне, отнюдь, однако, не снижая революционной позиции партии социалистов-революционеров. Но общий тон его защиты создал атмосферу, в которой можно было поднять вопрос о замене для Гершуни смертной казни пожизненной каторгой»².

По сохранившимся отрывочным данным, в том же «примирительном» тоне, но с уважением к революционному достоинству обвиняемых, вели защиту другие (исключая Бобрищева-Пушкина) адвокаты на процессе Гершуни: и старейшина адвокатского сословия Турчанинов, и достаточно опытный Мандельштам, и совсем молодые Барт и Феодосьев. Кстати, Барт (вероятно, по заданию Карабчевского) за день до начала суда договаривался с Гершуни о каких-то деталях поведения на процессе, уже согласованного в принципе ранее при встречах Гершуни в его камере с самим Карабчевским. «Днем,— вспоминал об этом Гершуни,— явился помощник Карабчевского Б. Г. Барт (сын Г. А. Лопатина), условились относительно завтрашнего дня»³.

Все пункты обвинения были столь тяжкими, что смертный приговор Гершуни никого не удивил. Можно было надеяться только на «высочайшее» помилование осужденного. Но Гершуни категорически отказался просить о помиловании. «В этом отказе не было ни рисовки, ни упрямства. Свою решимость он мотивировал просто: “У нас это не принято”»⁴. Тогда Карабчевский решил подать такую просьбу от своего имени, «что до тех пор не практиковалось»⁵. На последнем

---

¹ Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. Paris, 1908. С. 49.

² Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 235.

³ Гершуни Г. А. Указ соч. С. 48, 56.

⁴ Карабчевский Н. П. Около правосудия. 2 изд. СПб., 1908. С. 198.

⁵ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 43.

свидании с Гершуни в камере смертника он заявил своему подзащитному:

«— Меня, соприкоснувшегося с вами и с вашим делом не в качестве вашего единомышленника, а только как защитника, вы не вправе лишать общих прав человека и гражданина — протестовать лично против смертной казни и действовать в данном случае сообразно моим собственным убеждениям. Я подам просьбу о помиловании от своего имени и под своей личной нравственной ответственностью. В ней не будет сказано, что просите о помиловании вы, просить, т. е., по-вашему, “унижаться”, буду я.

Заявление мое было категорично. Приберег я его к самому концу свидания и, не ожидая ответа, протянул руку для прощания»¹. В таком положении Гершуни не считал нужным возражать.

Карабчевский свидетельствовал, что «в самой процедуре ходатайства о помиловании» ему помогли брат и невестка осужденного, а главное, поддержал ходатайство министр внутренних дел В. К. Плеве: поскольку в ряду обвинений, предъявленных Гершуни, значилось и «мало доказанное обвинение в организации покушения на самого Плеве, чувство собственного достоинства подсказало всесильному сановнику не мстить лично за себя»². По слухам, даже вел. кн. Андрей Владимирович повлиял на благоприятный исход ходатайства³. Как бы то ни было, смертный приговор Гершуни был заменен вечнокаторжным, а в наибольшей мере глава Боевой организации эсеров обязан был сохранением жизни Карабчевскому. Именно Карабчевский определил недостаток улики против Гершуни, создал вокруг него атмосферу, допускавшую ходатайство о помиловании, возбудил такое ходатайство, мотивировал его и проталкивал по бюрократическим каналам. Благодарный Гершуни, перед тем как он бежал с каторги, написал Карабчевскому дружеское письмо, которое тот получил «нелегальным путем» и бережно хранил у себя⁴.

---

¹ Карабчевский Н. П. Около правосудия. С. 199.

² Там же. С. 198, 199.

³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 236.

⁴ Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 153.

Остальные шесть процессов 1904 г. в военных судах были малозначащими как по существу дел (о революционной пропаганде среди солдат и о покушениях на убийства агентов охраны), так и по составу обвиняемых. Относительно трех из этих процессов не установлено, выступала ли в них защита. Из тех же трех дел, где защитники названы, выделяется своей счастливой для подсудимых фабулой дело Временного военного суда в Минске 7–8 сентября по обвинению рабочих Мовши Цитрина, Хаима Дворкина и Нохима Цалингольда в убийстве агента виленской охраны А. Н. Феркеля (Арнацко-го). Защитниками здесь были Л. А. Куперник, М. С. Маргулис и два местных адвоката. Они установили, что обвинение построено на оговорах свидетелей, из которых главные к началу суда оказались «неразысканными». Используя этот и другие промахи обвинения, защита убедила суд отложить слушание дела и обратиться к исследованию¹. После этого дело откладывалось еще раз, пока все подсудимые не были освобождены по Манифесту 17 октября².

**Романовское
дело**

Пять дел о политических партиях и отдельных акциях политического характера за 1904 г. рассматривались в окружных судах. Из них самым выдающимся стало Якутское (или т. н. Романовское) дело в Якутском окружном суде с 30 июля по 8 августа. Здесь 59 политических ссыльных (главным образом социал-демократы, эсеры и бундовцы) обвинялись в том, что они 18 февраля 1904 г. заявили коллективный протест против самодурства иркутского генерал-губернатора П. И. Кутайсова и, укрепившись в доме якута Романова, оказали вооруженное сопротивление полиции, солдатам и казакам, причем двое солдат и один ссыльный были убиты и трое ссыльных ранены.

Прокурор Л. И. Гречин настаивал на применении к обвиняемым ст. 263 и 268 Уложения о наказаниях как к «зачинщикам преступного против властей восстания», учинившим «смертоубийство», что сулило им вечную каторгу. Но даже член суда Л. А. Соколов не согласился с таким подходом к делу, резонно усмотрев в нем «полную логическую и юриди-

---

¹ Политические процессы. [Женева, 1904]. Вып. 1. С. 21–22, 39–40.

² Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1. С. 69.

ческую нелепость», ибо «понятие зачинщика предполагает участников и пособников, как понятие “король” предполагает наличие подданных», и, следовательно, не могут быть зачинщиками все обвиняемые¹. Столь редкое расхождение взглядов прокурора и судьи, естественно, использовала защита

Защищать «романовцев» в Якутск из Петербурга приехали А. С. Зарудный и В. В. Беренштам. Они согласовали линию защиты фактически со всеми подсудимыми. Только один из них — видный большевик В. К. Курнатовский — был недоволен тем, что «романовцы» договорились с адвокатами «характеризовать свой протест не как протест против всего самодержавного режима, а как протест против незаконных распоряжений исключительно графа Кутайсова»². В конкретной ситуации, которая стала предметом разбирательства на суде, избранный «романовцами» способ защиты был самым целесообразным. Обвиняемые раскрыли перед судом ужасающую картину произвола и надругательств над ссыльными, протесты которых приводили только к новым издевательствам и «прибавкам срока» согласно циркулярам П. И. Кутайсова. «Далее терпеть было бы позорно,— заявил от имени подсудимых Н. Я. Каган.— <...> Виновниками случившейся и грядущих драм, которыми чревато будущее ссылки, являются авторы и исполнители бесчеловечных циркуляров. Они, а не мы должны были бы фигурировать здесь, на скамье подсудимых»³.

Защитники подвели под эту позицию юридическое обоснование. Зарудный в яркой и страстной речи выдвинул критерий «законности» распоряжений, которым оказано неповиновение», как главное условие квалификации преступления. Он рассмотрел — пункт за пунктом — коллективный протест «романовцев» от 18 февраля и доказал, что в нем нет ничего противозаконного, ибо он направлен против таких циркуляров Кутайсова (о садистских ограничениях любой возмож-

---

¹ Розенталь П. И. «Романовка» (Якутский протест 1904 г.) Л., М., 1924 С. 77.

² Симонова М. С. Письмо В. К. Курнатовского о якутском протесте ссыльных // Исторический архив. 1955 № 4 С. 225

³ Теплов П. Ф. История якутского протеста (дело «романовцев») СПб., 1906. С. 196

ности для ссыльных общаться друг с другом), которые противоречат существующему положению о ссыльных 1882 г. и, стало быть, являются *незаконными*. В таком повороте дела Зарудный осуждал применение насилия к ссыльным и оправдывал их сопротивление. «Против подобных незаконных действий солдат и полиции подсудимые имели право защищаться... Это было не сопротивление властям. Это была необходимая оборона»¹.

В заключение своей защитительной речи Зарудный обратился к судьям с такими словами: «Исполните же ваш долг по вашему убеждению и вашей совести! А я, исполняя свой долг до конца, скажу еще одно: со всем убеждением, на которое я только способен, со всей верой в конечное торжество добра, с горячей любовью к Родине, которая мне присуща, присоединяю и я свое имя к подписям на заявлении, поданном якутскому губернатору 18 февраля этого года»². Сами «романовцы» свидетельствовали: «Прекрасная по форме, стройная по содержанию, неотразимая по своей аргументации, проникнутая глубочайшим чувством речь Зарудного была в полном смысле слова шедевром. Она произвела огромное впечатление решительно на всех. У большинства стояли слезы на глазах»³. Судившаяся в числе «романовцев» Мария Зеликман много лет спустя, 13 декабря 1934 г., на вечере памяти Зарудного во Всесоюзном обществе политкаторжан вспоминала об этой речи: «Александр Сергеевич превзошел все наши ожидания»⁴.

Другой защитник, В. В. Беренштам, искусно опровергал натяжки и домыслы обвинительного акта, сбивал с заученной подсказки и ставил в тупик многочисленных свидетелей обвинения, но вызвал недовольство подсудимых, расценив их протест как взрыв отчаяния, подобный самосожжению «заблудившихся в искании правды раскольников» XVII в.⁵ По

---

¹ Материалы к Якутскому процессу Женева, 1904 С 8–9, 11–12, 18–19

² Там же С 24–25

³ Якутская история Женева, 1904 Вып 3 С 20

⁴ ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 283 Л 7 об

⁵ Полный текст речи В В Беренштама по делу «романовцев» см Молодая адвокатура СПб, 1906 Вып 1 С 243–256

воспоминаниям Д. Ф. Сверчкова, Беренштам будто бы даже предлагал своим подзащитным являться в суд «немытыми и нечесаными», а потом восклицал, обращаясь к судьям: «Посмотрите, разве такой идиот мог что-либо сделать?»¹ Думается, такой ход популярного адвоката мемуарист, если и не выдумал, то утрировал.

Приговор «романовцам» оказался компромиссным между обвинением и защитой: 55 чел.— к 12-летней каторге, один — к 1 году арестантских работ, трое были оправданы. Защита опротестовала приговор и уговорила 34 человека из 55-ти подать апелляцию (остальные подсудимые сочли, что апелляция «несовместима с достоинством революционера», а В. К. Курнатовский усмотрел в ней даже «шкурный интерес»)². Дело 34-х пересматривалось 5–6 апреля 1905 г. в Иркутской судебной палате. Палата утвердила приговор Якутского окружного суда, но ходатайствовала перед царем о замене всем подсудимым каторжного приговора заключением в крепости на два года, а 30 октября 1905 г. из Иркутска в Петербург уже пришла телеграмма: «Романовцы, освобожденные восставшим народом, приветствуют своих защитников»³.

Процесс
кн. В. П. Мещерского

Широкий общественный интерес вызвало дело, которое 22 ноября 1904 г. слушалось в Петербургском окружном суде,— по обвинению матерого трубадура реакции кн. В. П. Мещерского в клевете. Суть дела такова. Орловский предводитель дворянства М. А. Стахович (друг семьи Л. Н. Толстого) предложил в ряд легальных изданий статью с обличением самоуправства полиции. Статья повсюду была отвергнута, а затем появилась (с оговоркой редакции: «без согласия автора») в нелегальном журнале П. Б. Струве «Освобождение». Тогда-то Мещерский и обрушился на Стаховича со страниц своей газеты «Гражданин» (1904. № 28) за его попытку «набросить обвинительную тень на нынешнюю административную власть», ибо, мол, это есть «оскорбление патриотизма, почти равное писанию сочувственных телеграмм

---

¹ ГАРФ Ф 533 Оп 1 Д 283. Л 5 об.

² Розенталь П. И. Указ соч. С 81–82; Симонова М. С. Указ. публ. С 225

³ Лурье Г. И. Два протеста. М., 1929 С. 66.

японскому правительству»¹ (шла русско-японская война). Стахович подал на Мещерского в суд, а в качестве поверенных истца поддержали обвинение Ф. Н. Плевако и В. А. Маклаков. Оба адвоката и в этой, необычной для них, роли выступили превосходно.

Плевако поставил в заслугу своему клиенту «всю чистоту намерений, всю правоту средств, которыми истинный гражданин своей страны борется с неправдой, оглашает ее и призывает к исправлению», причислил Стаховича к «лагерю» Минина и Пожарского, а Мещерского — к лагерю Малюты Скуратова. «Он,— говорил Плевако о Мещерском,— не докажет честно мыслящим русским людям, что нежелательны Стаховичи и нужны только Мещерские. Довольно с нас и одного Мещерского, дай Бог побольше таких людей, как Стахович! <...> Оцените же поступок князя, и к его древнему имени пусть добавят имя клеветника!»²

Маклаков тоже заклеил Мещерского с его «полицейским пониманием жизни», по которому «нет ничего выше страха, в нем — весь секрет управления», а поступок Стаховича оправдывал с точки зрения его «ответственности перед историей». «Чем строже цензура,— заявил Маклаков,— тем богаче, тем живее печать внецензурная <...> Во всем обществе создается круговая порука, которая спасает все, чего не пропустила цензура. Все, что не пропущено здесь, пойдет за границу, и это становится не личным делом задетого автора, а, как это прекрасно сказал Струве, актом обязательной общественной борьбы против цензуры»³.

При этом и Плевако, и Маклаков неоспоримо доказали, что разоблачения полицейского беззакония, с которыми выступил Стахович, достоверны, а к публикации в нелегальном журнале он непричастен. Суд вынужден был признать Мещерского виновным в клевете и приговорил его к двухнедельному аресту на гауптвахте. В стране, где уже назрела рево-

---

¹ Петербургский окружной суд. Клевета в печати // Право. 1904 № 48 С. 3319–3333

² Плевако Ф. Н. Речи М., 1909 Т. 1. С. 288, 289, 293.

³ Право 1904. № 48. С. 3326, 3328.

Дело
кадетов

ция, обвинительный приговор человеку, имя которого больше четверти века являлось олицетворением махровой реакции, произвело одинаково сильное (хотя и неоднозначное по смыслу) впечатление на все слои общества.

Из 65 политических дел 1904 г. в судебных палатах пять-шесть вызвали громкий общественный резонанс, во многом благодаря выступлениям адвокатов. Так, 28 апреля Петербургская судебная палата под председательством И. К. Максимовича с прокурором П. К. Камышанским слушала первое в России дело кадетов (собственно, членов «Союза освобождения» — ядра будущей конституционно-демократической партии). Приват-доцент Петербургского университета Е. В. Аничков и журналистка А. В. Борман (Тыркова)¹ были преданы суду за попытку распространить журнал «Освобождение», 333 экземпляра которого были изъяты у них при обыске, когда они возвращались из-за границы². Сами обвиняемые признали (Тыркова — прямо, Аничков — косвенно), что им известны «содержание, цель и программа перевозимого журнала», но от юридической полемики с обвинением уклонились, доверившись своим адвокатам: Аничкова защищал Н. П. Карабчевский, Тыркову — М. Л. Мандельштам, которому помогал Б. Г. Барт³.

Мандельштам построил защиту на двух юридических посылах. Во-первых, он доказывал, что провоз через границу даже заведомо революционного издания означает еще не попытку распространения, а лишь приготовление к ней, «по закону не наказуемое, если это не оговорено специально в самом законе». Во-вторых, защитник воспользовался тем, что все 333 экземпляра «Освобождения», изъятые у обвиняемых, составляли часть тиража очередных двух номеров, а в этих номерах не было материала для вывода, сделанного прокуро-

---

¹ Борман (урожденная Тыркова, по второму мужу Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962) — сестра народовольца А. В. Тыркова, кузина народницы-террористки С. А. Лешерн фон Герцфельдт, школьная подруга Н. К. Крупской, с 1905 г. член ЦК партии кадетов (была там единственной женщиной), известная мемуаристка и писательница.

² Обвинительный акт см. ГАРФ Ф. 827 Д. 46.

³ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 158.

ром (вероятно, под впечатлением предыдущих номеров), что журнал «дерзостно порицает установленный законами образ правления». Поэтому Мандельштам и в судебной палате, и в кассационном департаменте Сената требовал, «чтобы было указано, в каких местах и каких именно статей прокуратура усматривает дерзостное порицание», ибо «обвинять так, как это делает прокурор. “во многих статьях”, — значит не обвинять ни в чем»¹.

Карабчевский (должно быть, по договоренности с Аничковым) вел защиту иначе. Он стоял на том, что не доказано намерение обвиняемых именно распространить, а не просто доставить журнал в Россию («Уговаривал судей видеть в нас просто контрабандистов... Это уже было слишком!» — возмущалась Тыркова²). По поводу же записки Аничкова антиправительственного содержания, извлеченной при обыске «из корзины для ненужных бумаг», Карабчевский сделал многозначашее заявление: «Мы миримся с мыслью, что у нас нет свободы слова, но как отнять у себя уверенность, что у нас есть, по крайней мере, свобода мысли? Мало ли что я могу набросать у себя и для себя на бумаге!.. Этого у человека отнять никто не может, как нельзя отнять у него право дышать. Я могу быть убежденнейшим революционером в мысли, могу поверять свои заветные думы бумаге, завещать их далекому потомству, когда распространение их перестанет быть преступлением. Я не вправе лишь сочинить нечто предназначенное для распространения, чего распространять нельзя под страхом наказания»³.

Судебная палата игнорировала доводы защиты и приговорила каждого из обвиняемых к 2,5 годам заключения, а Сенат оставил кассационную жалобу адвокатов без последствий.

Однако следующее дело того же рода Карабчевский в Сенате выиграл. 29 апреля 1904 г. Саратовская судебная палата приговорила члена городской управы А. В. Милашевского за принадлежность к партии эсеров и распространение «сочине-

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 159, 160, Молодая адвокатура. Вып. 1 С. 222.

² Тыркова Вильямс А. В. Указ соч. С. 159–160.

³ Судебные отчеты // Право. 1904. № 27. С. 1443.

ний, дерзостно порицающих образ правления», к шести годам каторги¹. Поддерживая кассационную жалобу осужденного, Карабчевский доказал, что приговор вынесен с нарушением ст. 797 Устава уголовного судопроизводства, которая разграничивает такие понятия, как «хранение» и «распространение» запрещенной литературы. «Все в приговоре держится на одном голом факте хранения», — подчеркивал адвокат, удивляясь тому, что никаких данных о *распространении* чего-либо «нет нигде на всем протяжении дела»². Обер-прокурор И. Г. Щегловитов предложил отклонить кассационную жалобу, но другие сенаторы поддержали ее. Приговор Саратовской палаты был отменен, дело пересмотрено в другом составе той же палаты, и вместо 6 лет каторги Милашевский получил 2 года тюрьмы с зачетом полутора лет предварительного заключения³.

В актив политической защиты за 1904 г. можно отнести и два дела социал-демократов. Одно из них — о типографии Сибирского социал-демократического союза — рассматривала 18 сентября Иркутская судебная палата. Выступившие здесь защитниками А. С. Зарудный, В. В. Беренштам и местный адвокат П. И. Кусков, оперируя тремя секретными документами охранки, добытыми конспиративным путем, доказали, что один из шести обвиняемых, Иван Бойцов, на показаниях которого построен обвинительный акт, является агентом-provocатором. При этом Зарудный, судя по изложению его речи в газете «Искра», буквально восславил подсудимых: «Это все честные труженики. Они проводят в жизнь идеалы будущего, несут свет в окружающую нас тьму. Защитник питает *особо глубокое уважение* к этим людям. Тут председатель остановил его замечанием, что об особом уважении к обвиняемым он может не говорить»⁴.

Судьи не без труда и с ущербом для своей репутации вышли из неловкого положения, в какое поставила их за-

---

¹ Судебные отчеты // Право. 1904. № 44. С. 3023.

² Полный текст речи Карабчевского см.: Там же. С. 3027–3031.

³ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1. С. 66.

⁴ Искра. 1904. № 76. С. 7.

щита: дело о Бойцове они постановили отложить, одного подсудимого оправдали и четверым вынесли умеренные наказания — не более 2 лет тюрьмы.

Более громким оказалось дело о типографии РСДРП в Петербурге, которое вела Петербургская судебная палата под председательством И. К. Максимовича 20–22 сентября. Здесь четверо из пяти защитников (Н. Д. Соколов, П. Г. Миронов, А. В. Винберг и Л. А. Базунов) проводили линию, рекомендованную петербургской группой политзащиты, в которую они входили: «стремясь облегчить участь подсудимых, в то же время не умалять политического значения партий, к которым те принадлежали. Иными словами, спасая партийцев, не бить по партии»¹. Ф. И. Родичев же «стремился дробью своего красноречия подстрелить сразу трех зайцев: добиться оправдания своего подзащитного Рагозина, изложить мудрость либерализма и доказать беспочвенность и ненужность российской социал-демократии». «В речи Родичева,— возмущались подсудимые,— мы не узнавали самих себя <...> Родичеву мы потом дали достойную отповедь»².

Сами обвиняемые вели себя по-разному: четверо (С. М. Розеноер, Л. К. Громозова и др.) с гордостью провозглашали себя членами РСДРП, восклицали: «Да здравствует социал-демократия! — ей принадлежит будущее!»³; остальные четверо избегали таких демонстраций. В результате вся первая четверка была приговорена к пожизненной ссылке в Сибирь, а вся вторая (в том числе В. Е. Рагозин) — оправдана.

Адвокаты предложили было осужденным подать кассационные жалобы, но те отказались, полагая, что «это только продлит и без того затянувшееся пребывание в тюрьме» и что надо скорее отправиться в ссылку, чтобы скорее же оттуда бежать. «Адвокаты понимают нас с полуслова», — заметил по этому поводу С. М. Розеноер⁴.

¹ Розеноер С. М. Что мы делали (1901–1906 гг.). М., 1933. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Речь Людмилы Громозовой. Женева, 1904. С. 2, 7. Л. К. Громозова в июне 1905 г. бежала из сибирской ссылки и приняла участие в трех русских революциях. Погибла 7 января 1927 г. в железнодорожной катастрофе.

⁴ Розеноер С. М. Указ. соч. С. 75.

Процесс
Егора
Созонова

Самым выдающимся по резонансу и значению из всех политических процессов в России не только 1904 г., но и, пожалуй, целого исторического периода с 1881 до 1905 г., после суда над первомайцами, стал процесс Егора Созонова.

После убийства Д. С. Сипягина пост министра внутренних дел занял В. К. фон Плеве — бывший директор департамента полиции, жандарм до мозга костей, который, по впечатлениям современников, «даже Господа Бога представлял себе не иначе, как в форме шефа всемирного корпуса жандармов»¹. Он взялся давить «крамолу» так же ретиво, как это делал Сипягин, провозгласив, что пойдет «по стопам своего предшественника». Орган эсеров «Революционная Россия» тут же адресовал Плеве роковое предостережение: «Пусть он не забывает, что это его желание может исполниться *до самого конца!*»²

Судный час для Плеве пробил утром 15 июля 1904 г.³, когда он ехал в бронированной карете с министерской дачи на Аптекарском острове в Петергоф к царю с еженедельным всеподданнейшим докладом. На пути министра были представлены четыре метальщика с бомбами: № 1 (Д. Ш. Борیشانский) должен был пропустить карету и закрыть ей обратный путь, № 3 (И. П. Каляев⁴) — бросить бомбу в случае неудачи № 2, а № 4 (С. В. Сикорский) — в крайнем случае, т. е. если бы Плеве смог миновать и № 2 и № 3. Главная роль, честь первого нападения была доверена № 2-му. Это и был Е. С. Созонов. Он встретил карету министра в 9 час 46 мин. на углу Измайловского проспекта и Обводного канала и взорвал ее своей бомбой, причем сам был тяжело ранен и в бессознательном состоянии схвачен на месте покушения. Придя в себя, он произнес: «Да здравствует свобода!»

Казнь Плеве вызвала в стране и за рубежом еще больший резонанс, чем убийство двумя годами ранее Сипягина. «Стро-

---

¹ Мандельштам М. Л. Указ соч. С. 121–122.

² Памяти С. В. Балмашева. Сборник. Женева, 1902. С. 22–23.

³ Подробно см.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. Харьков, 1928. Гл. 1. «Убийство Плеве» (С. 13–85).

⁴ Иван Платонович Каляев через семь месяцев в московском Кремле привел в исполнение смертный приговор эсеров великому князю Сергею Александровичу и сам будет казнен по приговору ОППС 10 мая 1905 г.

го Господь посещает нас своим гневом,— записал в дневнике 15 июля 1904 г. Николай II.— В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг!»¹ Правящие верхи и официозная пресса оплакивали Плеве как «истинного гиганта» с «ясною мыслью, глубоким умом, железною волей и золотым сердцем»². Но передовая общественность — и русская, и зарубежная,— при всем ее неприятии террора, «белого» или «красного», готова была приветствовать террористический акт Созонова именно как отпор насилию со стороны деспотического государства, которое тогда олицетворял собою даже не столько Николай II, сколько его «преданный и полезный слуга» Плеве. Писатель Леонид Андреев так вспоминал о том времени: «Смерть Чехова, тяжелая, бессмысленная, пригнетающая, точно увеличивающая и кончающая собою старую Русь, растущая духота, в которой дышать нечем, почти отчаяние,— и трижды благословенный громовой удар Созонова»³. А в далекой Америке классик мировой литературы Джек Лондон назвал дни казни Сипягина и Плеве «праздничными днями в революционном календаре» «для всех социалистов мира»⁴. Понятно, почему судебный процесс Созонова привлек к себе общее внимание.

Процесс шел один день — 30 ноября 1904 г.— в Петербургской судебной палате при закрытых дверях: «в зал заседания публике проникнуть было невозможно»; даже родственники подсудимых не были допущены⁵. Информация о ходе суда (исходившая, по всей видимости, от защитников) печаталась только в нелегальных и зарубежных изданиях. Председательствовал на процессе все тот же И. К. Максимович, которого, по слухам, «сам царь назвал Скобелевым русского правосудия»⁶. Прокурором был Ф. С. Кукуранов.

Защиту Созонова взял на себя Н. П. Карабчевский, о чем заранее сообщили газеты. В архиве Карабчевского сохрани-

¹ ГАРФ Ф 601 Оп. 1. Д 247 Л 146

² Памяти В. К. Плеве СПб, 1904 С 61, 66.

³ Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 402

⁴ Лондон Д. Революция // Собр. соч. В 13 т. М., 1976. Т. 5 С. 410.

⁵ Хроника // Юрист. 1904. № 49 С. 1792.

⁶ Розенберг С. М. Указ. соч. С. 69

лось письмо к нему от 23 ноября 1904 г. за подписью «Голос из провинции», которое засвидетельствовало враждебное отношение верноподданных обывателей к этому шагу знаменитого адвоката. «Милостивый государь! — говорилось в письме. — Пишу Вам от лица многих русских женщин, разделяющих мой взгляд и убеждения. В газетах прочла я, что Вы взялись защищать убийцу так безвременно погибшего, уважаемого и так нужного России в это смутное время министра Плеве. Неужели это не позорно для такого громкого и известного имени, как Ваше? <...> Ваша защитительная речь будет блистать перлами красноречия, но какая мысль будет выражена этими перлами? Что придумаете Вы в его оправдание?!!»¹

Вместе с Созоновым был схвачен и предан суду 20-летний рабочий-эсер С. В. Сикорский. Его защищал М. Г. Казаринов.

Разумеется, центральной фигурой процесса был Егор Сергеевич Созонов. Ему шел тогда 26-й год. Сын купца-лесоторговца, выросший, по его словам, в «семье монархической и религиозно настроенной», он, как и С. В. Балмашев, «не был ни социалистом, ни революционером», но его «сделало таковым правительство»². Признав себя членом партии социалистов-революционеров, Созонов подчеркнул, что «идеал партии, по существу, мирный» («все будут равны, будут братья...»), а «насилие ее является рефлексорным актом на насилие правительства: она берется за оружие только тогда, когда другие приемы исчерпаны», причем «в виде возмездия за известные поступки того или иного “господина”, а не в виде борьбы с целым режимом, иначе задачи партии были бы иными — иначе уничтожили бы царя». «Бросая бомбу, — говорил о себе Созонов, — я не думал, что поражу образ правления, а действовал против определенной личности. Я убил Плеве за то, что он прибегал к насилию. Партия приговорила его к смерти за то, что он в бытность директором департамента полиции задушил партию “Народная воля”; за то, что,

---

¹ ГАРФ. Ф. 827. Д. 223. Л. 120–121.

² Объяснения и последнее слово Е. С. Созонова на суде цит. по: Убийство трех министров. СПб., 1906. С. 39–47.

став министром внутренних дел, он заливал кровью Русскую землю, приказывая расстреливать рабочих и не наказывая губернаторов, так поступавших; за то, что он подвергал личность русского гражданина и членов партии величайшим унижениям...» (Здесь председатель остановил подсудимого.)

Н. П. Карабчевский, при всей умеренности его взглядов, очень симпатизировал Созонову как личности. «Молодой, со светлым, приветливым лицом, он был весь искалеченный, весь израненный,— вспоминал адвокат о своем подзащитном три года спустя.— Такою же израненною казалась и его душа, светившаяся в добрых глазах <...> Вообще, он производил необыкновенно симпатичное впечатление»¹. «В течение продолжительных одиночных свиданий,— читаем в более поздних воспоминаниях Карабчевского о Созонове,— я полюбил его искренне, да его и нельзя было не полюбить <...> Из всех “убийц”, которых мне приходилось защищать, я Созонова исключительно выделяю. Сопоставляя личности жертвы и убийцы, я отказываюсь даже формулировать его деяние как убийство»².

Это сопоставление пронизывает всю защитительную речь Карабчевского по делу Созонова, но сопоставление — не бесхитростно лобовое, а опосредствованное и притом капитально юридически и политически мотивированное. Карабчевский заметил юридическую недостаточность предъявленного Созонову (по ст. 100 и 102 Уголовного уложения 1904 г.) обвинения в принадлежности к партии, посягающей на «немедленный насильственный государственный переворот». Он показал, что такого посягательства нет ни в программе, ни в деятельности партии эсеров, ибо программа ее строится «вокруг идеи пересоздания всего социального строя» в неопределенно далеком будущем, а что касается ее практики, то инкриминируемые ей «отдельные убийства должностных лиц» (Н. П. Боголепова, Д. С. Сипягина, В. К. Плеве и др.) «вовсе не посягают на основной государственный строй, <...> не посягают, стало быть, и на самодержавие <...> Убийство

---

¹ Карабчевский Н. П. Около правосудия. С. 205.

² Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 44.

министра не есть посягательство на государственный переворот. Убили одного, за этим следует и ожидается не республика, и даже не конституция, а назначение другого той же высочайшей властью»¹.

«Возьмем хотя бы такой пример,— пояснял свою мысль Карабчевский на примере Плеве.— Убивают министра, которого не успели предать суду за его вопиющие злоупотребления. От устранения подобного министра разве расшатывается государственный строй, разве присigrывает самодержавие? Оно само от этого только выигрывает. В данном случае не более как случайность, что министр фон Плеве убит именно социалистом-революционером. Его мог убить и любой фанатик при той политически удушливой атмосфере, в которой жило все русское общество, нимало еще не желая посягать этим убийством на самодержавие.

Председатель (*перебивая*). Вы не должны касаться этого!»

Несмотря на жесткий прессинг со стороны председательствующего (который семь раз прерывал оратора, угрожая «лишить слова» и даже «удалить» его из зала), Карабчевский сумел защитить величие и чистоту идеалов как самого Созонова, так и его партии. «Учение социалистов далеко не ново,— говорил он.— Если подчас нашему нравственному чувству могли бы претить средства, к которым вынуждается партия, то цели ее остаются чистыми. Кто бы не пожелал осуществления желаемого рая на грешной земле, кто бы не примкнул к подобному идеалу, если бы его можно было осуществить сейчас же, одним братским любовным лобзанием!.. Не оттого ли нас так волнуют слова “равенство, свобода, братство”, что в них властно чувствуется призыв к этому общему, еще далекому от нас, но всегда желанному и, я верю, возможному счастью...

Председатель Прошу это оставить! Обратитесь к делу!»

Карабчевский оставляет партию и обращается к личности подсудимого: «При суждениях о т. н. “идейных” убийствах,

---

¹ Речь Карабчевского в защиту Созонова цит по Карабчевский Н П Речь (1882–1914) 3 е изд Пг, М, 1916 С 483–498

чуждых своекорыстных мотивов, всегда нужен совокупный анализ как внутреннего мира самой личности, совершившей кровавый акт, так и всех внешних условий того, другого мира, который окружал этот акт, давал ему пищу, был, так сказать, его атмосферой. Не во всякое время и не при всяких условиях такие личности, как Созонов, обогащают свои руки в крови или хватаются за бомбы». В России же, по убеждению Карабчевского, условия тоталитарного режима «фабрикуют» «политических преступников» постоянно: «Так повелось у нас уже с Веры Засулич. Всегда одна и та же история. Истерзанные нравственно и физически “нелегальной” жизнью, с нервами, расшатанными вечными “дознаниями”, обысками и преследованиями за свои убеждения, они, наконец, уходят в лагерь “активных” революционеров и отдают свою молодую жизнь на заклятие в виде очистительной жертвы за произвол властей, инертность общества и...

Председатель. Мы не расследовали этого. Я вам запрещаю!

Карабчевский. Факты налицо».

Назвав конкретные примеры юридически неоправданных преследований Созонова (аресты и ссылки в 1901 и 1903 гг. за участие в студенческих волнениях), Карабчевский подошел к выводу о том, что Созонов был движим не чувством мести лично Плеве, а идеей самопожертвования ради общего блага: «Отнимая у другого человека жизнь — жизнь, которую он считал опасною и губительною для родины...

Председатель. Прошу не употреблять таких выражений!

Карабчевский. Он охотно отдавал за нее и свою молодую, полную сил жизнь, как плату за свою отважную решимость. Какую еще более дорогую плату он мог бы предложить для засвидетельствования всей искренности и всего бескорыстия побудивших его мотивов?»

Главное же, как это подчеркнул Карабчевский, Созонов решился на самопожертвование под воздействием «объективных условий»: «После убийства министра Сипягина вакантное место занял Плеве. Балмашев был повешен. В обществе воцарилось кажущееся спокойствие и гробовое молча-

ние. Печать — единственная выразительница общественного настроения — или подневольно молчала, или заискивала у всеисильного министра и раболепствовала перед ним...

Председатель. Я лишу вас слова, если вы еще раз позволите себе подобные выражения!

Карабчевский. Печать, к сожалению, безмолвствовала.

Председатель. Я же остановил вас!

Карабчевский. Вы остановили меня, но не остановили моей мысли, и она продолжает работать. Я должен дать ей выход...»

Выдержав паузу, Карабчевский закончил речь впечатляющей атакой на карательную политику Плеве и всего царского режима: «Он (Плеве.— Н. Т.) настоял на повешении Балмашева, он заточил в тюрьму и послал в ссылку тысячи невинных людей, он сек и расстреливал крестьян и рабочих, он глумился над интеллигенцией, сооружал массовые избиения евреев в Кишиневе и Гомеле, он задушил Финляндию, теснил поляков, он влиял на то, чтобы разгорелась наша ужасная война с Японией, в которой уже столько пролито и еще столько прольется русской крови... Созонову казалось, что это — чудовище, которое может быть устранено только другим чудовищем — смертью И, принимая трепетными руками бомбу, предназначенную для Плеве, он верил, свято верил в то, что она начинена не столько динамитом, сколько слезами, горем и бедствиями народа. И когда рвались и разлетались в стороны ее осколки, ему чудилось, что это звенят и разбиваются цепи, которыми опутан русский народ ..

Председатель. Я запрещаю вам! Вы не подчиняетесь! Я принужден буду удалить вас!

Карабчевский. Так думал Созонов... Вот почему, когда он очнулся, он крикнул. “Да здравствует свобода!”»

Речь в защиту Созонова нагляднее всего иллюстрирует особенность Карабчевского как политического защитника, которую подметил его многолетний помощник Б. С. Утевский: «В его речах на политических процессах он настолько внутренне сживался с подсудимым, что начинал мыслить, как он, смотреть на все его глазами, иногда даже говорить его

словами»¹. «Созоновская» речь стала событием не только в жизни Карабчевского, но и в истории русской адвокатуры. После речи П. А. Александрова в защиту Веры Засулич ни одна из защитительных речей на политических процессах в России не производила столь сильное впечатление на современников, как речь Карабчевского по делу Созонова. Хотя до 1916 г., когда текст ее появился в 3-м издании «Речей» Карабчевского, цензура числила «созоновскую» речь в категории запретных, широкие общественные круги все равно знакомились с ней по нелегальным и зарубежным изданиям, спискам и устным рассказам, а в 1911 г., к 60-летию Карабчевского, его помощники осуществили подарочное издание этой речи тиражом... в 1 экземпляр.

«Единственный экземпляр,— вспоминал об этом Б. С. Утевский,— был издан с исключительной роскошью и художественным вкусом, благодаря взявшему на себя художественное оформление книги прекрасному графику Георгию Нарбуту. Книга печаталась в лучшей русской типографии Голике и Вильборга на пергаменте. Сафьяновый переплет был сделан по эскизу Нарбута. Все заглавные буквы, виньетки, форзац были от руки сделаны тушью самим Нарбутом. Цензура не разрешала печатать эту речь Карабчевского, но так как издавался один экземпляр, мы договорились с цензором. Карабчевский был рад этой книге. Он хранил ее в своем письменном столе.

Когда в 1921 г.,— продолжал Утевский,— я приехал с Украины в Петербург, то сделал попытку разыскать архив Карабчевского и эту книгу <...> В особняке Карабчевского помещался госпиталь. Отыскал коменданта <...> О Карабчевском он никогда не слышал. Никакого имущества Карабчевского не оказалось. Не нашел я и речи по делу Созонова. Судьба ее осталась неизвестной. Может быть, она стоит на полке в чьем-либо книжном шкафу. Может быть <...> В одном убежден: вряд ли она уничтожена, слишком она была хороша»².

---

¹ Утевский Б. С. Воспоминания юриста. С. 151–152.

² Там же. С. 154–155. Обширный архив Н. П. Карабчевского хранится в ГАРФ (Ф 827 1329 ед. хр.), но в нем нарбутовского издания нет. В монографии П. А. Белецкого «Георгий Иванович Нарбут» (Л., 1985. 238 с.) оно даже не упоминается.

Суд приговорил Егора Созонова к вечной каторге. По сравнению с тяжестью обвинения такой приговор был неожиданно мягким. Вновь, как и в деле Гершуни, сказалась здесь совокупность и объективных, и субъективных обстоятельств, включая, конечно же, защиту Карабчевского. но, думается, главным образом воздействовала на судей та «эпоха доверия», которую декларировал преемник Плеве кн. П. Д. Святополк-Мирский, посчитавший за лучшее хотя бы временно «не волновать общество смертными казнями»¹.

Другой подсудимый — Симон Сикорский — получил 20 лет каторги. Его защитник М. Г. Казаринов не потерялся даже рядом с блистательным Карабчевским. Речь Казаринова в защиту Сикорского², как и «созоновская» речь Карабчевского, юридически строилась на недоказанности обвинения по ст. 100 и 102, а политически и нравственно оправдывала обоих подсудимых как «борцов за идею». «Не страшен приговор, хотя бы и смертный,— заявил Казаринов,— для того, кто решил принести себя в жертву идее. Не убьет никакой приговор и идею. Идея, что гвоздь — тем глубже внедряется, чем сильнее ее бить».

Процесс Е. С. Созонова фактически завершил собою³ тот (можно назвать его предреволюционным) период в истории политических процессов, который начался в 1901 г. и продолжался до 1905 г. То было время назревания революционного кризиса в стране. Царизм, не желая идти на уступки освободительному движению и не проявляя должной гибкости в своей внутренней политике, пытался пресечь крамолу наращиванием карательных мер, правовой основой которых оставалось Положение об охране 1881 г., т. е. законодательство *чрезвычайное*. В таких условиях на политических процессах обычно судьи были предвзятыми, прокуроры — жестокими, обвинения — утрированными; тенденциозно подбирались и обрабатывались свидетели, домысливались и подтасовыва-

---

¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 85.

² См. ее текст: Казаринов М. Г. Речи. СПб., 1913. С. 19–28.

³ В оставшийся месяц 1904 г. продолжались лишь рядовые по масштабам и значимости процессы.

лись доказательства, процессуально ущемлялись адвокаты и особенно подсудимые, но все это делалось, тем не менее, в русле существующей законности — с выходом в ряде случаев за ее «берега», но все-таки внутри, а не вне ее. Поэтому адвокатура, несмотря на чинимые ей препятствия, могла сообразно с той же законностью противоборствовать обвинению, опровергать его юридически и разоблачать политически, защищать от инсинуаций правду об идеях и делах борцов против самодержавия и просто добиваться облегчения участи своих подзащитных — иногда даже в ситуациях, казавшихся безнадежными. Показательно, что за все 108 процессов 1903–1904 гг. (восемь из них прошли в военных судах) царские суды вынесли только семь смертных приговоров¹ и ни один из них не был приведен в исполнение. Кровавый террор 1905–1909 гг. оставался еще уделом будущего, теперь — уже недалекого.

---

¹ А. Я. Браиловскому, Д. С. Колоскову, А. А. Куксину (1903 г.), Г. А. Гершуни, М. М. Мельникову, Е. К. Григорьеву, К. Б. Гукасяну (1904 г.)

Заключение

В 1874 г. П. Л. Лавров так наставлял социалистов, вынужденных предстать перед царским судом: «Откажитесь от защитника, который не решится защищать ваши убеждения, если не как правильные, то, по крайней мере, как неизбежные. Откажитесь от защитника, который не возьмет на себя обязанность не говорить ни слова, ни одного слова, унижающего вашу программу, вашу личность. Если таких нет,— а может быть, таких вы не найдете,— то защищайтесь сами»¹. Эти правила и определяли отношение русских революционеров к услугам адвокатов как в 70–80-е, так и в последующие годы. Спустя 30 лет В. И. Ленин давал арестованным большевикам подобный же наказ: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самомалейшее неприличие или политический оппортунизм (говорить о неразвитости, о неверности социализма, об увлечении, об отрицании социал-демократами насилия, о мирном характере их учения и движения и т. д. или хоть что-либо подобное), то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо»².

В 70–80-х годах состав, права и воззрения присяжных поверенных были таковы, что революционеры использовали их

---

¹ Вперед! Лондон, 1874. Т. 3. С. 229.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 171. Здесь же Владимир Ильич оговаривается: «Конечно, все это можно изложить адвокату не по-собакевически, а мягко, уступчиво, гибко и осмотрительно».

услуги с большой выгодой для себя и в ущерб правительству. Во-первых, и это главное, в то время, когда царизм уступал силе демократического натиска, которым руководила разночинская, т. е. буржуазно-демократическая интеллигенция, адвокаты были увлечены идеями борьбы против царизма и остатков крепостничества за буржуазное преобразование России, поддерживали революционеров, хотя и ворчали на «крайности» их теории (социализм) и практики (террор); словом, выполняли роль попутчиков освободительного движения. Иной стала адвокатура и по составу и особенно по убеждениям в конце XIX — начале XX вв., когда, с одной стороны, царизм обкорнал Судебные уставы 1864 г. и, в частности, жестко стеснил права сословия присяжных поверенных, ограничив таким образом приток талантов в адвокатуру, а с другой стороны, в освободительном движении на роль гегемона выдвинулся пролетариат, угрожавший не только господству царизма, но и благополучию буржуазии, плоть от плоти которой были адвокаты. Многие из них круто повернули вправо. Поэтому В. И. Ленин и называл их «интеллигентской сволочью» и так строго наказывал большевикам брать адвокатов «в ежовые рукавицы».

Впрочем, снижение идейного и нравственного уровня адвокатуры, заметное с конца XIX в., на *политических* процессах 1901–1904 гг. отразилось меньше всего. Ведь в политических делах защитниками выступали тогда почти исключительно члены созданных ради этого кружков политзащиты (Н. Д. Соколова — А. С. Зарудного в Петербурге, Н. К. Муравьева, П. Н. Малянтовича и др. в Москве, Л. А. Куперника и М. Б. Ратнера в Киеве и т. д.), которые и в идейном, и в нравственном отношении не уступали корифеям старой адвокатуры. Были, конечно, среди адвокатов, выступавших на политических процессах 1901–1904 гг., и злопыхатели социализма (достаточно вспомнить выступление А. В. Бобрисцева-Пушкина по делу Г. А. Гершуни), и даже махровые реакционеры, вроде антисемитов А. С. Шмакова или Д. А. Погожева, но — как исключения из правила.

Такие же исключения встречались и в славные для русской адвокатуры 1870–1880-е годы, хотя столь одиозных фигур,

как Шмаков, среди политических защитников того времени не было. Мы видели, как тот или иной из присяжных поверенных (Ф. Ф. Коврайский, В. А. Бенземан, К. Я. Шнеур), не говоря уже о кандидатах на военно-судебные должности, строил защиту без должного уважения к воззрениям подсудимых, вступая в конфликт с правилами народнической этики. Из благих побуждений, но — к недовольству подсудимых, умалял возможности и силы освободительного движения «король адвокатуры» В. Д. Спасович.

И все-таки примеров невыгодной для демократического лагеря защиты на политических процессах и в 1860–1890-х, и в 1901–1904 гг. было немного. В целом адвокатура тогда приносила борцам против самодержавия большую пользу. Дело даже не столько в том, что ей удавалось добиваться сравнительно мягких, а то и вовсе оправдательных приговоров (как на процессах Веры Засулич и морозовских стачечников), иногда даже спасать своих подзащитных (Г. А. Гершуни, Е. С. Созонова) от виселицы. Главное, адвокатура всем своим поведением и юридически и политически содействовала русскому освободительному движению.

Прежде всего на каждом политическом процессе адвокаты обеспечивали *максимально* возможную в рамках существующей законности правовую защиту взглядов, поступков и самой личности обвиняемого от предвзятости и беззакония, руководствуясь той извечной истиной, которую Жюль Фавр (одно из ярчайших светил европейской адвокатуры) сформулировал так: «Мы стоим столько, сколько стоит право, которое мы защищаем»¹. Далее они ставили каждое конкретное государственное преступление в связь с потребностями и всем ходом политического развития страны как закономерное звено в цепи современного исторического процесса. «Такая идея защиты, будучи верной исторически, — заключал выдающийся российский юрист (с 1900 г. адвокат) Н. Н. Полянский, — была вместе с тем и с защитной точки зрения вполне целесообразной, ибо фигуры обвиняемых, являвшиеся в изображении обвинителей первопричиной события, от

---

¹ Фавр Ж Адвокатские идеалы. М., 1880. С. 15

доброй или злой воли которых зависело быть или не быть преступлению, представлялись лишь тем человеческим материалом, через который проявлялись эти объективные, стихийные, почти фатально движущие силы русской истории»¹.

При этом адвокатура очищала идеалы и самые личности подсудимых от клеветы обвинения, возвышала их политический авторитет, временами прямо солидаризировалась с ними как в идейном, так и в нравственном отношении. Будучи в большинстве своем принципиальными противниками революционных катаклизмов, адвокаты еще решительнее отвергали самодержавный деспотизм и всеми своими действиями по защите прав человека объективно поддерживали освободительное движение. Н. П. Карабчевский имел все основания заявить 16 мая 1917 г. от имени корифеев российской адвокатуры: «Мы были всюду, куда нас звал сословный долг к защите права и справедливости. С Брешковской, Перовской, Засулич, Гершуни, Созоновым и всеми передовыми борцами и мучениками за свободу <...> мы стояли бок о бок, защищая их своей грудью. Мы смело боролись за их участь, за их судьбу свободным словом»².

Мы видели, что адвокаты 1870–1880-х годов в искусстве политической защиты по меньшей мере не уступали «молодой адвокатуре» начала XX в. Н. Н. Полянский, безусловно, ошибался, полагая, что политическая в точном смысле этого слова защита «появилась как спутник быстро нараставшего политического движения» к 1905 г., а до тех пор «только формировались» ее кадры и «лишь вырабатывались» приемы, «совсем отсутствовала или занимала весьма скромное место» юридическая аргументация и, в особенности, критика социальных условий³.

¹ Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958 С. 221

² Право 1917 № 16 С. 900–902 «Можно подумать, что Карабчевский и его коллеги чуть ли не сами стояли перед лицом царского суда в качестве обвиняемых», — иронизирует над этим заявлением Карабчевского Е. А. Скрипнилев (Труды Иркутского ун-та 1971 Т. 45 Сер. юрид. Вып. 8 Ч. I С. 43) Читатели моей книги могут сами рассудить, насколько уместна эта ирония

³ Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 219–220, 224

Велика была роль адвокатов в популяризации политических процессов. «Приезд видного политического адвоката в провинцию составлял событие,— читаем в записках М. Л. Мандельштама.— Около него сейчас же группировались оппозиционные и революционные круги, его окружали вниманием, часто устраивались особые чествования, банкеты. И как мы, так и местное общество пользовались этими чествованиями, банкетами для пропаганды. Мы реферировали наиболее интересовавшие наших слушателей процессы того времени, мы рассказывали о настроениях в других местах обширной империи, рассказывали, что происходит в партиях, в общественных организациях, произносили агитационные речи <...> Одним словом, мы были разъездными пропагандистами, если можно так выразиться, “коммивояжерами от революции”»¹.

Начиная с процесса нечаевцев 1871 г., где народники впервые использовали скамью подсудимых для обвинения того режима, именем которого их судили, политические процессы в России становились все чаще актами антиправительственной борьбы, представляя собой в совокупности как бы второй фронт освободительного движения. Разумеется, прежде всего и больше всего общественная, пропагандистская, агитационная роль процессов определялась поведением подсудимых — их убежденностью, бесстрашием, самопожертвованием, их программными речами (такими, как речи Петра Алексеева и Софьи Бардиной на процессе «50-ти», Ипполита Мышкина на процессе «193-х», Андрея Желябова на суде по делу 1 марта 1881 г., Петра Заломова на процессе сормовских демонстрантов 1902 г.). Но, кроме того, реакция общества на политические процессы во многом зависела и от поведения защиты, которая весьма кстати для подсудимых изобиловала талантами. Если такие классики судебного красноречия, как В. Д. Спасович и Ф. Н. Плевако, Д. В. Стасов и П. А. Александров, А. И. Урусов и Н. П. Карабчевский, С. А. Андреевский и В. Н. Герард, А. С. Зарудный и Н. К. Муравьев, на одном, другом, пятом, десятом и следующих процессах вкладывали всю

---

¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. М., 1931. С. 47.

силу своего дарования и все краски своей ораторской палитры в изобличение произвола и жестокости царского суда, с одной стороны, и в моральное возвеличение подсудимых — с другой, поднимаясь до обвинения правительства и оправдания «государственных преступников», то впечатление от процессов росло как снежный ком в самых широких слоях общества, и притом впечатление, выгодное для демократии. Мало того, что адвокаты вели подкоп под авторитет самодержавной власти, мало того, что они будили сочувствие и симпатии к борцам за свободу даже в кругах политически равнодушных, а то и предубежденных против «крамолы», — они тем самым, и не желая этого, приобщали к демократической идеологии новых adeptов, вовлекали в освободительное движение новых борцов¹. Словом, российская адвокатура тоже вплетала лавры в тот, по выражению народовольца А. Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец»², который доставили освободительному движению политические процессы 1866–1904 гг.

---

¹ «Адвокатура затронула многие, молчавшие до того струны», — обеспокоенно доносил М. Т. Лорис-Меликов Александру II 11 апреля 1880 г. (Былое. 1918. № 4–5. С. 157). Характерный пример приводил попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков. В 1878 г. 16-летний сын крупного саратовского помещика «прислал к отцу из Петербурга письмо такого приблизительно содержания: „Батюшка! <...> Был я на политическом процессе, слушал там речи адвокатов. О, какой новый свет они излили на меня, как много я узнал! Да, батюшка, я узнал так много, что с удовольствием сел бы на скамью подсудимых, с наслаждением принял бы участие в их деле”» (Русская старина. 1897. № 1. С. 114).

² Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 260.

Фамилия, имя, отчество ¹	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность ²
1. Александров Александр Михайлович	1868		К.-д.
2. Александров Петр Акимович	1836	5.2.1876	—
3. Андреевский Сергей Аркадьевич	29.12.1847	28.9.1878	—
4. Андроников (Андроникашвили) Луарсаб Николаевич	14.2.1872	18.10.1899	
5. Анисимов Сергей Сергеевич	1876	1903	
6. Арсеньев Константин Константинович	24.1.1837	3.4.1866	К.-д., Партия дем. реформ
7. Бардовский Григорий Васильевич	1848	6.7.1874	—
8. Барт-Лопатин Бруно Германович	6.2.1877	27.4.1902	

¹ В таблице суммированы данные о 80 корифеях российской адвокатуры, которым посвящены специальные главы (Ч. I. Гл. 2–3). Все даты жизни до 1 февраля 1918 г. указаны по ст. стилю.

² По данным за 1901–1917 гг

на политических процессах 1866–1904 гг.

Участие в политических процессах	Судьба
73-х рабочих Екатеринослава (1.1900); мариупольских рабочих (17–22.1.1901); саратовских демонстрантов (4–7.11.1902); тихорецких рабочих (5–8.3.1903); рабочих г. Керчи (13.6.1904); 54-х рабочих Екатеринослава (2–8.11.1904)	Ум. после 1932 в СССР
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878); В. И. Засулич (31.3.1878); Сарры Модебадзе (5–12.3.1879); «20-ти» (9–15.2.1882); Е. А. Дубровина и др. (1–3.12.1882); «17-ти» (28.3–5.4.1883)	Ум. 11.3.1893 в СПб.
«17-ти» (28.3–5.4.1883); «21-го» (26.5–5.6.1887); С. М. Гинсбург и др. (30.10.1890); о беспорядках в г. Крожи (20–29.9.1894)	Ум. 9.11.1918 в Петрограде
Крестьян д. Хованщина Саратовской губ. (18.12.1902); Батумский (6–8.3.1903); ростовских демонстрантов (14–23.8.1903); рабочих ст. Михайлово (9.11.1903)	Ум. 19.12.1939 в Тбилиси
Об агр. беспорядках в Курской губ. (10.1903)	Ум. в 1948 в СССР
А. С. Суворина (18.8.1866); А. Н. Пыпина — Ю. Г. Жуковского (25.8.1866); Ф. Ф. Павленкова (15.6.1868); политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871)	Ум. 22.3.1919 в Петрограде
В. М. Дьякова — А. И. Сирякова (16–17.7.1875); о Казанской демонстрации (18–25.1.1877); «50-ти» (21.2–14.3.1877); С. И. Сергеева и др. (8–10.6.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); Ф. С. Коновалова (13.6.1878); И. М. Ковальского и др. (19–24.7.1878)	Ум. 8.9.1907 в СПб.
Об агр. беспорядках в Полтавской губ. (2–12.10.1902); златоустовских рабочих (23.1.1904); Г. А. Гершуни (18–25.2.1904); Е. В. Аничкова — А. В. Тырковой (28.4.1904)	Расстрелян 18.6.1938 в Ленинграде

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
9. Беренштам Владимир Вильямович	30.12.1870	6.6.1896	—
10. Бобрищев-Пушкин Владимир Михайлович			
11. Боровиковский Александр Львович	14.11.1844	1868	—
12. Буймистров Владимир Степанович		28.2.1867	
13. Винавер Максим Моисеевич	5.1862	30.9.1886	К.-д.
14. Волькенштейн Федор Акимович		4.11.1900	
15. Гаевский Виктор Павлович	22.1.1826	4.4.1866	—
16. Герард Владимир Николаевич	26.9.1839	16.3.1868	—
17. Герке Август Антонович	11.11.1841	20.12.1868	—

Участие в политических процессах	Судьба
О демонстрации в Малом театре (14.12.1900); об агр. беспорядках в Харьковской губ. (16.10.1902); Якутский (30.7–8.8.1904); Красноярской орг-ции РСДРП (18.9.1904)	Ум. в 1920
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	Ум. после 1916
В. М. Дьякова — А. И. Сирякова (16–17.7.1875); «50-ти» (21.2–14.3.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	Ум. 27.11.1905 в СПб.
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); долгушинцев (9–15.7.1874); о Казанской демонстрации (18–25.1.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); «20-ти» (9–15.2.1882)	
О Гомельском погроме (11.10.1904–29.1.1905)	Ум. 10.10.1926 в Ментоне
Участников Обуховской обороны (24–28.9.1901); об агр. беспорядках в Харьковской губ. (18.9.1902); саратовских демонстрантов (4–7.11.1902); алапаевских рабочих (28.2.1903); тихорецких рабочих (5–8.3.1903)	Ум. после 1935 в СССР
Ишутинцев (18.8–24.9.1866); долгушинцев (9–15.7.1874); А. П. Альбова (7.12.1876)	Ум. 2.3.1888 в СПб.
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); Е. С. Семяновского и др. (26–27.10.1876); «50-ти» (21.2–14.3.1877); М. Е. Державина и др. (23.4.1877); С. И. Сергеева и др. (8–10.6.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); 1 марта 1881 г. (26–29.3.1881); К. И. Мравинского и др. (25–29.11.1881); «20-ти» (9–15.2.1882); «18-ти» (13–18.10.1887); С. М. Гинсбург и др. (30.10.1890)	Ум. 7.12.1903 в СПб.
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); долгушинцев (9–15.7.1874); В. М. Ионова — В. П. Павлова (6.6.1877); 1 марта 1881 (26–29.3.1881); 1 марта 1887 (15–19.4.1887)	Ум. 27.2.1902 в СПб.

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
18. Гольденвейзер Александр Соломонович	14.2.1855	1877	—
19. Гольдштейн Моисей Леонтьевич	1868	1893	
20. Гонтарев Григорий Григорьевич	1879		
21. Громницкий Михаил Федорович	1833	16.6.1874	—
22. Грузенберг Оскар Осипович	1866	1889	—
23. Демьянов Александр Алексеевич	1866	15.1.1899	С.-р., п.-с.
24. Жданов Владимир Анатольевич	1.6.1869		РСДРП
25. Жуковский Владимир Иванович	14.2.1838	22.8.1878	—
26. Зарудный Александр Сергеевич	19.8.1863	27.9.1902	Н.-с.
27. Иогансен Александр Александрович	1871	1902	

Участие в политических процессах	Судьба
В. Е. Малавского и др. (6–8.7.1879); А. И. Богдановича и др. (8–13.8.1883); «12-ти» (1–9.11.1884)	Ум. 24.5.1915 в Киеве
О Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); Эд. Звиргздыня (25.10.1904)	Самоуб. после 1929 в Париже (?)
Об агр. беспорядках в Харьковской губ. (15–20.9.1902); ростовских демонстрантов (14–23.8.1903); рабочих г. Керчи (13.6.1904); 54-х рабочих Екатеринослава (2–8.11.1904); о беспорядках на Днепровском з-де (11.1904)	Ум. в 1917
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	Ум. в 1907 (?)
Максвелльский (29–31.3.1899); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); рабочих ст. Михайлово (9.11.1903)	Ум. 27.12.1940 в Ницце
Борковский (14–16.2.1900); А. Ф. Козлова — А. А. Мякотиной (1.12.1904); Л. А. Яковлева (1.12.1904)	Ум. в 1920
Об агр. беспорядках в Рязанской губ. (28.1.1904)	Ум. 4.6.1932 в СССР
О беспорядках в г. Крожи (20–29.9.1894)	Ум. 5.2.1899 в СПб.
О демонстрации в Ковенском театре (23–24.10.1903); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); Л. Х. Драгунского и др. (24–26.1.1904); о типографии с.-р. (5.4.1904); Якутский (30.7–8.8.1904); Красноярской орг-ции РСДРП (18.9.1904); о принадлежности к Бунду (7.10.1904); о Гомельском погроме (11.10.1904–29.1.1905)	Ум. 30.11.1934 в Ленинграде
Батумский (6–8.3.1903); о демонстрации в Ковенском театре (23–24.10.1903); златоустовских рабочих (23.1.1904); о принадлежности к Бунду (7.10.1904); о распростр. прокламаций Бунда (8.11.1904)	Ум. после 1940 в Минске

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
28. Казаринов Михаил Григорьевич	1866	12.5.1889	
29. Кальманович Самуил Еремеевич	1862	1886	С.-р.
30. Карабчевский Николай Платонович	30.11.1851	12.1874	—
31. Карякин Гавриил Львович	1875		
32. Кедрин Евгений Иванович	1851	20.9.1872	К.-д.
33. Коломнин Алексей Петрович	13.3.1848		—
34. Корш Евгений Валентинович	10.1851		—
35. Куликов Борис Павлович	1870		

Участие в политических процессах	Судьба
Е. С. Созонова (30.11.1904)	Ум. после 1923 в Париже (?)
Об агр. беспорядках в Полтавской губ. (10.10.1902); саратовских демонстрантов (4–7.11.1902); крестьян д. Хованщина Саратовской губ. (18.12.1902); о типографии «Искры» (3–4.11.1903); И. А. Качалова — А. П. Данилова (27.11.1903); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); А. В. Милашевского (29.4.1904); о Гомельском погроме (11.10.1904–29.1.1905)	Ум. после 1934 в СССР
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878); И. А. Глушко (3.5.1878); «17-ти» (28.3–5.4.1883); Мултанский (28.5–4.6.1896); Максвелльский (29–31.3.1899); Борковский (14–16.2.1900); о демонстрации в Малом театре (14.12.1900); алапаевских рабочих (28.2.1903); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); Г. А. Гершуни (18–25.2.1904); Е. В. Аничкова — А. В. Тырковой (28.4.1904); А. В. Милашевского (29.4.1904); Г. А. и А. И. Карпенко (16.6.1904); Е. С. Созонова (30.11.1904)	Ум. 6.12.1925 в Риме
Тихорецких рабочих (5–8.3.1903); ростовских демонстрантов (14–23.8.1903); о распространении прокламаций в Воронеже (21.8.1903); златоустовских рабочих (23.1.1904); о беспорядках на Чиатурских рудниках (20.3.1904)	Ум. после 1935 в СССР
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878); 1 марта 1881 г. (26–29.3.1881); «20-ти» (9–15.2.1882); О. И. Нагорного и др. (13–14.9.1882); «17-ти» (28.3–5.4.1883)	Ум. 4.5.1921 в Париже
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	Ум. 24.11.1900 в СПб.
«50-ти» (21.2–14.3.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); А. Н. Аверкиева — Н. А. Кузнецова (14.6.1878)	Ум. 16.3.1913 в СПб.
Об агр. беспорядках в Харьковской губ. (19–20.9.1902); рабочих г. Керчи (13.6.1904); 54-х рабочих Екатеринослава (2–8.11.1904)	Ум. в 1928

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг*

	Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
36	Куперник Лев Абрамович	30 9 1845	16.12 1872	
37	Ледницкий Александр Робертович	2 7.1866	1889	К -д
38	Леман Константин Павлович	10 1 1838		—
39	Леонтьев Владимир Феокистович			—
40	Линдфорс Александр Федорович	1836		—
41	Люстиг Вильгельм Осипович	1843	19 5 1871	Октябрист
42	Макалинский Павел Васильевич	27.6 1834	6 7 1874	—
43	Маклаков Василии Алексеевич	10.5.1869	1896	К -д.
44	Малянтович Павел Николаевич	1870	1898	РСДРП(м)

Участие в политических процессах	Судьба
Долгушинцев (9–15 7 1874), о Чигиринском заговоре (8–10 6 1879), В Е Малавского и др (6–8 7 1879), «12-ти» (1–9 11 1884), о Кишиневском погроме (6 11–7 12 1903), Мовши Цитрина и др (17 9 1904), о Гомельском погроме (11 10 1904–29 1 1905), о беспорядках на Днепровском з-де (11 1904)	Ум 29 9 1905 в Киеве
Об агр беспорядках в Рязанской губ (28 1 1904); рабочих 1 Керчи (13 6 1904)	Ум в 1934 в Варшаве (?)
К Я Лебедева (3 6 1877), «193-х» (18 10 1877–23.1 1878), И А 1лушко (3 5 1878)	Ум 19 2 1891 в СПб
«193-х» (18.10.1877–23.1 1878), «14-ти» (24–28.9.1884)	Ум 18 3.1910 в СПб
А И Богдановича и др (8–13 8 1883), «12-ти» (1–9 11 1884)	Ум в мае 1890
«50-ти» (21 2–14 3 1877), В М ИONOBA — В П Павлова (6 6 1877), «193-х» (18 10 1877–23 1 1878), «21-го» (26 5–5 6 1887), «18-ги» (13–18 10 1887), С В Балмашева (26 4 1902)	Ум 5 4.1915 в СПб.
«193-х» (18 10 1877–23 1 1878), «14-ти» (24–28 9 1884)	Ум 18 3.1899 в СПб
Морозовских рабочих (18–23 5 1899), 73-х рабочих Лкaтepинослaвa (1 1900), сормовских (28–29 10 1902) и нижегородских демонстрантов (30–31 10 1902), Е И Руднева и др (21 8 1903), 54-х рабочих Лкaтepинослaвa (2–8 11 1904), В П Мещерского (22 11 1904)	Ум 15 7.1957 в Бадене
Морозовских рабочих (18–23 5 1899), сормовских демонстрантов (28–29 10 1902), нижегородских демонстрантов (30–31 10 1902) тихорецких рабочих (5–8 3 1903), о беспорядках на ф ке Хлудовых (22 9 1903), Ш Я Коржа и др (25 9 1903), Вас Кишанова и др (28–29 10 1903), П П Крохалева (3 11 1904)	Расстрелян 22 1 1940 в Москве

Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
45. Мандельштам Михаил Львович	1866		К.-д.
46. Матросов Александр Наумович	7.6.1828	11.4.1866	—
47. Миронов Петр Гаврилович	10.1.1853	1876	—
48. Муравьев Николай Константинович	21.3.1870	1896	—
49. Никонов Алексей Андреевич	1865	13.12.1896	К.-д.
50. Ольхин Александр Александрович	13.10.1839	19.6.1869	—

Участие в политических процессах	Судьба
Н. И. Кочурихина — А. И. Архангельского (8.2.1892); саратовских демонстрантов (4–7.11.1902); ростовских демонстрантов (14–23.8.1903); о беспорядках на ф-ке Хлудовых (22.9.1903); о демонстрации в Ковенском театре (23–24.10.1903); златоустовских рабочих (23.1.1904); Г. А. Гершуни (18–25.2.1904); Е. В. Аничкова — А. В. Тырковой (28.4.1904); о Гомельском погроме (11.10.1904–29.1.1905)	Ум. 5.02.1939 в тюрьме НКВД
Долгушинцев (9–15.7.1874); Е. С. Семяновского и др. (26–27.10, 1876)	Ум. 15.4.1899 в СПб.
«21-го» (26.5–5.6.1887); С.М. Гинсбург и др. (30.10.1890); об агр. беспорядках в Полтавской губ. (14–15.10.1902); П. С. Дашевского (25.8.1903); СПб орг-ции РСДРП (20–22.9.1904); Вульфа Фридмана (25.10.1904)	Ум. 7.6.1905 в СПб.
Морозовских рабочих (18–23.5.1899); 73-х рабочих Екатеринослава (1.1900); мариупольских рабочих (17–22.1.1901); сормовских демонстрантов (28–29.10.1902); нижегородских демонстрантов (30–31.10.1902); Батумский (6–8.3.1903); о распростр. прокламаций в Воронеже (21.8.1903); о типографии «Искры» (3–4.11.1903); о беспорядках на Чиатурских рудниках (20.3.1904); о типографии с.-р. (5.4.1904); 54-х рабочих Екатеринослава (2–8.11.1904); К. Б. Гукасяна (3.12.1904)	Ум. 31.12.1936 в Москве
Саратовских демонстрантов (4–7.11.1902); крестьян д. Хованщина Саратовской губ. (18.12.1902); Г. Е. Дромина (11.11.1904); В. И. Мурзина (Субботкина) — И. Г. Долгова (11.11.1904)	Ум. 29.11.1924 в СССР
Нечаевцев (1.7–11.9.1871); В. М. Дьякова — А. И. Сирякова (16–17.7.1875); А. О. Осипова — Л. И. Иванова (Абраменкова) (26.5.1876); о Казанской демонстрации (18–25.1.1877); «50-ти» (21.2–14.3.1877); М. Е. Державина и др. (23.4.1877); Н. И. Кибальчича (1.5.1878); К. Я. Шамарина и др. (2.5.1878)	Ум. 22.11.1897 в СПб.

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

	Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
51	Пассовер Александр Яковлевич	1840	1871	—
52	Пергамент Осип Яковлевич	1868		
53	Переверзев Павел Николаевич	6.11 1871	26.4.1897	С.-р.
54	Плевако Федор Никифорович	13 4 1842	19 9 1870	Октябрист
55	Полянский Николай Николаевич	24 3 1878	1900	
56	Потехин Павел Антипович	16 3 1839	4.1.1867	—
57	Пржевальский Владимир Михайлович	6.7 1840	22 8 1870	—
58	Принц Густав Густавович	1823	17.4 1866	—
59	Рапп Евгений Иванович			РСДРП

Участие в политических процессах	Судьба
«193-х» (18 10 1877–23 1 1878), М В Морозова (3 5 1878), К И Мравинского и др (25–29 11 1881)	Ум 21 4 1910 в СПб
54-х рабочих Екатеринослава (2–8 11 1904), о беспоряд- ках на Днепровском з-де (11 1904), о распростр с-д. прокламаций (кон 1904)	Самоуб в 1909
А А Ергина (2 4 1902), об агр беспорядках в Харьков- ской губ (24 9 1902), Ш Я Коржа (25 9 1903), о Киши- невском погроме (6 11–7 12 1903), о распростр с-д из- дании (20 5 1904)	Ум в 1944
Охотнорядский (18 5 1878), Люторичский (17– 18 12 1880), Морозовский (23–27 5 1886), 73-х рабочих Екатеринослава (1 1900), рабочих Барановской ману- фактуры (5 1904), В П Мещерского (22 11 1904)	Ум 23 12 1908 в Москве
Вас. Киршанова и др (28–29 10 1903)	Ум 3 4 1961 в Москве
Нечаевцев (1 7–11 9 1871), М Е Державина и др (23 4 1877), Южнороссийского союза рабочих (23– 29 5 1877), С И Сергеева и др (8–10 6 1877), «193-х» (18 10 1877–23 1 1878), Максвелльский (29–31 3 1899)	Ум 10 1 1916 в Петрограде
Нечаевцев (1 7–11 9 1871)	Ум 25 1 1900 в Москве
Ишутинцев (18 8–24 9 1866), М П Малиновского (14 10 1874), И И Тефтула — М Д Терентьева (8 12 1876), 1 марта 1887 г (15–19 4 1887)	Ум в 1914(?)
Об агр беспорядках в Харьковской губ (21 9 1902), тихорецких рабочих (5–8 3 1903), ростовских демон- странтов (14–23 8 1903), 54-х рабочих Екатеринослава (2–8 11 1904)	Ум после 1932 в Париже

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
60. Ратнер Марк Борисович	1871		
61. Родичев Федор Измайлович	1856	6.6.1897	К.-д.
62. Самарский-Быхолец Владимир Васильевич	1837	17.4.1866	—
63. Сахаров Иван Николаевич	9.10.1860	1884	К.-д.
64. Соколов Николай Дмитриевич	6.6.1870	16.2.1898	РСДРП(м)
65. Соколов Сергей Семенович	22.9.1832		
66. Соколовский Николай Михайлович	1835	7.12.1868	
67. Спасович Владимир Данилович	16.1.1829	31.5.1866	—

Участие в политических процессах	Судьба
Ростовских демонстрантов (14–23.8.1903); о типографии «Искры» (3–4.11.1903); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); Л. Х. Драгунского и др. (24–26.1.1904); о типографии с.-р. (5.4.1904); о Гомельском погроме (11.10.1904–29.1.1905)	Ум. в 1917
Максвелльский (29–31.3.1899); С.-Петербургской организации РСДРП (20–22.9.1904)	Ум. в 1933
Ишутинцев (18.8–24.9.1866); А. А. Бутовской (22.9.1876); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	Ум. 26.2.1902 в СПб.
Саратовских демонстрантов (4–7.11.1902); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903)	Ум. 5.12.1918 в Харькове
Об агр. беспорядках в Полтавской губ. (16.10.1902); крестьян д. Хованщина Саратовской губ. (18.12.1902); о типографии «Искры» (3–4.11.1903); о Кишиневском погроме (6.11–7.12.1903); СПб орг-ции РСДРП (20–22.9.1904); о Гомельском погроме (11.10.1904–29.1.1905); Эд. Звиргздыня (25.10.1904)	Ум. 26.7.1928 в Ялте
В. Ф. Донецкого (5.4.1875); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); «20-ти» (9–15.2.1882); Донской (8–9.12.1887); С. М. Гинсбург и др. (30.10.1890)	Ум. 13.11.1903 в Москве
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); долгушинцев (9–15.7.1874); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	
М. Стравинского — А. Сомова (2.4.1869); П. А. Щапова (12.8.1869); политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); П. Н. Ткачева (13–20.8.1871); долгушинцев (9–15.7.1874); «50-ти» (21.2–14.3.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); А. Н. Аверкиева — Н. А. Кузнецова (14.6.1878); К. И. Мравинского и др. (25–29.11.1881); «20-ти» (9–15.2.1882); «17-ти» (28.3–5.4.1883); «14-ти» (24–28.9.1884); партии «Пролетариат» (11.11–8.12.1885); «21-го» (26.5–5.6.1887); М. М. Теселкина и др. (22–23.11.1888); П. А. Грабовского и др. (8.11.1891)	Ум. 13.10.1906 в Варшаве

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
68. Стааль Алексей Федорович	1872		Крест. союз
69. Стасов Дмитрий Васильевич	20.1.1828	17.4.1866	—
70. Танеев Владимир Иванович	24.8.1840	17.4.1866	—
71. Тесленко Николай Васильевич	1870	1899	К.-д.
72. Турчанинов Александр Николаевич	1838	17.4.1866	—
73. Унковский Алексей Михайлович	24.12.1828	19.11.1866	—
74. Урусов Александр Иванович	2.4.1843	1866	—

Участие в политических процессах	Судьба
Мариупольских рабочих (17–22.1.1901); об агр. беспорядках в Харьковской губ. (18.9.1902); Батумский (6–8.3.1903); о беспорядках на ф-ке Хлудовых (22.9.1903)	Ум. в 1949
Ишутинцев (18.8–24.9.1866); политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); В. И. Телье (9.12.1876); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); И. М. Ковальского и др. (19–24.7.1878); «17-ти» (28.3–5.4.1883)	Ум. 28.4.1918 в Петрограде
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871)	Ум. 20.10.1921 в Демьяново Московской обл.
Морозовских рабочих (18–23.5.1899); об агр. беспорядках в Харьковской губ. (18.9.1902); сормовских демонстрантов (28–29.10.1902); нижегородских демонстрантов (30–31.10.1902); тихорецких рабочих (5–8.3.1903)	Ум. в 1942
Ишутинцев (18.8–24.9.1866); политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869–8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); Л. Н. и Н. Л. Варзиных (12.10.1874); А. О. Осипова — Л. И. Иванова (Абраменкова) (26.5.1876); о Казанской демонстрации (18–25.1.1877); «193-х» (18.10.1877–23.1.1878); А. К. Соловьева (25.5.1879); о типографии «Черного передела» (29.9.1881); «20-ти» (9–15.2.1882); 1 марта 1887 г. (15–19.4.1887); Донской (8–9.12.1887); о беспорядках в г. Крожи (20–29.9.1894); П. В. Карповича (17.3.1901); Н. К. Лаговского (27.3.1901); Г. А. Гершуни (18–25.2.1904)	Ум. 9.11.1907 в Царском Селе
Нечаевцев (1.7–11.9.1871); 1 марта 1881 г. (26–29.3.1881)	Ум. 20.12.1893 в СПб.
Крестьян с. Хрущевка Рязанской губ. (15–16.12.1867); крестьян с. Кузнецово Московской губ. (11.11.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); о беспорядках в г. Крожи (20–29.9.1894)	Ум. 16.7.1900 в Москве

*Российские адвокаты
на политических процессах 1866–1904 гг.*

	Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Дата вступления в адвокатуру	Партийность
75.	Утин Евгений Исаакович	3.11.1843	1870	—
76.	Хартулари Константин Федорович	1841	17.4.1866	—
77.	Холева Николай Иосифович	4.12.1858	6.1881	—
78.	Черкесов Александр Александрович	1839 (?)	15.2.1875	—
79.	Шубинский Николай Петрович	3.10.1853	1875	Октябрист
80.	Языков Александр Иванович	1841	1866	—

Участие в политических процессах	Судьба
Нечаевцев (1.7–11.9.1871); Н. П. Гончарова (16.2.1872); долгушинцев (9–15.7.1874); А. Л. Теплова (29.4.1878); А. И. и К. В. Хохловых (4.5.1878); «193-х» (18.10.1877– 23.1.1878); «21-го» (26.5–5.6.1887)	Ум. 9.8.1894 в Москве
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869– 8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871); «50-ти» (21.2– 14.3.1877); 1 марта 1881 г. (26–29.3.1881); 1 марта 1887 г. (15–19.4.1887)	Ум. в 1897
О. И. Нагорного и др. (13–14.9.1882); «17-ти» (28.3– 5.4.1883)	Ум. 21.11.1899 в СПб.
«193-х» (18.10.1877–23.1.1878)	Ум. в 1913
Охотнорядский (18.5.1878); Морозовский (23–27.5.1886)	Ум. в 1920 в Стамбуле (?)
Политических «фальшивомонетчиков» (12.12.1869– 8.1.1870); нечаевцев (1.7–11.9.1871)	Ум. 17.10.1886 в Ялте

Условные сокращения

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
(Москва)
- ГАСО — Государственный архив Саратовской области
- ГИА СПб — Государственный исторический архив
г. Санкт-Петербурга
- ГИМ ОПИ — Отдел письменных источников
Государственного Исторического музея
(Москва)
- ИРЛИ РО — Рукописный отдел Института русской
литературы Российской академии наук
(Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге
- РГАЛИ — Российский государственный архив
литературы и искусства (Москва)
- РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-
Морского Флота (Санкт-Петербург)
- РГБ РО — Рукописный отдел Российской государственной
библиотеки (Москва)
- РГВИА — Российский государственный военно-
исторический архив (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический
архив (Санкт-Петербург)
- РНБ РО — Рукописный отдел Российской национальной
библиотеки (Санкт-Петербург)
- ЦГИАМ — Центральный государственный исторический
архив г. Москвы
- ЦГИА** Украины — Центральный государственный исторический
архив Украины (Киев)

- ГЖУ — Губернское жандармское управление
ДРД — Деятели революционного движения в России.
Биобиблиографический словарь. М.,
1927–1934. Т. 1–3, 5
ИРА — История русской адвокатуры. М.,
1914–1916. Т. 1–3
К.-д. — Конституционно-демократическая партия
(кадеты)
ОО — Особый отдел департамента полиции
ОППС — Особое присутствие Правительствующего
Сената
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
С.-д. — Социал-демократы
С.-р. — Партия социалистов-революционеров (эсеры)

Указатель имен

- А** Абаза А. А. 282
Аверкиев А. Н. 287, 419, 427
Авилов Б. В. 185, 220, 221
Аврех А. Я. 148
Агапов С. И. 250
Адамович Г. В. 114, 127, 128
Адамс Дж. К. 40
Адлерберг А. В. 281
Азеф Е. Ф. 223
Аксаков И. С. 243
Алапин Я. З. 322
Александр I 28, 45
Александр II 7, 36, 45, 68, 75, 84, 160, 169, 182, 230, 257, 265, 267, 274, 280, 310, 411
Александр III 21, 163, 182, 223, 270, 281, 283, 292, 299, 300, 329
Александров А. А. 217
Александров А. М. 2, 19, 22, 117, 148, 183, 211, 217, 325, 333, 334, 343, 346, 354, 360, 361, 412
Александров В. А. 216
Александров П. А. 2, 8, 12, 21, 23, 43, 49, 56, 57, 62, 71–73, 76–78, 85, 86, 101, 102, 108, 109, 114, 152–154, 181, 183, 187, 192, 221, 238, 245, 258, 261, 262, 264, 266, 267, 269–273, 291, 293, 295–297, 303, 305, 306, 403, 410, 412
Александрова В. И. 253
Александровская В. В. 238
Александровский Б. И. 218
Алексеев П. А. 109, 224, 250, 253, 410
Алисов П. Ф. 243
Аллу Р. 109, 112
Аллу Э. 109
Альбов А. П. 415
Альшанский А. В. 378, 379
Амусин И. Д. 140
Андреев Л. Н. 24, 131, 198, 209, 397
Андреев П. А. 37
Андреева М. Ф. 122, 129, 202, 204, 210
Андреевский И. Е. 216
Андреевский П. А. 288
Андреевский С. А. 2, 8, 10, 13, 17, 18, 21, 23, 47–49, 51, 52, 58, 62, 63, 65, 72, 73, 80–84, 87–89, 103, 104, 108, 114, 147, 152–155, 181, 187, 203, 208, 221, 273, 298, 303, 311, 313, 317, 410, 412
Андрей Владимирович, вел. кн. 386
Андроников И. Л. 141, 142
Андроников (Андроникашвили) Л. Н. 2, 116, 141, 142, 198, 348, 356, 412
Анисимов С. С. 2, 117, 149, 184, 357, 412

- Аничков Е. В. 139, 392, 393, 413, 419, 423
- Анненский Н. Ф. 198
- Антокольский М. М. 201
- Антонов В. С. 257, 258
- Антонов-Саратовский В. П. 219
- Аншельсон А. А. 357
- Апухтин А. Н. 203
- Аракчеев А. А. 275
- Арнольд Ф. Ф. 173
- Арсенидзе Р. М. 218
- Арсеньев И. А. 64
- Арсеньев К. И. 97
- Арсеньев К. К. 2, 10, 11, 19–21, 35, 37, 38, 40, 41, 49–52, 55, 62, 68, 69, 96–98, 100, 102, 108–112, 114, 161, 188, 191, 194, 208, 217, 233, 234, 237, 412
- Арсентьев А. Б. 343
- Артур Ч. 40
- Архангельский А. И. 423
- Ахшарумов И. Д. 181
- Б** Базунов Л. А. 211, 218, 366, 395
- Балавинский С. А. 115
- Балакирев М. А. 201
- Балмашев В. А. 374
- Балмашев С. В. 16, 304, 340, 342, 369–371, 374–378, 382, 396, 398, 401, 402, 421
- Балмашева М. Н. 377
- Бальмонт К. Д. 76, 204
- Баранников А. И. 70, 224, 291
- Баранов А. Н. 20, 58, 173
- Баранов Н. М. 282, 283
- Бардина С. И. 109, 250, 253, 410
- Бардовский В. С. 106
- Бардовский Г. В. 2, 21, 62, 66, 101, 106, 107, 114, 153, 159, 160, 184, 194, 213, 214, 224, 225, 245, 247, 248, 250–252, 258–260, 263, 264, 266, 278, 279, 287, 315, 412
- Бардовский П. В. 106, 213, 315, 316
- Барер Б. 60
- Барнав А. 60
- Барро О. 40
- Барт-Лопатин Б. Г. 2, 11, 19, 22, 116, 138–141, 155, 185, 210, 213, 339, 358, 383, 385, 392, 412
- Барыбин В. П. 217
- Баторгин М. П. 12, 13, 347
- Бауман Н. Э. 11, 124
- Бауэр К. К. 218
- Башуцкий А. Д. 230
- Бейлис М. Т. 9, 88, 134, 140, 145, 185, 291
- Бекетов Н. Н. 208
- Белецкий П. А. 403
- Белоусов А. А. 338
- Белый А. Н. 20, 98, 99, 110, 130
- Бензема В. А. 254, 330, 408
- Бенкендорф А. Х. 32, 194
- Бердичевский Г. И. 218
- Бердяев Н. А. 209
- Беренштам В. В. 2, 18, 116, 117, 120, 134, 138, 144, 158, 166, 183, 184, 208, 286, 322, 332, 363, 388–390, 394, 414
- Беренштам В. Л. 138, 208
- Беренштам М. В. 116, 138, 332, 383
- Берлиоз Г. 68
- Беррье Н. 111
- Бехер Э. 67
- Бибергаль А. Н. 247

- Бибииков И. И. 220
Бийо-Варенн Ж. 60
Биск Л. С. 115
Биценко А. А. 225
Благосветлов Г. Е. 189
Блан Л. 234, 298
Блок А. А. 121
Блудов Д. Н. 30
Блюменталь-Тамарина М. М. 205
Бобринский А. А. 18
Бобринский А. В. 289
Бобрищев-Пушкин А. В. 145, 218, 224, 363, 383–385, 407
Бобрищев-Пушкин В. М. 2, 62, 107, 114, 258, 414
Богданов С. П. 185
Богданович А. И. 308, 417, 421
Богданович Н. М. 358, 382
Богданович Ю. Н. 304
Боголепов Н. П. 127, 370–372, 399
Боголюбов А. С. см. Емельянов А. С.
Богомолец А. А. 198
Богораз-Тан В. Г. 366
Богров Д. Г. 218
Богучарский (Яковлев) В. Я. 324
Богусевич Ф. К. 24, 200
Бок М. П. 225
Боннэр Е. Г. 22, 131
Борейша А. С. 304
Боришанский Д. Ш. 396
Борман А. В. см. Тыркова А. В.
Боровиковский А. Л. 2, 10, 18, 56, 58, 59, 62, 80, 89, 90, 114, 171, 192, 206, 207, 221, 224, 225, 245, 250, 251, 253, 254, 258, 276, 414
Бородин А. П. 201
Борщов Г. Г. 159, 160
Боткин С. П. 203
Браиловский А. Я. 347, 349–351, 379, 405
Браудо В. И. 218
Брешко-Брешковская Е. К. 409
Бринкен Е. А. 366
Брюсов В. Я. 131, 204
Бубнов А. А. 217
Будко В. В. 120
Будницкий О. В. 126
Буймистров В. С. 2, 62, 107, 114, 233, 246–248, 250, 258, 293, 414
Буланова-Грубникова О. К. 213
Булацель П. Ф. 218
Булгаков И. Е. 217
Булазо В. 60
Буня М. И. 327
Буренин В. П. 190, 195
Бурцев В. Л. 294, 296
Буташевич-Петрашевский М. В. 29
Буткевич Т. И. 41
Бух Л. К. 217
Бух Н. К. 19
Буцевич А. В. 304
Буцинский Д. Т. 277
Буцковский Н. А. 42
Бушканец Е. Г. 253
Бычков А. И. 19
Бьюкенен Д. 40
В Вакар В. В. 220
Ваксберг А. И. 122–124
Валуев П. А. 18, 230, 251, 275, 281, 299
Валь В. В. фон 378

- Вальц Б. Я. 151, 209, 211, 361
 Ванновский П. С. 176
 Варгунин К. А. 201
 Варгунина О. К. 213
 Варламов К. А. 85, 202
 Варыньский Л. С. 315, 316
 Васильев А. Н. 220
 Васильев-Южин М. И. 219, 221
 Васильченко С. Ф. 347–350
 Васьковский Е. В. 10, 11, 32, 53, 54, 63
 Ведерников В. В. 223
 Вейнберг Я. И. 198, 279
 Вейценфельд А. И. 382, 383
 Велизарий М. И. 202
 Венгеров С. А. 198
 Венгерова З. А. 73
 Вергелис А. А. 126
 Вересаев В. В. 20, 78, 90, 131, 208, 397
 Верещагин В. В. 68
 Вермишев А. А. 220, 221
 Вернадский В. И. 133, 204
 Верньо П. 60
 Виленский Б. В. 13, 164
 Вильямс А. В. см. Тыркова А. В.
 Винавер М. М. 2, 10, 18, 48, 61, 63, 81, 103, 104, 114, 115, 147, 148, 165, 185, 211, 217, 366, 367, 414
 Винберг А. В. 151, 395
 Винберг Н. А. 22
 Винклер А. В. 139
 Виноградов П. Г. 127
 Виноградов С. Ф. 122
 Виташевский Н. А. 9, 278
 Витензон Р. А. 200
 Витте С. Ю. 20, 180
 Владимир Александрович, вел. кн. 281
 Воеводин П. И. 342, 343
 Войнаральская Н. П. 263
 Волк С. С. 14
 Волков В. С. 318
 Волкова Т. Н. 22, 121
 Вологдин Б. П. 220
 Волохова М. Е. 52
 Волховский Ф. В. 239, 240
 Волынский А. Л. 81
 Волынский С. А. 185, 220, 221
 Волькенштейн В. М. 143, 204
 Волькенштейн М. Ф. 143, 184, 200
 Волькенштейн Ф. А. 2, 17, 22, 116, 120, 141, 143, 153, 155, 165, 184, 185, 335, 338, 343–346, 352–355, 414
 Вольский А. В. 80
 Воровский В. В. 11, 122
 Воронцов А. И. 260
 Восходов В. А. 122, 220
 Вржосек С. К. 220, 221
 Врубель М. А. 79, 203
 Врублевский Ф. С. 116, 151
 Выдря М. М. 310
 Вышинский А. Я. 14, 122–124, 218
 Вяльцева А. Д. 95
 Габель О. М. 217
 Гагарин П. П. 230
 Гаевский В. П. 2, 18, 37, 62, 91, 93, 96, 114, 185, 192, 203, 230, 232, 246, 414
 Гальперин Г. М. 220
 Гальперин Р. В. 220
 Гальперн А. Я. 218
 Гамбетта Л. 40, 75, 193, 208

- Ганди М. 8, 27
- Гантовер Л. А. 249
- Ганфман М. И. 366
- Гара Ж. 60
- Гаррисон Б. 40
- Гарфилд Д. 40
- Ге Н. Н. 100, 203
- Гегечкори Е. П. 218
- Гейне Г. 92
- Гельфман Г. М. 282, 285
- Георгадзе Г. Д. 218
- Георгиевский В. Г. 252
- Герард В. Н. 2, 8, 12, 21, 39, 49, 50, 62, 101–104, 108, 112, 114, 152, 154, 155, 184, 187, 193–195, 203, 208, 221, 224, 225, 233, 237, 242, 246, 250, 251, 258, 261, 262, 264, 283, 285, 286, 290, 293, 294, 311, 313, 317, 410, 414
- Герке А. А. 2, 50, 58, 62, 91, 93, 94, 114, 194, 204, 233, 237, 285, 310, 313, 414
- Гернет М. Н. 10, 13, 45, 132, 310, 372, 382
- Герцен А. И. 18, 29, 69, 73, 74, 93, 94, 144, 188, 222, 242
- Герценштейн Д. М. 20, 272
- Гессен И. В. 10, 18, 59, 103, 128, 160, 162, 195, 211
- Гете И. В. 8, 27, 81
- Гиллерсон А. И. 151, 185
- Гинзбург М. Л. 380
- Гинзбург Э. Т. 381
- Гинсбург С. М. 223, 301, 317, 413, 415, 423, 427
- Гинцбург И. Я. 68
- Гиршфельд О. Г. 184, 326
- Гитлер А. 146, 173
- Глаголь С. С. 19
- Глазунов А. К. 201
- Глазунов И. М. 13
- Глинка В. Л. 184, 380
- Глинка М. И. 68, 201
- Глинский Б. Б. 10, 87, 111
- Глушко И. А. 419, 421
- Гнедич П. П. 202
- Гобст А. Я. 16
- Гоголь Н. В. 33
- Головин К. Ф. 20
- Гольденберг Г. Д. 303, 312
- Гольденберг Л. Б. 236
- Гольденвейзер А. С. 2, 39, 51, 62, 101, 106, 165, 183, 308, 416
- Гольдман Л. И. 15, 332, 378–381
- Гольдовский О. Б. 19, 75, 109, 132
- Гольдони К. 27
- Гольдсмит И. А. 215–217
- Гольдштейн М. Л. 2, 20, 147, 155, 179, 364, 416
- Гольцев В. А. 36
- Гонтарев Г. Г. 2, 117, 149, 209, 339, 348, 360, 361, 416
- Гончаров И. А. 63
- Гончаров Н. П. 431
- Горьинский П. В. 176
- Горчаков А. М. 73, 269
- Горький А. М. 76, 97, 120, 122, 129, 144, 145, 196, 197, 204, 209, 339, 341
- Грабовский П. А. 314, 427
- Градовский А. Д. 216
- Градовский Г. К. 20
- Грановский Т. Н. 109
- Грацианский Н. И. 223
- Грачевский М. Ф. 67, 207, 224, 304

- Греви Ж. 40
Гредескул Н. А. 59, 209
Гредингер Ф. О. 146, 371
Гречин Л. И. 387
Григорович Д. В. 203
Григорьев Е. К. 382, 383, 405
Гримм Ф. 28
Гриневицкий И. И. 282
Громницкий М. Ф. 2, 19, 58, 59, 62, 101, 106, 108, 114, 258, 416
Громозова Л. К. 395
Гроссман Л. П. 192
Гроций Г. 27
Грузенберг О. О. 2, 8, 17, 18, 21, 23, 49, 57, 63, 73, 86, 104, 114, 115, 134, 144–148, 155, 156, 165, 166, 204, 210, 214, 221, 224, 322–324, 364, 416
Гукасян К. Б. 405, 423
Гулак-Артемовская Л. М. 105
Гурко И. В. 275
Гусакова З. Е. 342
Гусев К. В. 374
Гучков А. И. 218
- Д** Давыдов В. В. 173, 380
Давыдов В. Н. 205
Далматов В. П. 205
Данилевский Г. П. 292
Данте А. 81
Дантон Ж. 8, 27, 60
Дашевский П. С. 379, 423
Дворжицкий А. И. 20, 264
Дворжицкий К. А. 264
Дегаев С. П. 93
Дейер П. А. 170, 180, 237, 292, 294
Дейч Л. Г. 222, 306
Дембский А. М. 222
Дементьева А. Д. 239
Демидов Сан-Донато П. П. 292
Демулен К. 60
Демяннов А. А. 2, 40, 116, 144, 146, 147, 155, 218, 326, 327, 416
Денисов П. И. 379
Державин М. Е. 415, 423, 425
Джабадари И. С. 19, 251, 253, 276
Джавахишвили Г. Д. 200
Джаншиев Г. А. 10, 18, 36, 42, 43, 54, 73, 94, 102
Джексон Э. 40
Джефферсон Т. 8, 27, 40
Дзержинский Ф. Э. 123, 219
Дижур И. З. 185, 218
Днепров М. И. 95
Добровольский И. И. 214
Добролюбов А. А. 231
Добролюбов Н. А. 30
Доброхотов А. М. 10
Доброхотов Д. Н. 215
Доброхотов М. И. 37
Добрускина Г. Н. 19
Добрынин П. Н. 366
Долгоруков В. А. 275
Долгоруков П. Д. 59
Домонтович М. А. 290
Домуховская (Матерно) М. П. 131
Донецкий В. Ф. 427
Достоевский Ф. М. 18, 63, 81, 100, 189–193, 195, 203, 238, 254, 269
Драгунский Л. Х. 417, 427
Дрей М. И. 19

Дробязгин И. В. 278
Дружинин Н. М. 29, 273
Дрягин М. И. 327, 328
Дубровин В. Д. 224
Дубровин Е. А. 413
Дурново И. Н. 300, 377
Духовской М. В. 43
Дьяков В. М. 16, 245, 413, **415, 423**
Дюпен А. 109, 111
Дюфор Ж. 40
Дядькин Л. А. 29

Е Евреинов Г. А. 162
Егоров Ф. Е. 253
Екатерина II 28, 370
Елисеев Г. З. 189, 203
Елпатьевский В. С. 116
Елпатьевский С. Я. 116
Елько П. А. 312
Емельянов (Боголюбов) А. С. 267, 270, 271
Емельянов И. П. 296
Ергин А. А. 373, 425
Ергина Л. А. 373
Ерманский О. А. 122, 137
Ермолов П. Д. 232
Ермолова М. Н. 95, 203
Есипович Я. Г. 18, 230
Ефремов В. С. 19

Ж Жадобин А. Т. 126
Жансонне А. 60
Жданов В. А. 2, 116, 132, 133, 185, 218, 333, 416

Жданов Н. М. 116, 132, 210, 333, 362, 364
Желеховский В. А. 180, 257, 262, 304, 305
Желябов А. И. 109, 207, 281, 283, 285, 374, 378, 410
Жихарев С. С. 180
Жолкевич М. С. 180
Жорес Ж. 104
Жуков К. Н. 252
Жуковский В. И. 2, 33, 49, 56, **58, 62, 71**, 101, 104, 108, 114, 154, 181, **213, 221**, 273, 317, 416
Жуковский Н. И. 104, 213
Жуковский Ю. Г. 232, 234, **413**
Журавский В. М. 184
Жученко М. В. 37

З Забела-Врубель Н. И. 205
Заварзин П. П. 137
Загорский К. Я. 218
Зайончковский П. А. 13
Заломов П. А. 11, 20, 341, **410**
Замысловский Г. Г. 218
Замятнин Д. Н. 37, 181, 230
Зардаби Г.-Б. 200
Зарудная-Кавос Е. С. 133
Зарудный А. С. 2, 8, 21, 23, 40, 49, 114, 116, 117, 120, 133–135, 137, 154, 155, 183, 184, 204, 213, 218, 363, 364, 366, 388, 389, 394, 407, 410, 416
Зарудный С. И. 30, 133, 216
Зарудный С. С. 133, 213
Заславский Д. О. 15
Заславский Е. О. 254

Засулич В. И. 9, 12, 14, 16, 71, 160, 176, 178, 195, 246, 267–273, 297, 401, 403, 408, 409, 413

Захарьин Н. Н. 29

Звиргздынь Э. 417, 427

Зданович Г. Ф. 250

Зеликман М. С. 389

Земель А. Т. 215

Зинченко Н. А. 41

Зосимский С. В. 169, 236

Зубарев И. Д. 19, 204, 251

Зунделевич А. И. 217

И Иванов Егор см. *Синицын И. Е.*

Иванов И. И. 235, 239, 244, 268

Иванов (Абраменков) Л. И. 318, 423, 429

Иванов С. А. 312

Иванов С. И. 254

Иванова С. А. 249

Иванова С. И. 217

Ивановская П. С. 225, 306

Иванов-Козельский М. Т. 205

Ивашов В. П. 213

Игнатьев Н. П. 292

Измайлов В. В. 43

Илич-Свитыч В. С. 279

Иогансен А. А. 2, 117, 151, 183, 184, 198, 223, 348, 356, 358, 363, 416

Иолшин М. П. 149, 217, 326, 343, 356

Ионов В. М. 415, 421

Иорданский Н. М. 128, 148

Исаев А. А. 116

Исаев Г. П. 46, 293

Итенберг Б. С. 14, 100, 224

Ишутин Н. А. 16, 230, 231

К Каблуков И. А. 202

Кавтария М. Н. 141, 142

Каган Н. Я. 388

Кадмина Е. П. 92

Казаринов М. Г. 2, 10, 144, 146, 147, 398, 404, 418

Калачевский А. Н. 185

Калашников Г. Ф. 151, 218, 365

Кальманович С. Е. 2, 22, 117, 149, 150, 157, 165, 183, 184, 212, 217, 218, 338, 343, 344, 364, 366, 380, 381, 418

Каляев И. П. 11, 42, 132, 170, 396

Каменев Л. Б. 121

Каминка А. И. 195

Камионко А. Я. 249

Камышанский П. К. 392

Кантор Р. М. 287

Карабчевская О. А. 213

Карабчевский Н. П. 2, 8–13, 17, 18, 21–23, 39, 44, 49, 55, 57, 62, 64, 71–73, 80, 85–89, 92, 95, 103, 104, 107–109, 111, 114, 121, 134, 137, 139, 143, 147, 148, 150–155, 166, 183, 195, 200–204, 208, 211, 213, 221, 225, 258, 260, 263, 273, 303, 306, 322, 323, 326–329, 339, 352, 363, 364, 369, 376, 379, 383–386, 392–394, 397, 399–404, 409, 410, 418

Каракозов Д. В. 7, 16, 24, 45, 168, 229–232

Каратыгин В. К. 343

Карелин А. А. 184, 223

Каржанский Н. С. 15

Карпенко А. И. 419

Карпенко Г. А. 419

Карпович П. В. 16, 369–372, 375, 429

Карякин Г. Л. 2, 117, 118, 149, 153, 348–350, 354, 358, 381, 418

- Катанян Р. П. 220, 221
 Катилина Л. С. 284
 Катков М. Н. 21, 46, 66, 177, 187, 232, 320
 Катренко А. Н. 276, 288
 Каховский П. Г. 377
 Каченовский Д. И. 216
 Качка П. П. 79
 Качур Ф. К. 378, 383, 384
 Кедрин Е. И. 2, 12, 21, 62, 95, 96, 184, 185, 210, 212, 214, 215, 217, 223–225, 258, 279, 285, 293, 295, 303, 306, 418
 Кедров М. С. 220, 221
 Кейкуатов В. А. 58
 Кеннан Д. 102
 Керенский А. Ф. 40, 116, 135, 143, 151, 154, 185, 218
 Керзин А. М. 205
 Кессель К. И. 269
 Кибальчич Н. И. 12, 103, 281, 285–287, 423
 Кизеветтер А. А. 20, 181
 Кириллов Г. Г. 297
 Киров С. М. 135
 Киришанов Вас. 356, 421, 425
 Кистяковский А. Ф. 21, 180, 276, 288
 Клейнборт Л. М. 370
 Клеменц Г. А. 184, 217
 Клеменц Д. А. 216
 Клеточников Н. В. 183, 291
 Климент IV см. *Фуко Г.*
 Ключевский В. О. 109
 Книппер-Чехова О. Л. 85, 202
 Ковалевская С. В. 18, 197
 Ковалевский М. М. 24, 36, 40, 99, 200, 202, 278, 279
 Коваленский Г. Г. 339
 Ковальская Е. Н. 20
 Ковальский И. М. 70, 107, 223, 413, 429
 Коврайский Ф. Ф. 252, 266, 330, 408
 Козлинина Е. И. 20
 Козловский М. Ю. 218, 219
 Козьмин Б. П. 98
 Коллонтай А. М. 290
 Колмаков Н. М. 20, 28
 Коломнин А. П. 2, 62, 107, 114, 258, 418
 Колосков Д. С. 347, 350, 351, 405
 Колосов Е. Е. 378
 Комиссаржевская В. Ф. 85, 202
 Коммодов Н. В. 151
 Кон Ф. Я. 20, 315–317
 Конарский Ю. см. *Мошинский И. Н.*
 Кони А. Ф. 10–12, 18, 20, 21, 29, 41–44, 50, 55, 56, 58, 59, 63, 64, 74, 76, 78, 82, 83, 90, 96, 97, 103, 104, 106–110, 163, 164, 170, 171, 179–181, 192, 203, 236, 247, 253, 267–269, 290, 297, 299
 Коновалов Ф. С. 287, 413
 Конопляникова З. В. 382
 Коптев Д. А. 334
 Коптев С. Н. 318
 Коренев П. П. 115
 Корж Ш. Я. 421, 425
 Коринолин-Пинский М. М. 230
 Коровин К. А. 79, 129, 203, 204
 Королев Е. Ф. 293, 294, 306
 Короленко В. Г. 18, 20, 49, 101, 145, 188, 189, 202, 204, 209, 211, 263, 323, 327–329, 339, 373
 Корсов Б. Б. 202

- Корсунская К. Н. 380
 Корф М. А. 299
 Корш В. Ф. 101, 194
 Корш Е. В. 2, 19, 57, 62, 194, 214–216, 250, 251, 258–262, 287, 418
 Корш Ф. А. 205
 Корш Ф. Е. 101
 Косенко А. Б. 279
 Коссовский М. И. 151
 Костомаров Н. И. 109
 Кострубо-Карицкий Н. Н. 75
 Котляревский Н. А. 173, 365
 Коцебу П. Е. 275
 Кочурихин Н. И. 423
 Кошут Л. 8, 27
 Кравчинский С. М. см. *Степняк-Кравчинский С. М.*
 Краевская М. Р. 22
 Крамской И. Н. 201
 Кранихфельд В. П. 314
 Красиков П. А. 218, 219, 221
 Красильщиков И. З. 366
 Красин Л. Б. 121, 122
 Красников П. М. 328
 Красовский М. В. 162, 163
 Крастинь Я. 220
 Краузольд В. Э. 231
 Крашенинников Н. С. 173, 237
 Кревер Б. А. 365
 Крестинский Н. Н. 219, 221
 Крестьянов Н. Н. 173, 335–337
 Кроль М. А. 366
 Кропоткин П. А. 45, 46, 213
 Крохалев П. П. 421
 Крупская Н. К. 392
 Крушеван П. А. 364, 379
 Крыжановский Н. Ф. 16
 Крыленко Н. В. 14
 Ксенофонтов Г. В. 220
 Кторов А. П. 205
 Кувшинская А. Д. 225
 Кувязев В. С. 233
 Кугель А. Р. 20, 71, 95, 198
 Кудрявцев Г. Ф. 184, 217
 Кудрявый В. А. 215
 Кузнецов А. К. 68, 241, 242
 Кузнецов Н. А. 287, 419, 427
 Кузьмин П. А. 175, 176, 180
 Куксин А. А. 350, 351, 405
 Кукуранов Ф. С. 397
 Куликов Б. П. 2, 117, 149, 211, 339, 360, 361, 418
 Кулябко-Корецкий Н. Г. 217, 272
 Кулябко-Корецкий Н. Н. 223
 Куницкий С. Ч. 222, 315
 Куперник Л. А. 2, 8, 18, 21, 62, 91–93, 106, 108, 109, 114, 117, 153, 165, 166, 172, 183, 200, 203, 205, 206, 210, 221–223, 246, 276, 288, 308, 361, 366, 387, 407, 420
 Куприн А. И. 202
 Куприянов Г. И. 217
 Курнатовский В. К. 388, 390
 Куропаткин А. Н. 370
 Курский Д. И. 115, 121, 219, 221, 356
 Кусков П. И. 394
 Кутайсов П. И. 387, 388
 Кутон Ж. 60
 Кшесинская М. Ф. 202

- Л** Лавинь Э. 273
 Лавров П. Л. 98, 170, 193, 201, 246, 253, 406
 Лагарп Ф. 27
 Лаговский Н. К. 16, 370, 371, 373, 429
 Лазарев В. Г. 185
 Ланин А. И. 341
 Ларошфуко Ф. 78
 Лассаль Ф. 27
 Леба Ф. 60
 Лебедев В. Н. 320, 362
 Лебедев П. А. 220
 Лебедев П. Н. 202
 Левенсон О. Я. 200
 Левин Ш. М. 265
 Левитский Н. В. 184
 Левицкий (Цедербаум) В. О. 136, 138
 Левицкий К. О. 220
 Левицкий С. А. 348, 350
 Легкий Д. М. 155, 233
 Ледницкий А. Р. 2, 18, 74, 105, 116, 131, 185, 204, 210, 217, 360, 362, 420
 Лейкина-Свирская В. Р. 212, 224
 Лекерт (Лекух) Г. Д. 378
 Леман К. П. 2, 62, 107, 114, 213, 258, 260, 262, 420
 Леман П. М. 213
 Лемке М. К. 70
 Ленин В. И. 15, 96, 99, 123, 125, 126, 199, 200, 215, 222, 226
 Леонидов Л. М. 205
 Леонтьев А. А. 59
 Леонтьев В. И. 208, 313, 317
 Леонтьев В. Ф. 2, 62, 107, 184, 258, 308, 310, 420
 Леонтьев К. Н. 188
 Леопольд II 40
 Лепешинский П. Н. 208, 338, 375
 Лесков Н. С. 18, 238
 Лешерн фон Герцифельд С. А. 392
 Лешковская Е. К. 92
 Линдфорс А. Ф. 2, 62, 107, 114, 308, 420
 Линкольн А. 8, 27, 40
 Лион С. Е. 278
 Лисицын Я. И. 116
 Литвин-Седой З. Я. 216
 Логачева А. Н. 347
 Ломницкий С. Ю. 36
 Ломов-Оппоков Г. И. 219, 221
 Лондон Д. 397
 Лопатин Г. А. 11, 138, 139, 213, 311, 385
 Лопатин-Барт Б. Г. см. *Барт-Лопатин Б. Г.*
 Лопатина Е. Б. 22, 140
 Лопухин А. А. 59, 340
 Лоренц И. Л. 220
 Лорер Н. И. 28
 Лорис-Меликов М. Т. 181, 275, 298, 300, 411
 Лохвицкий А. В. 32, 48, 49, 108, 216
 Лугинин В. Ф. 202
 Лукашевич И. Д. 20
 Луначарский А. В. 132, 197, 213
 Луначарский Я. В. 213
 Лунин В. И. 218
 Лунин М. С. 28
 Лурье Г. И. 390
 Лурье Л. Я. 306
 Лучицкий И. В. 210
 Любатович В. С. 253
 Любатович О. С. 46, 106

Любимов А. С. 174, 238

Людвик XVI 282

Люстиг В. О. 2, 38, 62, 101, 103, 105, 114, 161, 163, 194, 195, 208, 213, 217, 221, 250, 258, 311, 313, 376, 377, 420

Люстиг Ф. О. 105, 213

Лютер М. 252

Лядов А. К. 201

Лялин А. С. 184

Ляховецкий Л. Д. 10, 55, 64, 73, **76, 83**, 86, 87, 96, 97, 104, 105, 211

М Мадзини Д. 8, 27

Макалинский П. В. 2, 10, 43, 62, 101, 106, 114, 163, 258, 420

Макаров А. А. 343

Мак-Кинли У. 40

Маклаков А. Н. 126

Маклаков В. А. 2, 10, 18, 21, 23, 56, 76, 77, 80, 87, 114, 115, 125–130, 151–153, 182, 183, 204, 210, 211, 217, 320, 325, 340, 359, 361, 364, 380, 381, 391, 420

Маклаков Н. А. 126

Маков А. И. 185

Маков Л. С. 279

Маковицкий Д. П. **79, 120, 128, 199**

Маковский В. Е. 201

Максимович И. К. **392, 395, 397**

Малавский В. Е. 417, 421

Малянтович В. Н. 124, 151

Малянтович П. Н. 2, 11, 18, 21–23, 40, 49, 114, 119, 121–124, 130, 136, 151, 153, 154, 204, 210, 214, 218, 320, 340, 354, 356, 381, 407, 420

Мамин-Сибиряк Д. Н. 196

Мамонтов С. И. 86, 87

Манасеин Н. А. 59, 162, 300

Мандельштам М. Л. 2, 11, 18, 21–23, 85, 113, 115–121, 124–126, 130, 132, 136, 137, 143, 147, 148, 150, 165–167, 173, 174, 183, 184, 186, 204, 216, 217, 302, 343–346, 348–351, 356, 358, 359, 363, 364, 366, 367, 383–386, 392, 393, 396, 410, 422

Манухин С. С. 339

Манучаров И. М. 19

Марголин А. Д. 20, 116, 118, 151, 366

Маргулис М. С. 223, 387

Мари П. 109

Маркевич Б. М. 46, 195

Марков Е. Л. 189

Марков Н. Е. 189

Маркович Р. А. 17

Марковников В. В. 202

Маркс К. 67, 99, 125, 138, 188

Марти Х. 27

Мартиньяк Ж. 40

Мартов Ю. О. 136, 214, 340

Мартыанов П. К. 84, 93, 106

Маршак С. Я. 124

Масленников А. М. 149, 210, 212, 225

Матросов А. Н. 2, 62, 114, 246, 422

Мачтет Г. А. 217

Медведев (Фомин) А. Ф. 279

Медведев М. Е. 92

Медведь Н. Т. 23

Мезенцов Н. В. 264, 265, 279

Мейерхольд В. Э. 86, 202

Мельгунов Н. А. 18, 29

Мельников М. М. 382, 383, 405

Менжинский В. Р. 219

Мережковский Д. С. 211

- Меркулов В. А. 293, 303
Метакса С. В. 366
Мещерский В. П. 20, 21, 80, 180, 188, 369, 390, 391, 421, 425
Милашевский А. В. 393, 419
Милль Д. С. 259
Милоголовкин М. Н. 185
Милюков П. Н. 114, 125, 129, 145
Милютин Д. А. 18, 269, 275, 281, 282
Мин Г. А. 186
Минаев Д. Д. 64, 79, 80, 190, 212
Мирабо О. 252
Миронов П. Г. 2, 62, 101, 106, 114, 144, 195, 211, 311, 312, 317, 339, 379, 395, 422
Мирский Л. Ф. 91, 100, 207, 214
Митрофанов Б. А. 13
Михайлов А. В. 310, 313
Михайлов А. Д. 18, 96, 216, 225, 291, 292, 296, 297, 306, 411
Михайлов А. Ф. 46
Михайлов Т. М. 282, 285, 287, 377
Михайловская Н. Г. 85, 101, 109, 216
Михайловский Н. К. 106, 208, 225, 243, 324
Мицкевич С. И. 120, 218
Млодецкий И. О. 278
Модебадзе С. 291, 413
Моисеев С. И. 341
Моиссенко П. А. 20, 77, 318–320
Молло М. 54
Мопассан Г. 76
Мор Т. 27
Морев Н. А. 338
Морозов М. В. 287, 425
Морозов Н. А. 19, 106, 144, 214–216, 291
Морозов С. Т. 122
Морозов Т. С. 317, 320
Морошкин С. Ф. 58
Москвин И. М. 205
Москопуло Н. В. 225
Мошинский И. Н. (Конарский Ю.) 12, 115, 117–119, 136, 141, 149, 151, 174, 218, 224, 336, 340, 365
Мравина Е. К. 290
Мравинский Е. А. 290
Мравинский К. И. 290, 415, 425, 427
Мрочковский С. И. 220
Муравьев М. Н. 45, 229
Муравьев Н. В. 21, 35, 109, 162, 163, 165, 166, 179, 283, 284, 290, 292
Муравьев Н. К. 2, 8, 19, 21–23, 49, 80, 115, 116, 118, 119–122, 130, 133–135, 153, 154, 183, 184, 198, 204, 216, 218, 221, 223, 226, 320, 321, 325, 333, 334, 336–338, 340, 342, 356, 359, 361, 380, 381, 407, 410, 422
Муравьев-Апостол С. И. 229, 377
Муромцев С. А. 36, 48, 59, 108, 185, 200, 217
Мусоргский М. П. 68, 201
Мышкин И. Н. 46, 257, 258, 263, 410
Мэдисон Д. 40
Мясников (Мясникян) А. Ф. 219
- Н** Набоков В. В. 151
Набоков В. Д. 151
Набоков Д. Н. 181, 280–283, 292
Нагель М. Н. 347
Нагорный О. И. 280, 419, 431

Наполеон I 42
 Нарбут Г. И. 403
 Невский В. И. 185
 Невядомский Д. И. 20
 Незабитовский И. К. 254
 Неклюдов Н. А. 161, 180
 Неклюдов С. М. 184, 247
 Некрасов Н. А. 90, 93, 94, 188, 190, 191, 203
 Нечаев С. Г. 16, 64, 170, 176, 215, 235, 238, 241, 242, 244, 245, 268
 Нечмиров В. П. 232
 Никитенко А. В. 18, 238, 245, 300
 Никитин А. М. 218
 Николадзе Н. Я. 24, 200
 Николай I 28, 29, 32, 93, 267
 Николай II 93, 96, 134, 137, 182, 221, 267, 329, 335, 365, 374, 377, 397
 Никонов А. А. 2, 117, 149, 158, 184, 217, 343, 422
 Никонов С. А. 150, 213, 225
 Новиков В. Н. 116, 343
 Новицкий В. Д. 20, 378
 Нос А. Е. 74
 Носарь (Хрусталеv) Г. С. 218

О Обнинский П. Н. 164
 Оболенская С. В. 98
 Оболенский Д. А. 30
 Оболенский И. М. 336, 378, 382
 Оболенский Л. Е. 217
 Оболешев («Сабуров») А. Ф. 46
 Овсянников Б. В. 218, 220
 Овсянников Н. П. 199
 Овсянников С. Т. 56, 63, 193

Овчинников Б. М. 11, 151
 Одинцов В. В. 85, 101, 109, 216
 О'Коннель Д. 27
 Оливье Э. 40
 Ольденбург С. Ф. 121
 Ольденбургский П. Г., принц 222, 230, 282
 Ольхин А. А. 2, 62, 80, 90, 91, 114, 184, 185, 191, 194, 214–216, 223, 224, 237, 245, 247–252, 287, 422
 Орленев П. Н. 205
 Осинский В. А. 16
 Осипов А. О. 423, 429
 Остен-Сакен Н. Д. 374, 376, 382
 Островский А. Н. 33
 Остужев А. А. 205
 Остряков А. П. 231
 Ошанина Е. Н. 343
 Ошанина М. Н. 343

П Павленков Ф. Ф. 232, 234,
 Павлинов Н. М. 194, 213
 Павлов В. П. 180, 374, 376, 382, 383
 Павлов-Сильванский Н. П. 209
 Падуров Т. И. 28
 Пайе М. 111
 Палем О. В. 88
 Пален К. И. 21, 160, 161, 169, 172, 182, 193, 244, 265, 269, 297
 Панаева А. Я. 203
 Панин В. Н. 230
 Панкратов В. С. 19, 180
 Пантелеев Е. И. 366
 Пантелеймонов Я. Н. 254
 Панухина Н. Б. 14, 250

- Пассовер А. Я. 2, 21, 49, 50, 55, 58, 59, 62, 101, 103, 104, 108, 109, 154, 165, 194, 195, 208, 221, 224, 258, 287, 290, 424
- Пелуде Я. М. 220, 221
- Перазич В. Д. 135
- Пергамент О. Я. 2, 20, 117, 151, 361, 424
- Переверзев П. Н. 2, 40, 116, 118, 142, 143, 146, 155, 183, 184, 218, 339, 364, 373, 381, 424
- Перетц Е. А. 18, 271, 273, 282, 283
- Перов В. Г. 201
- Перовская С. Л. 12, 46, 96, 207, 215, 281, 285, 306, 374, 378, 409
- Пестель П. И. 29
- Пестржецкий А. А. 39, 40
- Петерс К. К. 257
- Петнион Ж. 60
- Петр I 27, 45
- Петрашевский М. В. см. *Бутаевич-Петрашевский М. В.*
- Петренко С. И. 231, 232
- Петровский Г. И. 121
- Петровский Е. И. 313
- Петровский С. А. 184
- Петроний Г. 74
- Петрушевский Д. М. 202
- Пешкова Е. П. 124
- Пи-и-Маргаль Ф. 27
- Пикар Э. 20, 54
- Пирамидова Л. Н. 237, 244
- Пирс Ф. 40
- Писарев Д. И. 104, 213
- Писемский А. Ф. 190, 191
- Пищук Н. Е. 198
- Пичахчи К. Я. 333
- Плансон В. А. 218
- Плевако С. Ф. 199
- Плевако Ф. Н. 2, 8, 10, 12, 17, 19, 21, 23, 56, 62, 64, 76–80, 85, 87, 96, 108, 109, 112, 114, 131, 152, 154, 163, 183, 191, 199, 200, 202–204, 217, 288–290, 318, 319, 322, 325, 359, 361, 391, 410, 424
- Плехе В. К. 21, 88, 167, 180, 184, 300, 340, 364, 365, 386, 396–402, 404
- Плеханов Г. В. 223, 368
- Плещеев А. Н. 203
- Победоносцев К. П. 18, 21, 30, 120, 162, 270, 283, 373
- Погожев Д. А. 365, 366, 407
- Подгорный Б. А. 10, 76
- Подляшук П. И. 226
- Позерн Б. П. 220, 221
- Покровский М. Н. 247
- Покровский П. П. 218
- Полевой Н. А. 93
- Поликарпов В. В. 133
- Половцов А. А. 18, 163, 182, 271, 300
- Половцов В. А. 181, 238, 245
- Поляк В. Н. 212
- Поляков С. С. 192
- Полянский Н. Н. 2, 12, 13, 22, 54, 118, 133, 153, 356, 408, 409, 424
- Попов А. Н. 173
- Попов И. И. 46, 101, 222, 273
- Попов М. Р. 19, 277, 278
- Пороховщиков (Сергеич) П. С. 108, 109
- Постоловский Д. С. 220
- Потапов Я. С. 249

- Потехин П. А. 2, 19, 21, 31–33, 39, 49, 62, 101, 104, 108, 114, 154, 155, 194, 195, 208, 218, 221, 237, 254–256, 258–260, 263, 322, 323, 424
- Потоцкая М. А. 92
- Пржевальский В. М. 2, 10, 50, 62, 96, 101, 105, 108, 114, 237, 424
- Пржевальский Н. М. 105
- Прибылев А. В. 19, 306, 307
- Прибылева Р. Л. 307
- Прибылева-Корба А. П. 225
- Приер П. (из Марны) 60
- Принц Г. Г. 2, 32, 62, 107, 114, 231, 310, 424
- Прозрителев Г. Н. 184, 223
- Протасьев А. С. 356
- Прохоров П. П. 180
- Птицын В. В. 189
- Пугачев Е. И. 99, 256
- Пушкин А. С. 28
- Пупин А. Н. 212, 232, 234, 413
- Р** Радецкий Ф. Ф. 228
- Радищев А. Н. 28
- Раевский Н. И. 328
- Разин С. Т. 256, 374
- Райнис Я. 24, 198
- Ракитникова И. И. 376
- Рапп Е. И. 2, 117, 149, 211, 218, 338, 348–350, 354, 361, 424
- Раскольников Ф. Ф. 122, 135
- Расторгуев Л. П. 357
- Растрелли В. В. 201
- Ратнер М. Б. 2, 117, 149, 184, 210, 339, 348–350, 354, 361, 424
- Рахманинов С. В. 205
- Резник Г. М. 17
- Репин И. Е. 18, 68, 84, 102, 200, 201, 204
- Рехневский Ф. Ю. 222, 316
- Рзаев А. К. 200
- Рибо А. 40
- Ришелье А. Ж. 295
- Робеспьер М. 8, 27, 60, 99
- Ровинский Д. А. 216
- Рогинский А. Б. 306
- Родионов Л. М. 223
- Родичев Ф. И. 2, 63, 121, 147, 148, 151, 154, 211, 217, 322, 395, 426
- Розеноер С. М. 395, 397
- Розенталь П. И. 388, 390
- Романенко Г. Г. 217, 364–366
- Ромась М. И. 314
- Росси Е. Ф. де 255
- Руадзе В. П. 10, 147
- Рубинштейн А. Г. 93, 201, 204
- Рубинштейн Н. Г. 92, 203
- Рувье М. 40
- Ружевский В. П. 236
- Рыков А. И. 342
- Рылеев К. Ф. 377
- Рысаков Н. И. 282, 285, 287
- С** «Сабуров» А. см. Оболенев А. Ф.
- Савина М. Г. 202, 203
- Савинков Б. В. 20, 59, 215, 396, 404
- Савинков В. М. 181
- Салова Н. М. 313
- Салтыков-Щедрин М. Е. 15, 18, 33, 63, 79, 90, 93, 94, 98, 125, 178, 179, 188, 190, 192, 195, 202, 203, 214, 233

- Самарский-Быховец В. В. 2, 37, 50, 62, 101, 106, 114, 204, 224, 225, 231, 258, 260, 426
- Саммер И. А. 220
- Сахаров А. Д. 4, 22, 131
- Сахаров В. В. 225
- Сахаров Д. И. 131
- Сахаров И. Н. 2, 22, 116, 131, 343, 426
- Сверчков Д. Ф. 20, 324, 390
- Святицкий Н. В. 19, 218
- Святополк-Мирский П. Д. 167, 209, 365, 404
- Севастьянов В. К. 348
- Седов М. Г. 14
- Селиверстов А. Р. 379
- Семашко Н. А. 121
- Семевский В. И. 209, 211
- Семенов Н. И. 343
- Семяновский Е. С. 18, 185, 246, 415, 423
- Сен-Симон А. 298
- Сераковский З. 213
- Сергеев С. И. 413, 415, 425
- Сергеич П. см. Пороховицков П. С.
- Сергей Александрович, вел. кн. 396
- Серебряный Я. М. 231
- Серно-Соловьевич Н. А. 214
- Серов В. А. 68, 131, 201
- Сидамонов-Эристов Г. Д. 116, 218, 219
- Сидорацкий Г. П. 89, 100, 103
- Сикорский С. В. 396, 398, 404
- Симонова М. С. 388, 390
- Синегуб С. С. 19
- Синеоков-Андреевский Д. С. 304
- Синицын И. Е. 225
- Сипягин Д. С. 208, 304, 374, 376, 377, 382, 396, 397, 399, 401
- Сирыхов А. И. 413, 415, 423
- Скверн М. П. 19
- Скобелев М. Д. 228, 397
- Скобелев М. И. 137
- Скотт В. 8, 27
- Скрипилев Е. А. 12, 14, 218, 409
- Слепцов В. А. 91
- Слиозберг Г. Б. 18, 40, 48, 57, 85, 87, 108, 136, 150, 216, 366
- Случевский В. К. 43
- Смирнов А. И. 374
- Смирнов С. М. 314
- Смирнов-Сокольский Н. П. 21
- Смирнова Н. А. 92
- Смолярчук В. И. 11, 12, 59, 66, 76, 79
- Собиннов Л. В. 24, 85, 86, 122, 198, 202–205
- Соболевский В. А. 230
- Созонов Е. С. 9, 16, 18, 88, 167, 225, 273, 369, 370, 382, 396–404, 408, 409, 419
- Соколов Л. А. 387
- Соколов Н. В. 232
- Соколов Н. Д. 2, 8, 21, 23, 115–118, 120, 121, 133, 135–137, 154, 155, 183–185, 214, 218, 363, 364, 366, 380, 395, 407, 426
- Соколов Н. И. 310
- Соколов С. С. 2, 21, 62, 107, 114, 208, 258, 293, 295, 296, 313, 317, 426
- Соколова А. И. 74
- Соколовский Н. М. 2, 62, 107, 160, 184, 233, 237, 240–242, 258–260, 262, 426
- Сокольников (Бриллиант) Г. Я. 219, 221

- Соловьев А. К. 16, 159, **168, 274, 280**, 281, 310, 372, 429
- Сольский Д. М. 269, 282
- Спандонн А. А. 19, 308
- Спасович В. Д. 1, 2, 8, 10, 16, 18, 20, 21, 23, 26, 31, 37–40, 44, 49, 50, 55, 56, 60–68, 71, 76–78, 80, 81, 91, 94, 97, 100, 102, 104, 106, 108, 111, 114, 152–155, 157, 159, 161, 163, 183, 207, 214, 221, 222, 228, 233, 234–237, 239, 241, 242, 244, 246, 250–253, 258, 260, 261, 264, 266, 276, 287, 290, 291, 293, 294, 296, 298, 302, 303, 305–307, 309, 311–317, 408, 410, 426
- Сперанский М. М. 109
- Спесивцев И. Г. 185
- Спиридович А. И. 20, 374, 382
- Стааль А. М. 131
- Стааль А. Ф. 2, 115, 130, 333, 338, **356**, 359, 428
- Сталин И. В. 124, 221
- Станиславский К. С. 18, 79, **84, 202, 203**
- Станюкович К. М. 204
- Старицкая Н. Е. 133
- Старицын А. П. 244
- Стасов В. В. 18, **68**, 106
- Стасов В. П. 68
- Стасов Д. В. 2, 8, 19, 21, 23, 37, 38, 49, 50, 62, 68–70, 76, 78, 80, 100, 106, 108, 114, 152, 155, 159, 161, 183, 184, 187, 200, 201, 208, 210, 211, 213, 214, 221, 222, 224, 226, 231–233, 236, 240, 242, 248, 251, 258, 262, 263, 266, 278, 303, 410, 428
- Стасова Е. Д. 15, 68, 69, 121, 201, 213, 214, 226
- Стасюлевич М. М. 18, 63, 65, **194**
- Стахович М. А. 390, 391
- Стеклов Ю. М. 220
- Степняк-Кравчинский С. М. **47, 172**, 174, 180, 197, 215, 223, 258
- Стецовский Ю. И. 9
- Столарц С. С. 347
- Столыпин П. А. 218, 225
- Стоянов А. Н. 51
- Стрельников В. С. 180, **278**
- Строгович М. С. 133
- Струве П. Б. 390, 391
- Стучка П. И. 218, 219
- Субботина М. Д. 252
- Суворин А. С. 18, 107, **232–234, 413**
- Суриков В. И. 79, 203
- Суханов Н. Е. 291, 296
- Суханов Н. Н. 137
- Сухомлин В. И. 312
- Т** Таганцев Н. С. 20, 21, 222, 258
- Тальма А. Л. 88
- Танеев В. И. 2, 8, 19, 21–23, 36, 37, **60**, 62–64, 66, 94, 98, 99, 108, 152, 187, 192, 194, 200, 202, 221, 233, 236, 242, 428
- Танеев П. В. 202
- Танеев С. И. 98, 99, 202, 205
- Танеева Е. П. 22
- Тарарыков В. А. 120, **186, 220, 221**
- Тарасов Б. Ф. 185
- Таратута Е. А. 215
- Тарле Е. В. 19, 209
- Тартаков И. В. 92
- Татищев С. С. 257
- Тацит К. 360
- Твен М. 182

- Тейтель Л. Я. 174, 340
Телешов Н. Д. 79
Теллалов П. А. 304
Телье В. И. 70, 429
Теодорович Г. А. 213
Теодорович И. А. 213
Теплов А. Л. 287, 431
Теплов П. Ф. 388
Терентьев М. Д. 425
Теселкин М. М. 314, 427
Тесленко Н. В. 2, 11, 23, 115, 116, 126, 129, 130, 154, 183, 184, 217, 320, 321, 337, 338, 340, 354, 359, 428
Тэфтул И. И. 425
Тибодо А. 60
Тизенгаузен Н. О. 171, 180, 257
Тиме Е. И. 201
Тимирязев К. А. 202
Тимофеев А. Г. 10, 79, 81, 83, 87, 110
Тимрот Н. А. 231
Тихомиров Л. А. 215, 300
Тихоцкий В. А. 283
Ткачев П. Н. 24, 67, 198, 239, 241, 427
Токарский А. А. 149, 185, 210, 343
Толстой Д. А. 21, 65, 66, 176, 299, 300, 374
Толстой Л. Н. 4, 18, 24, 79, 81, 98, 120, 121, 128, 129, 190, 191, 196, 199, 204, 390
Толстоносов П. Г. 254
Томилова Е. Х. 241
Торгашов П. И. 19
Тотлебен Э. И. 275
Травушкин Н. С. 93
Трепов А. Ф. 267
Трепов В. Ф. 267
Трепов Д. Ф. 267
Трепов Ф. Ф. 230, 264, 267, 268, 271
Тригопи М. Н. 217, 296
Троцкий Л. Д. 122, 145, 146
Туган-Барановский М. И. 323
Тур Н. И. 223
Тургенев И. С. 18, 63, 84, 93, 106, 188, 202–204
Тургенев Н. И. 28, 29
Туре Ж. 60
Турчанинов А. Н. 2, 37, 39, 57, 62, 101, 105, 108, 114, 155, 208, 210, 221, 231, 233, 237, 247, 248, 258, 260, 261, 280, 281, 287, 293, 310, 317, 371–373, 383, 385, 428
Тхоржевский И. Ф. 200
Тырков А. В. 392
Тыркова (Борман, Вильямс) А. В. 129, 139, 392, 393, 413, 419, 423
Тьер А. 40
Тютчев Ф. И. 18, 181, 238, 243
Тютчева А. Ф. 18
- У** Ульянов А. И. 11, 16, 42, 124, 135, 224, 281, 301, 310
Унковский А. М. 2, 12, 18, 19, 38, 62, 73, 94, 95, 102, 108, 114, 159–161, 183, 187, 192, 194, 203, 214, 221, 237, 285, 288, 428
Урусов А. И. 2, 8, 10, 18, 21, 23, 49, 52, 58, 62, 73–78, 80, 81, 86, 87, 108, 109, 111, 114, 152, 154, 183, 184, 187, 193, 204, 208, 217, 221, 224, 236, 239–241, 244, 317, 410, 428
Урусов С. Д. 364
Успенский П. Г. 239, 244

Утевский Б. С. 18, 57, 119, 128, 135, 138,
141–143, 145, 147, 173, 192, 219, 225,
386, 402, 403

Утин Е. И. 2, 21, 62, 100, 114, 184, 191,
193, 194, 208, 213, 214, 221, 224, 237,
242, 246, 258, 259, 263, 264, 287, 311,
430

Утин Н. И. 100, 213

Ф Фавр Ж. 54, 109, 111, 193, 408

Файко А. М. 96

Фалин Н. Я. 249

Федорова Н. А. 140

Феодосьев А. Е. 185, 358, **383, 385**

Феокистов Е. М. 20

Ферри Ж. 40

Фигнер В. Н. 19, 70, 106, **214, 215, 224–**
226, 251, 273, 308, 370

Фигнер Л. Н. 253

Фигнер М. И. 202

Фигнер Н. Н. 202

Филатьев Г. В. 151

Философов В. Д. 277, **282**

Фимор М. 40

Фишер А. К. 289

Флобер Г. 73, 76, 203

Флоке Ш. 40

Фойницкий И. Я. 43, 44, 216

Фомин А. Ф. см. *Медведев А. Ф.*

Фомичев Г. И. 198, 279

Фроленко М. Ф. 20, 238, 291

Фрумкина Ф. М. 23

Фуко Г. (Климент IV) 40

Фукс Э. Я. 20, 170, 180, 237, **283**

Фурье Ш. 298

Х Хардин А. Н. 199

Харитонов Л. Г. 315, 316

Хартулари К. Ф. 2, 16, 37, 62, 101, 106,
114, 194, 233, 237, 250, 251, 280, 285,
286, 430

Харченко Л. И. 139

Хвостов Б. Н. 171, 237, 257

Хлебников А. И. 217

Хмельницкий А. И. 219

Ходасевич В. Ф. 115, 151

Ходасевич М. Ф. 115, 151, 320

Холева Н. И. 2, 62, 95, 100, **108, 114,**
225, 279, 303, 306, 430

Холщевников Н. И. 318, 320

Хоментовский Л. А. 116, 356

Хомяков А. С. 32, 182

Хорзеев И. И. 184

Хохлов А. И. 431

Хохлов К. В. 431

Хрулев С. С. 336, 338

Хрусталеv Г. С. см. *Носарь Г. С.*

Хуарес Б. 8, 27

Худяков И. А. 16, 19, 45, 232

Ц Цвиллинг М. Б. 380

Цезарь Г. Ю. 27

Цитрон И. Л. 114

Цицерон М. Т. 27, **108, 174, 189, 284**

Цыпкин А. Л. 43, 44

Ч Чайковский П. И. 12, 18, 92, **93, 98,**
102, 202–204

Чарушин Н. А. 19, 225, 262, 264

Чегодаев П. В. 220

Чекеруль-Куш К. К. 151, 215, 380

- Чемоданова Л. В. 309
 Черевин П. А. 300
 Черкасова Н. В. 11, 162
 Черкезов В. Н. 239, 244
 Черкесов А. А. 2, 62, 95, **96, 184, 185, 213, 258, 430**
 Чернавский М. М. 247
 Чернов В. М. 383
 Чернышевский Н. Г. 93, 94, 98, 214, **222**
 Чернявская-Бохановская Г. Ф. 279
 Черняк А. Я. 224
 Чертков М. И. 205, 206, 275, 276
 Чехов А. П. 18, 73, 74, 81, 83, 129, **190, 196, 202, 204, 397**
 Чиабров Д. З. 185
 Чичагов А. М. 313
 Чичерин Б. Н. 269
 Членов С. Б. 218, 220
 Чубинский М. П. 10, 192
 Чудновский С. Л. 264
 Чуйко В. И. 19
 Чумаевский А. С. 185, 215, **217, 314, 343, 344, 381**
 Чупров А. И. 36, 200, 202
- Ш** Шавердян Д. А. 220
 Шаламов М. П. 15
 Шалыпин Ф. И. 77, 79, 92, **129, 203, 204**
 Шамарин К. Я. 224, 423
 Шамонин С. Н. 116, 362, 364
 Шанцер (Марат) В. Л. 115, **122, 214, 220, 221**
 Шахматов А. А. 208
 Шаховской Д. И. 59
 Шебалин М. П. 20, 176
 Шевырев П. Я. 16, **124, 281, 310**
 Шевырин В. М. 115
 Шейнин Л. Р. 78
 Шейнман М. В. 339
 Шекспир В. 81, 273
 Шелагинов В. К. 12, 15, 200
 Шелгунов Н. Н. 215, 313
 Шелковникова Г. П. 22, 122–124
 Шелохаев В. В. 125, 217
 Шени Ш. 109, 112
 Шестаков П. Д. 411
 Шидловский П. Д. 354
 Шиллер Ф. 55
 Ширский П. С. 115, 348
 Шкаренков Л. К. 129
 Шклявер С. Я. 105
 Школьник М. М. 380, 381
 Шкуринов П. С. 98
 Шамаков А. С. 218, 224, **364–366, 407, 408**
 Шмидова Р. А. 19
 Шмидт П. П. 134, 148
 Шнейдер И. И. 95
 Шнеур К. Я. 310, 330, 407
 Шнитников Н. Н. 208, 211
 Шпайзман А. А. 380, 381
 Шпицер С. М. 168, 283
 Штакеншнейдер Е. А. 18
 Штейнберг И. З. 218
 Шубинский Н. П. 2, 10, 62, **95, 96, 112, 131, 183, 204, 218, 288, 318, 319, 430**
 Шувалов П. А. 181, 236
 Шуман Р. 68
 Шэ д'Эст-Анж Л. 72, 111

Щ Щапов П. А. 232, 234, 235, 427
Щегловитов И. Г. 21, 42, 43, 166,
167, 174, 179, 394

Щеголев П. Е. 121

Щенников Г. К. 189

Щепкин М. С. 92

Щепкин Н. М. 49

Щепкина-Куперник Т. Л. 20, 92, 109,
203, 210, 363

Щербович О. К. 180

Э Эйдельман Н. Я. 93

Элиава Н. З. 356

Элькин Г. Б. 380

Эльяшев М. А. 366, 378

Энгельс Ф. 99, 138, 188

Эссен О. В. 244

Ю Южин А. И. 202, 204

Юшкова М. А. 307, 308

Я Яворский А. В. 341

Языков А. И. 2, 62, 80, 91, 114, 233,
237, 430

Языков В. Н. 91

Яковлев В. Я. см. *Богучарский В. Я.*

Якубович П. Ф. 209, 211, 312

Янжул И. И. 36, 200

Ясинский И. И. 20, 81